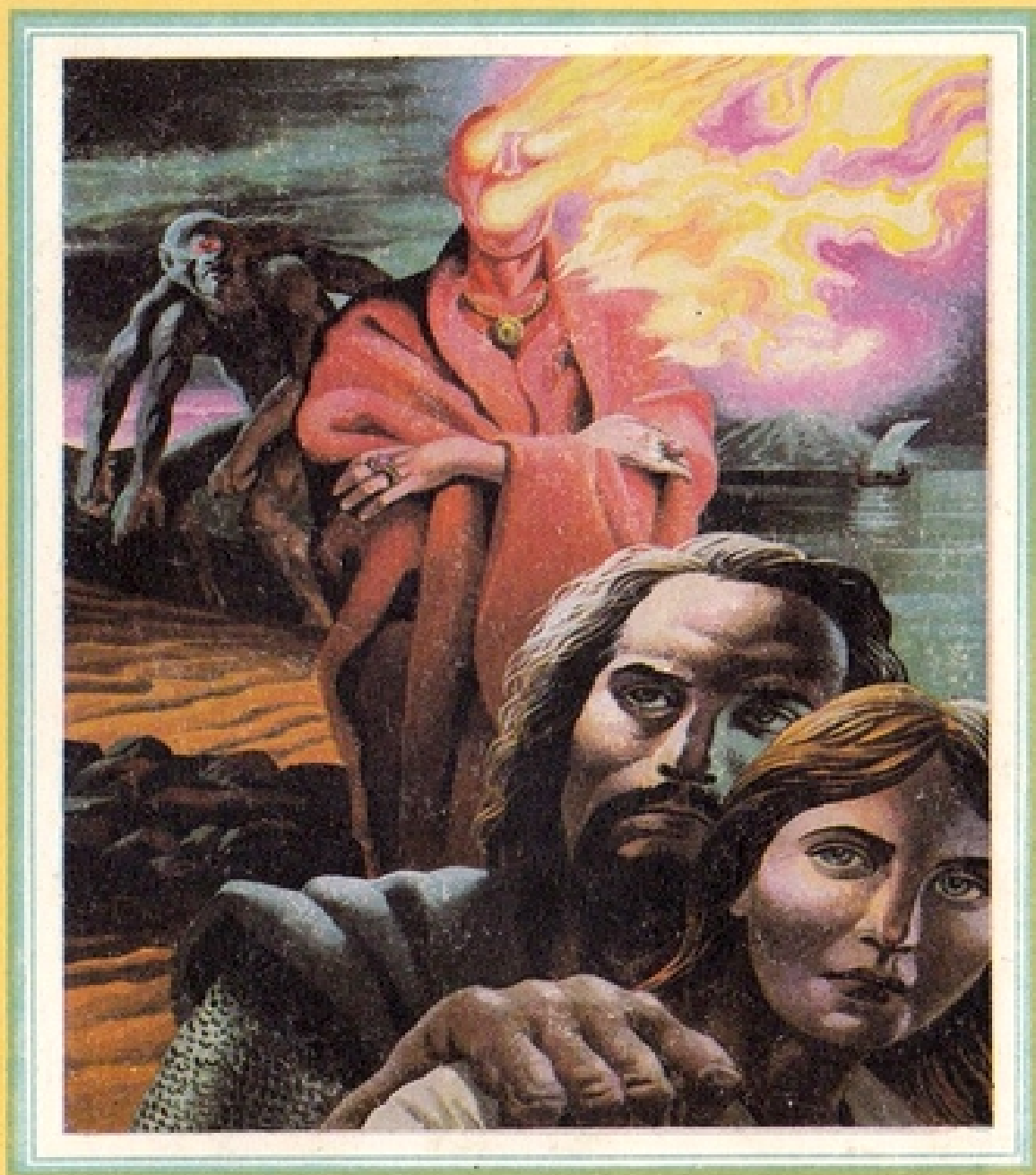
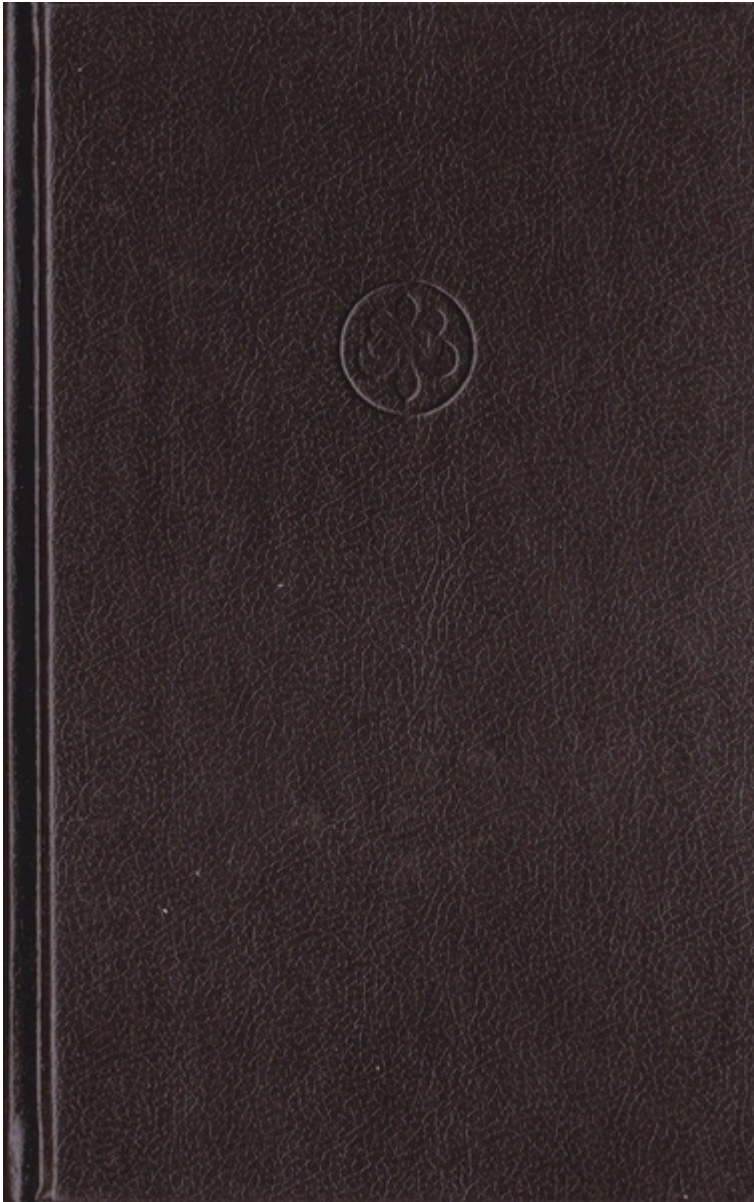

ЭУВ ДЭВИДСОН

ФЕНИКС И ЗЕРКАЛО

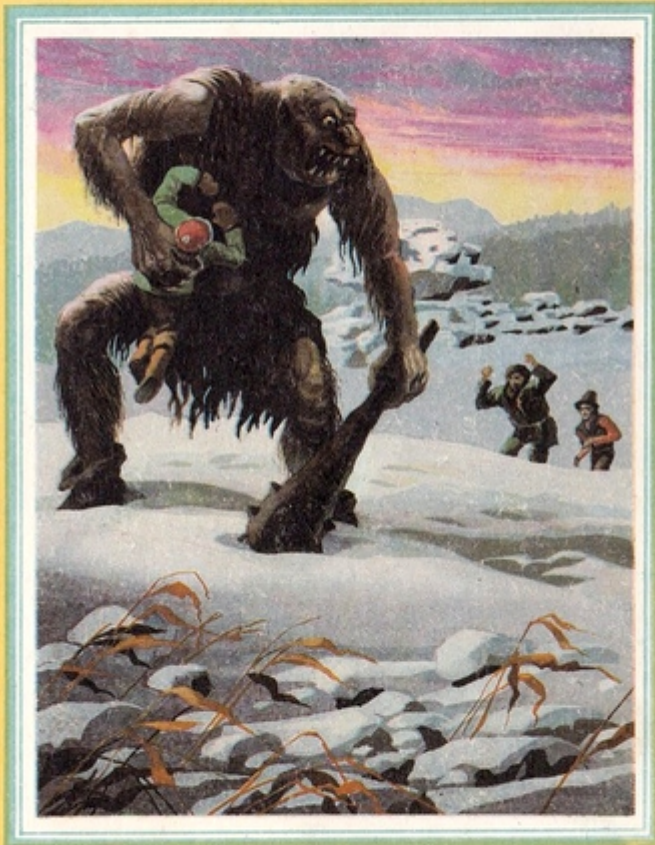

Annotation

fantasy

Феникс и Зеркало Странные Моря и Берега

•Северо-Запад®•

В настоящее издание вошли роман "Феникс и Зеркало" и сборник новелл "Странные моря и берега".

Перед читателем предстает причудливое полотно, будто бы составленное из фотографий загадочных, удивительных миров, где колдовство, магия, пришельцы с других планет, ожившие древние боги сосуществуют рука об руку с героями современного привычного нам мира Больших Городов и Маленьких Проблем...

Эйв Дэвидсон впервые переведен на русский язык. И эта книга - своего рода явление в литературной жизни российского издательского предпринимательства, явление значительное и яркое!

Содержание:

Феникс и Зеркало (роман, перевод А. Левкина)

Странные моря и берега (сборник, перевод О. Воейковой)

Эйв Дэвидсон

Феникс и зеркало. Странные моря и берега

Феникс и зеркало

1

Впервые он встретился с ней случайно.

Он давно уже заплутал в нескончаемом подвальном лабиринте — мантикоры, казалось, это почуяли и стали подбираться ближе. Он уже ощущал их горькое, едкое зловоние, слышал гортанное кулдыканье, которым те переговаривались между собой. Сверху, через равномерные промежутки, падали разрезанные решетками лучи света. Не останавливаясь, человек обернулся и увидел, что мантикоры разделились на группы и двумя цепочками двигаются вдоль стен в рассеянном свете солнца, попадавшем в подземелье. До него доносились шепчущие, скользкие, торопливые звуки... скрежет когтей о камень... клик-клик-клик...

Мантикоры ненавидят солнце.

Он спешил.

Но быстрее идти было нельзя — мантикоры пока не решались броситься на него. Благоговейный трепет перед человеком (равно как и ненависть к нему их инстинктивные свойства) еще удерживал тварей от действий. Он шел, не прибавляя шага, — так, как ходил обычно по улицам Неаполя, среди которых бывали и потемней, чем эта, другие же были ничуть ее не шире, не говоря уже о том, что там, наверху, сыскалось бы множество ничуть не менее опасных.

За ним, на постоянном отдалении, следовали мантикоры. Обликом они напоминали гигантских обрюзгих ласок, обросших космами рыжевато-желтой, похожей на козлиную, шерсти. Выпученные глаза тварей блестели в полумраке, и в них читался ум — конечно, далекий от человеческого, но заведомо превосходящий звериный. Гривы, похожие на брыжи из свалявшихся перьев, обрамляли лица, которые можно увидеть только в ночных кошмарах: почти человеческие, но уменьшенные и извращенно вытянутые — носы сделались плоскими, глаза превратились в щелочки, рот занимал всю нижнюю часть лица, но был совершенно безгубым.

Человек взглянул вверх, но, чтобы не привлекать внимания преследователей, не поднимая головы, — одними глазами. Кто бы ни соорудил эти подземелья, тоннели, отводящие дождевую воду к берегу моря — Титаны или греки, карфагеняне или древние жители страны, этруски или кто угодно (если бы это было вообще известно, то Клеменс бы ему сказал, но он сказал лишь то, что тоннелей следует избегать — поэтому-то его тут сейчас и не было), но они предусмотрели и ходы наверх. Когда бы он сумел найти одну из таких лестниц, смог бы ее открыть до того, как твари бросятся на него, да если еще и верхний выход окажется открытым...

Он знал многие такие выходы. Чтобы открыть некоторые из них, потребовалась бы целая неделя — столь крепко их замуровали кирпичом и цементом, наложив поверх знак Митры Инвиктуса или иного служебного божества. Другие выходы охранялись тяжелыми дверями, разумеется запертыми, но ключи от них сохранились, а замочные скважины регулярно смазывались маслом — такие выходы использовали люди, иной раз предпочитающие быстро попасть в нужное им место, не привлекая ничьего внимания. А еще должны быть ходы, людям неизвестные... по крайней мере такие, которые ими не охраняются...

Должен существовать хотя бы тот проход, через который пришли мантикоры, — точно так же, как пришли столетие назад, чтобы похитить ребенка. Об этом на смертном одре рассказала его мать, и этот рассказ сделался уже легендой. Впрочем, несмотря на весь ужас произошедшего, в эту легенду можно и поверить. Но почему мантикоры не убили ребенка, а держали его у себя целых сорок лет? И почему потом

отпустили на свободу? Никто не задумался об этом — кроме одного человека.

И сколь мало людей — кроме обремененной тайной семьи «ребенка» — знали, что этот «ребенок» прожил потом (хотя они и уверяли себя, что он умер) лет на сто больше, чем ему было положено, оставаясь он обыкновенным человеком. Но сколько лет он мог бы прожить еще? Что было ему известно? Что за тайны умерли вместе с ним? Где находится сокровищница его знания? И что правдоподобнее предположения, что находится она именно тут, где-то внутри этого тусклого и смрадного лабиринта?

Впереди из почвы вытекала струйка воды, и в этом колене лабиринта было сыро и слякотно, а стены поросли мхом. Собственно, было и сухое место, точнее — два, с каждой стороны лужи. Человек предпочел обойти ее слева. Где-то в стороне неожиданно залаяла собака, и звуки за спиной моментально смолкли. На мгновение воцарилась тишина. Собака залаяла снова, твякнула еще раз и еще. Наконец замолкла — словно ей приказали замолчать или бросили в нее камень.

Сверху виднелась очередная решетка. Увы, выбраться через нее невозможно — если только кто-нибудь сверху ее не откроет и не кинет вниз веревку. В луче света медленно плавали пылинки, и тут они внезапно дернулись в сторону — мантикоры ринулись вперед с пронзительным визгом, быть может ответом на все их предыдущее вопросительное кулдыканье. Нет, они еще не нападали, но лишь торопливо догоняли его вдоль правой стены, намереваясь, по-видимому, взять в клещи. Исходя из того, что он знал о мантикорах (а знал он немного), человек понял — они не повели бы себя так, когда бы впереди не было чего-то неожиданного и, очевидно, весьма удобного для атаки на него.

Вновь залаяла собака. Та же или другая? Нет, собак было две, одна спереди, другая — позади, но обе — невидимые и находились они где-то в тоннеле.

Мантикоры замерли, а человек бросился бежать.

Да, так оно и есть! Из стены коридора выступил гигантский, отбрасывающий длинную тень выступ скалы. Коридор отходил вправо, чтобы скалу обогнуть, и шириной здесь был лишь вполовину прежнего. Собственно, сам проход тут образовывала трещина в скальном основании почвы. Да, лучшего места для нападения мантикоры избрать не могли.

Увидев его бегущим, твари принялись завывать и кудахтать, но вновь залаяли собаки, раздался человеческий голос, потом еще один и еще. Человек ощутил, что преследователями овладела нерешительность.

Собаки заходились в лае — несомненно, они почуяли острый и едкий запах мантикор. Тут послышался звук металла, царапающего по металлу, резкий щелчок, и слева хлынул поток света. Человека позвали, и он мигом взлетел по сырым невысоким ступеням.

Едва он оказался внутри, дверь за ним закрылась, лягнув засов, и оставшиеся ни с чем дьявольские твари взвыли, в пронзительном вое избывая разочарование и ярость.

— А остальные? И где собаки? — весьма требовательно осведомился седобородый — тот, что впустил человека внутрь.

— Я один. Никаких собак не было.

Место, куда он попал, чем-то походило на грот. Из скальной стены выступали деревянные скамьи.

— Но я слышал, — настаивал седобородый. Лицо его было узким и осторожным. Собаки залаяли снова, послышались мужские голоса. Взгляд седобородого метнулся по направлению звуков, но тут же вновь уперся в лицо вошедшему.

— Вы это слышали? — осведомился тот, разглядывая дверь, на которой было изображено неизвестное ему божество, похожее на Трасианского Всадника, но в женском обличье. На голове женщины был какой-то невиданный убор. Что касается дел насущных, то дверь выглядела весьма надежной, а гигантские болты намертво прикрепили косяк к скале.

— Мерзкие твари, — бормотал седобородый. — Почему дож не отправит вооруженных людей с факелами сюда и не очистит от них всю эту клоаку? Раз и навсегда! Говорят, у мантикор здесь столько ходов и нор, что гора изъедена ими, словно старый сыр, в этом все дело?

— Видимо, да, — ответил человек и сделал шаг от двери.

Но его спаситель преградил ему путь.

— А это правда, что за ними нельзя идти следом? Что тогда многие пропадают навечно, не найдя обратной дороги?

— Да, это в самом деле так. Я благодарен вам, — сказал тот, что был моложе, и попытался обойти седобородого.

— Но почему тогда вы оказались здесь? — Рука легла на локоть и сжала его.

— По глупости.

Они взглянули друг на друга. Рука сдавила локоть еще сильнее, а затем отпустила.

— Нет... вы — не глупец. И я тоже не глупец. Так что... — Откуда-то донесся короткий и чудный звук, похожий на голос какой-то неизвестной птицы. Седобородый переместил свою руку за спину человека и легонько подтолкнул его вперед.

— Пойдемте повидаемся с нею.

Два лестничных марша вывели их на поверхность, и они оказались в саду, слишком громадном, чтобы тот мог найти себе место в городе. Неподалеку стоял гигантский дуб, оплетенный лозами винограда, в нему вела кипарисовая аллея. Чуть поодаль цвел миндаль, и его благоухание разливалось по воздуху. Снова раздался странный звук.

— Я иду, госпожа, — сказал седобородый. — Мы идем. Я спросил у него: во имя Посейдона, повелителя морских валов, ответьте, что вы делали в этой дьявольской клоаке? Как вы там очутились? А он ответил: по глупости. И...

— Помолчи, Туллио! — резко оборвала его женщина.

Лицо Туллио расцвело такой широкой улыбкой, будто он услышал комплимент. Повернувшись к гостю, он кивнул, словно приглашая его разделить удовольствие. Впрочем, дойдя до дуба, он вполне успокоился и поклонился крайне почтительно.

Сидевшая в тени дуба женщина выглядела теперь, пожалуй, даже милей, чем в дни своего девчества. Вряд ли в ее жизни было время, когда ее можно было счесть просто красивой, и несомненно, что никогда ее не считали всего лишь хорошенькой. За ее спиной, на невысоком холме, виднелась просторная вилла, позади ее кресла стояли слуги, другие — расположились на земле, подле ее ног. Но все равно она держалась так, словно пребывала в полном одиночестве. На ее коленях лежала золотая свистулька, сверкавшая на солнце подобно ее золотистым волосам.

— Вы ушиблись? — озабоченно осведомилась она, в голосе, Впрочем, слышалось скорее смущение, чем любопытство. — Что случилось? Кто вы такой?

— Я не ушибся, госпожа. — Гость поклонился. — Я заблудился, меня преследовали, попытались напасть. Я спасся, благодаря вашему слуге. Зовут меня — Вергилий.

Он почувствовал дуновение ветра и не удивился, когда крупная ирландская борзая, до того тыкавшаяся носом в руки хозяйки, насторожилась и, чуть рывкнув, поднялась на ноги. Вергилий издал короткий горловой звук, и собака успокоилась, но шерсть на ней продолжала топорщиться.

— С вашего позволения, госпожа, я побыл бы у вас недолго, — произнес Вергилий. — Переждал бы. Ветер доносит сюда запах этих тварей.

— Да, такое иногда случается, — отчужденно кивнула хозяйка. — Так бывает, когда воздух покоен и душен. В дни, предшествующие землетрясениям, или когда начинает сердиться Везувий. Острый запах, острый и крепкий. Такие мерзкие твари, и все же... все же они чувствуют красоту, вам не кажется? Они ищут изумруды и прочие редкие камни, добывают их, складывают из них целые горы — чтобы только любоваться их красотой. Мне доводилось слышать об этом.

— И господин Вергилий тоже об этом слышал, уверяю вас, — захихикал Туллио. Впрочем, улыбались лишь его губы, но не глаза. — Готов ручаться именно потому он, похоже, и заблудился в лабиринте. Не

правда ли, сударь?

Вергилий промолчал.

— Туллио... — с явным неодобрением произнесла хозяйка, — лучше предложи человеку подкрепить силы. Нет, нет, Туллио, именно ты.

Щеки Туллио по обе стороны от узкой бороды зарделись. Пожав плечами и столь же демонстративно улыбнувшись, он взял поднос из рук молчаливого слуги и передал его Вергилию, а девушка-служанка, было поднявшаяся на ноги, снова села у ног госпожи. На подносе были хлеб, вино, блюдечко с маслом, тарелочка с медом, мягкий сыр, минога, нарезанная ломтиками. Вергилий благодарно поклонился, наполнил бокал и принялся за еду.

— Но где остальные? — спросила хозяйка. — Мы слышали их голоса... нам казалось...

Вергилий прожевал, запил глотком вина. Воздух в тени гигантского дуба был прохладен. В его голове толкалось множество вопросов, но он был готов подождать, пока отыщутся ответы. Гость чуть приподнял голову. Внезапно с верхушки ближайшего миндального дерева прозвучал мужской голос. Все обернулись туда. Но там не оказалось никого, хотя голос и продолжал звучать. И тут с самой верхушки дуба залаяла собака.

— Я поняла, — кивнула хозяйка. — В таких вещах, я немного смыслю. Это не просто шарлатанство. Теперь я поняла, — продолжила она, поигрывая золотой свистулькой, — вы — тот самый Вергилий.

Гость поклонился.

На него глядели глубоко посаженные фиалковые глаза. Хозяйка прищелкнула своими белыми, с просвечивающими синими жилками пальцами — так, что простое колечко зацепилось за колечко с печаткой.

— Маг, — выдохнула она, — вы можете сделать мне зеркало?

— Нет, госпожа, — ответил гость, чуть помедлив.

— Вы меня поняли? — Она хлопнула в ладоши от досады. — Я говорю о зеркале из девственной бронзы, что изготавливается по правилам Великой Науки, в которой вы достигли высочайшего искусства?!

Ветер стих. Молоденькая служанка, сидевшая на траве возле кресла госпожи и державшая в руках пальцы с длинной иглой, продетой сквозь недоконченную вышивку (изображавшую странную птичку сижант, сидящую на кучке хвороста), безучастно поглядела на Вергилия карими глазами.

— Я понял вас, госпожа. Да, теоретически я могу изготовить зеркало. Но на деле, при нынешнем положении вещей, это невозможно.

В отчаянии хозяйка сделала резкий жест руками, складки мантии чуть разошлись и открыли взгляду несколько дюймов каймы. Словно внезапная вспышка осветила угол, дотоле темный, — теперь у Вергилия был ключ к отгадке. Но улучшить его настроение это не могло — лучше и так было некуда.

— Надеюсь, госпожа, — произнес он спокойно, — мой отказ не будет воспринят вами как отсутствие доброй воли с моей стороны.

Отчаяние на ее лице мгновенно сменилось румянцем.

— Нет, — пробормотала она, — нет, нет... к тому же — вы ели мой хлеб... пили мое вино...

Снова что-то шевельнулось в его уме.

— И не только здесь, — добавил он вполголоса.

— Что?

Он подошел ближе и заговорил так тихо, что услышать его могла только она: *«Я, изнывающий от жажды, пью воды памяти, пью из цимбал, ем из ладоней...»*

Она, вспоминая, вздрогнула, лицо ее озарилось. *«В тот раз ты видел, и как ночью всходит солнце, — тихо и медленно произнесла она. — И Элевсийские мистерии^[1]. Мы с тобой — брат и сестра, но мы...»* Она посмотрела по сторонам, протянула ему свою тонкую руку, и он помог ей подняться.

— Не здесь.

Они вышли из тени дуба и, миновав миндальные деревья, по кипарисовой аллее направились в дом. Руку Вергилия она не отпускала, держалась за нее, пока они не пришли в комнату, стены которой были обшиты тускло блестящим деревом; пахло здесь мускусом и мастикой из пчелиного воска, на стенах во множестве висели гобелены, изображающие грифонов и дракона, вся комната была в золоте и пурпуре, алых и малиновых тонах. Хозяйка села на кушетку, и, повинувшись ее жесту, Вергилий присел на мягкую крашеную овечью шерсть подле нее.

— Теперь мы одни, — промолвила она, коснувшись холодными пальцами его щеки. — Я стану говорить с вами не как человек одного положения с человеком иного, но — как мистагог с мистагогом. Мне хотелось бы разговаривать вовсе без слов, без речи... *но только с помощью неизреченных тайн мистических существ, крылатых колесниц, слуг-драконов, брачного схода Прозерпины под землю, с помощью страстного желания отыскать свою дочь, посредством всех иных святынь, которые аттические посвященные скрывают пологом тайны.*

— Да.

Голос ее был так тих, что она и в самом деле говорила словно без слов и без речи.

— Я ведь тоже мать, — выдохнула она. — И у меня есть дочь, и, подобно Церере, я не знаю, где она теперь. Церера узнала все от Гелиоса, ярчайшего, бессмертного и непобедимого Солнца. А я узнала бы от зеркала как солнце круглого. А если мне придется искать ее в темных закоулках ада — с факелом в руке или в крошечной темноте, то, ради дочери, я готова и на это, и пусть сам ад трепещет.

— Но вы не знаете о сложностях работы, — возразил он. — Если допустить даже, что зеркало действительно можно сделать, то займет это не меньше года. А потратить целый год на это я не могу. Дело, приведшее меня сюда, потребует меня и завтра, и в следующие дни, а есть ведь и иные дела давно уже откладываемые. И исполнить их мне необходимо, и я не могу, госпожа, не могу, не могу — несмотря на все святыне узы, связующие нас... И даже ради самой Тайны... Хотя я бы желал помочь вам.

Но теперь, после этих слов Вергилия, на ее лице не было видно ни смущения, ни отчаяния. Фиалковые глаза оставались спокойными и, казалось, светились тусклым огнем, вызванным вовсе не его ответом, но какими-то иными, более глубокими чувствами.

— Но есть ведь и другие Тайны, скрытые за этой, — произнесла она почти шепотом. — Вы были... — Она назвала одно имя, потом другое, затем — еще одно.

— Да, — ответил он, и его голос перешел в шепот. — Да, да... — Он понимал то, что и она понимает, — его ответ был и подтверждением ее слов, и согласием. Он обнял ее и коснулся ее губ своими.

— Пойдем, жених мой, отпразднуем нашу свадьбу, — сказала она через мгновение, и слова ее не были даже шепотом, но лишь дыханием.

Комната, только что выглядевшая мрачной, теперь, казалось, заполняется светом, постоянно меняющим свои цвета, — между розовым заката, какого никогда не бывает на земле, и розовым рассвета, какой никогда не увидишь над морем. Цвет начал чуть рябить, пульсировать, медленно, медленно... в размеренном порядке, оставаясь постоянным в своих постоянных переменах. Корнелия лежала рядом с ним, он знал об этом, и это знание казалось ему самым существенным в сравнении с любым иным. Корнелия была в его объятиях и, не смущаясь от несовмещения и раздвоения, он глядел на то, как Корнелия возвышается над ним на своем троне, нагая, обернувшись к нему в профиль, милая, серьезная, спокойная, торжественная и прекрасная. Бедра и грудь ее были подобны бедрам и груди ни разу не рожавшей женщины; волны розового света мягко опадали к ее ногам, разбивались в пыль и окутывали подножие ее трона; хрустальные сферы двух Миров вращались от движений ее протянутой руки. Вергилий смотрел на нее, видел ее и знал, что она — Царица Мира. Все вокруг оставалось неизменным, постоянно меняясь: он видел ее служанкой в зеленых лесах севера, с волосами, заплетенными в косу и невыразимо древней улыбкой, блуждающей на ее устах; она играла на загадочных музыкальных инструментах, и эта музыка звучала странно и щемяще обворожительно; он видел ее юной и он видел ее старой, он видел ее женщиной и видел ее мужчиной и — любил ее в любом обличий. На любом из наречий и языков он произносил одни и те же слова: *«Все лишь Корнелия, отныне и навсегда... навсегда... навсегда...»* Всякое

касание и любое движение было наслаждением, наслаждением, все было наслаждением...

Так сильный порыв ветра обрушивает с дерева плод — созревший, сладкий и сочный; так ветер колышет нивы осенью, наполняя слух шумом и сердце ожиданием урожая; так ветер — буйный и неистовый — гонит корабль стрелой к горизонту...

И потом, как последняя отчаянная вспышка огня в сердце, все кончается. Все кончилось, и не осталось ничего, только холод и тьма.

— Где это?! — закричал Вергилий от боли и отчаяния. — Ведьма! Колдунья! Верни мне это!

Корнелия не отвечала и не шевелилась. Он глядел, как медленно, очень медленно она раскрывает свои ладони и резко схлопывает их снова — с улыбкой победительницы на устах, почти невольной. Он успел увидеть между ее ладоней собственное уменьшенное подобие, беловатое, как слоновая кость, мертвенно-бледное и покорное, бледное — будто даже дух цвета покинул его навсегда. Прозрачный, просто контур, тень, осколок...

— *Верни мне это!* — выдохнул он истошно. И почувствовал, что она только сильнее сжала ладони и сошла с него, бессильно лежащего под ее нагим телом. Она сошла с него легко, до Вергилия донесся звук ее босых шагов; у двери она остановилась и долго, ровно вглядывалась в него. И ушла. А в комнате появился Туллио.

— Вставай, — сказал он. — Вставай, Вергилий маг. Отправляйся в свой дом и приступай к изготовлению зеркала, девственного зеркала. Ты все тот же маг, что и прежде...

— Ты ошибаешься, — ответил Вергилий мрачно. — И было совершенно необязательно...

— Что ж, даже если я и ошибаюсь и ты действительно не тот маг, что прежде, поскольку перестал быть прежним мужчиной, то — это твои сложности, а не наши. Но если ты получаешь задания, неподвластные тебе и твоему волшебству, то пусть именно это станет для тебя источником желания их исполнить. Поэтому тебе не уклониться от работы, которую ты получил от нас. И не пытайся меня переубедить, это задание — именно такое. Как вы называете то, что взяла у тебя госпожа и что теперь держу в руках я? — продолжил Туллио. — Это не Ка, это не Ба^[2], и не... впрочем, какая разница. У меня есть сама вещь, и зачем мне знать ее имя. Я знаю, что это — одна из твоих душ, и мне этого вполне хватает. Без нее ты только часть мужчины, и без нее ты навсегда останешься лишь частью и никогда не познаешь более женскую плоть. Сделай работу, и я возвращу ее тебе. Откажешься или не сумеешь — я уничтожу это. Станешь медлить — накажу. Будешь зря терять время... Но, — сказал он совершенно бесстрастно и уверенно, — не думаю, что ты будешь зря терять время. Нет, нет, мой маг. Не думаю, что ты будешь терять его зря.

2

Улица Драгоценной Сбруи находилась в старом квартале Неаполя, но была куда шире остальных улиц. По этой причине, верно, она и дала приют ремеслу, в соответствии с которым была прозвана. Ни один конь, мул, осел в Неаполе не обходился без украшений, изготавливаемых здесь: без ожерелий из гигантских голубых бусин — дабы уберечь от порчи и сглаза; без медных, начищенных до сияния талисманчиков (полумесяцы, звезды, руки Фортуны, рог Асмодея, солнце с лучами и множество прочих); без шерстяных или даже шелковых попон и кисточек разнообразнейших цветов; без тех странных штуковин, которые торчат на зашивках коней, подобно маленьким замкам или стройным башенкам. Что уж говорить о колокольчиках всех размеров, форм и звучаний, о застывших каплях янтаря для седел! Ну а чтобы заниматься подобным ремеслом, улица Драгоценной Сбруи обязана быть достаточно просторной, дабы оседланные лошади, упряжки и повозки могли на ней разместиться.

Однако же упряжка из двух лошадей развернуться тут все равно не могла, даже в самом широком месте — возле фонтана Клео, но улица не сужалась до самой Королевской дороги. Тележник по имени Аполлонио держал свою мастерскую в доме, располагавшемся на половине подъема от Площади Фонтана; в подвале дома имелась винная лавка, торжественно нареченная «Феб и колесница», но известная среди местных обитателей как «Повозка и солнце». В бытность свою молодым человеком, Вергилий проезжал через Неаполь из своего родного Бриндизи, направляясь в Афины учиться в Академии Илириодора, Тогда три верхних этажа строения принадлежали трем поднаимателям, сдававшим отдельные квартиры кому попало: наемникам, шлюхам, астрологам, возничим, неудачливым фехтовальщикам и еще менее удачливым воришкам, торговцам старьем, бедным путешественникам — таким, например, как студенты. Так это было в дни молодости Вергилия, так дела обстояли и нынче. И даже на крыше, в хибарке, сооруженной из щебня и камыша, по-прежнему обитала безумица, дававшая приют то ли пятнадцати, то ли двадцати котам и кошкам.

К дому, расположенному по соседству с этим, тоже подходил прежний хозяин — только ставший старше, с черной как деготь бородой, с зелено-серыми глазами, смуглый и сухопарый, как борзая. Вечерело. И лишь возле этого дома никто не слонялся, без дела, никто не попрошайничал, не ужинал, присев на корточки возле стены и развернув на коленях свои припасы, никто тут не снюхивался со шлюхами, никто не обмахивал, окунувшись в дым от древесного угля, жаровни, на каких торговцы дешевым съестным готовят еду на продажу. Даже дети не останавливались возле этого дома, чтобы справить маленькую нужду или разрисовать соблазнительно чистую и ровную бледно-желтую стену. В нише по левую руку, на высоте трех ступенек, виднелась бронзовая голова. Едва человек с усталой медлительностью преодолел эти три ступеньки, как глаза ее открылись, губы разошлись и голова произнесла:

— *Кто идет? Кто идет? Кто идет?*

— Тот, кто тебя сделал, — ответил человек. — Я хочу войти.

— *Входи, хозяин,* — произнесла бронзовая голова. Дверь наверху лестницы подалась внутрь.

— Стереги меня хорошенько, — напутствовал привратника человек и, без паузы, но перекосив лицо, добавил: — Как обычно.

— *Слышу тебя и отвечаю, что всегда буду охранять тебя бдительно... Как обычно... Как обычно...* — повторила бронзовая голова. Казалось, металл ее голоса отдается эхом: обычно... обычно... обычно... Бронзовые глаза вращались по кругу, рот продолжал бормотать. Наконец умолк. Веки сомкнулись. Человек сделал еще два шага и покачнулся на пороге.

Потом медленно вошел в прихожую.

— Ванну, — скомандовал в пустоту и чуть позже: — Обед.

Раздался звоночек... еще один... мягкие звуки затихли. Вошедший прижал ладонь к двери, украшенной рельефом, на которой кузнец Тубал-Кайн передавал что-то благословенному Гипатусу, дверь открылась. Где-то неподалеку побежала вода. Комната была залита светом, исходящим из сияющего шара, установленного на мраморной пиллястре такого темно-зеленого цвета, что он казался черным.

«Драконья зелень» — так называли этот цвет фригийцы.

Он подошел к ближайшей из пиластр, окружавших комнату по периметру, и снял колпак из черного эмалированного металла, установленный на золоченых подпорках, — открылся новый сияющий шар. Раздался голос:

— Я обнаружил, что слишком яркое освещение отрицательно сказывается на работе моего внутреннего глаза — того, что расположен позади пупка, вот я их и прикрыл... Приветствую тебя, Вергилий, — произнес тот же голос через секунду, но с оттенком приятного удивления.

— Здравствуй, Клеменс, — вздохнул Вергилий, медленно идя по кругу и освобождая светильники. — Знаю я, что там у тебя за третий глаз позади пупка, — произнес он с усилием. — На него влияет не просто свет, но лишь свет, прошедший сквозь бокалы, с помощью которых ты самолично исследовал пятую сущность вина... дабы заключить ее ради большей надежности также позади своего пупка. — Он замолчал, скинул одежду и направился в ванную.

Алхимик пожал плечами, почесал свою широченную, лохматую бороду, издал не слишком приличный утробный звук и возразил:

— Но квинтэссенция вина, принятая правильным образом человеком высокой психики и умственных качеств, подобным мне например, лишь способствует чувствительности. Кстати, ознакомлю тебя с некоторыми соображениями, возникшими у меня в ходе комментирования трудов Галена. Знаешь, это просто восхитительно, мои поразительные изыскания полностью подтверждают его предписания об игре на флейте с целью излечения подагры — тонально, в миксолидийском ладе...[\[3\]](#)

Вергилий продолжал лежать в ванне, но полное отсутствие какой-то реакции с его стороны, казалось, совершенно ускользнуло от алхимика; он продолжал рассуждать вслух и, разгромив к своему полному удовлетворению всю прежнюю геленистику (араба Алгиброниуса — в особенности), перескочил на другую тему, при этом напялив на шапку своих буйных кудрей маленький фетровый колпак.

— Вергилий?! А тебе доводилось слышать о металле, еще более легкоплавком, чем свинец?

Вергилий, занятый омовением, помедлил и наконец сказал, что нет.

— Ох... — Клеменс, казалось, расстроился. — Такое впечатление, что это может быть особо чистым оловом, совершенно избавленным от примесей и окислов. Я видел только пару капелек этого металла, но он плавится даже от тепла лампы. А если такая капля упадет на кожу, то совершенно ее не повредит... замечательно...

И он глубоко погрузился в мысли.

Вергилий вышел из ванны, обернулся в громадный квадрат мягкого белого полотна (быстро подавив дрожь), дошел до стола и сел. Столешница отошла в сторону, снизу медленно выехал поднос. Вергилий принялся было за еду, но руки внезапно задрожали и пришлось усмирить их, подняв кубок крепкого и сладкого темного пива. Запрокинув голову, он осушил кубок маленькими глотками.

Какое-то время Клеменс молча разглядывал Вергилия, затем нахмурился:

— Похоже, ты встретился с мантикорами, и тебе удалось от них улизнуть.

— Только не благодаря тебе. Да, улизнул... — Внезапная мысль пришла ему на ум: «А может, лучше было не спасаться?» Он пробормотал снова: Только не благодаря тебе.

— Ты хотел, чтобы я рассказал о мантикорах. — Клеменс оттопырил нижнюю губу. — Я рассказал тебе самое важное, а именно то, что от них лучше держаться подальше. А остальное лишь основательно запутало бы тебя.

Вергилий задумался. Время шло так, словно сегодняшний вечер был ничем не примечательным вечером, по своему обыкновению следующим за таким же обыкновенным днем. Но что делать? Открыть все Клеменсу, просить его о помощи? Первое было для него невыносимым, что до второго, то подобная помощь могла оказаться не слишком продуктивной. Он вспомнил собственные слова, сказанные Корнелии: «Вы не знаете, о чем говорите... это может занять год...» И все громче и громче в мозгу звучало: «Я не могу тратить год!»

Год! Целый год. И, Боже, если еще придется провести этот год с нею!

— Хорошо, не будем об этом, — сказал Вергилий. — Когда-нибудь и тебе потребуется моя помощь. А я спущусь в лабиринт еще раз, и спущусь глубже. И отыщу то, что, как мне кажется, там скрыто. Оно обязано находиться там. И, во имя Великой Науки, я его отыщу. Я не буду спешить, это меня подождет. Но, Клеменс, у меня есть для тебя головоломка. Кто живет на окраине Неаполя в роскошном доме, говорит совершенно по-неаполитански, но одевается как иностранка, хотя и имеет пурпурную кайму на мантии?

— Вот уж головоломка, — пожал плечами Клеменс. — Конечно, это Корнелия, дочь старого дожа. Она вышла замуж за Винделициана из Карса, приятного малого — больше о нем ничего не скажешь. Он всю жизнь болтался при дворах средней руки и изображал из себя претендента на престол в изгнании. Дож Амадео обращал на него не слишком много внимания, в отличие от своей дочки. Ну вот, они поженились, и старик отдал им виллу в предместье, а еще — несколько деревенок в Тоскане и Умбрии. А тут вдруг король Карса внезапно гибнет от несчастного случая на охоте. Ну да, «несчастного»! И два его сына, близнецы, затевают премилую гражданскую войну, которая знай себе тянется и тянется. Да, я не могу откусать твоих голубков? Ты, похоже, не слишком до них охоч?

Вергилий отошел от стола, чтобы взглянуть на карту Ойкумены. Клеменс принялся уплетать голубей и продолжал рассказывать:

— Ну вот, эти претендентики на престол так разорили страну, что Великий Совет Карса тайно обратился к Императору, а тот, отчего-то вспомнив о Винделициане, дал ему три когорты, консула по имени Туллио впридачу и отправил в Каре, дабы «восстановить мир и процветание, дабы прекратить разбой и позволить вновь жертвенному дыму невозбранно клубиться над мирными алтарями».

Но близнецы моментально установили перемирие и соединили силы против вторжения. Тогда Туллио именем Корнелии (так, во всяком случае, излагал дело Клеменс) послал каждому из них по конфиденциальному письму, в котором предлагал убить брата, после чего Корнелия выдаст оставшемуся в живых Винделициана и выйдет за «настоящего» короля замуж, поставив Императора перед фактом и приобретя его поддержку и почет. План сработал прекрасно. Близнецы подослали друг к другу убийц, оставшиеся без вождей армии капитулировали, и Винделициан без малейшего сопротивления был избран королем. Но до самой его смерти заправлял всем Туллио.

Вергилий отошел от карты. Дурацкая история о никчемной стране, да и то рассказывающая больше о Туллио, чем о Корнелии. Каре был дальней провинцией, расположенной в горах, не слишком богатой ресурсами и совершенно ему неинтересной.

В конце концов, какое ему было дело до того, где именно Корнелия обучалась своему коварному искусству, продемонстрированному сегодня Вергилию? Зачем ему это знать? Хватает и того, что она этим искусством владеет и его применила. Лучше бы ему избавиться от болезненной усталости, которую не преодолеешь даже сном — пока находишься в этом состоянии неполноты себя. Да, ему приходилось слышать о людях, которые продолжают ощущать боль в ампутированных членах, — что же, теперь он знает, как это. И все же то, что было до этого, было столь великолепным, таким непередаваемо прекрасным... неопишимо лживым. *Все лишь Корнелия, отныне и навсегда... навсегда... навсегда...*

— А почему же она вернулась на свою виллу?

Клеменс, покончивший разом и с голубями и с рассказом, рыгнул и обтер пальцы о тунику:

— Она вдова, вот почему. А по законам Карса вдова короля, если, конечно, сама она не царствует — к Корнелии, понятно, это не относится, не может оставаться в стране после смерти мужа. Из опасения, что она немедленно примется участвовать в интригах. Такие эти карсийцы осторожные. Туллио, понятное дело, отдыхает на пенсии. Но нимало не сомневаюсь затаился, дожидается своего времечка.

Вергилий слушал не перебивая, серо-зеленые глаза выразительно блеснули на смуглом лице. Руки, почти машинально, перебирали книги, лежавшие на его огромном столе, трогали их переплеты. Сам же стол был круглым, вращающимся от толчка руки справа налево. В центре его стоял шкафчик, вращающийся с той же скоростью, но в противоположном направлении. Таким образом, если возникала нужда заняться сразу несколькими делами или получить какие-то справки, одного толчка было достаточно, чтобы все нужное оказалось под рукой.

Часть шкафчика в центре занимали книги. Там были свитки из одного рулона бумаги, из двух и длинные листы пергамента, вовсе не требовавшие, чтобы их накрутили на ролик. Были рукописи, составленные из отдельных листов папируса, скрепленных между собой, книги, написанные на странных языках Нижнего Востока и на материалах, в Ойкумене неизвестных; листы их были зажаты между витиевато и пышно украшенными резьбой досками. Были и «книги», называемые так за отсутствием более верного определения, нацарапанные на сухих листьях, вырезанные на расщепленных веточках и прутьях, написанные на коре и начертанные на пластах дерева... и, конечно, записные книжки из слоновой кости и черного дерева, из бука, покрытые воском, дабы царапать их стилем — в спешке либо, напротив, среди безмятежной лени.

Вергилий перебрал книги на полке и опустил руки.

— Нет, — пробормотал он. — Не здесь. Надо идти в библиотеку. — Но не двинулся с места. Только теперь, когда он окончательно понял, насколько сложно, насколько невозможно то, что ему предстоит исполнить, им овладело холодное и глубочайшее оцепенение, почти стершее даже ту боль, которую ему принесла потеря Корнелии (точнее — ее человечности). Он машинально повторил: — Надо идти в библиотеку.

— Зачем утруждать себя? Я же здесь. — Клеменс насмешливо поднял брови.

Слабейшая из всех слабых улыбок коснулась губ хозяина. Оцепенение начало проходить.

— Я вечно страдаю от твоей самонадеянности, Клеменс, — вздохнул Вергилий. — Увы, это повторяется постоянно. Да, дорогой мой Клеменс, я вижу, что ты тут. Вот только зачем?

Стоявшая на подставке уменьшенная копия головы из лестничной ниши приоткрыла рот. Внутри бронзовой головы возник глухой звук, похожий на удар барабана. Тугой, настойчивый и неотвязный, он наконец обратил на себя внимание хозяина — собственно, затем и был предусмотрен.

— Говори, — приказал он. — Что там стряслось? — Словно это не было ему безразлично.

— *Пришла беременная женщина, хозяин. Ей требуется зелье, дабы разрешиться ребенком.*

— У меня нет ничего, — утомленно ответил Вергилий, не обращая внимания на фырканье Клеменса. — Скажи ей, что если ей требуется зелье, то пусть идет к Антонине Мудрой. Но если она хочет разродиться удачно, то пусть не идет ни к ней, ни к кому иному и не добывает себе никаких зелий. Ты слышишь?

— *Слышу и скажу ей, хозяин, и всегда буду верно тебя охранять.* Голос замолк.

— А ведь теперь твои слова, — презрительно произнес Клеменс, — будут восприняты не как проявление здравого смысла, доступного любому мало-мальски образованному ребенку, теперь их будут произносить во всяком доме, во всякой хибаре, подвластной дожу... Как парадокс, отягченный мудростью, как эта безмозглая дуреха — своим ребенком.

— Ты слишком мало общался с женщинами, чтобы отзываться о них столь уничижительно.

Алхимик взял стил и сунул его в копну своих посеядоновых кудрей.

— Именно то, что я отзываюсь о них так, и является причиной, по которой я стараюсь с ними не общаться, — хмыкнул он, почесываясь. — Но речь о другом... о том, почему я здесь. Так вот, я захотел узнать у тебя что-либо по поводу сурьмы. Тебя не было, и я остался поразмышлять в тишине. К тому же я поел и теперь переполнен пищей, как знанием... лень двигаться.

Вергилий резко встал, запахнул края туники и направился к туалетному столику. Он добавил в таз с водой несколько капель бальзама, горстку айвовых семян и омыл лицо и руки. Вытираясь, он вспомнил:

— Как ты сказал? Сурь...

— Сурьма. Я предполагаю, что это именно тот металл, что плавится легче свинца. — Он зевнул, взял в руки лиру и коснулся струн плектрой из черепашьего панциря. — Устал я от философии... Давай я лучше сыграю тебе мою «Элегию на смерть Сократа»... Нет? Ну и ладно... Но я знаю, что ты мне хочешь сказать, — продолжил он, опустив лиру на пол. — Сюда я пришел потому, что начал о тебе беспокоиться. Расскажи, что от тебя хочет Корнелия?

Вергилий застыл в молчании. Потом обвязал тунику поясом и туго затянул его. Сел, надел на ноги мягкую обувь, высокую, закрывающую икры.

— Ничего особенного, — пробормотал он. — Она хочет, чтобы я изготовил ей магическое зеркало.

— Да, чего уж проще. — Алхимик поджал губы и задрал голову. — Пустяки, вроде как залезть на лунные горы и принести оттуда небесных камешков. Или добыть парочку золотых яблок Гесперид на ужин. Нет чтобы действительно что-нибудь простое — рог Единорога, павлина Гермеса; нет, дожская дочка, королева Карса хочет всего-навсего магическое зеркало! Вроде того, что сделала однажды Мария Египетская, но — лишь единственное за всю свою жизнь! Во имя Нокса и Нумы, почему? Зачем ей?

— От Великого Властителя Высокогорья у нее есть дочь. Сама она приехала сюда и теперь беспокоится за ее безопасность, хочет знать, что с ней... поздний ребенок...

— О, где моя винная эссенция, пятижды прогнанная сквозь мой волшебный куб?! — Клеменс оттопырил губу и принялся вращать глазами. — Нет, лишь пригубив ее и обрета власть духа над плотью, я смогу найти убежище от этой женщины, от этих невозможных... невозможных... невозможных — слов не хватает. А что дальше? Ей не захочется сжечь Неаполь, чтобы чуть-чуть погреть свои ножки? Ну ладно. Вот же дуреха... Надеюсь, ты все ей так и объяснил?

Маг выставил руку вперед. В комнате было тихо, и сначала они слышали лишь шум в собственных ушах. А затем — кап-кап-кап — закапала вода. Вергилий указал рукой вправо, Клеменс проследил за жестом: там стояла статуэтка Ниобеи, окруженной своими детьми. Они глядели, как из глаз Ниобеи [\[4\]](#) стекает слезинка, еще одна... набухли, сбежали вниз, упали в углубление подле ее ног.

Когда упала последняя слезинка, поверхность воды заволновалась, на ней вспучивались и лопались пузыри... еще один... еще... четвертый... седьмой. Вода испарилась. И один из детей Ниобеи провалился внутрь пьедестальчика казалось, до них донесся слабый и печальный вскрик.

Рука Вергилия медленно указала влево. Там, куда теперь показывал его палец, стояла довольно высокая колонна, украшенная фигурками, каждая из которых олицетворяла собой определенный час суток. Сверху виднелась маска Борея, а ниже — смотрящая вверх — Зефира. Они пристально вглядывались друг в друга, и тут из губ Зефира вырвалась струйка пара, выбросившего в воздух пену и металлический шарик, который влетел в рот верхней маске, издавшей при этом легкий мелодичный звук. И еще раз, и еще.

— К чему все это представление? — осведомился Клеменс, пристально уставившись на происходящее. — Либо отстают паровой хронометр, либо спешит клепсидра [\[5\]](#). Проще всего дожждаться полдня, когда солнце в зените, и определить, какие часы точнее. А к чему все эти жесты?

Вергилий, по-прежнему с серьезным лицом, снова новел своей вытянутой рукой, и та замерла, указывая на Клеменса. Алхимик принялся ерзать и кряхтеть в кресле, пытаясь увидеть то, на что указывает за его спиной Вергилий, — с помощью своего внутреннего глаза, того, что за пупком, но, похоже, безрезультатно. Наконец он крякнул, конвульсивно приподнялся и обернулся.

Там не было ничего.

Вергилий от души расхохотался, но резко оборвал смех. Алхимик обернулся еще раз и расхохотался тоже, но смех его прозвучал уже в тишине.

— Ну да ладно, — сказал маг губами, искаженными болезненной улыбкой. Ты, я и еще, быть может, один человек — вот и все, что осталось от мудрости в грубом и непристойном веке, где упадок и варварство достигли своих пределов, соревнуясь между собой лишь за лавровые венки, жезлы, ликторские значки, короны и престолы...

— Еще один. — Клеменс задумался. — Ну да, может быть... Аполлоний Тианский разве что? Да, пожалуй. Но...

— Но прости мне эту невинную шутку. Когда бы я весь день напролет был серьезным, то давно бы сошел с ума или... или согласился сделать Корнелии зеркало.

Клеменс тяжело разминал ноги.

— И что она сказала, когда ты ей отказал?

— А я не отказал, — ответил Вергилий.

— Слитки... Не говоря уже о самом изготовлении зеркала, о работе, которая лишь немногим легче, чем сооружение акведука, возникает проблема материалов... Что ж, для начала — слитки олова. Для начала нашего разговора, конечно. Изготовить зеркало с помощью слитков невозможно.

Книга за книгой лежали открытыми на поверхность длинного библиотечного стола, за которым они сидели — каждый со своей стороны. Клеменс держал свой палец на странице из «Руководства» Марии Египетской, в котором женщина — самый выдающийся алхимик своего века — излагала собственные мысли, посвященные не только теоретическим вопросам, но и изысканиям практического рода. Там же приводились и комментарии ее учеников. Вергилий же изучал свиток, содержащий в себе пятую книгу ученого сирийца Теопомпуса Бен-Хаддада «О Подобиях и Общности», посвященную философии психики души и ее многочисленных составляющих. Голову он положил на руку, так что указательный палец упирался в нижнюю губу.

Нет, конечно, слитки использовать нельзя. Суть всего труда состоит в том, чтобы создать *девственную* вещь; обычное, простое зеркало — это всего лишь предмет из бронзы с отполированной поверхностью и крышкой, поворачивающейся на петлях, — вроде увеличенного медальона. Да, ходили слухи и бытовали легенды о том, будто где-то существовали зеркала, изготовленные из стекла, но способ их изготовления был неизвестен. Ни в одном из трудов никто даже не сообщал о том, что видел подобное зеркало, не говоря уже о советах, как его изготовить.

А указания, как изготовить предмет, о котором они говорили сегодня, были. И если не слишком многочисленные, то, во всяком случае, точные. Мария оставила записи о том, как изготовила подобное зеркало для Имперского Прокурора Александрии, а некий анонимный гений, известный как Мастер Кос, рассказал о том, что в своей жизни сделал не менее трех зеркал, два из которых оказались удачными. Кое-какие сведения на сей счет приводились и в «Халцеотионе» Теодоруса, и в «Справочнике» Руфо.

— Можно провести некоторое теоретическое обоснование. — Вергилий прервал тишину, обозначив свое возвращение из облаков мысли громким мычащим звуком. — Нельзя полагать, будто атомы, составляющие поверхность зеркала, пассивны и только отражают свет, не передавая никакого возбуждения вовнутрь. Иначе нам пришлось бы предположить, что взгляд совершенно неосязаем, а это, очевидно, не так, поскольку всякому многократно доводилось видеть, как человек оборачивается, едва чувствует неизвестным образом, — что ему смотрят в спину.

— Принимается, — резюмировал судейским тоном Клеменс.

— Но любая поверхность, воспринимающая осязаемые ощущения, — продолжал формулировать мысли вслух Вергилий тем скучным академическим тоном, который притуплял эмоции и оставлял часть мозга свободной для работы, должна передать некий отпечаток этих ощущений дальше. В любом случае сохранить его на себе. Откуда следует, что бывшее в употреблении зеркало кратко говоря — словно бы покрыто туманом, хотя и почти незаметным, возникшим в результате аккумуляции впечатлений. Поэтому для нашей работы весьма существенно, чтобы большая часть атомов металла, используемого в изделии, не имела никакой прежней истории. Ремесленной истории, я имею в виду. Обыкновенный мастерской станет работать и со старой бронзой. Не то мастер — он возьмет лишь ту бронзу, которой ранее в природе не существовало. Но бронза не является самородным металлом. Это сплав меди и олова. Обыкновенный кузнец, чтобы сделать бронзу, использует слитки олова и меди. Иной раз, впрочем, медь доступна в форме окислов. Понятно, что он не способен изготовить девственную бронзу, поскольку имеет дело не с девственными оловом и медью. Лишь чистые вещества, еще никогда не попадавшие в работу, только они могут быть использованы при изготовлении магического зеркала. То есть...

— Ты обижаешь меня, излагая детали, известные любому новичку, не говоря уже об адептах, — раздраженно перебил его Клеменс. — Где-то на твоих полках лежат ноты музыки Верхнего Востока, сочиненной теми, кто исполнял ее при дворах царей Чандрагупты и Ашоки, — ты знаешь, как пылко я ее люблю. И что же, всякий раз, когда я прихожу к тебе, чтобы... когда сам не занят собственной работой, ты вечно говоришь со мной о вещах, которые мне совершенно не по вкусу. Драгоценное время проходит в пустых разговорах и потом оказывается, что уже слишком поздно, позднее, чем думал...

И он поднялся, чтобы уйти.

— Погоди минуту, — задержал его Вергилий движением руки.

Клеменс остановился и, морщась, принялся что-то бормотать себе под нос. Вергилий ненадолго замолчал. Наконец он улыбнулся — обычной сегодня улыбкой, болезненной и слабой.

— Помоги мне в этом деле, — сказал он, — и ты сможешь листать страницы музыки мастеров Чандрагупты и Ашоки^[6] сколько тебе вздумается. Я отдам книги тебе.

У Клеменса перехватило дыхание. Казалось, его огромная фигура раздалась еще больше. Взгляд алхимика блуждал по книжным полкам, словно он пытался обнаружить там именно эти книги. Лицо его побагровело, и он опустил сжатую в кулак ладонь на странный шар, поверхность которого была покрыта цветной картой — в соответствии с теорией Аристарха о том, что мир шарообразен.

— Послушай, — тяжело вздохнул он. — Эти книги были у тебя задолго до нашего знакомства. А в друзьях мы давно. И ты знаешь о моей страсти к ним. Что же такое для тебя эта Корнелия, что лишь теперь, и только теперь ты предлагаешь их мне в качестве платы за мой труд? Она тебе угрожала? Но чем? Она подкупила тебя? Посулила ключик из золота и слоновой кости от своей спальни? Сунула его тебе в ладонь? Ради исполнения ее причуды нам... потребуются время и тяжелый труд, если только это вообще исполнимо! Почему...

Голое его пресекался, застрял в горле.

— Время и тяжелый труд... — Лицо Вергилия перекошилось, и он отшвырнул от себя свитки. — Два года я работал на Солдана Вавилонского, человека мудрого и великого, перебравшего в свое время две сотни и двадцать одного соплеменника, дабы выбрать из них единственного, чье возвышение способно положить конец мщению и кровопролитию в стране... Я пришел к нему и два года разрабатывал систему каналов и шлюзов, чтобы одну из провинций избавить от наводнений, а две другие — от засухи. И после этих двух лет он взял меня за руку и повел в свою сокровищницу. Мы прошли мимо его богатств, мимо золота, серебра, слоновой кости, изумрудов и пурпура — мы прошли ее всю насквозь, из конца в конец, и он вывел меня наружу со словами: «Нет, всего этого мало...» И как плату за мой труд отдал мне две книги о музыке восточных царей... Ты думаешь, он не ценил их или не оценил мое время и мои труды? Ты думаешь, их не оценил я, потому что мало в этом смысле? Нет, когда цыпленку пришло время вылупиться из яйца, то не нужны тут ни герольды, ни трубы. Все на свете происходит своим чередом. Время и тяжелый труд... Я возвращался из Вавилона через Дакию и остановился на ночь в гостинице, в той же гостинице, что и магнат Лупескус, взявший на откуп Императорские рудники этой богатейшей страны. Я выслушал его рассказ о том, как медленно и мучительно рабы выносят из-под земли корзины с камнем, вспомнил о сделанном мною для Солдана и тут же, угольком на куске дерева, набросал для Лупескуса план, как выполнять эту работу с помощью воды — дешевле, лучше и быстрее. Он дал мне тысячу дукатов золотом, лошадей и повозку, чтобы перевезти их, и каждый год отправляет мне по тысяче дукатов. Да, эти деньги мне нужны, получать их приятно, но ценю я их не слишком высоко. Потому что я знаю — не внакладе и он, то, что я предоставил ему, приносит в год сотни тысяч, да и заработал я их в две минуты... Иной раз я спрашиваю себя: на кого же я работал эти два года? На Солдана или на Лупескуса? А если на Лупескуса, то на него или на его рабов, которые благодаря мне освобождены теперь от работы, выдавливавшей кровь из-под их ногтей, если они старались, и из их спин, когда были ленивы?

Клеменс прочистил горло и поджал губы.

— Ты становишься философом, — произнес он наконец. — Очень хорошо. Отлично. Я помогу тебе, и мы посмотрим, что там за цыпленок вылупится из этого яичка. Но теперь, мастер Вергилий, позволь мне обратить твое внимание на два условия, выполнение которых необходимо, прежде чем мы сможем приступить к изготовлению зеркала. И оба они невыполнимы!

Он подцепил кончиком стала ус, загнул его кверху и скосил вниз глаза. Затем перевернул стило, как если бы собирался писать им, и прицепил к своему поясу. Вытянул руку с двумя оттопыренными громадными волосатыми пальцами.

— Ты не можешь достать медную руду, — согнул он первый палец. — Ты не можешь достать руду оловянную, — загнул второй.

Легко вздохнув, Вергилий поднялся и, пройдя мимо Клеменса, подошел к столу. Прикрыл колпачком

шар, светивший из центра стола. Распрямился — его тень принялась гротескно кривляться в потускневшем свете.

— Знаю, что не можем, — сказал он, зевнув и потянувшись. — Но должны.

3

Западный край неба еще горел последними красками заката, с крыш стекал горьковатый и сладкий дым — Неаполь ужинал перед тем, как отойти ко сну. Рыба и устрицы, чечевица и репа, масло, креветки и чеснок — небогатый рацион; впрочем, мало кто в Неаполе мог себе позволить все это одновременно. По улице проклацали лошади, прогрохотала одинокая повозка на ночь, для пущей надежности, их отводили вниз, к подножию горы. Возле фонтана Клео усталыми голосами переговаривались женщины, наполняющие амфоры водой, где-то заплакал ребенок, его голос едва слышался в холодеющем воздухе. Подобно горящим бабочкам, тут и там в сумерках затрепетали крохотные огоньки масляных светильников, красновато вспыхивали жерла жаровен, когда кто-то обмахивал уголья или вдувал в печь воздух через деревянную трубу. Со стороны побережья донесся слабый крик: «Хоп-хоп, хоп-хоп...» — это рулевой галеры задавал ритм гребцам, которые вели суденышко в порт.

— Абана! Бахус! Камелия! Дидо! Эрнест! Фортуната! Гаммельгрэндель! Геликон!.. Геликон?! — Голос прозвучал рядом. Его обладательница подзывала кого-то, хлопая в ладоши. — Геликон?! Ох, мой милый... ну иди же сюда, иди... Индия! Иакинта! Лео! Лео! Лео...

Старая безумица созывала своих котов. Вергилий подошел к парапету, отделявшему его крышу от соседской, сорвал листок базилика, росшего в одном из цветочных горшков, и смял его в пальцах. Поднес благоуханный листик к лицу и перегнулся через парапет.

— А где же Королевич, госпожа Аллегра? — спросил он.

Свой кошачий выводок старуха кормила рыбными потрохами и прочей требухой и отбросами, которые ей удавалось насобирать за день по городским помойкам, возле причалов и на задних дворах харчевен. Иной раз ей перепадал кусочек и получше, чего-то почти съедобного, когда кто-либо проникался к ней жалостью, либо — что вернее — опасался ее сглаза. Это она съедала сама. Но не потому, что считала себя лучше своих подопечных или более голодной, нежели они — любила пояснять она, — просто потому, что ее вкус извращен, зато ихний остался совершенно естественным.

— Королевич? — Ее голос стал громче и разборчивее, словно бы она подняла голову и вглядывалась в темноту. — Королевич, мой господин, отбыл в Египет. Он давно уже говорил мне об этом желании, вот только случая подходящего не выпадало. Не мог же он, в самом деле, отправиться за море на этих ненадежных кораблях — и не возражайте мне, господин, если не хотите потерять моего расположения. Нет, сударь. Но вчера вечером, когда луна была круглая и золотая, кот Королевич сказал мне: «О Аллегра, вскормившая меня, наутро в Александрию отправляется Императорский корабль с господином проконсулом...» Я почти без ума от того, что пришлось с ним проститься.

Синий цвет неба стал фиолетовым, почернел, а старуха все бормотала свою нелепую сказку о том, как Королевич (поджарый, матерый кошара, весь в боевых шрамах) был приглашен на борт галеона как полубожество, усажен за стол с серебряными тарелками и золотыми кубками, а корабль повез его домой, где он замолвит за нее словечко сфинксам и священному быку Апису, священным соколам и крокодилам... [7] «А правда, похоже, состоит в том, подумал Вергилий, — что Королевича попросту изловил какой-нибудь полуголодный обитатель трущоб, так что котик, поди, тушится теперь в позаимствованной жаровне вместе с краденым луком, сворованным чесноком и лавровым листом, сорванным с деревца». На пустой желудок Неаполь никогда не отказывался от доброй порции «длиннохвостых кроликов».

Ну, впрочем, возможно, что и в самом деле некие набожные египтяне действительно прихватили с собой Королевича и, ласково прижимая к груди, повезли в деревеньку на Ниле, где он и проведет остаток своей жизни. А после смерти его набальзамируют, похоронят и станут поклоняться ему как божеству. Где тут правда, а где вымысел? С Аллегррой никогда не знаешь наверняка, да и не только с ней одной.

Клеменс ушел домой, недовольно мотая своей лохматой головой и бормоча что-то себе под нос, однако обещал наутро вернуться и обсудить проблемы изготовления зеркала. Вергилий же, оставшись в одиночестве, понял, что работать сегодня не сможет. И вот стоит теперь на крыше и болтает с безумной женщиной. Лишь бы отвлечься от собственных тягот. Да и то — ее увядшая женственность не может упрекнуть его утраченное мужество.

— Ну что же, Королевичу повезло, — вымолвил он. — Но каково вам, госпожа Аллегра? Вы ведь потеряли его навеки...

Старуха что-то напевала, гундосила мелодию без слов, а ее коты друг за дружкой вылезали на крышу и принимались драть когтями стены ее хибарки. Ну что же, так она жила, и жить так ей нравилось.

— Моя госпожа ненавидит огонь, — произнесла старуха, неожиданно прекратив свои завывания.

Двери «Повозки и солнца» распахнулись, наружу хлынул поток света и запах кислого вина. Из таверны донесся шум, производимый ее завсегдатаями — погонщиками, возницами и шлюхами. Дверь закрылась, и снова стало тихо.

— Как госпожа? — осторожно осведомился Вергилий.

Но он уже знал ответ, хотя и не представлял себе откуда.

— Императорши нет, мой господин, — пробормотала безумица, нагибаясь за очередной порцией рыбных потрохов и кидая ее стае своих любимцев. Острый, тошнотворный запах отбросов заставил Вергилия вновь прижать лист базилика к лицу: ему вспомнились другие твари — более зловонные и более опасные, чем все коты, вместе взятые.

— Корнелия, — сказал он вполголоса... его мысли блуждали где-то далеко... Корнелия... мускус и розы... да, но куда более опасная, чем кто бы то ни был на свете... на какое-то время... *Если мне придется пройти все подземелья ада, то пусть ад устроится этого.*

— Корнелия, — повторил он громче.

— Императрица потерялась, — пробормотала старуха. — Лео! Мирра! Нетлекомб! Орфей! Идите ко мне, киски. Госпожа Аллегра вас покормит. Нет, она не для огня, нет...

Голос старой дамы затих. Самаритяне ли сказали, что после разрушения их храма в Помпеях дар пророчеств перешел к детям, глупцам и безумцам? Не имело смысла пытаться расспросить ее, она уже распростилась с этим днем и лежит в своей хибарке на теплой и вшивой соломенной подстилке, покрытая котами, как одеялом.

— Ну что же, пора и ему на покой, — вздохнул Вергилий.

Позже, спустившись в спальню, он вспоминал события минувшего дня. Вопросов было несколько. Почему мантикоры, которые не выносят света, коллекционируют лампы? Когда теперь он сможет вновь отправиться на поиски их подземелий? И не лучше ли было ему в самом деле не связываться с ними? Что собирается отыскать в Египте проконсул — богатства, мудрость? Откуда госпожа Аллегра знает, что он был у царицы Карса? Что она имела в виду, говоря об «огне»? Сколько времени потребует изготовление зеркала? Сколько времени согласна ждать. Корнелия? Как он может продолжать ее любить? Как разлюбить ее?

Он очистил ум от подобных вопросов, составил мысленно диаграмму Великого Могуущества и сконцентрировался на ее центре, на точке, в которой раскрывается Абсолютная Пустота. Постепенно, сначала не спеша, а затем все быстрее, диаграмма принялась таять, и его внутреннему взору открылось нечто иное.

Дверь.

Он увидел, как встает, идет вперед и открывает дверь. Заходит внутрь. Дверь закрылась за ним. Он обернулся: дверь растворилась и исчезла. Вновь его объела пустота.

Возник жужжащий шум — так гудят пчелы. Самих пчел он не видел, но перед ним появились склоны Гиметийских гор. Сладко пахли фиалки, покрывающие склон подобно ковру, питающему пчел.

Илириодор сидел в своем кресле, он — подле его ног, радуясь, что философ жив и лишь слегка потревожен пробуждением из смертного сна.

— Здесь может помочь горсть пшеницы, — сказал Илириодор. Других студентов поблизости не было; где же находились они с Илириодором — в Ангоре или в ином месте, — Вергилий не знал, но его это не слишком беспокоило.

— Горсть пшеницы, полет птичьей стаи или печень жертвенных животных, оракул либо предсказатель. Истина существует, следственно, ее можно узнать. Она существует повсюду, но и ты существуешь во всем, значит, истина живет и в тебе.

— Да, — кивнул Вергилий.

— Значит, если истина есть в тебе и вне тебя, то требуется лишь извлечь ее наружу. «Что наверху, то и внизу»^[8]. Поэтому необходим фокус, уловитель. В таком конкретном случае зеркало из девственной бронзы действительно может оказаться пригоднее, чем все остальное, перечисленное мною.

— Да, — снова кивнул Вергилий. На небольшом столике, со стороны учителя, стояло блюдо с медом, благоухающим и изысканным медом Гиметийских гор. Вергилий медленно потянулся к нему.

— Нет. — Илириодор оттолкнул руку Вергилия. Блюде упало на пол, ударилось, донесся звук, похожий на колокольный звон. Илириодор улыбнулся и поднял руку, прощаясь. Звук колокола многократно множился эхом и, казалось, никогда не замолкнет.

Возникла разукрашенная комната, в ней находилось существо с распущенными волосами и полными губами. Фигура была человекоподобной, но лишь настолько, насколько человекоподобна гигантская кукла. Ни мужчина, ни женщина — существо передернулось, лицо его исказилось, существо простонало и отвернулось от гостя. Но все равно, все равно гость был тут, стоял перед его глазами. Существо снова застонало, закрыло глаза и тут же открыло вновь — с надеждой и испугом.

— Все еще здесь, все по-прежнему, — прошептал бесполой голос.

Он не ответил ничего.

Комната была расписана яркими красками, словно ее разрисовал талантливый ребенок: на стенах жили люди с круглыми глазами и длинными ресницами, щеки их были толсты и румяны, а губы похожи на двойные арки; все фигуры были повернуты боком к зрителю, а глаза глядели прямо на него, и все они стояли под деревьями величиной с них самих, зато цветы, растущие между деревьями, были выше и людей, и деревьев. А еще там были птицы в полоску и крапинку, голубые собаки, красные коты, зеленые мартышки — и вся эта пестрота скорее притягивала взор, чем раздражала.

— Снова все тот же сон, — прохныкала лежащая фигура, — все время одно и то же, одно и то же... я записывал его, отправлял людей к мудрецам и халдеям, списывался с учеными евреями и даже говорил с женщиной, которая служит Дите... никто не смог дать верного толкования, никто... — Существо глядело на него, и в глазах его читалось отчаяние, жалость к себе и предчувствие чего-то ужасного.

Бесполоя кукла всхлипнула и зарыдала.

Он продолжал молчать.

— Я отдал бы тебе все, что ни пожелаешь, когда бы знал, в чем тут дело. Для меня ты пахнешь Римом, а я боюсь и ненавижу римлян. Они убивают людей, угоняют в плен, сжигают их на кострах. Уходи! — воскликнула кукла. Уходи. Я избавлюсь от этого сна. Уходи, уходи прочь...

Он оказался, кажется, внутри скалы — тут было что-то вроде естественной пещеры или это помещение было вырублено в скале людьми; свет давал канделябр с тремя светильниками. Помещение было не слишком просторным, зато людей в нем собралось много. Тут были матроны с головами, повязанными платками, или в газовых вуалях, здесь же присутствовали и люди, чьи нищенские отрепья свидетельствовали о том, что обладатели их были рабами низшего сорта. Здесь находились патриции, рядом с ними мальчик-подмастерье и девушка в деревенской одежде. А сам Вергилий словно бы находился где-то сзади, но чувствовал, что и за его спиной толпятся люди.

Спереди, на возвышении, виднелся стол, на котором стояли сосуды, некоторые — привычного вида, назначение же иных оставалось загадкой. Возле стола появился старик — иссохший, седобородый, он взмахнул рукой и заговорил:

— Потерпите еще немного, дети мои, и все это минует. Отчего они преследуют нас? Почему? Почему они изводят нас? Имеем ли мы мечи? Помышляем ли мы о мести? Бандиты мы или разбойники? Пираты или воры? Нет, дети мои. Мы слабы, нас мало, мы смиренны и миролюбивы. Мы пришли сюда, дабы с

благоговением поклониться Господу нашему и Спасителю Даниилу Христу^[9], отдавшему плоть свою на съедение львам, и кровь его была испита ими, дабы мы чрез это обрели спасение и жизнь вечную.

Собравшиеся произнесли слово, неизвестное Вергилию, — похоже, это был ответ на сказанное старцем.

— Тех же, кто впал в ересь, — продолжил он, и голос его зазвенел, а лицо вспыхнуло гневом, — тех, кто хуже даже гонителей наших, тех, что говорят, будто не умер Господь наш и Спаситель Даниил Христос в львиной пасти... анафема им, анафема! — Остальные повторили все то же краткое слово. — И тем, которые утверждают, будто Христос придет вновь, но в ином обличий и умрет иной смертью, анафема и им! — И снова все тот же возглас. — Пусть они будут гонимы, пусть их преследуют, пусть тела их будут разодраны, а кровь разольется по песку! Господь Даниил страдал и умер ради них, а они отвергли его жертву! Да будут прокляты, прокляты, прокляты!

Он тяжело перевел дыхание и вновь открыл было рот, чтобы продолжить речь, но тут внезапно вскрикнула девушка. Помещение наполнилось солдатами, без разбора хватаящими всех, кто там находился. Старик отскочил назад. Кадык его ходил ходуном, но вымолвить он не мог ни слова. Наконец он подался вперед со свирепым выражением на лице и протянул руки, чтобы на них надели наручники.

Сердце Вергилия оцепенело, и, преисполненный холодным гневом, он ждал своего черед, но никто не тронул его. Никто его не заметил. Помещение зыбко всколыхнулось, подернулось дымкой и пропало.

Мягкие, баюкающие звуки, похожие на шорох волн, выкатывающихся на берег, затихли. В закрытых глазах забрезжил свет. Вергилий проснулся. Наступило утро, солнце светило в окно — сквозь оконный переплет и прозрачные роговые пластины. Он снова был в своей комнате.

4

Передняя часть мастерской и лаборатории Вергилия занимала первый этаж дома на улице Драгоценной Сбруи, а задняя — еще два этажа. Там, в мягком полумраке, прорезаемом полосами света, падающего сверху (в нижнем уровне окон не было), Вергилий и держал речь перед своими помощниками.

— Итак, мы собираемся изготовить магическое зеркало, — начал он, поставив ногу на низкую рабочую скамеечку. — Все вы если и не осведомлены об этой вещи, то по крайней мере встречали упоминания о ней в книгах... За спиной Вергилия громоздились огромные механизмы, их валы и колеса отбрасывали причудливые тени на пол мастерской, посыпанный свежим песком, что делалось дважды в день, дабы обувь не скользила, а также чтобы обезопаситься от возможного пожара. Когда Вергилий заговорил, один из находившихся в помещении мужчин обернулся и кивнул, показывая, что слушает, и вновь отвернулся, добавив тщательно отмеренное количество древесного угля в огонь, горящий под неким запечатанным сосудом. Время, в которое надлежит добавить очередную порцию топлива, также было тщательно выверено при помощи песочных часов. Это пламя горело день и ночь, и горение поддерживалось с величайшим вниманием, дабы соблюсти постоянство температуры на время всего процесса: горело это пламя уже четыре года, а оставалось — еще два, а потом в течение еще двух лет температуру под сосудом следовало постепенно уменьшать, после чего еще на полгода сосуд будет оставлен для охлаждения.

— Изготавливается подобное зеркало из девственной бронзы, изготавливается тщательно, притом никто не может взглянуть на него во время работы, — продолжал Вергилий. — И тогда, при соблюдении всех условий, первый, кто взглянет в него, увидит там то, что более всего желает увидеть. Однако с помощью магического зеркала нельзя ни заглянуть в прошлое, ни увидеть будущее. Кроме того, воспрещено пытаться узреть наяву облик Бессмертного Бога. То, что надлежит увидеть, должно относиться к жизни земной, присущей миру смертных, тех, кто, словами Гесиода, «должен возделывать землю ради хлеба насущного или умереть».

Напряженное молчание было скорее подчеркнуто, нежели нарушено щелканьем шестеренки, повернувшейся где-то в глубине комнаты. Один из слушателей, седовласый и седобородый Тинус, прокашлялся и сказал:

— Со всей тщательностью следует определить час, благоприятный для начинания. Ибо предмет этот не только ремесленный, но и философский.

— Но и ремесленный тоже, — вступил Иоанн, приземистый длиннорукий человек с телом, весьма похожим на бочонок вина. — Не буду вникать в подробности точек пересечения орбит, не стану говорить о звездах, узлах и часах, однако скажу, что глина должна быть лучшего качества, воск — из чистейших, руда — самая звонкая, и главное — не будем торопиться. И отливать, и охлаждать, и полировать следует тщательно и неспешно.

Перрин же, молодой человек с открытым лицом, слегка запачканный сажей, высказался так:

— Мастер, я чего-то не понимаю. Все, что сказано, — верно. Однако Иоанн говорит о том, какой быть руде, но о какой руде он говорит? За всю мою жизнь я не помню случая, когда бы на рынке в Неаполе появился хоть самый маленький кусочек руды. Если не говорить о тех крохах, которые вы, мастер, храните в своем кабинете, то в жизни я не видел, как эта самая руда может выглядеть. И какой смысл говорить о вычислении благоприятного часа, чем занимается Тинус, когда не видно, как нам сдвинуться с мертвой точки?

Перрин был абсолютно прав. Медь поступала в Неаполь с Кипра — острова Афродиты, с острова, настолько богатого медью, «купрумом», что благодаря ей он и получил свое имя. Но путь на Кипр давно уже был перекрыт кораблями морских гуннов. По соглашению, морские гунны позволяли (за мзду, разумеется, стыдливо именуемую «оплатой конвоя») одну поездку флотилии на Кипр в год. С материка на Кипр и обратно. Разумеется, существовали и контрабандисты, которые обыкновенно использовали легкие, верткие суденышки, плавающие между восточной оконечностью острова и берегами Малой Азии. Но те обычно ограничивались легкими грузами, учтенными с точностью до унции, — золото, благовония, хорошенькие девочки.

А медь, будучи тяжелым грузом, не ценилась слишком уж высоко. Риск был несоразмерен. Три быстрых ходки на легких суденышках, и капитан обеспечивал себя до конца своей жизни. А загрузить суденышко медью в количестве, оправдывающем риск, — означало добровольно отдать себя во власть пиратов, и, как закономерный итог, обнаружить себя на колу, и постепенно лишиться кожи, медленно сдираемой пиратами с жертв дюйм за дюймом. Пытаться же вступить в деловые переговоры с гуннами... охотников на это не находилось.

А раз в год в море выходили большие галеры и галеоны и, в сопровождении охраны гуннов, медленно скрывались за горизонтом. Разумеется, на острове их загружали до предела, и все равно спрос не удовлетворялся никоим образом. Сия область контролировалась кучкой купцов, грузивших на корабли лишь то, что приносило максимальный барыш, и заказы ждали своей очереди годами. Да, в Неаполе были склады, забитые медью до потолка, но это, в основном, были слитки меди, меньшая же часть ее поступала в виде откованных пластин — для сельских мастерских, привыкших работать по старинке. Но и в этом случае речь шла не о руде.

Эта медь не была уже девственной. К ней уже прикасались человеческие руки.

Само же соглашение об «охране» кораблей (то есть разрешение на их пропуск) с превеликим трудом было заключено с тремя братьями предводителями пиратов. Вернее, с двумя из них. Можно сказать, что один, Осмет, был мозгом всей морской орды, второй, Отилл, их сердцем решительным и безжалостным военачальником, третий же, Байла, имел репутацию идиота или, по меньшей мере, полного ничтожества. Шансы изменить что-либо в условиях договора (которого братья и так придерживались не слишком охотно) были равны нулю. Пощады же к любому нарушителю команды черных и кроваво-красных пиратских судов не знали.

— Медь — это наша вторая проблема, — вздохнул Вергилий. — Первая проблема — олово.

Олово, в свой черед, поступало из Оловянных Земель, загадочного полуострова или, что более вероятно, острова, подобного Кипру. Но в свое время, да номинально и теперь, Кипр являлся частью Ойкумены, а Оловянные Земли к ней не относились никогда. Лежали они где-то далеко на северо-западе, в Великом Темном Море, за Тартессом. Легенд об Оловянных Землях всегда ходило в избытке, наверняка же ничего известно не было. И столь же ничтожными были сведения о Тартессе. Никто из обитателей Империи там не бывал (по крайней мере — не оставил записей), более того, ходил упорный слух, что Тартесса больше не существует, что он давно уже захвачен и разрушен. Такое вполне могло произойти, однако повсюду в Империи существовали небольшие колонии тартесситов, по древним уложениям имевшие права на автономию. Каждое подворье — так эти колонии назывались — управлялось лордом-капитаном. Бытовало мнение, что личные богатства их невообразимы.

— Итак, — повторил Вергилий, — наша первая забота — олово. Но в любом случае добыванием девственных руд займусь я сам. Вы же должны начать подготовительные работы. Не знаю, сколько времени они потребуют, так что начинайте незамедлительно. Я сделаю списки книг, имеющихся в моем распоряжении, вы их прочтете, обдумаете и перечтете заново. Займитесь вспомогательными материалами. Достаньте глину для изложниц, воск для форм, займитесь тиглями, топливом, режущими и шлифовальными инструментами. Со всем вниманием относитесь к любой мелочи, даже к полировальной пасте, и не стесняйтесь отвергать все, что окажется не самого лучшего качества. Для составления чертежей используйте лучшую тушь и лучший пергамент. И остерегайтесь любой грязи и каких бы то ни было ссор во время работы. — Он сделал паузу. — Мы будем не одни, — добавил Вергилий. — Помочь нам согласился доктор Клеменс.

Это сообщение собравшиеся восприняли со смешанными чувствами. Конечно, они глубоко уважали Клеменса за его познания как в философских, так и в практических аспектах алхимии, однако присущие Клеменсу бесцеремонность и язвительность заставили их скорее поморщиться. «Лук! — кричал, например, Клеменс. — Какого рожна ты уплетаешь лук, когда работаешь с золотом?! Ты что же, хочешь превратить его в окалину? Нокс и Нума! Лук!!!» Близкое же знакомство доктора Клеменса с дистилляторами настраивало их скорее на иронический лад. «Ну да ничего, — подумал Вергилий, — скоро они свыкнутся с положением дел. А язвительность Клеменса окажется неплохим стимулом для всех».

Еще несколько предуведомлений: суть проекта должна оставаться в тайне, работа хорошо

оплачивается, и сумма будет поделена между участниками даже в случае неудачи всего проекта... и Вергилий оставил помощников, еще раз наказав им незамедлительно приступить к подготовительным работам.

Тартесское подворье в Неаполе составляли, в основном, тартесский порт (весьма небольшая гавань) и тартесский замок — гигантское, противоестественное нагромождение камней. Подобного ему во владениях дожа не было. Миновав Главный порт и оказавшись уже на территории тартесского, Вергилий моментально уловил изменение ритма. Тут все жило медленней, спокойней. Все тут было... да, вот именно — бедней. Одно из судов стояло накренившись, и никого, похоже, это не волновало. Другое было вообще полузатоплено и погрязло в иле, а на юте уже успело пустить корни и вымахать довольно высоко деревце. Пара конопатчиков, не слишком утруждая себя, возилась возле небольшой шаланды. Жиденькая группа рабов грузила галеру.

И все.

На пороге жалкой лавки сидела старуха, ее грязный череп просвечивал сквозь редкие космы засаленных волос. То и дело она смахивала со лба прядь и что-то бормотала себе под нос. Занималась же она тем, что ощипывала тощую птицу. Проходивший мимо Вергилий не привлек ее внимания ни в малейшей степени.

Говорили, что сам лорд-капитан практически недостижим, что на людях он появляется лишь при избрании нового дожа и еще один раз в году — в день, специально отведенный для этой цели. Тогда он принимает императорского легата, но и то, передав ему золотую цепь, лежащую на блюде, заполненном землей, водой, пшеницей, вином и маслом, тут же удаляется, оставляя для завершения аудиенции своего представителя.

Никакой охраны внизу замка не было. Кажется, это сооружение действительно могло быть воздвигнуто гигантскими четырехрукими Циклопами в доисторические времена — такими громадными, высокими и несоразмерными между собой были ступени лестницы. Вергилий принялся карабкаться вверх, время от времени останавливаясь передохнуть, а заодно взглянуть по сторонам. Он еще никогда не видел Неаполь в подобном ракурсе: Везувий, над которым вьется едва различимый дымок, гора Сомма неподалеку, за ней Олений парк, голубые воды залива, Главный порт (его гвалт сделался теперь лишь отдаленным гудением), городские районы, ближние и дальние предместья. Лестница все время заворачивала, из стен то и дело выпирали камни казалось, сооружение держится только за счет тяжести верхних камней, а иначе — немедленно бы рассыпалось. То ли по мере подъема ступеньки становились круче, то ли сам подъем требовал всего внимания, чтобы не споткнуться в многочисленных выбоинах лестницы, образовавшихся за долгие годы, но по сторонам Вергилий уже не смотрел. Наконец лестница кончилась.

Здесь стражи тоже не было, впрочем, Вергилий сразу и не понял, что добрался до верха, потому и на человека в красной мантии внимание обратил не сразу.

Сначала он увидел перед собой ноги.

Те стояли на камне, будто бы сами по себе, прямо посередине двора. Крепкие и сильные на вид, однако дрожащие. Без видимой причины их сотрясала нервная дрожь, мышцы ходили ходуном в непрекращающихся судорогах. Вергилий поднял взгляд.

Человек, стоявший в центре двора, был облачен в традиционную одежду тартесситов — всю в вышивке и плиссировке, а поверх нее была накинута яркая пурпурная мантия. Едва увидев это, Вергилий заговорил:

— Сударь, я ищу лорда-капитана... — Но, не успев закончить фразы, Вергилий умолк — он увидел лицо человека.

«Этот человек слеп, этот человек глух, этот человек глядит в море и ждет корабля, который не придет никогда, — мгновенно, словно сгустком, пронеслось в мозгу Вергилия. — Этот человек был заклят стоять тут, стоять невесть сколько, и он будет стоять, пусть сами Небеса обрушатся на землю... — Человек перевел взгляд на Вергилия. — Этот человек безумен, подумал Вергилий, — он убил бы, меня, когда бы смог...» — Глаза человека были темно-зелеными, похожими на камни, покоящиеся под водой, и заполнены были

чем-то еще более мертвенным, нежели безумие, и боль, гнездившаяся в них, казалась мучительней всех прочих болей. Губы беззвучно выдавливали оболочки каких-то слов, капелька пота, хотя день был вовсе не жарким, сбегала с его лба и повисла на кончике носа.

— Сударь, прошу прощения за то, что потревожил вас, — тихо промолвил Вергилий и проследовал мимо.

Завернув за угол, он обнаружил там еще двоих людей в тартесских одеяниях, но уже без мантий. Они появились из дверей, ведущих, похоже, внутрь самого замка. Он повторил свой вопрос.

Оба удивились, кажется, не только сути вопроса, но и самому появлению незнакомца. Не останавливаясь, они прошли мимо Вергилия, и один из них, обернувшись, кивнул ему, предлагая следовать за ними. По дороге они переговаривались на языке, который, очевидно, был их родным. Они снова вышли на лестницу, уже другую, и сошли чуть вниз, в некое подобие прихожей, разве что без крыши; повернули направо, снова спустились вниз, прошли по небольшому балкону и, через очередной коридор, вошли в помещение, отчасти смахивающее на контору. Один из провожатых сделал жест, показывающий, что Вергилию следует дожидаться здесь, и оба зашли в следующие двери. Двери за ними затворились, и Вергилий остался один.

Это помещение замка из всех, что прошел Вергилий, было первым, хоть как-то обставленным, да и то весьма скудно и нелепо. Здесь был ковер, какие используют вместо седел, расписанный парфянскими орнаментами и покрывавший что-то похожее на козлы с закругленными концами. Кроме ковра в помещении имелся стол, на столе лежала большая, похожая на кодекс законов книга, крайне обветшавшая; еще на столе имелась серебряная тарелка, на которой сохли корка хлеба и рыбий скелет. Обстановку довершала кожаная ширма поперек комнаты. Чувствуя, что усталость в ногах после тяжелого подъема начинает уходить, Вергилий вздохнул и расправил плечи. За ширмой кто-то пошевелился.

— Я не знал, что тут кто-то есть, — раздался голос, и ширма отодвинулась в сторону. За ней было окно, и дневной свет хлынул в глаза Вергилию, на мгновение его ослепив и заставив прикрыть глаза рукой.

— Я жду лорда-капитана, — произнес он.

— А... так идите сюда и ждите тут, здесь куда удобнее...

За ширмой обнаружилась ниша со скамейками вдоль стен. Наконец глаза Вергилия привыкли к освещению, и он смог разглядеть незнакомца. В его речи был явственно ощутим акцент — пунический либо сирийский, одет же он был по последней неаполитанской моде и весьма изысканно. В манерах чувствовалось воспитание, выглядел он крайне благопристойно. А вот его возраст было невозможно определить. Он мог оказаться практически любым. Бледные-бледные голубовато-зеленые глаза. Сложение...

— Меня зовут Ан-тон Эббед Сапфир, но здесь меня называют просто Огненным Человеком. Легко понять почему. Я — финикиец. Наша кожа впитывает в себя солнце, но совершенно не загорает. «Финикийцы» — это примерно и означает «огненные люди». — Эббед Сапфир махнул рукой и лениво растянулся на лавке. Помолчав, он добавил: — Лорда-капитана... странно, я, например, его никогда не видел...

Проговорив все это, жестом руки он предложил Вергилию насладиться видом, открывающимся из окон замка. Тут в помещении появился тартессит с курчавой бородой, который, жестикулируя обеими руками, дал знак Вергилию следовать за ним. Вергилий мгновение помедлил, финикиец же не обратил на вошедшего ни малейшего внимания.

— А кто был тот, в пурпурной мантии? — спросил Вергилий, обернувшись к Огненному Человеку.

Тень мимолетной тревоги скользнула по безмятежному лицу финикийца.

— Не спрашивайте ни о чем и не вмешивайтесь, — ответил он и вновь отвернулся к окну, глядя на вытянувшиеся вдоль побережья предместья.

— А? — вдруг закричал курчавобородый тартессит. — А? Лорд-капитан?! Почему?! — И здесь голос его внезапно сорвался на визг, он визжал, словно роженица — взхлеб, совершенно не отдавая себе отчета в том, что кричит. Тело его забилося на полу в агонии.

Мимо Вергилия пронеслась пурпурная мантия. Курчавобородый затих, финикийца и след простыл. Тот человек, что стоял на камне в центре двора, бежал теперь с отчаянным криком во внутренние двери. Он кричал что-то странное, неартикулированное, бессвязное, что нельзя было счесть речью ни на одном из существующих языков и наречий. С его меча стекали капли крови. Вергилий бросился вслед за ним.

Все это показалось ему ночным кошмаром — бесконечные коридоры, гигантские стены, полумрак, чадающие факелы, отдающиеся эхом крики безумца, который в любой момент мог остановиться, развернуться и ринуться на преследователя. Время от времени он оглядывался, и ничего от человеческого выражения на его лице уже не было. Безумец остановился, и тут Вергилий споткнулся и упал, ударившись головой о камни. Безумец снова ринулся прочь, но зацепился краем мантии за выпирающую из стены скобу для факела, дернулся, ткань затрещала, порвалась, мантия осталась висеть на стене, а ее владелец побежал вперед. Вергилий вскочил, подхватил мантию и, держа ее в одной руке, на бегу отчаянно пытался отцепить от своего пояса письменный прибор.

Неожиданно они оказались в анфиладе комнат, светлых и богато обставленных, добежали до конца, дверь в торце анфилад распахнулась человек, сидевший в последней комнате за столом, поднялся с расширенными от ужаса глазами. Безумец взвыл и ринулся на него. Вергилий бросился следом и швырнул вперед мантию с привязанным к ее углу письменным прибором, потом резко остановился и подался назад.

Мантия захлестнула шею безумца, он рухнул на пол, на миг обездвиженный, Вергилий воспользовался этим, кинулся сверху и, придавив безумца к полу весом своего тела, вывернул его руки назад.

И только теперь отовсюду хлынули люди. Один из них занес меч...

— Хорошее, крепкое вино, — своим гортанным голосом произнес лорд-капитан. — А еще я добавил сюда немного лекарственных настоев. Однако вино следует пить, а не держать в чашках.

Вергилий пригубил. На вкус вино было странноватым и действительно чуточку пахло травами. Оно слегка горчило, и, против воли, Вергилий поморщился. Тут же, словно бы вместе с этой дрожью, слабость его покинула.

— Зачем он сделал это? — осведомился гость. — Чего хотел добиться?

Лорд-капитан вздохнул и поморщился:

— Объяснять все — довольно долго. Да и тогда придется объяснять и сами объяснения. Скажу кратко: тут замешаны женщина, месть и прочие мотивы, распространяться о которых мне не хотелось бы...

Сидя, лорд-капитан выглядел громадным. Гигантская голова, крепкий подбородок, широкие плечи. А вот ноги у него были коротки, вдобавок, он еще и прихрамывал. Вергилию пришла на ум мысль, что, возможно, именно поэтому хозяин редко показывался на людях. Волосы блестели сединой, щеку пересекал шрам.

— Раньше повсюду было полно стражи, — продолжил тартессит, — чтобы предотвратить то, что произошло сегодня. Но я, решив, что никакой опасности нет, удалил их всех. И вот, гляди-ка, опасность... совершенно ниоткуда. Но расскажите теперь о себе, только честно. Кто вы, зачем искали меня?

Комната была обставлена изысканно, богато, но все же казалась чуть-чуть ветхой, неуловимо запущенной.

— Магическое зеркало... никогда о таком не слыхивал. Магия... Понятия не имею о магии. Короли, Каре, медь — все эти вещи не слишком привычны для меня. — Лорд-капитан встряхнул своими кудрями и глубоко вздохнул. — А вот олово... Да! Олово — другое дело. Тут я все понимаю. Нет, лорд-капитан не продаст вам олово, однако же он сможет помочь... Итак, Вергилий... Ученый. Маг. Сколько же олова тебе нужно?

Медленно, со всей тщательностью выбирая слова, Вергилий объяснил, что олова требуется немного — столько, сколько уместится в ладонях... но это олово должно быть девственным.

— Я понял, — кивнул хозяин, — ты объяснил мне все очень подробно, и я понял. А теперь я объясню тебе все — столь же тщательно и не спеша. Представь себе, что ты сидишь в своем доме и тебе что-то

потребовалось. Как ты поступишь? Пошлешь раба на рынок. Скажешь ему: «Ступай, принеси мне это». Очень просто, не так ли? Но с тобой все куда сложнее. Товары добираются до нас не спеша, медленно едут от подворья к подворью. Девственное олово? Нет, руду сюда не везут. Олово прибывает в слитках, а откуда они берутся, не знаю даже я, лорд-капитан. Да, я могу попытаться достать его. Но ведь я всего лишь здешний лорд-капитан. В соседнем подворье от меня останется только имя. А еще дальше — там, где подобное олово можно раздобыть, от меня не останется и имени. Здесь я вправе распоряжаться жизнью и смертью людей. А где-то вообще не имею ни малейшей силы. У меня есть еще влияние в Риме, в Марселе оно куда слабей. Лед... ты знаком со льдом, доктор Вергилий? Берешь кусок и перекладываешь из руки в руку. А кусок — уменьшается. Тает. А потом и вовсе исчезает.

«Но тает не только значимость одного человека, — подумал Вергилий. Похоже, что тает сам Тартесс, государство клонится к упадку, становится лишь тенью, призраком из прошлого. И сам лорд-капитан — вместе с ним. Однако же пока есть хоть какая-то возможность, пока хозяин не растерял еще былого величия, надо сделать так, чтобы он помог».

— Я попытаюсь, — пожал плечами лорд-капитан. — Почему бы и нет? Дело представляется мне благородным. За три года, возможно, и удастся раздобыть твое невинное олово.

— Сударь, — выдохнул Вергилий. — Три года — это слишком много. Даже три месяца могут оказаться роковыми.

Слабая, кривая улыбка появилась на губах хозяина.

— Доктор магии и прочих наук, ты что же, ограничен временем? Даже тебе оно не дает покоя и привязывает к себе? Что же тогда сказать обо мне? Ну да ладно. Огня сюда!

Низкий голос гулко прозвучал в комнате. Вскоре появился слуга с факелами, и в их шипящем пламени гость и хозяин сошли вниз, проследовали теми же гигантскими, завораживающими лестницами и оказались во внутреннем дворе, где стоял острый прогорклый запах. Человек, занятый тем, что складывал в бочку с водой куски мяса, взглянул на подошедших, не отрываясь от своего дела. «Сокольников», — подумал Вергилий, увидев на запястьях человека широкие кожаные ремни. Но где же сами соколы Тартесса? И кто хотя бы слышал об их соколиных охотах? Да и весь вид двора ни в малой степени не наводил на мысли об охотничьем дворе.

Два старых человека — лорд-капитан и сокольников — поговорили на своем языке, а затем развернулись и пошли в сторону приземистого деревянного строения, притулившегося возле каменной стены замка. Лорд-капитан дал знак Вергилию, чтобы тот следовал за ними. Внутри домика пахло как в любой конюшне, но отовсюду — с насестов, из клеток неслись птичьи голоса.

— Это Хозяин Воздуха, — представил человека лорд-капитан. Вергилий поклонился. Хозяин Воздуха хмыкнул, не слишком, видимо, польщенный; когда же лорд-капитан продолжил: — Он сделает так, что твое сообщение будет отправлено, — принялся ожесточенно протестовать, как это можно было понять по его жестике, поскольку все произносимые слова Вергилию были незнакомы.

Продолжая бормотать, Хозяин Воздуха достал из клетки птицу, подобной которой Вергилий никогда не видел: золотую, с хохолком на затылке, что мягко стелился на лоб под указательным пальцем Хозяина Воздуха, поглаживающим птаху. Лицо его просветлело, и впервые за все это время он обратился к гостю.

— Она была послана мне в яйцо, — сказал он, нетвердо строя фразу, — их было два в выводке. Другое не проклюнулось. Я поднял, проверил. Таких птиц посылают только в крайней беде.

— Беда уже пришла. Сегодня, — прервал его лорд-капитан. — И он, Вергилий, спас меня. Потому уверяю тебя: он имеет право на это послание.

Казалось, Хозяин Воздуха готов был застонать. Задетый этим, Вергилий хотел было уклониться от чести, в чем бы она ни выражалась, — он и сам не понимал, что тут происходит. Но вспомнил о собственной беде, о собственной боли и смолчал.

Хозяин Воздуха отвернулся и, бережно придерживая птицу, пошел в глубь птичника, откуда вскоре вернулся в компании двух сорокопудов, восседавших на его запястьях и свирепо поглядывающих по сторонам своими желтыми глазами. Лорд-капитан принял золотую птицу на раскрытые ладони, и птица

взглянула на него. Он начал что-то говорить ей, а птица слушала. Он заговорил снова, сделал паузу и опять заговорил. Казалось, все время звучат одни и те же слова. Будто бы птицу в чем-то наставляли.

— Что же, — на ум Вергилию пришла внезапная мысль, — золотая птаха перенесет мое сообщение? Она умеет воспроизводить речь, как попугай? И быстро она учится?

— Нет. Разговаривать она не умеет.

— Но зачем же...

— Она отнесет твоё сообщение, как если бы сообщение было моим. Она полетит, куда нужно, и напишет твои слова.

Напишет!

И лорд-капитан не верит в магию?!

— Ну что же, довольно. Она все выучила. А эти две будут охранять ее в пути. Покончим с этим делом. Хозяин Воздуха.

Тот нежно погладил всех трех птиц, дунул соколам в уши, поцеловал хохолки. И наконец развязал кожаные ремешки. Сорокопуты встряхнулись, расправили крылья, и золотая птица первой взмыла в воздух. Края ее крыльев сверкали в свете факелов. Она сделала круг над головами людей, еще один, третий... Соколы взмыли в небо, как стрелы, пущенные из арбалетов, и все три птицы исчезли в ночи. Возле ног Вергилия опустилось мягкое серое перышко, а где-то в вышине раздался мягкий вскрик, заглушенный шумом ветра, трепавшего и дравшего в клочья огни факелов.

5

Поблагодарив, Вергилий отказался от услуг факельщика, посланного проводить его до дому, и покинул тартесский замок. Только ощутив привычный сильный запах Главного порта, расслабился и дал волю мыслям... Что встретится на пути золотой птички и двух ее телохранителей?! Моря и штормы, скалы и леса — куда она летит, сколько ей лететь? Он не знал. Через просторы земные и морские, над лесами и торфяными пустошами, пересекая самые дальние рубежи Империи, за пределы Великой Ойкумены, до таинственной Ультимы Туле^[10] — самой дальней из известных стран, да, возможно, до этой таинственной страны, покрытой камнями и льдом... кто знает, где находятся Оловянные Земли?

Птичка увидит то, что не видел никто из людей, увидит, как, подобное начищенному медному диску, из пучин восходит солнце, под ее крыльями ослепительно блеснут горные вершины. Великий лес, простирающийся далеко за пределы человеческого знания, и наконец, после многих дней полета и многих опасностей, после штормов и холода. Северных морей, где свои владения охраняют уже тюлени, а не волки...

Заслышав его шаги, слепой нищий затянул свою унылую молитву и немедленно оборвал ее на полуслове, едва услышав звон монеты, упавшей в чашку. В порту шла своя жизнь, шипели и дымились куски мяса, в чанах булькала фасоль, разогревалось пряное вино, продуктовые лавки освещались красноватым сиянием. Портовики и докеры сидели на порогах своих хибар и макали в миски куски хлеба, напоминая Вергилию о том, что за весь день у него и крошки во рту не было. Женщина с ярко накрашенным лицом и в расстегнутом платье перегнулась через подоконник и жестом поманила его внутрь. Чуть поодаль растрепанный пацан и шелудивая псина спали на траве в обнимку.

Миновав эту оживленную круглые сутки часть порта, Вергилий шел теперь по району складов, где работа обыкновенно кипела только днем. Отовсюду падали черные тени, свет тек слабый, тусклый, фонарей было мало. На подъеме — там, где, миновав арку, улица начинала взбираться в гору, закипала какая-то ссора. Чтобы обогнуть кучу гравия, оставленного днем строителями, Вергилий свернул в сторону, и шумная эта компания вывалилась прямо на него — в одно мгновение он очутился в самом центре заварушки.

Вздымались дубины, отовсюду неслись крики и непристойная брань. Спорщики то отскакивали в стороны, то вновь кидались друг на друга. Разбитый кувшин, возможно, причина или следствие скандала, валялся на земле в луже дешевого, кисло пахнущего вина. Вергилий принялся протискиваться между гуляками — всего их было человек пять или шесть, как вдруг один из них навалился прямо на него. Протестовать не имело смысла, Вергилий удержался на ногах и пошел своей дорогой, однако тот, кто навалился на него, обежал его сзади и загородил путь. Задира что-то прокричал и принялся размахивать дубинкой.

Объясняться времени не было. Вергилий извлек из ножен на поясе длинный нож и со словами «стой спокойно» последовал дальше.

Но с рук ему это не сошло. Как по команде, остальные прекратили свару, кинулись к нему и окружили со всех сторон.

— Ножик на нас вытащил... — мрачно протянул один из них, и в голосе его явственно прозвучал гнев недоумка, чувствующего себя задетым, когда ему возражают. Другой из толпы нагнулся, замахнулся, и, скорее почувствовав, чем увидев, Вергилий успел увернуться от летящего камня. Дела складывались плохо.

Сначала ему показалось, что этот круг света возник лишь в его глазах от полученного тычка. Однако, судя по тому, как замерли нападавшие, этот свет увидели и они. Линия света, бежавшая по земле, замкнулась и превратилась в горящее кольцо. Вергилий внезапно ощутил давление, подобного которому ранее не испытывал. Держа нож по-прежнему направленным в сторону нападавших, он обернулся. Сзади стоял мужчина, примерно так же, как и он сам, вытянувший руку, вот только ножа в ней не было. Небрежно отставленный указательный палец был направлен в сторону огня. Палец пошел вверх — уровень пламени моментально вырос.

Бандиты — грязные мужики в латаных и засаленных куртках — шумно дышали раскрытыми ртами.

Неизвестный повернулся к Вергилию и сделал рукой широкое и угрожающее движение. Круг огня моментально рассыпался на отдельные костерки, каждый из которых ринулся на противников, разбегаясь во все стороны веером. Огонь словно бы стал теперь извивающейся змеей, норовящей ужалить каждого из бросившихся врассыпную бандитов в пятку. На мрачных камнях складов мельтешили редкие отсветы. Теперь пламя двигалось медленней, но бандиты улепетывали без оглядки. Постепенно огонь стал угасать, казалось, он теряет тепло, становится из жарко-оранжевого холодным. Огоньки начали тускнеть, побелели и наконец сделались пятнышками, крапинками, стайкой светлячков, Вергилий снова оглянулся и увидел теперь, что за его спиной стоит Огненный Человек.

И тут огоньки полностью угасли.

— Хотел бы я узнать, как такое делается. — Клеменс испытующе взглянул на гостя. — Полный контроль над огнем, а точнее, над теплом — это вечная проблема в любых алхимических изысканиях. Похоже, капитан Ан-тон, вы это умеете. Хм, хм. Есть, правда, сведения о человеке, которого звали не то Элия, не то Элио, или что-то в этом роде, который умел приводить огонь с небес. Рассказывали, что в конце концов он вошел в огонь сам и с той поры не появлялся... Хм...

— Верно, — кивнул Огненный Человек. — А что до того, как это делается, то вы ведь знаете, что все на свете имеет свой образ или, как выражается Лукреций Кар, свою конфигурацию атомов. Одни образы стабильны, иные — не слишком, а третьи и вовсе постоянно перетекают. Образы огня всегда текучи. А как иначе? Они привязаны к ветру, зависят от влаги... Тут главное знать, с чего начать. А узнаешь это... — Гость улыбнулся, но улыбка не слишком разгладила его лицо. Он словно бы вглядывался во что-то, одновременно близкое и далекое.

Клеменс в нетерпении нагнулся вперед, положил подбородок на кулаки, а локти распластал по столу. Но Огненный Человек не продолжил. Клеменс вздохнул и откинулся назад.

— Ну что же, может быть, когда-нибудь после... — пробормотал он.

— Когда-нибудь, — легко согласился Вергилий, неторопливо трапезничая. Он расслабился, отдыхая от событий дня. Казалось, даже мучительная боль, возникшая после встречи с Корнелией, на время приутихла. — Когда-нибудь я наконец научусь не ввязываться в стычки. Две за один день — мда... хотя ни одна из них не обернулась для меня плохо. Возможно, из-за вас, сударь. Он повернулся к финикийцу. — Ведь в обоих случаях вы были неподалеку.

Эббед Сапфир, разглядывавший в это время модель новой астролябии (проект Вергилия, который он на время оставил), с сомнением выпятил нижнюю губу. По его мнению, эти две истории совершенно случайно сошлись в один день. Нет, он не примет никакой благодарности. В одном случае виновен безумец, ставший таковым от долгого размышления о своих несчастьях, в другом же... Второй случай скорее всего был подстроен.

— Почему вы так думаете? Кому это нужно?

— Но это же была не ссора, — не заставил себя ждать финикиец. — Это была засада. Главный громила, самый отвратительный среди них, тот, что со шрамом на подбородке, находится на жаловании у Турнуса Руфуса.

Клеменс пожал плечами. Половина Неаполя, не лучшая, надо отметить, его половина, находилась на содержании у Турнуса Руфуса. Однако финикиец продолжил свою аргументацию. Если верить его словам, по Неаполю пополз слухок, будто предпринимаются попытки сделать торговлю с Кипром совершенно свободной. Торговцы медью пришли в отчаяние — нарушается их монополия. А кто стоит за всеми торговцами, делящими между собой монополию? Турнус Руфус. Все запасы на складах моментально обесценятся. Правду ли говорят или нет — Руфусу не важно, ему нет нужды верить или нет в истинность любого слуха, довольно будет, если там содержится хотя бы крупница правды.

— Если так, то в будущем нас ожидают непростые времена, — вздохнул Вергилий, — поскольку наш приятель Вергилий в одиночку себя прилично вести не умеет.

Но их приятель Вергилий не выглядел слишком уж озабоченным, он принялся рассказывать о своем визите в замок Тартесса и о тартесситах как таковых.

Огненный Человек подхватил разговор:

— А я посещаю их всякий раз, когда оказываюсь в порту, где есть тартесское подворье. По случаю доставляю им грузы и нахожу их весьма честными, хотя с ними не всегда просто. Да и вообще, я испытываю к ним известные родственные чувства. Сами посудите, я ведь тоже из эмигрантов. Я говорил вам, что я — финикиец. Но, более того, я из Тира. Вы слышали о Тирской войне?

Вергилий и Клеменс попросили его рассказать. По бокалам было разлито вино, смешанное с небольшими порциями пятой винной сущности, произведенной дистиллятором Клеменса, и глаза Эббед Сапфира засияли, разгоряченное лицо побагровело, едва он принялся живописать блеск и величие опоясанного морями Тира. Дворцы. Флот. Гигантские залы, пахнущие кедром. Одежды из непревзойденнейшего пурпура, тайна способа производства которого и принесла Тиру его первоначальное богатство.

— О, среди нас жила великая мудрость, — произнес тириец, и глаза его заблестели еще более. — Наши астроманты изучали небеса, по взаимному расположению созвездий определяя время, пригодное для отправки в плаванье, обучали, как по небесным знакам провести корабль, что предвещает благоприятный путь и когда лучше встать на якорь или укрыться в бухте у причала. Наши философы изучали таинства человеческой природы и тройственный состав его души, наши пастыри и пророки сносились со Сверхъестественными Силами — среди них мудрейшим был Перес, сын Пир-Хирама, короля Тира. Но и его мудрость, увы, оказалась безгрешной. Однажды к нему явились четыре Великих Элоима: Миха-Эль, Хабри-Эль, Рафай-Эль и Ури-Эль...[\[11\]](#) И вот, сии князья четырех частей Земли и Неба потребовали от Переса разрешить их спор — кто из них наимудрейший? В дурной час согласился он сделать выбор, и выбор его пал на Ури-Эля. И, сделав выбор, он потребовал награды... Он потребовал для себя любви самой прекрасной женщины на свете — Элеаны, нареченной невесты Александра мага, который, во гневе от потери, собрал вокруг себя все союзные ему племена Греции, пересек Малую Азию и на семь-лет окружил Тир. Всякую ночь его мужи топили в море гигантские камни, дабы установить мост, соединяющий материк с островом Тир, и всякую ночь наши пловцы уходили в глубины и крюками пытались растащить эти камни. Семь лет греки держали нас в осаде. И мы были разбиты... Ну что же, да пребудет Фортуна благосклонной к твоему начинанию, доктор Вергилий... А когда тебе потребуется суденышко, то... Он не закончил фразы.

Какое-то время двое слушающих, не вполне уловивших сказанное им, глядели на финикийца в растерянности. А Огненный Человек быстро кивнул, закутался в плащ и вышел вон.

— Как ты думаешь... — От удивления Клеменс даже привстал. — Он расстроился после того, как пересказал нам историю о крушении Тира или...

— Да нет, — покачал головой Вергилий. — Тут, похоже, дело сложнее.

— Но...

— Сегодня у меня был очень тяжелый день. Будешь сидеть всю ночь? Нет? Ну ладно, я пойду лягу. Завтра очень много дел.

Да, он и не подозревал, что настолько устал. Едва передвигая ноги, Вергилий добрался до кровати и рухнул на нее. Но перед тем, как Вергилий утонул в сонном мраке, его мозг посетила мысль — неоформленная, невнятная. Усталый, он желал лишь забыться, потерять себя в этой мягкой тьме, но все же изо всех сил удерживался, чтобы поймать мысль. Наконец всплыло слово, которое все объясняло. Кольцо. Какое кольцо? Сегодняшнее кольцо огня? Кольцо Огненного Человека? Мозг растворяла усталость, он засыпал... Какой-то знак... нет, не мог вспомнить... что-то было похожее... не мог собрать все воедино... Корнелия... кольцо... «Кто идет?» — спросил он беззвучно, и бронзовая голова пошевелила своими блестящими губами.

Но кругом была лишь тишина.

6

На приглашение, доставленное в дом Бронзовой Головы следующим утром, пошел такой кусок пергамента, что его запросто хватило бы на оболочку для колбасы, произведенной из целого быка. Впрочем, хотя на листе достало бы места и для всех Сивиллиных книг сразу, начертаны на нем были лишь несколько строчек. Сие, несомненно, служило внятным признаком высочайшего благоволения. Странно, Вергилий и не подозревал, что столь высоко ценим дожем Неаполя. Впечатлился даже Клеменс, вышедший после утреннего омовения к столу, с каплями воды, блестевшими в волосах.

— Мда... — протянул он. — То, что вместе с тобой он приглашает и меня, несомненно, означает, что ты для него птица важная... А я с ним встречался только однажды, и, кажется, эта аудиенция побила все рекорды краткости.

— Как так?

— Ну как... Он мне сказал: «Ты добудешь мне золото?», я ответил: «Нет», тогда он сказал: «Ну и ступай». Я и пошел. Вообще-то это удача, что Парки сделали его дожем. Все управление он переложил на своих подчиненных, на тех, что посмекалистей, а сам в любой момент может без труда их проконтролировать. Отлично. Хм... Хм... Охота на оленя. Однако же, если вдуматься, до каких пределов изощренности дошли всаднические круги, что превратили столь простую вещь, как желание отведать оленины, в столь замысловатый ритуал... Ну и ладно, все они будут алкать мяса, то есть будут заняты именно этим. Так с ними спокойнее. По мне, так король-чурбан куда лучше, чем король-плаха, да и в любом случае нас, похоже, ожидает там завтрак не из самых ужасных. Может быть, он даже придется мне по вкусу.

Великое высочество дож Неаполя давал сию охоту в честь возвращения догарессы королевы Корнелии, равно как и в честь визита его высокопревосходительства Адриануса Агриппы, имперского вице-короля Юга. Мастером же охоты, явившимся в Неаполь исключительно по этому случаю, назначен был не кто иной, как сам величайший и прославленный принц Феб, сын короля Модуса, получивший по случаю проводимой дожем церемонии титул первого капитана охоты. Разумеется, для участия в охоте не мог подойти ни один из коней или жеребцов, имевшихся в конюшнях улицы Драгоценной Сбруи, однако же затруднения подобного рода, могущие возникнуть у приглашенных, были заблаговременно предусмотрены, так что через час после получения приглашения Вергилий и Клеменс услышали невероятный шум, доносившийся с улицы, бронзовая же голова объявила о прибытии «слуг дожа».

В комнате появился смуглолицый человек в обтягивающей одежде и накидке цвета лесной зелени, отрекомендовавший себя «сержантом охоты».

— А это, — сказал вошедший, представляя своего спутника, — главный возничий ее величества, который, как мы надеемся, окажет посильную помощь доктору Вергилию и второму высокоученому доктору... — гость обернулся в сторону Клеменса и галантно приподнял в знак приветствия шапочку, — тем, что поможет им выбрать одного из доставленных коней. Впрочем, если ни один из этих скакунов не покажется доктору Вергилию и его столь же высокоученому коллеге-доктору достойным, то мы, несомненно, будем счастливы прислать вам еще дюжину-другую коней на выбор. Передаю вам также искренние и наилучшие пожелания благоуспехания от его высочества дожа. Да, разумеется, вместе с конями вам присланы и седла, и прочее снаряжение, а также необходимые для охоты принадлежности... — Он перевел дыхание, заодно послав воздушный поцелуй проходившей мимо окна шлюхе.

Так вот ранним утром Вергилий и Клеменс обнаружили себя завтракающими в павильончике, выстроенном в Оленьем парке, что неподалеку от горы Сомма по эту сторону Везувия. Еще не вполне рассвело, так что лампы не были задуты, а жаровни, заполненные древесным углем, прозываемые «сальдерини», надежно оберегали собравшихся от холода. Сам дож Тауро был громадным, сильно обросшим волосами человеком, мило встретившим пришедших и помахавшим в знак расположения огромной лапицей, однако обошлось без устных приветствий, поскольку рот дожа был занят — тот ел. Корнелия же слабо улыбнулась Вергилию — и не так, словно бы он и Клеменс ей не слишком приятны, но так, будто эти люди знакомы ей весьма смутно, так что и не вспомнить, кто они и где она встречала их

прежде. Да, Корнелия слабо улыбнулась и пригубила горячее вино. Остальные собравшиеся — двор и крупные неапольские воротилы — озирали новых гостей со смешанными чувствами, а именно — уважения и удивления, в разговор же с ними не вступали. Так что развлекать ученых болтовней выпало на долю стройного и обходительного молодого человека с приятным взором и острым носом вице-короля Агриппы, бывшего на деле умным и компетентным звеном между безразличием императора и бессилием дожа.

— Чего желает душа мудреца? — осведомился он у Вергилия. — Нет хлеба, нет и философии. Я предполагаю, что сей восхитительный горячий хлеб выпечен с растолченными апельсиновыми корочками, — начните с него, не прогадаете: это куда лучше, чем любое пирожное. Да, кстати, пирожные у нас тоже есть. А запить? Стаканчик горячего вина или подогретое пиво с пряностями, доктор Вергилий? А вот, кстати, и превосходнейший мед. А это копченый сыр, доктор Клеменс. Прямо с императорских мыз. А вот что я придумал — ну как мы поделим между собой эту громаднейшую колбасу? На ее приготовление пошла телятина и молочный поросенок — что может быть нежнее? И, безусловно, мы не обойдем своим вниманием и тарелку с печеными грушами, вон ту, что покрыта сочным кремом. Но, тес, — он приложил палец к губам, кажется, наш Бык вот-вот замычит от удовольствия.

В самом деле, глаза дожа приобрели осмысленность, мощные челюсти замедлили свое движение, а руки принялись жестикулировать. Замычать он не замычал, зато поднялся с места и направился напрямик к Вергилию и Клеменсу, которые при его приближении поднялись из-за стола. Дож подошел и, подхватив приятелей под локотки, повел в сторону. К тому времени он уже успел прожевать все, что было во рту.

— Не будем терять времени зря, — произнес он низким голосом. — Охота дело важнецкое, а завтра снова надо работать. Вот, — сказал он, подвигаясь поближе и продолжая тоном заговорщика. — Видишь в чем дело? А? Дочка моей кухни, благородная Лаура, три месяца назад уехала из Карса, и с тех пор о ней ни слуху ни духу. Смекнул? Найди мне ее и волоки сюда. И побыстрей. А что до всего этого, то... — Он сделал размашистый и гостеприимный жест, указывая на заполненный яствами стол. — В общем, ты понял? Гляди вот... Дож порылся в недрах своих одежд и наконец извлек на свет медальон на тонкой золотой цепочке, открыл, и там обнаружилась миниатюра, писанная по слоновой кости. — Видишь? Понятно теперь, а?

Подмигнув, дож продемонстрировал портрет молоденькой девушки, едва только вступившей в возраст девичества.

— Ее дед тоже был дожем, — прибавил он не без гордости.

Миниатюру рассмотрели, высказали восхищение, дож закрыл ее и спрятал на место.

— Так что ты понял? Делай свое дело, ты знаешь какое. И делай быстро. И води ее мне сюда. Вот так. А пока... — И он снова сделал гостеприимный жест, приглашающий мудрецов к столу, после чего незамедлительно вернулся на свое место и вновь принялся за тушеную пулярку. А вот Корнелия и лукавый Агриппа обменялись странноватыми холодными взглядами.

Вергилий потягивал горячее, услажденное медом вино и без особой охоты слушал болтовню сотрапезников.

— Ястребы... толстые коровы и иногда хорошие куры... лучше всего...

— И что, никаких зайцев?

— Ну как же... ну, раз в месяц можно и зайца...

— Охоты у дожа прекраснейшие. Мамочка родная, да чтобы я хоть раз в жизни увидел тут оленя, у которого на брюхе меньше двух пальцев жира...

— Хороша наша фортуна: дож или обедает, или храпит, а выпится, так снова на охоту.

Вергилий неожиданно ощутил направленный на него взгляд вице-короля.

— Когда бы голоса сплетников воспринимались столь же равнодушно, как шум воды, — промолвил тот, склонившись к магу. — Знаете, тут, вдоль нашего маршрута, есть павильончик... и если ваша страсть к охоте не сильнее моей, вы могли бы передохнуть там. Тогда бы, с вашего соизволения, мы и переговорили о том самом дельце, о котором заикнулся дож. А пока наши слуги не отнесли туда подстилки, подушки и

питье, позвольте быть вашим сопровождающим? Здесь, по сути, все довольно забавно, да и воняет не слишком...

Они вышли из павильона в утреннюю свежесть — на траве еще блестели капельки росы, а вот птицы если и распевали свои любовные песни, то слышно их не было. Кругом была толчея: охотники, лошади, грумы — все шумели, а еще и борзые, и гончие повизгивали так, будто просто-таки рвались заработать своим псарям обещанный за участие в охоте обол. Тут же присутствовал и сержант охоты, здесь же восседали на конях стрелки с арбалетами, тут же были егеря, следопыты и загонщики. Гончие рвались вперед, натягивая поводки, борзые вели себя более спокойно. Всех собак удерживали на поводках псари, которые составили их попарно и по три пары в своре.

Словом, крутом царила кутерьма, какая и должна предшествовать охоте. Одни только громадные серо-белые волкодавы, свирепейшие псы, используемые на охоте и на войне, вели себя невозмутимо.

Всеобщая веселая неразбериха моментально прекратилась, едва только вышеупомянутый капитан охоты, принц Феб, подкрутил свои тоненькие усики, выступил вперед и, встряхивая золотистой копной роскошных волос, принялся инспектировать выстроенных в ряд собак.

— Мда, — пробурчал Клеменс, — может быть, в этом деле кто-нибудь и смыслит меньше меня, только я в этом очень сомневаюсь...

Сказанное немедленно повлекло за собой симпатии сержанта.

— Ну так следите, господа! — оживился он. — Зверей, пригодных для лесной охоты, в природе существует пять. Называются они потому «сильвестрес тантум»^[12], и вот они все: олень старше пяти лет, лань, заяц, кабан и волк. Но, господа, только не олень, не достигший пяти лет! А почему? — спросите вы. Да потому, что он определяется как зверь полей, вот почему, господа. Что до обычаев зверей лесов, то они устраивают себе тайные укрытия в чащобах, где и проводят свое дневное время... Но едва только сгущается тьма и наступает ночь, звери лесов покидают укрытия и выходят на пастбища, на луга и во всякие иные места, где ищут себе пропитание... Да, что касается того, почему сие место называется парком... Что такое парк? Парк составляют зелень, олени и ограда — все это в совокупности и является парком. Лес, скажем, с точки зрения охоты, состоит, разумеется, из зелени, и, возможно, в нем имеются олени. Однако же невзирая на присутствие двух предпосылок к тому, чтобы его называть парком, отсутствует третья — ограда...

Между тем принц Феб покончил с осмотром собак и подозвал к себе следопытов, старший из которых выступил из шеренги вперед и приготовился отвечать на традиционные вопросы.

— Вы провели вчера разведку, следопыт?

— Да, мессир.

— И обнаружили ли вы метки, следы, отметины?

— Да, мессир, мы видели следы, метки, отметины.

— Глубокие следы? Свежие тропки? Отпечатки копыт, в которых ясно различимы их передняя и задняя части?

— Да, мессир.

— И следы, которые вы обнаружили, свидетельствуют ли об олене, пригодном для охоты на него? Это в самом деле взрослый олень, а не лань или олень-малолетка? Не олень двух- или трехлетний?

— Нет, мессир. Это самый настоящий взрослый олень.

Далее капитан охоты подозвал главного загонщика и расспросил его о том, сделал ли он засечки на деревьях, возле которых зверь устраивается на ночь, изучил ли он примятую там траву, дабы определить размеры и вес оленя. Загонщик, как и положено слуге верному и опытному, все доверительно объяснил и пересказал. Да, он сделал зарубки, чтобы было известно место лежки, а также пометил те деревья, на которых были оставлены следы рогов. Кроме того, он расставил заграждения и сетки, дабы удержать оленя впоследствии на верном маршруте, а также — с той же целью — повсюду были расставлены пугала и предметы, которые не позволят зверю ускользнуть и скрыться в неизвестном охотникам убежище. Кроме

того, подготовлены все места встречи оленя, и там уже ждут своего часа стрелки, в обязанность коим вменено направить ход оленя в сторону, которую потребует охота.

Принц Феб вновь обратился к следопытам:

— Обнаружили ли вы экскременты?

Экскременты были немедленно продемонстрированы ему, он склонился над ними, а когда распрямился, на лице его появилась улыбка.

— Сие обещает самца крупного и находящегося в преотличнейшем здравии, не так ли, следопыт?

— О, несомненно, мессир!

— Так ударьте же в гонг и разводите всех по местам!

Резкий звук гонга еще медленно затухал в воздухе, а все вокруг уже пришло в движение, своры собак были разделены на три группы — авангард, арьергард и основную группу, — прозвучал горн, и охота началась.

Одетый в этот день подобно прочим охотникам в просторную зеленую накидку и шапку, подвязанную под подбородком, дабы ветер не снес ее в сторону, Вергилий отложил на время попытки понять, что именно таилось в странноватых речах вице-короля, и со всем вниманием погрузился в незнакомое для него действо. Все происходящее было для него, не имевшего ни малейшего опыта, ни вкуса к подобным вещам, в новинку и уже оттого только было любопытно. Не говоря уже о том, что вся эта кутерьма, суета и суматоха дали ему возможность на время забыть собственную скорбь от потери.

— Эй, следопыты! — вскричал принц Феб, привстав в стремях своей лошади кремово-белого цвета. — Спускайте псов!

— *Ату его! Ату!* — заорали следопыты и псаря, к которым немедленно присоединились и загонщики. Собаки рванулись вперед, гончие при этом летели, вытянувшись стрелами, алануты же поспешали, вроде бы и не торопясь, но ничуть не отставая от гончих, а те внезапно остановились и принялись повизгивать и тявкать. Загонщики немедленно принялись улюлюкать.

Главный егерь вскричал «След!» и, подъехав к собакам, спешил и припал к земле. Почти тут же вскочил на ноги, на лице его появилось недовольство. Он отряхнулся и показал два пальца. Ответом был общий вздох: «Ах ты... Вот досада...» — олень был молод для охоты. Компания понеслась дальше. Наконец зоркие глаза волкодавов сумели отыскать то, чего не смогли сделать чуткие носы гончих, — новый след, и снова главный егерь кинулся на землю и измерил его. Вскочив на ноги, он с торжествующим криком вытянул четыре пальца.

— *Четыре! Четыре!*

То есть шириной след был в четыре пальца, иначе говоря, на палец шире, чем требуется для начала охоты.

— Поднять и загнать! — закричал капитан охоты. Собаки ринулись вперед, всадники и пешие — следом за ними, и вот громадный олень-самец с головой, увенчанной роскошнейшими рогами, вскочил, вышел из своего логова и повернул в сторону от охотников.

— *Уходит! Уходит! Ахой! Ахой!*

Двойной сигнал горна оповестил всех о том, что зверь покинул логово, тройной сигнал (его подали друг за дружкой дож, принц и сержант) дал знать, что первую группу борзых пора спустить с поводка, и сигнал четвертый, поданный уже только сержантом охоты, известил, что началась настоящая охота. Олень без особых усилий скользил впереди гончих, за которыми, в свой черед, по зеленым, словно бархатным, аллеям парка неслись на своих конях принц Феб в ореоле золотых развевающихся волос, дож Тауро, враскоряку сидящий на своей вороной кобыле, и Корнелия, столь же высокомерная, сколь нежная и безразличная в своем дамском седле, словно бы она сидела в саду под дубом на пригородной вилле. За ними — следопыты, псаря и все прочие.

— *Олени! Молодняк!*

— Молодняк! Гляди, гляди!

Выяснилось, что потревоженный олень был не один, теперь его догоняли двое других, очевидно — пара двухлеток или трехлеток. «Чтоб их», послышались крики. «Отделить приبلудных», — прокричал принц, и спущенные с поводков гончие отогнали молодняк в сторону, оставив взрослого самца в одиночестве. «Назад, назад!» — завопили загонщики, а псары щелкнули своими хлыстиками и принялись свистеть двум молодым гончим, увлекшимся преследованием молодых оленей. Это ли или новый сигнал горна, но гончие вскоре присоединились к общему строю.

— Вперед! Вперед!

— Авант! Авант!

— Осторожно, друзья! Только осторожно!

И снова клекот горна, визг гончих, пыхтение волкодавов, стук копыт, шум ветра в ушах...

Олень уходил от погони настолько легко, что мог позволить себе время от времени останавливаться и глядеть назад. А потом вдруг остановился, оглянулся и в одно мгновение исчез из виду, словно бы моментально скрылся в каком-то тайном убежище.

И новый сигнал горна возвестил поиск.

Увидев по левую руку павильон с коновязью рядом, Вергилий приотстал от остальных и направился туда, к этой постоянной станции — так назывался павильончик. По дороге он дважды останавливался, и слуги дважды разбирали перед ним заграждения и поднимали сети — устроено все это было для того, чтобы олень не мог уклониться от заранее спланированного маршрута охоты. Рано или поздно, но он неминуемо окажется неподалеку от павильона. Тут его дожидались псары с гончими последних свор, тут же имелись и арбалетчики, которые, в случае необходимости, произведут роковой выстрел.

Снаружи вовсю светило солнце, внутри же павильона было сумрачно, пол устилали горьковато пахнущие травы, а стены были украшены свежесрезанными ветками и цветами. Тут были кушетки, застеленные шелковыми покрывалами, и стол, на котором стояли блюда с фруктами и освежающие напитки.

А еще тут были Корнелия и вице-король.

— Ах, — вздохнул Агриппа, на полуслове обрывая разговор с Корнелией, если бы еще минуту я следовал за гончими, то, не сомневаюсь, сам бы принялся лаять... Ну уж нет. Все эти развлечения хороши для недалекой аристократии. Чем им еще заниматься? Интригами, конспирацией, заговорами и бунтами. Нет, пусть уж они занимаются охотой, так будет лучше всем остальным. Ну, понятно, кроме оленя. Говоря же о его судьбе, могу лишь процитировать некоего желчного израилита Самуэлидеса, выразившегося так: «Судьба его предопределена и известна. Пусть себе бежит куда хочет. И пусть бежит как хочет — быстро, не спеша. Все равно никуда не уйдет».

Корнелия взглянула на Вергилия, и впервые, кажется, в ее взгляде появилась робость. Он заговорил первым.

— Это не было необходимо, — сказал он. — Совсем нет. Я помог бы вам и так. Думаю, вы это знали. Если бы сколь угодно малая частица вашего сердца принадлежала мне, вы бы это знали.

— Мое сердце... — едва слышно произнесла она, мягко покачав головой, мое сердце принадлежит тому, кого я страшусь увидеть... Нет, я не знала, я не понимала ничего, простите меня. Но что я могу поделать теперь? События приняли новый оборот.

— Вы видели меня нагим и в страхе, — вздохнул Вергилий. — Как вы должны презирать меня...

— О нет, нет! — В глазах ее вспыхнул протест. — Нет же! Я ценю вашу дружбу и ваше уважение. Надеюсь, я не потеряю их никогда. Но я была бессильна, совершенно бессильна предотвратить то, что произошло... Взгляд ее блуждал, словно бы она глядела куда-то далеко сквозь него, сквозь толщу воздуха, далеко-далеко... — Из людей никто не может принудить меня ни к чему, никто, только один... Я сделаю для него все, все... кроме одной вещи... а хочет он от меня именно это...

«Туллио? — мысленно спросил себя Вергилий и тут же сам себе ответил: Нет. А кто же тогда?» Ответа

не было.

Звякнула тарелка. Корнелия прямо и бесстрастно глядела на него.

— Я приношу вам свои извинения, — произнесла она твердо и холодно, однако зеркало должно быть изготовлено.

Вице-король ушел в глубину павильона, принес оттуда корзину с отборными фруктами, наполнил бокалы охлажденным во льду вином, передал бокал Вергилию и сел против него — по другую сторону неширокого стола. Достал из-за пазухи маленький, изукрашенный драгоценностями ножичек, очистил грушу и принялся делить ее на дольки.

— Невежество и косность провинциальных царьков, доктор, весьма огорчительны для столь изощренного ума, как ваш. Я отчетливо представляю себе, какие горы дукатов идут ежегодно на то, чтобы дож мог устраивать охоты, содержать угожья, парки, леса и прочее. А едва наступает время платить налог на содержание имперских дорог, проходящих через его владения, — налог, воистину, смехотворный по сравнению с тратами на охоту, то — о, Юпитер, защити меня! — сколько стенаний и сетований на нищету мне приходится выслушивать...

— Да, несомненно, — согласился осторожно Вергилий, — дороги — это вены и артерии империи.

Что-то словно бы слегка приоткрылось в вице-короле, и он слегка опешил. Впрочем, он моментально пришел в себя, и голос его, когда он продолжил, оставался все таким же ровным и уклончивым.

— Да, несомненно. И вы легко поймете, досточтимый доктор, что для дальнейшего процветания империи, равно как и ее союзников, конфедератов, да и для всей Ойкумены, для всего цивилизованного западного мира насущной необходимостью является безопасность этих дорог. А среди них, — продолжил он, пригубив вина, — Великая Горная дорога не из последних. А если столь высокопоставленная путешественница, как госпожа Лаура, сестра нашего конфедерата короля Карса, не смогла преодолеть этот путь, то куда уж дальше? Несомненно, речь может идти о разбойниках. Где-то там, на дороге, есть место, опасное для нас всех. И император — да, сам Август Цезарь желает знать, где именно. И желает узнать это без промедления. Так что, сударь, мы всецело зависим от вас, от вашего искусства и вашей науки. Отыщите нам это место. А мы, в свою очередь, не будем иметь ничего против вашего желания вознаградить себя за сей труд мешками дукатов или чем угодно подобным. Несомненно, Цезарь сумеет возместить вам ваши издержки. Хотя бы... — Он замолчал. Улыбнулся. Пожал плечами. — Несомненно, отказа вам не будет ни в чем.

Агриппа передал Вергилию тарелку с дольками груши. Вергилий принял ее, взял дольку в рот. Груша была холодна, ароматна и таяла на языке. А за стенами павильона все слышней становились звуки охоты.

— Конечно же, господин вице-король, — сказал он медленно, — я был бы глупцом, когда не обратил бы внимания на ваши слова.

Вице-король быстро и выразительно вздохнул и немедленно сменил тему разговора:

— Ну так что же? Взглянем, как обстоят дела с охотой?

Два длинных сигнала горна, два коротких, снова два длинных и еще один длинный, затухающий — олень выскочил из леса и неся по лугу, мимо гигантских деревьев, продираясь сквозь высокую траву к ложине, петлял, стараясь сбить с толку гончих, попытался залечь в болоте, но передумал, выбрался к открытой воде, вошел в нее и поплыл. Новый сигнал горна известил охотников и об этом. Олень поплыл вниз по течению, скрывался под водой, выныривал вновь и наконец выбрался на берег, кинувшись на следовавших вдоль его курса пеших охотников. Новый сигнал горна известил об опасности, оленя обложили со всех сторон, гончие взвизгивали, пытаясь добраться до его ног, мрачные алануты наседали на зверя в полном молчании.

Олень неся дальше, не успевая уже уворачиваться от ветвей, хлещущих его по морде. На губах зверя выступила пена. Охотники между тем успевали обсудить, что, судя по отпечаткам копыт и разбросу ног, ход оленя стал тяжелее, да и одно из копыт уже сбито. Гончие вошли в раж и неистово, без передышки заливались, очередной сигнал горна сообщил всем, что дело близится к развязке. Наконец олень оказался прямо против павильона, шерсть его потемнела от пота, он шараялся в стороны от гончих, обнаглевших

уже настолько, что они не давали ему прохода.

Снова запел горн. Олень резко и высоко отскочил в сторону и наконец пошел напролом; приклонив вниз голову, он — с сухим, запекшимся ртом прижался к оgrade, выставив рога в сторону собак, поддел какую-то из них на рога, отшвырнул другую копытом. Новый сигнал трубы прозвучал как плач. *«Мы, приперли его, приперли!»* Сзади к оленю подкрался сержант и перерезал ему горло клинком. *«Поберегись задней!»* Псарь подзывал к себе собак, горн возвестил победу, олень рухнул на землю. Поднялся, снова упал, вновь поднялся, споткнулся и рухнул навзничь. К нему подбежали псарь и принялись макать хлеб в его кровь, скармливая его молодым собакам. Горн протрубил смерть.

Оказалось, что рядом с Вергилием стоит Корнелия, а с другой стороны вице-король.

— То, что я совершила, — сказала она быстро и решительно, — я сделала оттого, что была в отчаянии. У меня и в мыслях не было навредить вам, поверьте, у меня не было сил, чтобы предотвратить то, что произошло. Но клянусь вам теперь, пусть я умру, как умер этот олень, если в то же самое мгновение, когда я увижу лицо своей дочери в зеркале, я не верну вам то, что взяла.

Дождь ухватился за ветвистые рога и вывернул голову оленя назад.

— Эй, ребяташки! — крикнул он, широко улыбаясь, — а кто из вас придержит передние ноги, кто задние, и кто снимет пробу?

Молодой человек, наверное чей-нибудь сын, извлек нож и взрезал брюхо оленя, чтобы «взять пробу» — выяснить, насколько толст слой жира. Вергилий в последний раз взглянул на зверя. Что же, вот перед ним его собственная судьба. Бежать он мог. Но не мог никуда скрыться.

7

Они ехали вместе — Вергилий на белой кляче-полукровке, а Клеменс на крепеньком серо-буро-малинового цвета муле, который постоянно оборачивался, пялился на Клеменса своими плутоватыми глазищами и беззвучно, будто ухмыляясь, обнажал пасть, полную желтоватых зубов. Вдоль аллеи стояли кипарисы, там и тут виднелись надгробья. Возле одного из камней приятели приостановились и прочли эпитафию:

— Мда, это бы меня тронуло, — пробормотал алхимик. — Когда бы подобные вещи вообще меня трогали. Жили, поди, словно кошка с собакой, и вез он ее сюда, улыбаясь до ушей... Так ты получил имперские бумаги?

Вергилий кивнул. Где-то невидимый пастух позвал свистом свою собаку, в ответ донеслись лай, дружное блеяние и глухое позвякивание колокольчика на шее холощенного барана, возглавлявшего стадо.

Впрочем, секретарь вице-короля был весьма далек от воодушевления.

— Знаете что, сударь... — сказал он, — на самом деле, без хорошего конвоя вам никакие документы не помогут. Морские гунны сначала нападут, а уж потом будут читать ваши бумажки... если вообще прочтут. Ну разве что сыщется у них какой-нибудь грамотей. А что бы вам не дожидаться каравана следующего года?

— Некогда, — последовал краткий ответ.

И тут лицо секретаря внезапно потеплело.

— Да, конечно же! — воскликнул он. — Как я сразу не сообразил! Несомненно, ваше магическое искусство позволит вам установить непроницаемую завесу вокруг своего корабля, которая сделает вас невидимым! Или же вы лишите их паруса ветра, или же вольете тяжесть в их весла...

— Ну да, — кивнул Вергилий. — В общем, что-нибудь в этом роде.

Секретарь взял тончайшие листы превосходнейшего пергамента и заполнил их строчками блестящей черной туши, киновари и пурпура, удостоверил документы печатями — по одной на каждой странице, — свернул листы в трубку, перевязал и снова скрепил печатями — теперь документы имели весьма торжественный вид.

Ну разумеется, если у морских гуннов хватит времени, чтобы проникнуться этой торжественностью...

В очередной раз обернувшись, мул Клеменса получил наконец мощный шлепок по морде, сочным эхом разнесшийся по окрестностям, встряхнул башкой и на время, похоже, согласился вести себя благопристойно.

— Хм, — Клеменс протянул вперед ту же самую руку, что только что образумила мула, — это что же, и есть ее вилла? Что это там за пугало в сером?

Пугалом в сером был одетый в серый шелк Туллио, восседавший на сером скакуне. Он поджидал гостей возле ворот. Сопровождала его пара оруженосцев, также обряженных в серые, но уже полотняные, наряды, оруженосцы сидели верхом на пятнистых сероватых пони. Под ногами лошадей крутились низкорослые гончие той породы, что за пределами Неаполя называются «итальянскими».

— Это ее сенешаль, — ответил Вергилий. — Я говорил тебе о нем. Зовут его Туллио, он — тот самый человек, что открыл мне дверь в убежище, когда я плутал по подземельям. — О второй двери, которую распахнул перед ним Туллио в тот же день, Вергилий не сказал ничего.

— Не понимаю, чего ты смеешься? Чем ближе мы подъезжаем, тем солиднее он выглядит.

Вергилий не стал объяснять, что его смех вызван совершенно другими причинами — да и времени на это не было. Торжественный дозор между тем уже двинулся им навстречу.

— Досточтимые маги, позвольте приветствовать вас от имени ее величества королевы Корнелии, догарессы и королевы Карса. — Туллио, не слезая с седла, торжественно поклонился.

Поклон был незамедлительно возвращен.

— Благодарю вас, господин Туллио. Это мой компаньон доктор Клеменс, он крупный ученый в области металлургии, а также известнейший алхимик, равно как и великий знаток музыки и иных дисциплин и искусств. Он поможет нам в предстоящем труде.

Лицо Туллио никак не могло принять определенного выражения. С одной стороны, многочисленные титулы и умения Клеменса его весьма впечатляли. С другой стороны, все впечатление от Клеменса портил его мул. Вконец насторожил Туллио контраст между изысканным, почти щегольским одеянием Вергилия и полной бесхитростностью одежды Клеменса. Впрочем, общее впечатление было спасено внушительными габаритами алхимика. Тут Туллио кивнул, словно бы сам себе, и весьма куртуазно пригласил гостей следовать за ним.

Корнелия приняла их в комнате, пол, стены и потолок которой были из мрамора разнообразнейших цветов и оттенков. Матовый камень словно бы заполнял все помещение мягким свечением, в котором ее кресло, расположенное в самом центре и больше похожее на трон, как будто плавало. Одетая Корнелия была весьма строго. Высокий воротник мантии был стянут золотой цепью, и это шло ей куда больше, чем низкий вырез одеяния, бывшего на ней в день их первой встречи с Вергилием. Этот наряд был куда более женственным, нежели те охотничьи костюмы, которые она успела переменить за время их второй встречи. В ее наряде — кажется, тут не обошлось без влияния Карса — присутствовало нечто абсолютно законченное и ослепительное, что в то же самое время казалось отчасти варварским либо чрезмерно изощренным. В любом случае тут не было ни малейшего намека на мягкость нынешней неаполитанской моды, и ей это очень шло. На щеках Корнелии горел румянец, который никоим образом нельзя было считать результатом косметических ухищрений.

— Нынче я не королева, — промолвила она, приветствуя гостей. — Сегодня я просто госпожа Корнелия. В моем присутствии можно сидеть. Вина. — Вино было немедленно доставлено и разлито по бокалам. — Как ваши успехи, маг? Приблизились ли вы к тому, чтобы начать работу над магическим зеркалом?

— Госпожа Корнелия, — подавил вздох Вергилий, — сегодня мы ровно на день ближе к нему, чем были вчера. Надеюсь, завтра мне удастся отправиться на Кипр на одном из судов императорского флота.

Лицо ее на мгновение исказилось.

— Снова завтра да завтра... Моя дочь в опасности, маг. И эта опасность куда хуже, чем просто неизвестность. Зачем же вам рисковать собственной жизнью, отправляясь на Кипр, вместо того чтобы, пользуясь своим магическим искусством, перенести сюда необходимое вам количество меди? Я знала одного некроманта...

— Я вовсе не некромант, госпожа...

Казалось, она потеряла выдержку.

— Ах, не раздражайте же меня, указывая на несущественные различия, маг! — закричала она. — Я в отчаянии, разве вы не видите?! Чем дольше задержка, тем больше опасность!

Вергилий вежливо поклонился:

— Работа будет выполняться со всей возможной быстротой. Но ее исполняю я, и никто иной. Поэтому даже госпожа Корнелия не вправе судить о ее ходе или давать указания. Разумеется, если я ее не устраиваю, то она может отказаться от моих услуг и передать заказ в другие руки.

Она взглянула на него расширившимися зрачками. Рот ее был полуоткрыт, пальцы конвульсивно царапали львиные морды, которыми оканчивались подлокотники кресла. Туллио положил руку на меч. Клеменс, словно бы ненароком, взялся за край мраморного стола.

Вергилий же не шелохнулся. Голова его чуть склонилась набок, будто он приготовился слушать. Но в комнате внезапно потемнело, вместо яркого полуденного солнца в ней воцарился сумрак и среди него — туманные, невнятные фигуры. Они бормотали что-то, темнота сгущалась, прозрачные фигуры все прибывали откуда-то, говорили, бормотали, лопотали, шептались, вздыхали...

Рот Корнелии приоткрылся, глаза ее беспомощно блуждали по сторонам, плечи дрожали. Вергилий же взглянул в тот угол комнаты, где, казалось, призраков было больше всего, и покачал головой. Смутные

фигуры начали растворяться, становились прозрачными, таяли, их голоса затухали, смазывались в сумраке, который тоже принялся белеть, светлеть, рассеиваться, и вскоре комнату вновь заливало полуденное солнце, почти мгновенно согревшее мрамор.

Тихим, потерянным голосом Корнелия повторила:

— Не путайте, пожалуйста, меня этими тонкими различиями. — Она покачала головой и сделала отстраняющий жест руками. — Я ведь только женщина и ничего не понимаю в колдовстве. Вот на тех столах, маг, как вы и просили, — драгоценности и безделушки моей дочери. Все, кроме тех, конечно, что были на ней, когда она отправилась в путешествие. Принести их вам?

Вергилий кивнул и сел на длинную скамью возле стола. Корнелия прищелкнула пальцами, и моментально появились слуги, которые принялись выгружать на стол содержимое коробок, шкатулок, ларцов, саквояжиков, сундучков и ящиков.

— Жемчуг и драгоценные камни использовать мы не можем, — вздохнул Вергилий. — Помочь нам могут только металлические вещи. — Он принялся откладывать в сторону коралловые и гранатовые ожерелья, нефритовые брошки, берилловые кольца и браслеты. Оттолкнул от себя кучки рубинов и изумрудов, оставил лишь золотые кольца и браслеты, а также брошки и серьги из серебряной филигрании. — Что-то из этого может нам подойти, — сказал он, однако озабоченность в его голосе не пропала. Пальцы перебирали золото и серебро как-то неуверенно. Ничто из этого не казалось ему достаточно надежным. Или даже хоть сколько-нибудь надежным.

— Я понимаю, что у госпожи Лауры очень много украшений, очень...

— Она — дочь короля, — ответила Корнелия, — и сестра короля. Дед ее был дожем Неаполя, а отец ее бабки был Императором. — Лицо Корнелии гордо зарделось при этом перечислении. — Конечно, у нее много украшений. Что с того? Да и как может быть иначе?

Медленно, старательно и осторожно подбирая слова, Вергилий объяснил, что именно он имел в виду и что именно ему необходимо. А требовалась ему вещь, которую госпожа Лаура носила бы очень часто. Но при таком богатстве следовало предположить, что украшения она меняла постоянно. Или, быть может, существовала какая-то, пусть даже единственная вещица, которая не попала в это блистательное великолепие, разложенное перед ними на столе? Любимая заколка, например?

Корнелия слушала внимательно, золотые искорки высекались солнцем из драгоценной груды; наконец хозяйка произнесла фразу, которой Вергилий не понял. Тут же одна из служанок покинула комнату. Вергилий машинально взглянул ей вслед, но обнаружил там только тот самый стол, который в начале их визита как бы невзначай приподнял за край Клеменс, словно сделан был стол не из мрамора, а из обыкновенного ивняка. Но где же сам Клеменс? В комнате его не было.

Служанка вернулась, да не одна — вместе с ней пришла старая, босая, укутанная в шаль женщина, на одной из щиколоток у нее гремел браслет. С изумлением Вергилий обнаружил, что в нос старухи продето кольцо — о подобном ему доводилось только слышать, а вот увидел — впервые. Старуха подошла к Корнелии и без церемоний заговорила с ней на незнакомом языке. В руке у нее была небольшая коробочка. Корнелия взяла ее, открыла и поморщилась. Передала коробку слуге, чтобы уже тот передал ее Вергилию.

— Это старая нянька моей дочери, — пояснила она, пока Вергилий открывал коробочку. — А зовут ее Десфияшта, не правда ли, варварское имя? А на самом деле, она очень милая и потешная старушка. Я бы с удовольствием позволила вам переговорить, но вот беда — она знает только язык Карса. Она говорит, что моя дочка носила эту вещь чуть ли не каждый день. Про нее я совсем забыла, а теперь, как увидела, так сразу вспомнила. *Т'сан фoa Десфияшта, Лаура'т?*

— *Ан'ах, ан'ах Пассилисса'н*, — ответила карга, по-птичьи наклонив голову и вглядываясь в лицо Вергилия своими темными, глубоко посаженными глазами.

— Да, так оно и есть, — повторила Корнелия. — Подойдет?

Это была маленькая и потертая медная застёжка в форме брошки, весьма приблизительно изображающая льва, который пытается с помощью обеих передних лап засунуть в пасть собственный

хвост. Брошка вполне годилась для того, чтобы застегивать ею нижнюю тунику. Вергилий достал застёжку из коробочки, мгновение молча и внимательно разглядывал ее и наконец улыбнулся. В улыбке его, казалось, светится само удовлетворение.

— Да, госпожа Корнелия, это подойдет.

— Вы действительно не хотите взять что-либо, сделанное из серебра или золота?

— Здесь нет особенной разницы... впрочем, медь и в самом деле наиболее подходяща — мы ведь собираемся отлить зеркало из бронзы. Конечно, брошка сделана не из девственной меди, но она не слишком велика, и вреда не будет. Напротив, добавка такого количества металла, столь часто ношенного благородной Лаурой и столь рядом с телом, несомненно, поможет установить крепчайший контакт между нею и зеркалом в тот момент, когда вы взглянете в него. Вот для чего необходима подобная вещица, а размер и прочее не имеют особого значения.

Казалось, хозяйка попыталась что-то ответить на это и даже набрала в легкие воздух, но передумала, и по лицу ее скользнуло выражение совершенной беспомощности. Она откинулась в своем кресле и тяжело вздохнула.

— Маг, маг, я ничего не понимаю в науках и в колдовстве... повсюду мне чудится лишь дыхание смерти... прошу вас, поторопитесь, сделайте быстрее свою работу, чтобы я узнала, где находится моя дочь. — Она мягко поднялась на ноги. — Желаю вам удачи, маг, в вашем путешествии, надеюсь, оно пройдет успешно, и вы возвратитесь с тем, ради чего отправляетесь в путь. — Это были слова формального прощания, а еще она добавила: — Я знаю, что вы не станете попусту терять время. Прощайте.

Да, те же слова сказал однажды Туллио... Произнеся их, Корнелия покинула комнату.

Почти все слуги последовали за ней, на какое-то время в комнате задержалась лишь старуха Десфияшта, которая не без любопытства оглядела Вергилия, сказала ему что-то на своем языке, улыбнулась оттого, что сообразила наконец, что он ее не понимает, и ушла, позвякивая браслетом на лодыжке.

— Но скажи мне все же, — продолжал допытываться Клеменс, — каковы настоящие причины твоего согласия на эту работу?

Солнце клонилось к закату, приятели возвращались в Неаполь, куда успевали попасть еще до сумерек, но не слишком их опережая.

— Что же... — ответил Вергилий, — возможно, главная причина кроется именно в том, что ранее подобного зеркала я не делал.

— Я рад, — резко выдохнул его компаньон, — я рад, если и в самом деле это так.

— Отчего же?

Огонек, вспыхнувший в некотором отдалении от дороги, сообщил о том, что то, что ранее казалось небольшим пригорком, оказалось на деле хибаркой, низенькой лачугой, сооруженной из торфа, глины и хвороста, принадлежавшей, верно, пастуху или батраку с фермы. С той стороны подул ветерок и донес до путников запах баклажанов, которые пекли к ужину на открытом огне, запах их кожуры, лопающейся от жара, иссиня-черной, пряной. Донесли до них обрывки какой-то песни, но слишком тихие, чтобы разобрать слова.

— А вот почему, — продолжил Клеменс. — Боюсь, что дело смахивает на охоту с подсадной уткой. Словом, похоже на мистификацию. Сейчас я тебе все растолкую.

Итак, Вергилий принялся разбираться с драгоценностями пропавшей девушки, Клеменса же, по его словам, посетила нужда, присущая и самим королям, и он покинул комнату, дабы отыскать отхожее место. Он спрашивал дорогу у нескольких слуг, но те либо не говорили по-латыни, либо произносили какие-то слова с таким варварским акцентом, что понять их было невозможно. Наудачу Клеменс ткнулся в несколько похожих местечек и наконец отыскал то, что ему требовалось. Но дело в другом...

— Ты помнишь ту миниатюру, которую дож Тауро показывал нам перед охотой? Нам и всем прочим собравшимся?

Вергилий нахмурился. Он снова ощутил какой-то укол, похожий на вчерашний, ошущенный именно тогда, когда дож раскрыл перед ним медальон.

— Ну конечно, — пробормотал он, — с изображением Лауры-девочки. И что же?

— А то, что тогда я наконец увидел, как она выглядит. А сегодня узнал ее.

— Узнал? Кого?

— Да Лауру же, — спокойно ответил Клеменс. — Ту самую пропавшую особу. Она живет здесь, на вилле. И не говори мне, что такого быть не может, потому что я видел ее собственными глазами. Теперь, конечно, она лет на пять старше той, что на картинке, но перепутать невозможно. Рыжие волосы с коричневатым отливом и коричневые глаза с рыжинкой. Очень белая кожа, чудно очерченный рот. Ну, ты знаешь, она не в моем вкусе — я предпочитаю женщин или моложе, или старше... Как сыр... Собственно, какое это имеет значение...

Но значение все это, несомненно, имело, поскольку его спутник со всего размаху ударил себя по колену, так что его лошадка нервно перешла на рысь.

— Да пропади я пропадом! — вскричал он. — Ведь и я ее видел! Как я мог забыть?! Когда впервые встретился с Корнелией... тогда это была только слабая догадка... неудивительно, что я чувствовал себя дурак дураком, когда дож показывал мне медальон... да! Она была одета служанкой и сидела подле Корнелии, держала в руках вышивку. И... — Он нахмурился, пытаясь сосредоточиться. Между тем тени на земле удлинялись и синели. — Что там было, на вышивке? — Но следующие слова Клеменса сбили его с мысли.

— Вот именно. Одетая служанкой. Чудесно. Так что же, маг Вергилий, доктор чудодейств, как по-твоему? Они дурачат дождя, да пребудет его власть вовеки, что вряд ли возможно, а по мне-таки ленивый король-чурбан лучше короля-плахи. Или же — самого Цезаря? Дурачат, выдавая дочку за служанку? Если так, то вся затея с зеркалом — просто комедия, устроенная для того, чтобы выждать момент, когда девочка будет готова исполнить свою роль? Корнелия взглянет в зеркало, и — нате вам! — все-все узнают и кинутся в отлично известное место, отыщут там девицу и доставят ее пред императорские очи. Ну, а там уже...

Вергилий покачал головой. Нет. Нет, он не думает, что тут разворачивается простая комедия. Корнелия так явно стремилась завладеть зеркалом, выказывала такое желание и нетерпение, что версия Клеменса явно чего-то не учитывала. Но каково тогда настоящее объяснение?

У алхимика, впрочем, нашелся еще один вопрос:

— А ты произвел соответствующую философскую подготовку к путешествию, да и к самой работе? Ты уверен, что не станешь блуждать в потемках?

Вергилий заверил его, что с этим все в порядке.

— Я проходил через дверь, — промолвил он.

— Отлично, — вполне удовлетворенно кивнул Клеменс. — Просто замечательно.

Проход сквозь дверь, или же переход через порог, являлся метафизическим действием, суть которого состояла в перемещении ума или души на иной уровень опыта и ощущений, дабы отыскать знания, недоступные в обыденном состоянии. Часто подобный переход производился во сне. Но такие переходы требовали невероятной способности к концентрации, богатейшего воображения, которыми обладали очень немногие. Но и для этих немногих требовались годы и годы тренировок.

— Но из всего, что я там видел, — медленно продолжил Вергилий, — лишь одно имело какой-то смысл... то, что рассказал мне Илириодор, мой старый учитель.

Клеменс слушал рассказ Вергилия о встрече с Илириодором, почесывая бороду. Между тем они достигли уже Помпейской дороги, ведущей к городским стенам.

— Ну, что касается виденного и смысла, соответствующего твоим видениям, — промолвил он наконец, — то ты ведь знаешь: большинство подобных знамений бессмысленны, пока подобное не встретится тебе во плоти. И не обязательно сразу, и не обязательно быстро. Но когда они осуществляются, ты

все вспомнишь. А вот то, что сказал тебе Илириодор, имеет непосредственный смысл, и смысл глубокий. Несомненно, глядение в зеркало есть акт катализа. Несомненно и то, что все, происходящее в мире, навеки отпечатывается во всеобъемлющем и вечном эфире, который присутствует во всех нас, равно как и все мы находимся в нем... Лучи солнца проникают повсюду, однако, как заметил некий мудрый александрийский еврей, один солнце и так разглядит, а другому для этого лупу подавай... Собственно говоря, магическое зеркало и является в некотором роде подобной лупой. Но, кстати, то, что сказал тебе Илириодор, менее важно, чем то, что он сделал для тебя. Вспомни: он оттолкнул от тебя мед. Тебе нельзя было трогать его, поскольку иначе возник бы избыточный контакт между метафизическим и плотским телами. Если бы ты попробовал тот мед, то твоя душа, психика, анима, дух — называй как хочешь, — словом, та часть тебя, что посетила Илириодора, попала бы в западню и не смогла бы вернуться сюда. Твое тело так и осталось бы до самой смерти без нее. Ты сделался бы просто-напросто безмозглым идиотом. И это был бы уже не тот Вергилий, которого мы знаем...

Вергилий же, тот самый, которого он знал, задумался в это время о том, что на деле-то Вергилий, которого знает Клеменс, это не совсем тот Вергилий, о котором Клеменс думает, будто его знает. А сколько Вергилиев существует на свете всего? Или сколько частей цельного Вергилия размышляла одна его часть...

На землю пали сумерки. Вдоль дороги вспыхнули факелы, а прямо перед ними начали сходиться гигантские створки ворот. Приятели пришпорили своих скакунов и ринулись вперед. Стоявший на страже солдат взглянул в их сторону, пригнулся, словно стараясь разглядеть лица, а потом подался назад и что-то крикнул через плечо. Собственно, они его даже услышали: «Вергилий! Маг! Подожди закрывать!»

Массивные двери замерли. Стражник отсалютовал им копьем и улыбнулся, когда путешественники проезжали мимо. Ворота за их спиной тяжело захлопнулись. Лязгнули задвижки, щелкнули щеколды. Теперь все, находившиеся в Неаполе, были в безопасности — где само это слово, увы, было понятием весьма относительным.

— Так будем же благодарны, — отметил Клеменс, привязывая своего мула в стойле на улице Драгоценной Сбруи, — что Вергилий остался тем Вергилием, которого знаю не только я, но и все остальные.

Свои тяжелые и смутные мысли Вергилий разглашать не стал.

8

Из представительства адмирала прибыл курьер, известивший Вергилия о том, что Сергиус Амадеус — глава моря, командующий Южным флотом Империи готов обсудить интересующие Вергилия проблемы и примет его нынче в полдень.

Собственно, к этой встрече он начал готовиться загодя — на следующий же день после визита к Корнелии. Никакими условностями и церемониями пренебречь тут было нельзя. Вергилий облачился в докторскую мантию, вздохнул и повесил на себя тяжелую золотую цепь, говорившую о его принадлежности к Сенату. В одной руке у него была папка из багрового шелка, украшенного имперской монограммой, в другой же — белая палочка, смахивающая на жезл или скипетр, которая свидетельствовала о его принадлежности к Ордену. Что ж, имперский флот был уже не тот, что прежде, но ритуал продолжал соблюдаться неукоснительно.

Вергилий отправился к командующему и не пешим, и не конным — он пустился в путь, восседая в паланкине, несомом шестью рабами, в то время как четверо других с жезлами в руках попарно открывали и замыкали сие торжественное шествие. Эта команда из десяти человек была собрана и вышколена известным любителем роскоши стариком проконсулом Лентониусом, бывшим ранее губернатором Нижней Нубии. Впрочем, это были не рабы старина Лентониус дал им вольные, назначил пожизненное содержание и держал при себе лишь на случай, когда возникнет необходимость в подобных выходах.

По холмистым и узким улочкам, прилегавшим к улице Драгоценной Сбруи, команда двигалась легко и спокойно, однако же оказавшись на просторе Королевской дороги, моментально перешла на сложный ритуальный шаг, который, по словам Лентониуса, был позаимствован у Кандасов, королей Куша, чьи земли непосредственно примыкали к Нижней Нубии. Итак, носильщики делали шаг вперед, медленно подтягивали вторую ногу, ставили ее наравне с первой, чуть пережидали и затем делали следующий шаг.

Так они и перемещались по утренним улицам Неаполя, запруженным народом. Прохожие реагировали по-разному: одни не обращали ни малейшего внимания, другие глядели с изумлением, кто-то смотрел на происходящее с неприязнью, и не было недостатка в тех, кто громко изрекал свои комментарии (не слишком уважительно), вполне придерживаясь неаполитанской традиции, согласно которой отсутствие особого расположения со стороны рока и фортуны вполне компенсируется свободой речи и высказываний.

Так паланкин проплывал мимо торговцев рыбой с корзинами, полными извивающихся сардин, мимо группок школьников, отправляющихся на занятия по стрельбе из лука, фехтованию или игре на арфе, мимо грузчиков у повозок, мимо бродячих торговцев тканями, сующих всем проходящим под носы отрезки тонкого черного сукна или полосатой бязи, мимо взвода арбалетчиков, направляющихся на стрельбище, мимо детей с замаранными руками, грязными ногами и неумытыми лицами — детей, которым никогда не суждено оказаться в школе.

И вдруг один ребенок подбежал к процессии и, размахивая руками, дабы привлечь к себе внимание Вергилия, принялся кричать:

— Господин, господин!

Уличный мальчишка, совершенно обыкновенный, лет десяти-одиннадцати.

Положив свой жезл на колени, маг принялся искать медную монетку, чтобы кинуть ее оборванцу; тот, однако же, пытался пробиться к самим носилкам, невзирая на то, что возглавлявшие процессию пешие слуги оставили на время свой ритуальный шаг и тумаками отгоняли парня.

— Господин! — закричал он снова. — Господин, твой дом горит!

— Что?!

— Правда-правда, у тебя пожар!

Вергилий дал знак носильщикам, чтобы они опустили его на землю и привели коня, но вместо того они моментально развернулись и тем же путем ринулись обратно, но теперь уже во весь опор. Носильщики бежали легко, словно бы без малейшего труда, четверо же свободных от ноши криками

расчищали перед паланкином дорогу. Что ни говори, но старина Лентониус отлично вышколил свою команду.

Вскоре Вергилий увидел клубы дыма — нельзя было с точностью утверждать, что горит именно его дом, но, вне сомнений, горело в том направлении. Огонь! Вергилий вздрогнул, подумав о своих книгах — книгах, собранных с великим тщанием по всему миру. Подумал об устройствах и машинах, любовно, с превеликими трудами сконструированных им за долгие годы, — в целом свете не отыщется и трех человек, способных их восстановить. Да, вероятно, таких людей только двое. Он вспомнил все эксперименты и проекты, среди которых магическое зеркало было лишь одним из многих; были начаты и такие работы, нарушение хода которых неминуемо губило все дело. Он подумал о сложнейшей системе доставки воды, о светящихся шарах, об автоматах, гомункулах, хронометрах, мандрагорах, инструментах, оборудовании... Об убранстве комнат и своих вещах, о произведениях искусства... и о трех своих мастерах — Тинусе, Иоанне и Перрине, цена которых не могла быть выражена ни в каких горах золота.

И ведь у каждого из них были друзья, были семьи...

Весть о пожаре распространялась по округе, и толпа зевак с каждым мигом становилась все гуще. Четверо гонцов кричали в унисон, стараясь переорать гул толпы, освобождая дорогу носильщикам, которые, дабы не тратить дыхания попусту, не говорили ни слова и лишь неслись со всех ног вперед.

На улице Драгоценной Сбруи паника сопровождала хладнокровию. Те из жителей, чьи дома располагались достаточно далеко от огня, были не слишком встревожены, однако же потихоньку увозили от греха подальше свое барахлишко на подводах и тележках. Жившие же вблизи Вергилия — тележник Аполлонио и хозяйка «Повозки и солнца» — выстроили людей в цепочку, и те передавали ведра, наполненные водой, от самого фонтана Клео. Ведра, расплескиваясь по дороге, перепархивали из рук в руки и исчезали в распахнутой балконной двери дома Бронзовой Головы.

Продымленный воздух был полон криков и воплей, не всегда, впрочем, выражавших ужас.

«Абрехт! Абрехт!» — кричали нубийцы на бегу. — «Абрехт!» — и рык этот казался столь же древним, как сами фараоны египетские. Карабкавшаяся на свою крышу с ловкостью и быстротой, нисколько не уступающей ловкости носильщиков, госпожа Аллегра завидела Вергилия и немедленно обратилась к нему.

— Мой господин! Мой господин! Греческий огонь! Как прекрасно! Чудо небесное! Греческий огонь!

Носильщики протиснулись сквозь толпу и замерли у дверей дома. Одно слово Вергилия — и носилки были опущены на длину вытянутых рук, несли же они их на уровне пояса, присогнув руки в локтях. Еще одно слово — и нубийцы встали на колени, предоставляя возможность пассажиру беспрепятственно сойти на землю. Вергилий выбрался из паланкина, и нубийцы прислонили тот к стене, встав рядышком со скрещенными на груди руками. Свое ремесло они знали до тонкостей, а вот тушение пожаров в их обязанности не входило никоим образом.

Человек, стоявший на балконе дома и передававший внутрь ведра, увидел Вергилия, но не успел он вымолвить и слова, как маг моментально скрылся в дыму, густом и черном, из которого то и дело вырывались наружу оранжевые и алые космы пламени. Цепочка же продолжала действовать: кашляя и покрываясь копотью, люди передавали полные ведра внутрь дома и отправляли обратно пустые.

Вскоре Вергилий вернулся на улицу.

— Довольно! — крикнул он. — Хватит! — Но люди, составляющие цепочку, попали в ритм и остановиться не могли, продолжая заниматься своим делом. Тогда Вергилий схватил за руки стоявшего рядом с ним человека. — Все! Огонь потушен! Все!

Люди замерли и уставились на него.

— Но... — пробормотал человек, чьи запястья Вергилий по-прежнему сжимал своими руками, — дым...

— Дым еще будет идти долго. Но огонь погас... — Он повысил голос. Огня больше нет! Люди! Друзья, соседи, прохожие! Благодарю вас за то, что вы спасли мой дом! Пусть Просценна выставляет вам свое лучшее вино и пусть подает сюда целиком изжаренного быка — я плачу за все!

— Да уж, угольков тут хватит, чтобы его поджарить, — сказал чей-то голос из толпы. Грохнул смех, а затем наступила тишина — люди недоуменно разглядывали ведра в своих руках, ставшие моментально обузой. И, после секундного замешательства, принялись отправлять их обратно — такими же полными, какими получили.

И тут из толпы раздался голос, принадлежавший, судя по сильному деревенскому выговору, какому-то извозчику:

— Можете нас благодарить сколько вам угодно, господин, что ж, раз вашей милости так хочется. Только мы-то знаем, что это не наш труд остановил пожар, а вы сами. Стоило лишь вам появиться, как огонь пропал, а нам с ним справиться не удавалось.

При этих словах толпа согласно забормотала. Загудела. Тут на пороге вырос Иоанн.

— Хозяин, это был греческий огонь, — сказал он, — какой-то снаряд.

— Ага, — согласился деревенский, — саламандра, так все и было. Саламандра, это же греческое слово? Я видел, как она шипела и летела по воздуху, пока не...

— У меня нет времени, я должен успеть к адмиралу, — сказал Вергилий на бегу.

Дело близилось к полудню. Надо было заглянуть в дом, чтобы выяснить, как там дела, и мчаться к адмиралу... Он кинулся во всю прыть. Пол был мокр и скользок от воды, но он удерживался на ногах, пока не добрался до лестницы. Пока не добежал...

Сергиус Амадеус, глава моря — адмирал, командующий Южным флотом, стоял на юте флагмана и щурился, старательно разглядывая берег. Одет он был во все белое и тщательно накрахмаленное. Наконец командующий протянул вперед свою волосатую веснушчатую руку:

— Что это за скорлупа догоняет нас со стороны берега?

— Ваша милость, эта штуковина похожа на шлюпку какого-то пунического корабля, — отвечал навигатор Бонифавио, после того как проследил за направлением его руки.

Адмирал вглядывался вдаль весьма неприязненно. Да и вообще, он никогда не чувствовал себя уверенно, находясь на берегу, возле берега или на недостаточно большом от него расстоянии.

— Она бы нас не догнала, — фыркнул он, — когда бы этот проклятый ветер не вздумал прекратиться. А кто там торчит на носу, стучит какой-то деревяшкой и выряжен как фигляр?

— Судя по всему, ваша милость, — ответил Бонифавио, — это тот самый знаменитый маг, которого тут прозывают Вергилием. А одет он, похоже, в ихнюю докторскую форму.

— Проклятый парень не явился, когда ему было назначено, — недружелюбно пробурчал адмирал. — Не люблю я такие проделки. Так что на борт мы его не пустим. Женщина, белая лошадь или мудрец на борту — равно плохие приметы... Проклятый ветер! Куда подевался?

Бонифавио взглянул на опущенные, обвисшие паруса, посмотрел на стремительно приближающуюся шлюпку, четыре блестящих на солнце весла которой стремительно несли ее вперед, и задумался.

— Вообще-то, — изрек он чуть погодя, — мне кажется, что этот маг усмирил ветер специально, чтобы догнать нас. Я слыхивал, есть такие специальные слова, что...

Сергиус Амадеус отвернулся, топнул ногой — он старательно не смотрел за борт, делая вид, что не обращает внимания на стремительно убывающее расстояние между шлюпкой и кораблем. Он даже не взглянул на то, как шлюпка пристает к кораблю. Но затем вдруг резко переменялся в мыслях и решил сделать хорошую мину при плохой игре.

— Протокол, — скомандовал он, и два трубача извлекли звуки из своих инструментов — немедленно на палубе выстроился эскорт, отсалютовавший появившемуся над бортом Вергилию, нисколько не обратив внимания на его вид: на то, что его докторская мантия влажна и перепачкана в сажу, а на лбу самого мага запеклась свежая кровь.

Вергилий, отсалютовав в сторону юта своим жезлом, протянул обернутые в багровый шелк документы адмиралу. Тот их было взял, но передумал.

— О воинство Нептуново! — крикнул он, пуская протокол побоку. — Что творится?! Что стряслось с вами, ваша мудрость? Будто бы... Надеюсь, по крайней мере, что все обошлось? Кто это — враги Империи? — осведомился он с таким выражением лица, словно был готов немедленно отправить свой корабль в атаку и взять на абордаж всех, кого успеет настичь в прибрежных водах. — Давайте-ка сойдем вниз, — предложил он, стараясь не обращать внимания на то, как Бонифавио трижды суеверно сплевывает, дабы отвести от себя злых духов, и неловко сует нос своего громадного правого башмака под струю воды, по-прежнему стекающую с мантии мага, дабы снискать расположение духов добрых.

Оказавшись в адмиральской каюте, Вергилий изложил свою просьбу.

Глава Моря был заинтригован.

— Волшебное зеркало, м-да... доводилось мне о нем слыхивать, как же, кивнул он. — Весьма бесполезно иметь такое на борту боевого корабля, чтобы загодя знать расположение вражеских сил. Эти морские гунны — полные свиньи, скажу я вам. Гнать их надо из моего моря, как собак бешеных! Но я еще перевешаю их всех на реях! Вот только, увы да ах, поймать их трудновато — чуть что, как они фррр во все стороны, словно блохи... Кипр... Порт Пафос... Храм Афродиты... ах, доктор, доктор! — Он ткнул Вергилия кулаком под ребра и сладостно простонал: — Тут-то у орешка и ядрышко! Что, нет? Ну, да ничего, уверен, что ваша мудрость не обидится на шутки старого морского волка. Но, надеюсь, вы все же взглянете на храм? Знаете, сам я уважаю все религии, но не являюсь приверженцем ни одной. Весьма гибкий и разумный принцип, как по-вашему? Но, в конце концов, вы же должны знать, что в этом храме две тысячи хорошеньких прислужниц! И каждая из них желает, да и просто обязана!.. Нет, просто слюнки текут! Так вот, желает и обязана любая из них сделать все, чтобы внушить мужчинам любовь к их богине, ха-ха!

И без того красноватое, обветренное лицо адмирала окрасилось новым румянцем, вспыхнув, невзирая на только что сказанное, вполне понятной религиозностью. Потом он вздохнул:

— Но направить на Кипр императорский корабль невозможно, совершенно невозможно! Какая жалость, что я не смогу участвовать в этом деле... Нет, невозможно.

— Почему, глава моря? — осведомился Вергилий.

Да потому, что, как растолковал ему адмирал (с отчаянием поглядывающий на паруса), подобное невозможно без согласия на то императора. А раздавать подобные разрешения вице-король может с тем же успехом, что и раздавать дворянство или чеканить собственную монету. Государственные письма — да это просто клочок пергамента с написанными на нем красивыми буквами. А вот рисковать императорским судом — дело другое. Лишь сам император волен разрешить это.

— Так что же, — Вергилий в досаде ударил кулаком по ладони, — что же, отправлять прошение в Рим? Такая задержка...

— Нет же, сударь, — перебил его Сергиус Амадеус, — только не в Рим. Так вы попусту потратите время. Уже неделями государственные дела во дворце не отправляются — разве вы не знаете? Нет? Удивляюсь вашей мудрости. Хорошо, сударь, я вам расскажу. Наша корона и держава, император попросту, нашел новую подружку, а поскольку императрица по характеру женщина довольно-таки сварливая, то укрылся со своей милашкой в Авиньоне. Вы же знаете, молоденькие ему по душе, нет тут никакого секрета, поскольку все об этом знают. И всегда ему были по душе молоденькие. И никому это не мешает, одна только императрица точит на всех подряд зубы и никак не может смириться. Вообще, в женщинах такое поведение мне не нравится, отчего же оно может понравиться императору? Я его вполне понимаю. Ну да, конечно, тут есть нечто и от игры, эта последняя девочка скорее развлечение, дело не затянется, хотя, знаете ли, ходят сплетни, что брак с императрицей, словом...

Пробормотав нечто вежливое, Вергилий поднялся, чтобы уйти. Адмирал сопровождал его наверх. Вновь прозвучали горны, вновь было вскинуто в салюте оружие, после чего Вергилий собрался сойти в лодку.

— Так вы понимаете, — еще раз повторил адмирал. — Не могу... Не в моих полномочиях. Законы, такое дело. Распоряжения. Указы.

— Да-да, разумеется. Благодарю вас.

И тут адмирал снова побагровел — похоже, от смущения.

— Но, — начал он, понизив голос, — было бы весьма желательно, чтобы вы вернули мне ветер... Понимаете, мне предстоит провести инспекцию этого треклятого флота, и...

С шумом и треском ветер ударил в паруса. Флагман накренился, и Вергилий едва не слетел кубарем в лодку.

— Остерегайтесь гуннов, — напутствовал его сверху адмирал. — Никакой им пощады! И не пройдите мимо храма! Две тысячи... — Его голос был заглушен ветром, но жесты были весьма красноречивы.

Нынче Неаполитанский залив наконец сиял своей обычной лазурной голубизной. Убаюканный качкой и ветром, Вергилий глубоко ушел в раздумья. Поводом к ним послужили слова старой безумицы Аллегры, слова, которые он почти позабыл: «Императрица пропала, вот что...» Какое отношение это могло иметь к Корнелии? В тот раз слова показались лишенными какого бы то ни было смысла. Каким образом вдова заштатного правителя, дочка провинциального дожа может претендовать на Империю?

Но если адмирал Амадеус не врал, если слух и в самом деле не беспочвен, если брак императора действительно под угрозой, благодаря неспособности императрицы примириться с ветреностью императора, тогда... Тогда сказанное безумной кошатницей и впрямь обретало смысл. В самом деле, если возникал шанс, что в доме Августа водворится новая пассия, то этот же шанс давал возможность овладеть Империей. Нынешняя супруга императора не испытывала к политике ни малейшего вкуса, все свое влияние она использовала лишь на то, чтобы устроить своих родственников на второстепенные посты, да и интересовало ее только то, что было связано с самим императором, хотя она никак не могла понять, что император неотделим от его слабостей и увлечений. Стареющая, желчная женщина... и *бесплодная!*

Разумеется, было бы ошибкой предполагать, что сама Корнелия строит матримониальные планы в отношении императора. Нет, конечно. Она, должно быть, старше его нынешней супруги. К тому же — вовсе не бесплодна...

Ну конечно же! Разумеется! Вергилий вновь вспомнил тот странноватый обмен холодными взглядами между Корнелией и вице-королем Агриппой в день охоты, когда дож Тауро, демонстрируя портрет Лауры, не то хвастался, не то намекал, что с дочкой своей кузины они могли бы и пожениться. Что может быть естественней, если дочь дожа Неаполя хочет видеть свою дочь замужем за дожем? Но она не хотела! А почему? Потому что желает видеть свою дочку императрицей, вот почему.

Теперешний властитель не желал от жизни ничего, кроме покоя. Желал избавиться от всей суеты государственных дел. Ну так что же, он и избавится от них с помощью молодой и прекрасной жены, которая передаст их... ну, скажем, в руки Агриппы. А тот? Нет, похоже, он вовсе не откажется стать мужем амбициозной догарессы, сделаться зятем Императора. Теперь, кажется, в истории начал появляться смысл. Если принцессе Лауре предназначается стать императорской суженой, то именно в этом суть всей затеи, а вовсе не в соображениях административного характера (признаться, в тот раз Вергилий не слишком поверил рассуждениям вице-короля о дорогах).

Однако же ход его мыслей был прерван вежливым покашливанием. Вергилий вздрогнул и не сразу понял, что приближается к берегу, находясь от него примерно в четверти лиги.

— Простите меня, капитан Ан-тон, — сказал он, — я весьма признателен вам за ваши усилия. На самом деле, когда бы я не повстречал вас неподалеку от Морской лестницы...

— Да, конечно, — согласился Огненный Человек, продолжая задавать ритм гребцам, постукивая палкой по борту. Гребцы равномерно вздымали весла, их покрытая потом, кедрового цвета кожа сияла на солнце. Шлюпка миновала корабль с грузом пшеницы, прибывший с Сицилии, углубилась в гавань и пришвартовалась возле корабля, украшенного вычурной и тяжеловесной птичьей фигурой на носу.

— А что это за корабль? — удивился Вергилий. — Почему мы пристали здесь?

Но Ан-тон Эббед Сапфир уже был на борту и тянул за собой и Вергилия, не столько поддерживая, сколько просто увлекая на палубу.

— Мой корабль, — сказал Огненный Человек. — А что?

Вергилий внезапно сообразил, что, и в самом деле, не стоит появляться в столь потрепанном виде на людях. А на борту корабля, безусловно, найдутся вода и смена платья.

Огненный Человек привел его в каюту, обшитую благоухающим ливанским кедром, и принялся исполнять обязанности камердинера. Вергилий скинул с себя продымленные одежды и принялся умываться водой, в которой для аромата были вымочены нард и аир. Капитанский гардероб был предоставлен в его полное распоряжение, и он выбрал костюм по нынешней моде желтовато-коричневую рубашу, облегающие штаны и куртку черного цвета с серебристыми кружевами.

— Пахнет огнем, — сказал хозяин, сопровождая гостя на палубу, в тень, образованную парусом, подогнутым так, чтобы он выполнял роль тента. Вергилий присел на кушетку, покрытую красно-багровым ковром, финикиец же наполнил бокалы вином и пододвинул к гостю блюдо с маслинами, изюмом и маленькими сухими пирожными.

— Да, конечно...

— У каждого огня есть свойственный ему запах... этот — пахнет Византией. Вам не случилось ли бывать там по делам своего магического искусства? Как к вам попал византийский огонь? Дар, скажу я вам, не из самых приятных. Не зря один из пастырей Тира, досточтимый Лео Коэн, сказал однажды по весьма неприятному поводу. «Остерегайтесь греков, дары приносящих»[\[14\]](#).

Вергилий, попивая вино, вспомнил, что и старая безумица Аллегра толковала об огне... и рассказал все Огненному Человеку. Тот выслушал историю пожара, пожал плечами и задумался.

— Да, возможно, что это была саламандра, — сказал он наконец, — только вряд ли. Ведь для того, чтобы вырастить хотя бы одну, требуется минимум семь лет. Да и кто в Неаполе настолько искусен, чтобы осуществить подобный проект? Только вы да доктор Клеменс. И никто иной. Думаю, — добавил он, что прав все же ваш человек. Как его, Иоанн? Судя по всему, дело было обделано с помощью снаряда — болванки из железа, к которой привязали греческий огонь. Ну, а уж кто искусен в артиллерии настолько, чтобы с первой же попытки точнехонько попасть в окно вашего дома, сказать не могу. Может быть, господин оружейник дожа сможет рассказать вам что-либо толковое? Да, кстати, вы говорили с адмиралом Амадеусом. И каковы же результаты?

На палубе соседнего судна появился темнокожий человек, который подошел к борту и обменялся приветствиями на пуническом диалекте с Эббед Сапфиром, да так и остался на палубе, безучастно глядя на них.

— Адмирал сказал, что с подобной просьбой следует обращаться к самому Цезарю, но тот отбыл в Южную Галлию. Именно затем и отбыл, чтобы ему не докучали просьбами.

— Так где же вы отыщете корабль, готовый отвезти вас на Кипр? Вы знакомы с капитаном какого-нибудь каботажника, согласным рискнуть?

Вергилий покачал головой и взглянул на Огненного Человека.

— Понимаю, что у вас на уме, — кивнул тот. — Да, меня уговорить возможно. Но учтите, это чисто коммерческая сделка: тысяча дукатов за рейс, плюс страховка, плюс выплата комиссионных в случае нашей задержки. Я должен обезопаситься: а ну как за время своего отсутствия я пропущу выгодные сделки. Что вы на это скажете?

В ответ Вергилий протянул ему руку. Огненный Человек пожал ее, но через мгновение продолжил:

— Еще одно условие. Я не хочу портить отношения с медным синдикатом. Наше соглашение должно остаться в тайне. Встретимся мы в Мессине и именно в Мессину возвратимся... если, конечно, возвратимся...

Что же, корабль финикийца выглядел неплохо. Искать другой — где? Что до условия Огненного Человека, то и оно не вызывало возражений — корабли постоянно плавали между Неаполем и Мессиной, так что для отвода подозрений лучше и не придумаешь. Он задал еще два вопроса, а затем снова протянул руку.

— Но помните, — еще раз повторил Ан-тон. — Никто знать не должен. Никто.

— А никому знать и не следует, — согласился Вергилий.

Черный человек с соседнего корабля отвез Вергилия на берег потребовалась лишь пара слов, сказанных на латыни. Хотя предложенные деньги были отвергнуты, широкая и белозубая улыбка появилась на лице моряка, когда ему был предложен кувшин вина.

Жизнь на улице Драгоценной Сбруи к возвращению Вергилия еще не вполне вошла в свою нормальную колею. Быка уже подъели, и косточки его, дочиста обглоданные и высосанные, валялись в пыли, однако же вино литься еще продолжало. Коты Аллегры валялись возле ее ног, обожравшиеся до полной неспособности передвигаться, сама же старуха кивнула Вергилию, но заговорить с ним не смогла, поскольку была занята поглощением требухи. Присутствующие подняли в честь Вергилия кружки, пьяные голоса хором провозгласили тост в его честь, а кто-то предложил ему устраивать за такую плату столько пожаров, сколько он только пожелает. Притом пожаров, которые сам же и потушит.

Подходя к ступенькам, Вергилий почувствовал, что кто-то тянет его за полу куртки. Он огляделся: это был один из тех тщедушных мальчишек, что мельтешили вокруг обглоданного быка, как мухи. Несомненно, и им перепала доля от щедрот Вергилия, по крайней мере, засаленное, чумазое лицо мальчишки свидетельствовало об этом недвусмысленно.

— Мальчик, ты поел мяса? Тебе хватило?

— На целый год наелся, — последовал ответ.

Задумавшись о том, что голод, в отличие от куска мяса, гость куда более частый, Вергилий потянулся за кошельком. Потянулся и тут же вспомнил, что несколько раз уже повторял сегодня этот жест. Тому негру, его звали Бонкар, с соседнего корабля... кому-то еще...

— А, да ты ведь тот самый, что предупредил меня о пожаре?! — воскликнул он.

Мальчик твердо кивнул и поглядел на него своими чистыми и ясными глазами, казавшимися слишком большими для его скуластого лица.

— Как тебя зовут?

— Морлиниус, господин.

— Я уже предлагал тебе денег, только ты их не взял. Да, это так: во всем Неаполе не хватит денег, чтобы заплатить тебе по заслугам. Но может быть, у тебя есть семья, которой я мог бы помочь?

— Я работаю воздуходувом у Лотара, — покачал тот головой. — Он меня кормит, и у меня есть место, где спать. Но я бы хотел, мне бы хотелось... — Он запнулся, а потом выпалил: — Господин, я тоже хочу стать магом, как вы! Я даже умею читать!

В доме по-прежнему висел тяжелый запах гари.

— Надеюсь, ущерб не слишком велик? — спросил Вергилий у Иоанна.

— Нет, мастер. К счастью. Мы лишились только запаса хорошо выдержанной древесины. — За спиной Иоанна, в сумраке, сидел подмастерье, по-прежнему добавлявший древесный уголь в топку, сверяясь с хронометром перед тем, как подсыпать очередную порцию.

— Сколько мы потеряли времени? — Вергилий указал в его сторону. Этот постоянный огонь под запечатанным сосудом горел уже четыре года, и предстояло ему гореть еще два. А потом, медленно и осторожно, температуру следовало уменьшать, после чего содержимому сосуда надлежало еще полгода охлаждаться.

— Нисколько, мастер.

Вергилий поглядел в спину человеку. Вот точно так же он занимался своим делом, когда раздался взрыв и в помещение влетел снаряд. Точно так же сидел, когда помещение заполнилось огнем и дымом, не зная наверняка, но предполагая, что огонь может охватить весь дом и тот рухнет, погребя его под собой. А он сидел и не беспокоился об этом или, точнее, верил, что искусство и умение его хозяина способны отвести любую беду, и продолжал заниматься делом, спокойно и внимательно.

— Пусть он выберет себе любой из инструментов, какие отыщутся в моем кабинете, — сказал

Вергилий. — Астролябию, хронометр — что угодно. Если этот предмет окажется серебряным, позолоти его. Если золотым, посеребри. Если же ни из того, ни из другого, то покрой сплавом обоих металлов. И выгравируй поверх одно слово: «Благодарю».

— Морлиниус, — обратился он к мальчику. — А ты бы мог служить мне так? Старательно и ничего не боясь?

Тот на минуту задумался.

— Господин, мне кажется, я бы очень хотел быть старательным-старательным. Но, наверное, я бы слегка испугался.

— Иоанн, — улыбнулся маг, — определи его в кузнечные подмастерья, и пусть кто-нибудь выучит его азбуке. Сначала — латыни, греческому, потом еврейскому. Этруссские буквы, сарацинский алфавит и руны подождут, пока он не выучится цифрам. Если будет учиться с толком, продвинешь его. А нет так и будет стоять возле топки, сколько ему самому захочется. Обеспечь его едой, одеждой, деньгами и местом, где жить.

Мальчик только охнул, широко раскрыл глаза и ничего не мог вымолвить.

— Будешь учиться хорошо, — прогрохотал Иоанн гулким басом, — будешь жить со мной. А станешь лениться, — он согнул свою руку так, что на ней взбугрились мощные мышцы, — тогда я стану лупить тебя до тех пор, пока не исправишься.

Морлиниус завращал глазами, стараясь воспринять все сразу, сглотнул кадык безостановочно ходил по его шее — и наконец тоненьким голоском произнес:

— А я дам сдачи!

Вергилий снова улыбнулся:

— Иоанн, отправь доктору Клеменсу записку о том, что я готовлюсь к отъезду, почему и хочу видеть его как можно скорее. А вы, Перрин и Тинус, скажите мне, когда лучше всего будет встретиться с людьми, чтобы поговорить с ними о делах на время моего отсутствия. К тому же я хочу получить ваши напутствия. Год назад вы помогали мне готовиться к путешествию, пусть же и на этот раз все будет точно так же.

Сам Вергилий отлично знал, что подобного путешествия не предпринимал никогда, и думал сейчас о нем угрюмо, с тяжестью на сердце.

9

Финикиец вновь обратился к легендам своей утраченной родины:

— Нашего главного героя звали Мелькарт... или Мелек-карта, или король Артур^[15], тот самый, что...

Вергилий расслабился. Он был уверен, что рассказ этот продлится до тех пор, пока он не остановит рассказчика, и внимания от него вовсе не требуется. Он полулежал не шевелясь и предавался размышлениям. Море было спокойным, солнце — теплым, корабль бежал по волнам легко и стремительно. Ну что же, дома он оставил Клеменса надзирать за подготовительными работами, ни словом не намекнув на то, что на деле его обязанности вовсе не так уж насущны. Мастера и сами прекрасно выполняют все, от них требующееся, но зато теперь они смогут разнообразить скуку, присущую любому подготовительному периоду, трениями с Клеменсом.

Понял ли это сам Клеменс, Вергилий так и не выяснил. Тем не менее он испытывал перед Клеменсом определенную неловкость, что и помешало ему отказаться от чистосердечного предложения приятеля.

— Я отдаю тебе в спутники горгулью^[16], — сказал Клеменс. — Ты, разумеется, понимаешь, какая это жертва с моей стороны, но в любом случае без нее я все равно буду в большей безопасности, нежели ты, останься ты в одиночку. Гюнтер, встань! Поцелуй руку магу! Охраняй его безотлучно и повинуйся во всем. Ну что же, Вергилий, да пребудут Чистая Белая Матрона и ее спутник^[17] благосклонными к тебе, а Огненный Человек пусть оказывает тебе всяческое уважение. Если же ты повстречаешь на Кипре людей, сведущих в искусстве обращения с металлами, то непременно наведи у них справки о сурьме. Я же, со своей стороны, буду безотлучно приглядывать за подготовительными работами. Разумеется, из-за этого у меня практически не останется времени для занятий собственными делами — пожалуй, лишь пару часов в день мне удастся посвятить комментированию Галлена, редактированию рукописей Катутлла и переложению на современный лад музыки древних... Вставай, Гюнтер, вставай!

Горгулья неуклюже поднялась на кривые ноги и, брызгая слюной во все стороны, облобызала руку Вергилия, затем проковыляла на место, крикнув, приняла прежнюю позу и впилась в кроваво-красную кожу апельсина — ее любимого лакомства. Когда-то давно, когда Клеменс возвращался после консультаций с друидами Трансальпийской Галлии, он провел ночь в хижине одной небольшой горной деревушки. Там как раз происходила пирушка охотников, промышлявших горных коров, но вместо того наткнувшись на семейку горгулий. Дело было на голом, обдуваемом всеми ветрами плато, и стая мигом разбежалась, оставив лишь больного детеныша, которого охотникам без особых усилий удалось поймать. Его отец, впрочем, отбежав на безопасное расстояние, издавал грозные звуки, рычал и скалился, однако камни, полетевшие в его сторону, мигом навели его на мысль о том, что лучше ретироваться. За полдуката и кусок бекона охотники уступили детеныша Клеменсу, настойка же из рогов буйвола довольно быстро поставила существо на ноги.

Судя по всему, горгульи долго в неволе не живут, однако Гюнтер находился у Клеменса уже второй десяток лет. Вида он был внушительного: длинный гибкий язык, уши, как у летучей мыши, были большими и заостренными на концах, острейшие клыки наглядно свидетельствовали о том, что перегрызть любую шею не составит горгулье никакого труда. Спину существа покрывала жесткая вьющаяся шерсть, плечи были на удивление широкими, передвигалась она на задних, крепких и кривых ногах, опираясь при этом на тыльную сторону передних лап. Телохранителем Гюнтер, несомненно, был превосходным — чего стоил только один его вид.

В Мессину Вергилий добрался на каракке (маленьком каботажном суденышке) безо всяких проблем накануне дня, назначенного для свидания с Огненным Человеком. Имперские бумаги сыграли ему хорошую службу: принят он был со всем почтением и весьма радушно, однако решил, что лучше будет, если он остановится в «Большом Серале», широко известном как лучшая гостиница на всей Сицилии. Стол там был превосходен, сад — изумителен, отведенный же ему номер — чист и прекрасно обставлен. Впрочем, ночью Вергилию приснился довольно странный сон, а именно: будто мраморная плита над его кроватью отходит в сторону и оттуда появляется чья-то рука. Сквозь сон ему почудилось, будто Гюнтер выскочил из-под его кровати и, стремительно метнувшись, пропал из виду. Наутро, разумеется, все было в лучшем виде: немедленно подали таз с теплой водой для умывания, тут же появился завтрак, однако

что-то снова встревожило Вергилия, он принялся оглядываться по сторонам и наконец выяснил, в чем тут дело, — горгулья издавала неясный, тревожный звук.

Гюнтер сидел на полу с весьма блаженным выражением на лице и что-то старательно сосал. Он было зарычал, когда его временный хозяин потребовал этот предмет себе, но потом протянул то, что было зажато в его лапе.

А зажат там был человеческий палец.

Словом, завтрак Вергилий заканчивал в настроении весьма задумчивом. Гюнтера, несмотря на несомненную пользу от него при различных обстоятельствах, следовало отправить домой. Что и было осуществлено посредством неаполитанской каракки, куда горгулью погрузили, снабдив на дорожку грудой красных апельсинов, до коих существо было превеликим охотником, употребляя их с косточками и шкуркой.

Как и было уговорено, Вергилий на маленькой лодчонке вышел в море из тартесского порта Мессины и отплыл достаточно далеко, так что город остался лишь пятном на горизонте. Лица его коснулся ветер, жаркий и пахнувший ароматом апельсиновых садов.

— Это сарацинский ветер, — пояснил тартессит — рулевой его лодки, увидев, что Вергилий обратил внимание на ветер. — Дует с Либии. Не к добру это... — Тартессит пожал плечами и не сказал более ни слова.

Вскоре на горизонте появилось черное пятнышко. Вергилий было решил, что это корабль Ан-тона, но вскоре обнаружил, что приближается лишь лодка, узкая и короткая — не длиннее двойного весла, с маленькой каabinкой, разместиться в которой могли лишь двое. И этим вторым, к немалому удивлению Вергилия, оказался его давний чернокожий знакомец Бонкар. Тартессит немедленно развернулся и, не попрощавшись, отплыл прочь, Бонкар же приветливо улыбнулся, и их маленькое суденышко стремительно заскользило по глади залива, словно крупная черная рыба, преследующая рыбешек поменьше. Корабль Огненного Человека поджидал их с невидимой для плывущих из Мессины стороны небольшого каменного островка, единственно и пригодного на то, чтобы быть укрытием.

— Здравствуй, патрон, — приветствовал мага финикиец. И, указав на скудные пожитки Вергилия, добавил: — Что же, вы оставили своего льва на берегу?

— Льва?

— Ходят слухи, будто вы заявили из Неаполя с созданием, смахивающим на льва, грифона и мандрила[18] одновременно.

— Увы, слухи, к сожалению, всегда проигрывают в своей точности своей быстроте. Нет, капитан, существо было горгулей моего приятеля Клеменса. И я отослал ее обратно, поскольку решил, что долгое путешествие не пойдет ей на пользу. А у вас, капитан, новый помощник?

— Да, как видите. Прежний сгоряча затеял драку за какую-то шлюшку с человеком, который был и моложе, и сильнее, и настойчивее его. А Бонкару, в свою очередь, поднадоели мешки с пшеницей. Видите, вот так Общий Ход Вещей и выстраивает все в надлежащем порядке. Занимайте мою каюту, я предпочитаю спать прямо на палубе. В хорошую погоду там просто приятно, в дурную же я все равно не смогу позволить себе спать внизу.

Весла были опущены в воду, и птичий нос лодки двинулся вперед. Пучины морские были тихи, и жертва, принесенная Принцу Моря, — кусок хлеба — была принята им через его эмиссара, дельфина, ради этого выскользнувшего на поверхность. Небольшой морской монстр появился в нескольких лигах от них, но не сделал попытки нарушить благословенную тишину, лишь проводил путешественников своими выпученными, похожими на удвоенную луну глазами и вновь скрылся под водой. Море сияло ляпис-лазурью, туманные, голубовато-серые, возвышались вдали горы, ближний берег был зеленым, веселым, дальний же — за белыми барашками, у самого горизонта — выглядел желтовато-коричневым и мрачноватым. Подобно отаре гигантских овец, через небосклон тянулись облака. Их темные отражения глядели на своих белоснежных, будто выкупанных, двойников из пучил морских. Начинало вечереть, и вдали, на берегу, зажигались все новые огоньки, а облачка дыма из труб лишний раз напоминали о судьбе

смертного человека, которому навек суждено «в поте лица растить свой хлеб либо погибнуть».

Чуть погода финикиец указал в сторону скалистого берега:

— Видите пещеру? Вон там? — Вергилий проследил за направлением багровой руки компаньона и, в самом деле, увидел на скалистом склоне пятно, которое вполне могло оказаться входом в пещеру. — Там обитает могущественный страж, Херуб Дис, клянусь честью! — обернулся капитан. — Если путешественники, пустившиеся в плавание с добрыми намерениями, оказываются захваченными бандитами, обитающими неподалеку — вон там, видите? — тогда Дис выходит из пещеры и с помощью своего огненного меча выручает их из беды. Но если же цели их дурные, если их намерения противоречат Верховной Воле, то Херуб им не поможет.

Вергилий слушал капитана Ан-тона и внезапно удивился тому, как тон его речей стал не похож на ту интонацию, с которой Огненный Человек рассуждал о грузах, рейсах, страховке и компенсациях. Голос сделался мягким, певучим — Вергилий понял, что очень мало знает и о самом этом человеке, и о его желаниях, тревогах и страстях.

Солнце в своем огненном корабле (используя привычный образ финикийцев) спустилось по своей равноденственной кривой (используя язык науки). Птичий нос корабля уткнулся в берег, местные жители помогли экипажу вытащить его на песок, получили вознаграждение за свою нехитрую услугу и принесли в ответ дрова и несколько горстей каперсов — все, что они могли предоставить из провизии. Путешественники вознесли молитвы Всеблагому, освятили свой нелегкий морской хлеб, обмакнули в соль и приступили к трапезе, которую составили масло, рыба, вино, пирожки с фигами и принесенные им каперсы. Один матрос из экипажа был выставлен в дозор, остальные же выкопали себе ямки в песке, обложили их со всех сторон сорванными травами, которые будут отгонять мух и иных кровососов, завернулись в одежды и мирно почили до утра, ощущая тяжесть навалившейся усталости, — как всякие опытные люди, умеющие не переоценивать свои собственные силы.

Сумерки сгустились в темноту, на небеса выкатилась и засияла луна. Так просто и покойно прошел первый день их путешествия.

Путешественники достигли вод Ионического моря. Капитан Эббед Сапфир вышел на палубу с астролябией в руках, провел измерения и направился вниз, в каюту, дабы свериться с картами. Вергилий последовал за ним и впервые увидел карту капитана, развернутую на осях из слоновой кости.

— Подарок о дожа Спарты, — указал на нее хозяин. — Где он ее раздобыл, не знаю, однако несомненно, что столь прекрасное изделие картографов никогда не могло бы родиться в той не слишком утонченной провинции... Ну что же, патрон, предлагаю направить корабль на Санто или Санктиус. Там мы пополним запасы воды и провизии, а затем возьмем курс на Кандию... и так далее, пока не подберемся поближе к Кипру.

Вергилий покачал головой и ткнул пальцем в карту.

— Что?! — удивленно воскликнул капитан. — Но это же в лигах и лигах от нашего маршрута!

— Мы больше не можем прыгать по морю, словно морские блохи, поморщился Вергилий. — Перебегать с места на место, как рыболов с удочкой. Так мы и за год не доберемся до Кипра. Я не говорил вам раньше, но говорю теперь, что в мои намерения входит получить от морских гуннов, чей штаб расположен на Корфу, проводника к их вождям, а у тех — проводника до самого Кипра. Тогда мы можем без опасений плыть по открытому морю. И времени затратим меньше, и без ненужного риска обойдемся.

Финикиец, однако же, принялся протестовать. В его глазах предприятие выглядело не только безнадежным, но и опасным. Что-то вроде вопрошения Сфинкса, по его выражению.

— Но опасность все равно остается, — возразил Вергилий. — Если же нам повезет, то мы сэкономим время.

— Вы правы, — согласился после раздумья капитан. — Отлично, мы плывем на Корфу.

И дал указания рулевому.

Эрнас, или Эрналфас, тот самый человек из штаба пиратов на Корфу, о котором говорил Вергилий,

был полугунном, мать его была из племени готов или какого-то ему подобного. Резиденция его располагалась на вилле у берега моря и почти совершенно заросла лимонными деревцами того благоуханного сорта, что и дал свое имя острову. Сам Эрнас, впрочем, жить предпочитал в палатке во дворе, заваленном запасными мачтами, старыми и новыми парусами, грудями якорей и прочей морской утвари. Одет он был в шелковый халат, робу и шапочку, сделанную из волчьей морды. Когда посетители появились на его дворе, он был занят тем, что старательно шлифовал песком весло.

— Привет, гунн, — приветствовал он Огненного Человека тоном не то презрительно-аффектированным, не то аффектированно-презрительным. — Что нынче приволок? — И, обернувшись к Вергилию, неожиданно спросил: — Эй, Шаман-ар-Руми, не хочешь надеть медвежью шкуру? Наденешь? Я постучу для тебя в барабан.

— Существуют вещи, — невозмутимо отвечивал Вергилий, — уважаемый господин Эрнас, которые разумный человек позволить себе не может.

Эрнас было вытаращил глаза, затем сообразил, фыркнул и кивнул:

— Верно, Руми-шаман. Помню, когда я был мальчиком, Тилдас-шаман, мудрец из Ханфолка, что с Атрийского моря, надел раз медвежью шкуру. Было это на тризне по старому вождю. И что же? Они стали бить в барабаны, сам видел, а дух медведя вошел в него, вошел и не отпускал. Он раздулся сразу, выше стал, Тилдас-шаман, когти у него вылезли, точь-в-точь медвежьи, а барабан бьет себе и бьет: тум-тум, тум-тум, а-тум, а-тум.

Воспроизводя звуки гуннских тамтамов, Эрнас поднялся на ноги, утонул по щиколотки в прибрежном иле и принял точную стойку и позу медведя танцующего медведя. Глаза его вращались так, что видны были только белки, руки двигались, будто медвежьи лапы, ноги знай себе ходили вверх-вниз, вверх-вниз — с тяжелым притопыванием. Глубокие и хриплые звуки раздували грудь гунна, и он рычал, как медведь. Вергилий ощутил, что его плоть содрогнулась от ужаса — то, что переступало с ноги на ногу перед ним, то, что топало и кривлялось, уже было не человеком, изображавшим медведя, но медведем, облаченным в шелковый халат. Наконец человек-медведь остановился, рухнул на песок и будто уснул как зверь. Вергилий не успел еще сделать шаг назад, как Эрнас вскочил на ноги, теперь уже похожий на человека, рассказавшего им историю. Что же, так истории сначала и рассказывались, — пришло на ум Вергилию, — это уже позже их стали записывать сочинители.

— Ну, тут гунны устали, — продолжал Эрнас. — Хватит! Ахой! Тилдас-шаман! Аваст! Подымай якорь, отлив, плыть пора! — Он пнул ногой кого-то невидимого, скорчившегося на песке. — Вставай, вставай! Тилдас-шаман, пророчествуй нам! Что рассказал тебе дух нашего старого вождя, что сообщили тебе духи наших дедов и бабок?

Внезапно человек вновь сделался медведем и закрутился на своих четырех лапах — медведь это был, медведь...

Стирая выступивший на лице пот, Эрнас сел на песке:

— Но ничего не сказал Тилдас-шаман. Ни слова. Ни слова не сказал он с тех пор. Дух медведя как вошел в него, так и не отпускает до сих пор. Держит его своими когтями в медвежьей шкуре. Вот так-то, Шаман-ар-Руми! Хорошо, что ты не согласился, но еще лучше то, что ты не сказал мне прямо «нет», потому что «нет» морским гуннам не говорят. Государственные бумаги — что в них? Зачем они?

Внезапная перемена темы не смутила Вергилия.

— Чтобы продемонстрировать тебе, что я прибыл сюда не только по своему делу, но и по делам самого Императора, и получить от тебя разрешение посетить твоих вождей. Чтобы составить с ними договор о дружбе с Домом Августа. А еще — чтобы получить от них надежного проводника на Кипр, по тем же Императорским делам.

Эрнас пожал плечами и поднял весло, над которым трудился.

— Нету у нас тут сейчас никаких вождей. Вождь Отилл где-то возле Малой Азии. Вождь Осмет в Александ-и-Рими — как вы ее называете? Ал-аксан-рия? Требуется большого выкупа. Нету вождей. Так что нет ни разрешения, ни проводника. Ступай. — Его рука почти уже указала направление, куда Вергилию

следует отправляться, однако же, внезапно вспомнив о своей должности, Эрнас сбавил спеси. Медленно и торжественно он воздел руки и произнес: — Если бы я, представитель морских гуннов, мог помочь людям с письмом от Августа и его Дома, я бы им помог.

— Ты можешь помочь, — подсказал ему Вергилий. — Пропусти нас к своему вождю.

— Да разве ж я не сказал? Нет тут вождей!

— Но есть еще третий вождь, а о нем ты не сказал ничего.

По лицу Эрнаса пробежало искреннее недоумение, он нахмурился, мучительно пытаясь разрешить загадку. Наконец перекосясь от смеха, забился в конвульсиях и через силу выдавил:

— Вождь Байла?! — хохотал он, брызгая слюной в лица странников. — Так что же, вы, значит, слышали о нашем знаменитом вожде, да? — с трудом переводя дыхание, спросил он, отсмеявшись. — Что же, в ваших городах — как их? — Риме, Александ-и-Рими, Джерус-и-Рими... там повсюду звучит имя вождя Байлы? Ну и делишки... Ладно, дам проводника. Надеюсь, Дому Августа это сильно поможет.

И он дал проводника, а точнее, сразу двух. Белый конский хвост, который надлежало привязать к мачте судна, и одного из своих домочадцев, в чьи обязанности входило объяснять любому судну гуннов о том, что именно в этих водах делают чужаки, да еще с их талисманом на рее. Человек этот был сморщенный, без возраста, выглядел как и все его сородичи. Со взглядом, слишком презрительным, дабы его можно было счесть усмешкой, он отказался уйти с палубы. Всю дорогу он провел на юте, завернувшись в полуистершуюся волчью шкуру. Что он пил, никто так и не выяснил, питался же темными полосками сушеного дельфиньего мяса, которое доставал из кожаной куртки. Этот рацион ужаснул команду корабля.

— Дельфин... — сказали они Вергилию, — это же друг человека, а как человек может есть своих друзей? Эти гунны, — решили они сообща, — верно, не люди вовсе, а демоны.

Причал морских гуннов на острове Мариссиус пребывал в дреме. Угрюмо и нечленораздельно проводник указал, где пристать. У берега было глубоко, под водой тут находился кратер давным-давно затухшего вулкана, так что птичья фигурка на носу корабля бросила свою тень не на прибрежный песок, но на грубую гальку, на камни, поросшие сорной травой, и на обломки давным-давно упавшей колонны.

Сквозь ушко в каменном столбе был продет перлинь, провожатый соскочил на берег, возле корабля собралась небольшая толпа любопытных мальчишек и старух — вот, собственно, и все, чем было отмечено прибытие чужаков в пиратскую резиденцию.

Повсюду виднелись тенты и палатки, разбросанные вдоль берега, среди кедровых и сосновых деревьев. Их, впрочем, было куда меньше, чем кораблей в порту. Некоторые из судов стояли тут так давно, что двери на них покосились, а на палубе успела прорасти трава. Мужчины среднего, самого боевого, возраста сидели, привалившись к косякам дверей или к блошкивам, и занимались тем, что затачивали концы абордажных крюков, да кое-какой прочей неспешной работенкой, предназначенной скорее для того, чтобы просто провести время. Впрочем, как заметили путешественники, вдобавок к своему зрелому возрасту каждый из них имел какой-либо изъян, явно мешавший им участвовать в битвах. Было тут и несколько стариков, но очень мало, поскольку до преклонных лет гунны стараются не доживать, предпочитая смерть в бою. Зато хватало старых женщин, и женщины эти выглядели ужасающе: иссохшие, наполовину лысые, полунагие, с высохшими грудями, которые постоянно выскакивали из-под одежды и скукоженно болтались, состоя почти что только из одних сосков, громадных, темных, словно запекшихся. Да, это была другая сторона жизни бандитов, ясно демонстрирующая их отношение к таким вещам, как любовь, грация и красота.

Тут и там путешественники видели пленных, рабов, которые на мгновение прекращали свои работы и глядели на них — пришельцев из давно забытого ими мира, не казавшегося им теперь уже ни желанным, ни хотя бы взывающим к мщению. Над островом висел запах испражнений, застоявшейся мочи, тухлой рыбы, плохо выделанных шкур, пота, шелудивых собак, засаленного тряпья, прокисшего кобыльего молока и чего-то еще, столь же мерзкого, но уже неопределимого. Говорят, морские гунны моются лишь раз в году, и в тот день, по слухам, в окрестных водах дохнет вся рыба...

Вергилий ощутил, что готов этому поверить.

Трофеи былых набегов и грабежей валялись повсюду, будто выброшенные на берег после кораблекрушения. Догнивала и заносилась песком позолоченная мебель, рулоны прекрасных бархатных тканей служили отхожим местом, бочки с виноградным вином давно уже, поди, содержали в себе уксус, на громадную древнюю книгу в драгоценном переплете задрала лапу собака...

Проводник поднялся по ступенькам, вошел в двери храма и пропал. Вергилий с компаньоном последовали за ним — и что же? Крыша храма отсутствовала напрочь, а внутри помещения была просто-напросто разбита палатка, самая громадная из виденных доселе путешественниками. Путь к ней украшала целая аллея шестов, к верхушкам которых были привязаны конские хвосты всех мастей и оттенков — грязно-рыжие, коричневые, серые и вороные. Верхушка шатра была откинута, давая путь свету, и, привыкнув к освещению, путники обнаружили своего проводника выполняющим ряд довольно сложных движений. Сначала он простерся на полу, но, не упав на него полностью, поднялся вновь и по ходу дела совершил руками движения, словно посыпал голову пеплом или пылью, а затем рухнул наземь заново. Все это время он побряхтывал и бормотал, время от времени взывая так, словно был ранен, и наконец возвысил голос до такой степени, что чуть не сорвал его, при этом он сел на корточки на роскошном и широченном бактрийском ковре, которым был выстлан весь павильончик внутри палатки. Руки при этом он держал строго перед собой, словно демонстрируя, что никаких действий ими совершать не намерен.

Путешественники подошли к проводнику, остановились и огляделись по сторонам. Перед ними, на подстилке из сероватой овчины, покрытой сложенной вдвое раззолоченной парчой, храпел человек. Рот его был полуоткрыт, демонстрируя присутствующим неполный набор коричневых пенечков, бывших когда-то зубами. Судя по золотому кольцу, с которого свисал очередной конский хвост, а также по багрянцу подстилки, на которой лежал храпящий, перед ними был именно Байла, третий вождь гуннов.

Сколь бы убого ни выглядела резиденция вождей, не обошлось без ритуала: очевидно, хозяевам все же было присуще определенное понятие о вежливости и гостеприимстве. На тьяканье, возникшее из грудной клетки лежащего, когда тот проснулся и обнаружил перед собой гостей, откуда-то сбоку появились три человека жутковатого вида. Все трое хромали. Оруженосцы они были или приближенные, но все трое явно только что разделяли послеполуденный отдых со своим повелителем, так что теперь присоединили свои побряхтывания и зевки к байлинским. Постепенно подтягивались рабы и прочие дворовые люди. За это время вождь Байла успел прочистить нос и горло, ополоснулся пригоршней воды и произвел иные физиологические действия, свойственные проснувшемуся человеку, которые, невзирая на их наглядный натурализм, все же свидетельствовали о том, что аудиенция началась и идет своим положенным чередом.

Вергилий и Эббед Сапфир расположились на овчинах, покрытых сверху шелковыми халатами с меховой оторочкой, принадлежавшими, верно, когда-то какому-нибудь бедолаге-скифу. Принесли вино, шикарные чаши, совершенно не подходившее одна к другой, были принесены свежая вода, кумыс, корабельные галеты и что-то вроде пастилы из крашеного сахара. Пастила, видимо, когда-то была мягкой. В углу палатки объявилась женщина, которая села, скрестив ноги, на табурет и, явно не в такт бряцая по тамбурину, завывала что-то себе под нос, одновременно ухитряясь кормить ребенка, примостившегося у нее на коленях.

При звуках музыки оруженосцы приосанились и принялись представляться, протягивая гостям свои крепкие, корявые длани. У багатура Мудраса не было глаза. Багатур Бруда обладал только частью левой ноги, багатуру же Габрону приходилось опираться на палку, дабы компенсировать отсутствие на правой ноге ахиллесова сухожилия. Представившись, все трое в такт и в тон взвыли:

— Давай! Давай! Давай!

Хозяевам был предъявлен алый свиток с имперскими бумагами и монограммой. Габрон оглядел свиток, понюхал и передал Мудрасу, который в свою очередь развернул документы и немедленно отдал по цепочке дальше Бруде, который, не мудрствуя лукаво, просто положил их на колени Байле. Тот развернул грязными пальцами бумаги, повернул вверх ногами, поглядел на просвет, словно бы желая увидеть там какие-то красивые картинки, и, разжав пальцы, позволил бумагам мягко скользнуть на пол. Затем грубоватым голосом, в котором явно сквозило разочарование, сказал:

— Императорские книги, да. Красивые. Гладкие. Великая честь. Рим и морские гунны — большие друзья. Ешь, пей. Мясо, рыба. Как тебя зовут?

Его неоценимость Байла, сын Байлы, сын Отилла, сын Эрны — вождя морских гуннов, Великого Вождя, Вождя Вождей, был щуплым и хилым человеком с подслеповатыми, мутными глазами, реденькими и топорщащимися усами. Левую его щеку пересекал шрам, но явно старый.

Финикиец представился.

— Пунический человек — хороший моряк, только все время ездит, ездит, что-то продает, — сказал вождь отчасти неприязненно, — а нам торговля ни к чему. Гунн не покупает, он просто берет.

Затем Эббед Сапфир представил своего патрона. Едва это было произведено, как багатуры Мудрас, Бруда и Габрон вновь повторили свое почти ритуальное заклинание: «Давай! Давай! Давай!», дружно протянув вперед руки. Что ж, гости преподнесли подарки. Огненный Человек передал вождю длинный нож в ножнах из алой кожи, в которых имелись кармашки для ножичка маленького размера и точильного бруска. Даром же Вергилия оказалась пара подвязок из золотой ткани, украшенных причудливыми черными жемчужинами.

Напялив на руки подвязки, как если бы это были браслеты, вождь меланхолично поковырял в зубах маленьким ножичком, а затем поднялся на ноги, приглашая следовать за ним. Оруженосцы куда-то пропали, видимо, вернулись к прерванному отдыху, женщина (как оказалось впоследствии, Мать Клана Лисы и Музыкантша Двора) прекратила свои постукивания и завывания, немедленно определив сосок левой груди в рот младенцу.

Гости покинули палатку и, повинувшись жестам Байлы, зашли за какую-то загородку. Там стояла колонна, и к ней был кто-то привязан.

— Дам тебе добрый совет, — произнес вождь. — Послушай, шаман Вергилий, будь внимателен. Не будь подобен плохому шаману. Сучий потрох! — внезапно взвизгнул он, пнул ногой привязанного к колонне и побагровел. — Ты! Поедатель свиного пойла!

Существо, закованное в цепи, подняло голову и, покряхтев, встало на ноги. Оказалось, что это медведь. Дряхлый, плешивый и самый слабый из всех медведей на свете, виденных когда-либо Вергилием. Зверь морщился, топтался на месте, шевелил беззубыми челюстями, а когда Байла в истерике принялся швырять в него палками и камнями, прикрыл глаза лапами. Он казался стариком, закутанным в медвежью шкуру, очень старую шкуру, — и снова, несмотря на то что день был жарким и сверху, сквозь отсутствующую крышу храма, палило солнце, по позвоночнику Вергилия пробежал холодок страха.

— Это Тилдас-шаман?! — Слова против воли вылетели из его рта.

— Да! Шаман Тилдас! Сучий потрох Тилдас! Сифилитик Тилдас!

Да, это был именно он, тот самый медведь, о котором все морские гунны думали, будто он был ранее человеком.

— А почему ты его ненавидишь? — спросил Вергилий.

— Почему? — голос вождя сорвался на визг. — Почему? Почему? Почему ненавижу? — Рот вождя сжался, а маленькие, слабые ручонки вцепились в медведя и принялись драть шерсть. Вождь словно разучился от ярости говорить, по крайней мере, из него вылетела вся та не слишком богатая латынь, на которой ему еще удавалось изъясняться. Дело, похоже, было именно в том, что шаман Тилдас не смог вернуться в человеческий образ и потому не привел с собой дух Отца Вождя и дух предыдущей Матери Клана. И не передал послание от них — благоприятное для Байлы, что и дало возможность его братьям, Отиллу и Осмету, узурпировать власть, а Байлу довести до подобного бессилия.

— Вождь! — орал он, лупя себя кулаками в куриную грудь. — Байла! Вождь! Вождь тоже! Отилл — вождь, Осмет — вождь, но Байла — Байла тоже вождь.

Да, несомненно, он тоже был вождем — вождем заброшенной пристани, вождем старух и пузатых детишек, вождем инвалидов и калек, вождем мух и шелудивых псов. Вождь. Вождь Байла.

Чуть поодаль от храма находилось небольшое святилище, которое построили греки еще до того, как морские гунны подошли к острову и обрушились на него, подобно полчищам саранчи. Стены святилища обветшали, одна вообще обрушилась, камни поросли мхом. Здесь, среди зелени и прохлады, на время

избавившийся от необходимости постоянных сравнений того, кем он мог бы стать и кем стал, Байла, отошедший после недавней вспышки, сидел и разговаривал со своими гостями.

Даст ли он им проводника и пропуск на Кипр?

Дал бы, да не имеет права. Братья («Чума на них, холера, трясучка, морская болезнь, сифилис!»), братья придут в ярость. Нет... нет... он не может... не имеет права.

Жалко, заметил Вергилий. А они собирались увидеть знаменитый город Пафос. На это Байла вскинул свои маленькие глазки. Пафос... да... Тот самый Пафос, где стоит великий храм Афродиты. Да... Пафос...

— Именно, вождь Байла. Где расположен храм Афродиты и где семь или семнадцать сотен прекраснейших прислужниц обучены всем тонкостям искусства любви и любого странника делают своим любовником в честь великой богини...

Служат богине... Ммммм, ах...

Глаза Вергилия встретились с глазами Ан-тона, и тот моментально заговорил о том, насколько будет польщен и горд, если вождь Байла отправится паломником в храм на его корабле. Щуплый монарх облизал пересохшие губы. Ум его работал с трудом, но, несомненно, работал... послужить богине...

И тут, вместо того чтобы задать уместный и почти риторический вопрос о том, что-де, неужели же братья воспротивятся столь благочестивым планам, Вергилий неожиданно сменил игру.

— Ну конечно, если вождь Байла вынужден находиться в своем лагере неотлучно, если он не может покинуть остров без разрешения... если он пленник своих братьев...

Вождь стремительно вскочил на ноги и схватился за нож. Магу не оставалось ничего иного, как мгновенно выпалить:

— Умру за правду!

Клинок был обнажен.

— Встать! Встать! — орал Байла. — Шаман Вергилий, капитан Эббед! Встать! На корабль, на корабль немедленно! Мы плывем на Кипр! — Гнев вождя чуть утих, но решительность не оставляла его ни на йоту, уголки рта опустились вниз, в сочетании с изуродованными чертами лица придав ему выражение, смахивающее на усмешку, которая не могла скрыть явного вожделения. — Пафос! — закричал Байла. — Пафос, ха! Мы плывем на богослужение!

И почти погнал их вперед, перед собой, словно пастушья собака — стадо.

Три израненных в битвах багатура были столь ошеломлены решением вождя, что не могли вымолвить ни слова. Но, несомненно, ситуация требовала каких-то действий с их стороны, потому они немедленно вновь протянули вперед руки и заголосили:

— Давай! Давай! Давай!

Разбираться с ними времени не было. Им был отдан письменный прибор Вергилия, отдана небольшая астролябия Сапфира, отданы ремни, пояса, ножи, кошельки, амулеты, шляпы, шали. Вергилий впоследствии охарактеризовал сей момент так: пиратам отдали все, за исключением, разве, собственной добродетели.

На борт были спешно загружены припасы, а лошадиный череп был сквозь глазницу прибит к бушприту — без этого талисмана в море не осмеливался выйти ни один из гуннов. Море было спокойным и безмятежным, словно пруд, гребцы принялись за работу с таким усердием, что вскоре от острова осталась только темная полоска на горизонте.

Свободный от влияния своего загнивающего двора, Байла совершенно преобразился. Он оказался отменным мореходом, храбрым, хотя и немного неуклюжим бойцом, стоял вахты, когда рулевой однажды по ошибке отхлебнул мышьяка вместо пива, и был душой и заводилой в битве с сардинскими флибустьерами возле Киклад. Время от времени путникам попадались по дороге суда гуннов, черные и быстроходные, с парусами кроваво-красного цвета, однако штандарт вождя из белого конского хвоста, увенчанного короной, на мачте и приземистая фигура Байлы на юте немедленно устраняли все возможные

проблемы.

А вот когда ветер утих, Байла обнаружил себя совершенно без дела. И разумеется, отправился спать вниз.

— Конечно, — сказал Огненный Человек, — мы можем грести, однако же мы не можем грести постоянно. Наши люди не рабы, чтобы их использовать за раз и выкинуть, как отбросы. Потому далеко нам не уплыть. И снова возникает вопрос времени. Снова возникает тот самый вопрос.

Судя по его лицу, выражавшему сильную досаду, он настолько сжился с проблемами Вергилия, что воспринимал их уже как свои.

— Если ты тревожишься о том, чтобы как можно быстрее вернуться в Неаполь, дабы не упустить фрахт, — сказал Вергилий, почесывая свою короткую узкую бороду, — то еще раз заверяю тебя, что компенсирую твои издержки.

Странно, но на этот раз Огненный Человек опроверг свое же мнение, что все может быть оплачено деньгами.

— Иногда, господин Вергилий, иногда случается так, что *мы не можем заплатить ту цену, которую от нас требуют*. Ты можешь поднять ветер?

«Не можешь заплатить требуемую цену...» — как ловко этот наемный мореход сформулировал ту самую мысль, что мучила Вергилия уже давно. Застигнутый врасплох предательством женщины, которую любил более всех прочих, ощутив со всей отчетливостью утрату части собственной души... Он только покачал головой. Затем, быстро придя в себя, ответил:

— Любые вмешательства подобного рода нежелательны... Но...

— Но... — вкрадчиво подхватил Ан-тон. — Но остается ли нам что-либо иное? Так делай же это!

Внизу, в обитой кедровым деревом каюте, было тускло и сумрачно. Из громадного сундука черного дерева Вергилий извлек сундучок поменьше, сделанный уже из дерева красного, из того — достал одну из нескольких хранившихся там шкатулок, сработанных из черепахового панциря. Поставил ее на стол.

— Это, возможно, будет не слишком приятно... — предупредил он капитана. Огненный Человек издал нетерпеливый горловой звук и стал пристально наблюдать за тем, как Вергилий тщательно раскутывает нечто, спрятанное в слоях нежнейшей и белой, словно свежевыпавший снег, пряжи. Наконец перед его глазами предстало нечто увядшее, раздвоенное и коричневое, а Вергилий принялся связывать свою ногу и руку веревочками алого шелка, скрепляя их между собой замысловатыми узелками.

С удивлением Огненный Человек обнаружил, что со дней своей юности ни разу не видал подобных узлов — он понимал это, даже их не ощупывая. И этот узел незнаком, и другой, и следующий...

— Я моряк, — пробормотал он, — и мне казалось, что мной изучены все узлы на свете. По крайней мере, так мне казалось до этого момента... — Тут его голос стал совсем тихим. — Они, кажется, вообще иного типа... что же, они созданы для того, чтобы призывать и удерживать ветер? Нет! Что это? Голос его замер, и он застыл в изумлении.

Тот сморщенный предмет был длиной примерно в ладонь и шириной в два пальца. Это была самая маленькая из всех возможных мумий, темечко ее было слабо покрыто пушком волос, а ноги закручивались друг за друга, словно были без костей. Ступни, кажется, тоже отсутствовали.

— Это один из аль-рунов, — пояснил Вергилий. — Еще их называют мандраками, или мандрагорами...

В неглубокую мисочку он налил красного вина, а в более крупную насыпал земли. Быстро обмакнул создание в вино и осторожно, аккуратно положил на землю.

— Или мандрагорами... — повторил он, отступая назад и глядя на существо. — У них много имен. И власть им дана большая.

Маг отыскал свободный конец нити, дернул за нее, и все узлы моментально распались. Мандрагор пошевелился, по его телу прошла легкая судорога. Тонкие веки поднялись и обнажили взгляд — мутный, блуждающий по сторонам, бессмысленный, как взгляд идиота. Беззубый рот издал сухой, сосущий и

схожий со свистом звук.

Вергилий взял серебряную шпильку и уколол себя в подушечку левого указательного пальца, выдавив капельку крови. Поднес дрожащую каплю ко рту мандрагора — создание немедленно прижалось к пальцу, словно теленок к вымени.

Вергилий с трудом отнял палец:

— Довольно, гомункул. Смотри зорко, говори внятно и подчиняйся мне во всем!

Гомункул причмокнул. Взгляд его, когда он повернул голову, был уже острым и вполне осмысленным. Он самодовольно улыбался, щебетал, попискивал, ерошил крохотными ручонками свои волосы на голове — руки его выглядели словно корешки, вялые отростки.

— Говори внятно!

— Королева Кандиды наставила королю рога с конюшенным, — произнесло пискляво, но вполне разборчиво существо. — Мисо Яник нашел нового покровителя своей рыжеволосой девчонке. Лодочник Карсис сгибается и пыхтит, только не на своих веслах, а над... зовут ее...

— Довольно! — прервал его Вергилий. Мандрак хихикнул и прыснул. — Гляди на Розу Ветров. Видишь ветра? Обоняешь их? Слышишь? Чувствуешь?

Мандрак замолк, прислушиваясь.

— Вижу сардин и камбалу... кальмары, очень много губок...

— Ветер. Только ветер. Ищи ветер!

Тонкие ноздри затрепетали. В носу у мандрака явно не было хрящей.

— Чувствую его, — произнесло создание.

— Где?

— У берегов Малой Азии, пахнет гарью сожженных городов, пролитой кровью и потом насилованных девушек.

Мужчины обменялись быстрыми взглядами.

— Морские гунны, — пробормотал Огненный Человек. — Вождь Отилл за работой.

— Другой ветер, гомункул. Другой.

Рот сомкнулся и выдохнул:

— Чувствую его вкус.

— Где?

— В трех лигах по направлению на солнце, пахнет солью и брызгами.

— Там скалы и мели, — покачал головой Ан-тон.

— Не этот ветер, гомункул. Другой.

Мандрак задрожал и поморщился. Затем вдруг с вожделием произнес:

— Дочки Афинского префекта... — Моментально и без малейшего сочувствия Вергилий ткнул его шпилькой. Мандрак съежился, завертелся и заверещал.

— Ветер! — закричал он, словно протестуя. — Я вижу ветер!

— Где?!

— Две лиги и еще половина лиги отсюда, — вопило существо. — Между югом и востоком. Юго-восток, две лиги и еще половина лиги! Ветер! Ох, теплый! Сладкий, мягкий и быстрый! Ветер!

Огненный Человек повернулся и затопал по ступенькам вверх, на ходу выкрикивая приказы. По палубе прогрехотали ноги гребцов, в уключинах взвизгнули весла. Загребной принялся выкрикивать ритм, и корабль рванулся вперед.

— А теперь, — сказал мандрагору Вергилий, — можешь разглядывать что пожелаешь.

Глаза создания блеснули, словно слизь улитки, он осклабился и немедленно принялся изрыгать из себя рассказы о том, что видел: совокупляющихся с пастушками кентавров, мальчиков-рыболовов, которых соблазняли и увлекали в пучину русалки, обманутых единорогов, драконов, которых с помощью уловов лишали их сказочных богатств... Он молот языком, причмокивал и захлебывался речью. Наконец затих. Начал снова, говоря теперь уже о других предметах, но в голосе его звучало куда меньше интереса. Вергилий слушал его, приклонив голову к плечу, и между делом царапал стилем на навощенной дощечке. Потом, словно бы случайно, провел на ней глубокую царапину и взял в руку образовавшуюся стружку, завиток воска.

Гребцы оставили весла. Наверху закричали, вновь донесся топот ног, резко был поднят парус. Парусина затрещала, заскрипела мачта — и еще раз, и еще. Сверху донеслись ликующие крики, и корабль резко дернулся вперед. Вергилий поднялся и, сминая воск в пальцах, подошел к мандрагору. Тот глядел на него, словно обезумев, широко раскрыв в ужасе рот. Но крик, визгливый и отчаянный, не успел вырваться из его гортани. Вергилий, кажется, в тот самый миг, когда этот крик должен был раздаться, залепил губы мандрагора воском, обмотал тельце шелковой нитью и поднял из тарелки с землей.

Существо извивалось и корчилось в его руках, но уже в следующую секунду застыло — теперь, когда вокруг него вновь были сооружены нити и узлы, должны были как в физическом, так и в метафизическом смысле обеспечить его безопасность, он вновь казался не более чем безжизненным корешком. Острием той же шпильки Вергилий снял со рта гомункула восковую печать, обернул его слоями пуховой пряжи, поместил в черепаховую шкатулку, положил ее в ларчик из красного дерева, а тот поставил в эбеновый ларь. После этого, добравшись до стула, он не то рухнул, не то сел на него. Лицо его было искажено болью и мукой, казалось, по крайней мере половина жизни покинула его за эти минуты: теперь наконец он наяву увидел то, что сделала с ним самим Корнелия, и, в приступе отчаяния, прижал к глазам ладони. Потом, немного придя в себя, взглянул на левую руку.

Левый указательный палец опух и покраснел, за исключением первой фаланги, которая была серой и кровоточила после укола шпилькой. С потерянными выражением на лице Вергилий долго глядел на палец. Наконец нашел в себе силы промыть его и перевязать.

— Нет, в этом году я больше не сделаю этого, — пробормотал он сам себе. — Если вообще когда-либо сделаю... — Лицо его исказилось, и, сжав зубы, Вергилий вышел из каюты.

— Кипр! — орал на палубе. — Кипр! Хо!

Кипр оказался просто другим миром.

Спроектирован и построен Пафос был греческим архитектором. И то ли во сне, то ли под действием веществ, именуемых талакуинами или мандрагорами. Весь из желтого, подобного заварному крему мрамора, из мрамора розового, как парное мясо, из зеленого мрамора, похожего на зернышки фисташек, из мрамора медового и розово-красного, мрамора с цветными прожилками и зернистого. Строения карабкались в горы, стелились вдоль ложбин. Колонны возвышались ярусами, капители изобиловали резьбой и лепкой, сработанные, верно, прекрасными коринфянами, большими любителями изощренной роскоши. Фронтоны домов пышно заросли барельефами, четырехопорные арки стояли чуть ли не на каждом углу и перекрестке, гигантские статуи высились над домами, а маленькие — собирались толпами под карнизами и крышами строений. Повсюду зеленели лужайки и сады, фонтаны выбрасывали вверх воду, вода разбивалась на струи и брызги и блестела на солнце...

Пафос.

Воздух здесь был густым и насыщенным, почти что тягучим, бриз едва колыхал восковые цветы граната, и Вергилий, заметив, как Байла поморщился, хватая ртом воздух, положил руку на грудь и понял, что и ему самому дышать тоже трудно. Ах, если бы эта тяжесть была вызвана только пряным пафосским воздухом...

Человек, чем-то занятый на молу, встретил появление путешественников довольно спокойно, без особого любопытства. Вергилий обратился к нему на своем лучшем греческом койно^[19] и осведомился о том, где находятся официальные лица порта и где можно найти грузчиков.

— Да, господин, да, — ответил человек на весьма архаическом диалекте языка, бывшего в ходу на острове. — Завтра непременно... завтра.

— А почему не сегодня?

— Сегодня, господин? Сегодня у нас праздник.

Повсюду виднелись следы запустения, вызванного блокадой острова морскими гуннами. Посреди дороги лежало фиговое дерево с круглыми багровыми плодами, со стороны доков, как в деревне, прошло стадо длиннорунных овец, перевернувшаяся повозка валялась на обочине так, как, по-видимому, лежала уже давно, поскольку разбитые колеса уже успели порости мхом.

— Эх, господа, нынче же день рождения нашего маленького господина Ихтоса, произведенного чревом вышедшей из моря Диты, поэтому народ весь на рыбной ловле в прудах возле дворца. Так что берите вон в той палатке сладости и присоединяйтесь к священному ритуалу. — Он указал в сторону громадного храма, возвышающегося над полусонным городом. Выговор человека напомнил Вергилию о даме Аллегре, заставив подумать о том, что он отчего-то никогда не интересовался ее происхождением.

Проблема с грузчиками и официальными лицами разрешилась с прибытием некоего Басилианоса, хозяина широко известного в Пафосе «Золотого Приюта» — гигантского пристанища, предоставлявшего кров и стол многочисленным в прошлом пилигримам на все время их паломничества. Разумеется, там могли останавливаться и люди, прибывшие на остров с партикулярными целями, купцы, молодые путешественники, государственные мужи и прочие. Разумеется, как и все прочее на Кипре, «Золотой Приют» сильно страдал от прекращения нормальной связи с материком, вызванного действиями морских пиратов. А произошло все это примерно поколение назад.

— Да, бывали времена, доктор и капитан, — говорил Басилианос, восседая в паланкине, который носильщики несли столь медленно, что казались идущими в полусне, — бывали времена, когда «Приют» за ночь принимал сотни гостей. И это в обычные дни. Что же говорить о праздниках? Тогда людей прибывало вдвое больше... А что нынче? Гости нынче наперечет, ну, понятно, не считая того случая, когда к нам прибывает имперский флот. Но мы все равно содержим «Золотой Приют» в лучшем виде; разумеется, мы ничуть не стеснены в средствах и потому не зависим от обеспеченности наших гостей, по-прежнему выполняя наш священный долг и давнишний обычай по их безвозмездному приему. Но трудно, трудно... — Басилианос так отчаянно зажестиковался, что едва не вывалился из носилок. —

Очень трудно жить и видеть, как прежнее великолепие превращается в тлен.

Народу на улицах было немного, и все они выглядели как-то чудно: в выражениях их лиц присутствовало нечто такое, что производило на мага впечатление неприятное, хотя он никак не мог понять, в чем тут дело. Пройдя по улицам, они свернули в аллею, ведущую через лужайку в сторону темнеющих, как лес, фруктовых деревьев, отягощенных золотыми плодами, блестящими в лучах солнца. И здесь, совершенно внезапно, раздался вопль такого ужаса, отчаяния и ярости, что затылок мага словно оцепенел. Впрочем, крик испугал не только его, но и носильщиков, на какое-то мгновение замерших на месте.

Кричал какой-то костлявый старик с обнаженными и загорелыми руками, которые оплетали мышцы, похожие скорее на веревки, чем на плоть. Он поднял кулаки на уровень своей головы и снова проорал сквозь пышную седую растительность на лице какие-то слова.

— Волки! — заорал он, дрожа всем телом и рискуя разорвать криком собственное горло. — Волки и люди! Люди и волки! Волки — что люди. Господи! Господи! А люди — что волки!

Носильщики пришли в себя и двинулись дальше, на ходу что-то бормоча и покачивая головами. Вергилий взглянул на Базилианоса, который немедленно объяснил:

— Не волнуйтесь, ничего страшного. Это наш полоумный сектант Аугустус Ефесский. Я, в общем, и сам немного побаиваюсь. И его, и его людей. Впрочем, их немного, да и место их сборищ солдатам уже известно, так что не долго ему осталось нас беспокоить.

— О, ужас! — не унимался Аугустус, когда путешественники проходили мимо него. — О, греховодный город, о,местилище греха! Сколь прекрасен и сколь продажен! — Они прошли мимо, и голос старика стал постепенно затухать.

Базилианос принялся рассказывать гостям о происхождении сада, к которому они теперь приближались. Сад, оказывается, составляли айвовые деревья, выросшие из косточек прямых потомков тех фруктов, которые Геракл Львораздиратель добыл у Гесперид, одолев в прекрасной и далекой Греции дракона. Голос Аугустуса Ефесского почти уже затих, но слова еще можно было разобрать.

— О, люди! О, волки! Волки — что люди... Люди — что волки...

Тут они дошли до конца лужайки, и перед ними выросли гигантские стены «Золотого Приюта».

— Я отведу каждому из вас по несколько комнат, — сообщил Базилианос. Ванны вымыты, служанки снимут с вас мерки и подберут чистую одежду из наших гардеробов. Еда будет дожидаться вас в комнатах. А наши грузчики без промедления доставят сюда все ваши пожитки и груз с корабля.

— А когда мы сможем переговорить с царем Пафоса?

— Его величество царь Пафоса в настоящий момент, в силу принятой на острове очередности, одновременно является и царем Кипра. Я устрою вам встречу с ним.

— Но когда?

— О, доктор Вергилий... — Базилианос мягко подтолкнул гостей в сторону служанки, поджидающей их, дабы отвести в назначенные им комнаты. — Скоро. Очень скоро. Возможно, прямо завтра.

Медь? Потребовалось немало времени, чтобы Базилианос уразумел, что речь в самом деле идет о меди. Да, но что он мог сообщить? Конечно, медь считается основным промыслом Кипра, но что может рассказать о нем хозяин «Золотого Приюта»? Медные магнаты? Да, конечно, медные магнаты останавливаются у него всякий раз, когда на Пафос прибывает имперская флотилия. Так о чем это мы? О меди? Ну да, медь... Но что доктор Вергилий имеет в виду, говоря о меди? Раздобыть медной руды? Как интересно, кто бы мог подумать, что медь добывают из руды. Что? Где можно добыть руду? Базилианос не знает, не имеет ни малейшего понятия. Несомненно, остается согласиться с тем, что медь добывают в медных коях. Но где они?

Нет, об этом он не имел ни малейшего представления.

Иными словами, оставив на время мысли о меди, как он оставил мысли об олове, о котором хлопочут теперь маленькая золотая птичка и два ее стража, и, заодно забыв обо всем, что связано с магическим

зерцалом и двумя царственными особами — Корнелией и Лаурой, Вергилий решил отправиться в великий храм той, что была рождена в морской пене у берегов Пафоса. Но немедленно сообразил, что одним из знаков и символов Афродиты — и немаловажным — было именно зеркало.

— А ты не обидишься на меня, женщина, если потратишь время зря? натянуто улыбнулся Вергилий.

В полумраке комнаты, более похожей на келью, она лишь покачала головой, продолжая мягко водить руками вдоль его нагого тела.

— Ну что же, — вздохнул Вергилий. — В конце концов, я тебя предупредил. — Ее касания не вызывали в нем страсти, так бы, наверное, ощущал себя на его месте ребенок; но он неожиданно и сам почувствовал себя ребенком — ему стало уютно, спокойно. Он начал расслабляться. Впервые, кажется, со времени той ужасной сцены с Корнелией Вергилий подумал, что и ему, возможно, доступен полный покой... несмотря ни на что.

— Ты скроен как борзая, — прошептала она. — Длинные ноги, вытянутый подбородок... Предупредил меня? О чем? Ах, об этом... Послушай, Борзая, на что мне твои предупреждения? Думаешь, за время, проведенное мною в прислужницах у нашей Великой Матери Афродиты, я не научилась отличать заколдованного человека? Кто она — та женщина, что украла одну из твоих душ? Я знаю, что это женщина. Не могу себе представить мужчину, решившегося на такое даже в мыслях. А когда бы он об этом задумался, то, ручаясь, у него пошел бы мороз по коже, его собственные ядрышки окоченели бы от ужаса. Не так ли, Борзая?

Вергилий коротко рассмеялся:

— Не знаю... А остались ли у меня вообще ядрышки? Ну конечно, это была женщина. Ты очень проникательна. Не уверен, что это мне по душе, некоторые вещи мужчина в моем положении предпочел бы не знать. Так вот, та женщина завлекла меня в разговор о различных таинствах, а я оказался достаточно слаб и куда как не мудр, ибо поддался ей в этом. Вот тут-то и наступило мое бессилие, милая... Гляди, — продолжил он чуть погодя, — я лежу рядом с тобой, касаюсь твоих грудей, провожу рукой по твоим сокрытым местам, и что же — ничто не возбуждает меня, как если бы я гладил котенка... Нет, Громовержец! — возопил Вергилий в отчаянии, изо всех сил прижимая ее к себе. — Вырви мой лживый язык, Громовержец! Неправда, неправда! Когда бы так, все было бы хорошо. Но плоть моя не отвечает на касания твоей плоти, поскольку часть души моей, та душа, что ведает плотью, покинула меня. Но остальные частички души, мои остальные души, они-то ведь помнят об этой пропаже! Я чувствую, я все чувствую...

Ее губы, касания ее рук, ее сладкая кожа и тихое дыхание заставили Вергилия замолчать.

— Велика, нет сомнений, сила Афродиты, дарующей священную радость любви богини, — прошептала она, — но некоторые вещи не в ее власти... и эта тоже... ты должен знать... Она не может помочь тебе, — шептала прислужница мягко и успокаивающе. — Не может. Точно так же, как не может помочь и царю Пафоса. Потому что, ты знаешь, он тоже... — И голос ее затих в его ухе.

Нет же. Никакого отдыха здесь быть не могло. Ничто не могло ему помочь, ничто, кроме его собственных усилий. Тихо вздохнув, Вергилий поднялся и принялся одеваться.

— А я не могу тебе ничем помочь? — спросила прислужница, глядя на него своими подведенными глазами. — Ну, в чем-то еще? Мне бы хотелось...

— Может быть, и смогла бы. Мне нужна медная руда. Где я могу ее раздобыть?

Ее насурьмленные брови выгнулись двумя арками, в задумчивости она повернулась к нему грудью и повела бедрами.

— Медь? — Абсурдность вопроса дошла до нее и повалила на спину в приступе хохота. — О Мать Добрая, откуда же мне знать об этом?! Медная руда... Я думала помочь тебе в чем-нибудь важном...

Вход во дворец царя Пафоса, бывшего, подобно множеству восточных царей, одновременно и жрецом, и властителем, напоминал вход в храм. В помещениях царила тишина, нарушаемая изредка лишь шепотками. Впрочем, аналогия с храмом была не слишком точной, ведь пришедшие на поклонение к Дите также входили в ее обитель с трепетом, но трепет там был благоговейным, сладким. Не то было здесь.

Вергилию случалось бывать в мужских и женских храмах, общаться и со жрецами, и со жрицами, но никогда доселе не приходилось ему оказываться в храме, в месте, где заправляли гермафродиты... Но на Кипре они были вполне обыкновенным явлением. Древние рода острова предпочитали входить в родственные связи только друг с другом, и, разумеется, за века подобных связей ничего иного получиться и не могло. Но бедой это не считалось, проклятием тоже, напротив, казалось обычаем и особенностью острова, освященными временем. Да и то, кто же мог служить во дворце полубога-гермафродита, как не подобные ему?

Приняли они Вергилия со спокойной внимательностью, обнаженные по пояс, с маленькими, но полными грудями и реденькими бородками, наглядно свидетельствовавшими о том, кем являются их обладатели. Вергилием руководили в течение всего долгого ритуала приготовлений к службе. Здесь ему следовало оставить обувь, тут — омыть ноги, там — руки, здесь стоять, когда будет вручать свои дары. Ритуал был долгим и запутанным, и, похоже, никто не смог бы объяснить и половины того, зачем это положено делать, а объяснения второй половины оказались бы неверными. Но эти церемонии все равно были лишь прелюдией, поскольку следом за ними требовалось исполнить иные — ритуал, предназначенный уже для царского двора Кипра; эта процедура направлялась уже иными людьми — старцами, переходившими всякий год из дворца во дворец в соответствии с очередностью передачи верховной власти от трона к трону.

Появление царя Пафоса было предварено звуками цитр, цимбалов, ухающих тамбуринов и, наконец, труб. Царя окружали гермафродиты, груди их выпячивались, а волосы курчавились, они подхватили царя под руки, подхватили его шлейф и повели к трону, словно большую, в человеческий рост куклу. Столь же кукольно царь принялся произносить слова, которые не долетали ни до чьих ушей, затем омылся благовониями, наполнил маленький ковшик ладаном, добавил его в светильники, коснулся каждого из них скипетром и уселся на трон. Потом, после достаточно долгого ожидания, к нему подозвали Вергилия.

Маг показал царю свои рекомендательные письма, но тот не слишком углубился в чтение, а только проглядел их. Сначала Вергилий подумал было, что царь находится под воздействием наркотических веществ — глаза его остекленели, рот был приоткрыт. Тут он ощутил на своей руке слабейшее из всех прикосновений — подошедший гермафродит тишим голосом подсказал Вергилию, что ему задан вопрос.

— Благодарю, Ваше Святейшее Величество, — ответил маг. — Путешествие было безопасным и приятным. Нам составил компанию Байла, вождь морских гуннов, который, однако, не желая доставлять вам лишнего беспокойства своим визитом, предпочел прибыть на остров, скрыв свои имя и титул.

Ложь, конечно, но вполне благопристойная. Вряд ли Байла смог бы соответствовать изощренной тонкости этого странного, замкнутого в себе двора.

По лицу царя словно бы пробежала рябь. Глаза его, казалось, пытались сфокусироваться на стоящем перед ним человеке.

— Морские гунны... я слышал о них... мы слышали... в молодости. — На его губах задрожала улыбка, погасла. Между гермафродитами возникло движение, они обратились к Вергилию и, кто подмигиванием, кто кивком, подавали знаки, чтобы он продолжал говорить. «Так могут вести себя родители с больным, слабеньким ребенком», — подумалось ему.

Вергилий делал все, чтобы заинтересовать царя, однако получалось у него не слишком хорошо, так что царь наконец вспомнил о собственных делах и напрямик осведомился о том, что было целью его визита.

— Медь? — казалось, в голосе царя звучало удивление. — Мы... мы не знаем, зачем именно сюда приезжать за медью. Что же, в Италии нет меди? Она... медь тут, на Кипре?

Несомненно, он говорил искренне. Он настолько отошел от жизни, этот царь, что и в самом деле не ведал о гигантских коях, давших острову его имя. То же и о второй, насущнейшей для острова реальности — о полной блокаде острова морскими гуннами, которые на протяжении жизни поколения сновали в его водах, между тем как царь, которому не было еще и тридцати (он был крупного телосложения, светловолос), даже и не слышал о них с самой поры юности.

Вергилий еще не сообразил, как ему ответить, как вдруг лицо царя резко изменилось. Из груди вырвался рык, перешедший затем в низкие, мучительные стоны. Окружение кинулось к нему, слуги вцепились в его руки и не дали встать с трона, в то время как царь, пытаясь все же подняться, прокричал:

— Я заколдован! Заколдован!

Потеряв дар речи, он вырвался из рук слуг и рухнул вперед, вниз, неподвижно распластавшись на узорном полу возле трона.

По жесту одного из приближенных снова заиграла музыка, странная, чужеземная. Гермафродиты принялись танцевать перед тронном, крутя юбками и позвякивая ножными браслетами, звучащими мягко, будто нежнейшие колокольца. Царь повернул голову, взглянул на них сначала безучастно, затем его голова принялась подрагивать в такт медленной, исполненной бесконечной тоски и печали музыке, задвигалась, следуя ритму движений полуобнаженных танцоров. Прислужники затаили своими странными, бесполоыми голосами песню на языке, возникшем, верно, задолго до того, как первые дети материковой Европы достигли берега Кипра.

Царь встал и, не поддерживаемый более своими слугами, всплеснул осыпанными драгоценностями руками, сошел вниз, к подножию трона, и присоединился к танцорам, постепенно ускоряющим ритм танца. Быстрее, быстрее, еще быстрее кружился царь, встряхивая головой и вращая глазами так, что видны были только белки. Музыка превратилась в голый ритм, быстрый, бешеный. Царь прыгал, словно олень, отбивающийся от собак, и тут чья-то рука легла на плечо Вергилия. Гермафродит медленно показал ему глазами в сторону выхода. Он был сед, груди его выглядели бесплотными и сморщенными, а выражение лица было печальным, терпеливым и покорным. Гермафродиты живут недолго.

Идя по длинному коридору к выходу, Вергилий услышал серию быстрых, резких, ритмических вскриков. Несомненно, этот голос принадлежал царю Пафоса.

Дни знай себе шли чередом. Ан-тон Огненный Человек какое-то время ежедневно наведывался к Вергилию по дороге из порта, чтобы осведомиться о том, как идут дела, а затем, верно, махнул на все рукой и заходить перестал. Байла целыми днями пропадал в Храме Богини. А Басилианос на все настойчивые вопросы Вергилия отвечал вежливыми уверениями в том, что он делает все возможное, дабы узнать хоть что-то о меди. Отвечал он немногословно, лениво, но крайне твердо. Что делать еще? Владельцы медных копеек были проинформированы о том, что путешественники просят только одного — чтобы им было позволено отправиться в глубь страны на быстрых мулах и привезти оттуда крайне незначительное количество руды.

Толка от этого не было никакого.

Но что сидеть на месте, ожидая невесть чего? Вергилий сам арендовал мулов и отправился в путь. Пальмы сменились кедрами и соснами, на кустах вдоль дороги пылали и благоухали малиновые розы. Повсюду виднелись небольшие поселения и крохотные храмы древних жителей острова; обыкновенно храмы выглядели как невысокие пирамидки, устроенные возле низких деревьев или крупных кустов, к ветвям которых привязывались лоскутки ткани с молитвами и прошениями. Крестьяне, высокие и худые, понукали в полях своих волов, волокущих за собой деревянные плуги. Каштаны давали пищу для черных свиней и тонкорунных овец. Казалось, ничему другому нет места в этих аркадских пейзажах, где над темными бегущими реками воздвигнуты каменные мостики, где по спокойным водам плывут лебединые семейства, изгибая свои шеи и, словно лилии, отражаясь в зеркальной глади.

В самом деле, никто не замыслил против Вергилия ничего дурного. Все шло наилучшим образом, разве что однажды ему пришлось перековать мулов, каждый из которых потерял по подкове. Понадобилось потратить целый день, пока был добыт древесный уголь, сговорен кузнец, разожжена печь, найдено железо. А потом, направив свой путь по маршруту, указанному ему в сельской гостинице, где он провел ночь, через некоторое время Вергилий обнаружил себя в... Пафосе. Осознав случившееся, Вергилий решил все же выяснить, не заколдовали ли его еще раз.

Самое простое объяснение происходящего состояло в том, что медные магнаты не поверили его истории, будто бы ему необходимо лишь мизерное количество руды для научных и философских экспериментов. Да и с чего бы им верить? С подобными просьбами к ним раньше не обращались. Да и

настороженность, вызванная сплетнями о том, что некто в Неаполе строит планы прекращения блокады Кипра, могла сыграть свою роль. Турнус Руфус вполне мог опередить Вергилия, который, прибыв на Кипр первым после появления подобных слухов, просто не мог не попасть под подозрение. И его не столько грубо отпихивали в сторону, сколько тихо и изящно водили за нос.

Утешаться логикой этих рассуждений не хотелось. Что было делать? Он тут, а Корнелия — в Неаполе. Он мучается задержкой, а как там она, по своей натуре совершенно не умеющая ждать, привыкшая к моментальному исполнению своих царственных прихотей? Какое ей дело до его сложностей? На ум лезли дурные мысли — а ну как, повинувшись приступу гнева или просто решив как-то повлиять на него, она что-либо произведет с находящейся при ней украденной душой Вергилия?

Что сказал Туллио? *«Делай свою работу, и я возвращу ее тебе. Откажешься или не сумеешь — я уничтожу это. Станешь медлить — накажу. Будешь зря терять время — не думаю, что ты будешь зря терять его...»*

А на деле он занимался именно этим. Попусту терял время.

Аугустус Ефесский принял его, возлежа на доске, вне всяких сомнений служившей ему постелью. Общепринятыми приветствиями старик утруждать себя не стал, а просто оглядел гостя горящим взглядом и дал знак говорить.

— Мне ведомо, что ваше пристанище известно солдатам. Может быть, лучше было бы встретиться в другом месте?

Сначала старик не сказал ничего. Затем ответил:

— А не ты ли сообщил им об этом?

Гость искренне удивился:

— Я? Но как? Как бы я мог это сделать, когда и сам понятия не имел...

Глаза собеседника продолжали излучать ярость.

— Странно... учитывая то, что однажды ты был с нами...

— Да нет же! — воскликнул Вергилий, совершенно ошеломленный.

Наступила пауза.

— Чувствую, что ты не лжешь... — пробормотал старик. — И вроде не заблуждаешься искренне, если только, конечно, затмение не нашло на твою память или... могу ошибаться и я сам... Погоди, погоди... — Он почесал свою седую бороду. — Или то, что я видел, происходило в будущем, а не в прошедшем... Ну что ж, тогда ты еще будешь с нами.

Комната его была крохотной и убогой. Отчего-то беспокойство вдруг овладело Вергилием, что-то вдруг насторожило его... что же там было? Он никак не мог вспомнить.

— Не понимаю, не понимаю, — пробормотал он.

— Я тоже. Но пойму. И ты поймешь.

Найти старика оказалось не так просто. Но сама идея была проста: помощи от официальных властей и правоверных граждан Кипра ждать было нечего. Они молчали, и неважно, что именно было причиной этого молчания. Следовательно, помощь могла прийти только от человека, находящегося в стороне от общей жизни. И чем более в стороне, тем вернее успех. Вергилий было подумал, что стоит связаться с местным преступным мирком, но рассудил, что остров легко пройти вдоль и поперек пешком, все друг друга знали, так что где уверенность в том, что те, кому он выложит деньги за сведения, не предадут его тотчас же властям? Но кто же был способен на предательство без боязни и с действительным желанием помочь ему?

Аугустус Ефесский.

Который теперь как раз заговорил:

— Ты пришел сюда по делу, у тебя словно бы в одной руке вежливость, зато вторая наготове, дабы

получить в ответ благожелательность и помощь. А в тот раз ты был с нами не по делам, по делам в наш храм не приходят. Но неважно, все равно я расскажу то, что тебе нужно, без тени сомнения, так же точно, как наш Господь и Спаситель Даниил Христос отдал свою плоть на пожирание львам, с тем чтобы мы оказались спасенными навечно и навечно...

Он замолчал и взглянул на внезапно опешившего гостя.

— А, ну вот, ты и вспомнил...

— Да, я вспомнил. Это был сон.

— Да, — кивнул старик. — И сон не забылся.

— Нет, мудрец, да и как он мог забыться?

— Да нет же, почему? — мягко ответил старик. — Какая разница? Каждый раз все видишь заново. Арест, цепи, мучения, арена, хрипящие толпы, львы. Львы! Думаешь, мы ищем, как избежать мученической кончины? Нет, напротив! — Он поднял ладони, соединил их, и красноватые веки смочились слезами. Если наш благословенный Святой Господь Даниил, да пребудет благословенной его милость и милосердие, если он даст нам только возможность умереть той же смертью, что и он сам... Если даст нам упокоиться в желанной утробе льва... — Лицо старика словно осветилось изнутри, казалось исполненным совершенного счастья. Он склонил голову и беззвучно, одними губами, зашептал молитву. — Ну что же, — вздохнул он через мгновение. — Я расскажу тебе то, что ты хочешь знать, хотя я и не знаю, зачем тебе все это нужно, да и то, я расскажу о вещах, знать которые мне самому не было ни малейшей необходимости. Все наше знание малого стоит, все это лишь мутное и тусклое отражение в бронзовом зеркале. Это не настоящая жизнь, но лишь преходящие иллюзии... Так вот, — продолжал он, — ты, значит, хочешь понять, почему тебе не дают отправиться в глубь страны?

Вергилий мрачно кивнул. Ефесец тяжело вздохнул:

— А все потому, пришелец и мой незванный гость, что дороги туда ведут мимо ужасного храма, посвященного демону, которого язычники именуют Зевс-Ликанонос[20]. Знаешь ли ты это имя? Знаешь ли ты, что оно означает? Зевс-Волк, Волк-Зевс, вот что! Он ужасен и в своем человеческом облике, но ужасней стократ, когда принимает облик волчий! Горе, горе, горе! О грешный город и остров греха! Люди подобны волкам и волки сделались людьми, а разница между ними стерта! — И он вновь воздел руки и зашептал молитву.

Но Вергилий прервал его:

— Но почему же столь важно, чтобы я не проехал мимо святилища?

— Да потому, мой незванный гость, что в этом мрачном, сером храме, воздвигнутом из необработанного камня, в котором даже пятна плесени служат дьяволу, в этом храме происходят теперь мерзейшие приготовления к ужаснейшей из служб: жрец предложит ребенка в качестве священной жертвы, священной пищи, и тот из людей, кто пожрет его — живого, извивающегося от мучений и ужаса, — тот сделается через это волком! Так произошло уже однажды, когда царь-волк убил человека и подал плоть его на пиршественный стол. Ты знаешь об этом? Царь преобразился мигом. — Старец принялся завывать жуткие строки, верно, из какой-то хроники или предания: — Царя объял ужас, и сам он превратился в ужас, с тех пор носился он по мирным полям, наводя на всех страх и завывая, поскольку лишился способности говорить. Рот его перестал изрекать слова, но изрыгал лишь вой, и все желания оставили царя, кроме одного, — догонять, убивать и пожирать овец! Его одежды сделались клочковатым мехом, ноги превратились в лапы, на руках проросли когти, он стал настоящим волком, хотя в облике его и осталось нечто человеческое. Все те же седые волосы, то же свирепое выражение лица, те же безумные горящие глаза... та же страсть к разбою. Они говорят, что подобное преображение сотворяется самим их демоном, Зевсом, или Юпитером, и освящено всеми именами, которые носит этот демон. Но демон сей настолько требователен и алчен, что раз за разом требует от почитающих его все новых и новых жертв. Вот она, языческая вера! О, город греха и...

Слушая его, Вергилий не слишком задумывался о моральной стороне дела. Собственно, тут нельзя было и говорить о ней — все это явно относилось к нравам древнейшего язычества, где критериев добра и

зла попросту не существовало, а магия не делилась на белую и черную. И нельзя было сказать, что само это жертвоприношение выглядело из ряда вон выходящим. Подобные службы, запрещаемые и проклинаемые, могли вновь набрать силу при каком-то определенном стечении обстоятельств там, где они отчего-то казались вдруг действенными и необходимыми. Логика в них содержалась простая (если, конечно, тут можно говорить о логике): чем больший грех совершаешь, тем сильнее прощение и благословение.

— И он, он, — качал своей седой головой старец, — о, ставший евнухом во славу Царства Сатаны, настолько слеп, что думает, будто это пойдет ему на пользу...

— Он? — Вергилий на мгновение опешил, ощутив, что теряет нить повествования.

— Да, конечно же. Он, Сильван, Главный Жрец и, по определению, Главный Евнух Кибелы, глава третьей стороны того треугольника, что определяет религиозную политику Кипра. Кибелы, которую ее приверженцы зовут Magna Mater, то есть Великой Матерью, отнимая этот титул у Афродиты. Кибелы, чьи слуги вышли, визжа и приплясывая, из темнейших недр Малой Азии...

Дита не была самой древней из всех кипрских святых и богинь, и до нее на острове существовали божества, которых звали иначе, а то и вовсе безымянные — феи, нимфы, дриады, невидимые духи лесов и источников. Однако же происхождение Диты было местным, родилась она из пены возле каменистого берега Пафоса, культ ее широко распространился и был приемлем многими. Целые флотилии паломников пересекали бело-голубые моря ради того только, чтобы посетить ее храм и заключить в объятия Мать в облике одной из ее прислужниц-дочерей. Многие годы улицы Пафоса были заполнены процессиями, шествовавшими с песнями и музыкой к храму, всякая группа несла несколько «деревьев», каждый листик на которых был пластинкой благовоний, распространявших свой аромат в тяжелом и сладком воздухе города.

Дита была матерью всего Пафоса, тот же, кто был его царем-жрецом, являлся отцом. Но Дита была богиней всевластной и великой, он же — лишь отчасти богом. На острове были представлены греческий и латинский пантеоны, но в меньшей степени. Так жизнь и шла своим чередом, пока на остров не навалились морские гунны. Они сожгли Цитум, разграбили Махосу, так же, собственно, как сотни городов и вне Кипра. Наконец пиратов удалось задобрить, но плата на деле оказалась непомерной — полуизоляция. Остров погрузился в тишину, начался медленный упадок. Казалось бы, в такие времена должны расцветать именно древние религии, однако же привычка и традиция не могут служить вечным источником ободрения людей — без внешнего, инородного влияния. И тут начали происходить странные вещи.

Скептики утверждали (не очень открыто и всегда полушепотом), что культ Кибелы занесли на Кипр маленькие группы купцов, прибывшие из Малой Азии еще задолго до Великой Блокады, однако же в те времена их религия не снискала себе сторонников среди киприотов. Ортодоксальная же точка зрения состояла в том, что, «обнаружив детей Кипра в тоске, одиночестве и скорби, Мать переговорила со своими сестрами и братьями, наставляя их помочь погрузившимся в печаль детям Острова, однако же никто ее увещаниям не внял и на остров не отправился. Тогда Мать, окруженная служителями и галли-дервишами, самолично отправилась на корабле из Тарса. Морские гунны перехватили судно. Они угрожали, готовились к резне, черные корпуса их судов и кровавые паруса застилали горизонт, шныряли вокруг корабля Матери подобно мухам, львам, драконам. Но никто не посмел приблизиться к Ней, никто... Тихими и покорными сделались пираты, ошеломленные красотой, ужасом и мощью Матери Кибелы...»

С тех пор год за годом на улицах Пафоса, словно обезумевшие, проносились сторонники Кибелы — несли с собой изображения Матери, разрывая тишину воплями, визгом, экстатической музыкой, исполняемой на тамбуринах, трубах и литаврах. В глаза бросались галли — размалеванные дервиши, которые пели высоким фальцетом свои молитвы, пританцовывали, извивались и кривлялись, проповедуя на темных наречиях священного безумия, — пастыри и слуги Кибелы.

Холощенные галли, евнухи-священнослужители...

И этого было бы уже немало, но... Эти кастраты вовсе не стеснялись своего положения, напротив — всевозможными приличными и непристойными средствами побуждали и остальных следовать их примеру. Нет, они никогда не обращались с просьбами о подаении к женщинам — только к мужчинам, юношам и мальчикам. И весьма часто случалось, что кто-то во время очередного экстатического шествия,

хотя бы один человек со стороны, не выдерживал, кидался в ряды беснующихся и с криком «Долой плоть!» хватал священный нож и сам... навсегда, навечно становился жрецом Великой Кибелы.

В этом крайнем ужасе, в этом явном попирании природы и крылась главная притягательность. Зрители, мужчины и женщины, видели все это, ужасались, но смотрели, наблюдали, впадали в экстаз, молились. А мысль о том, что все это безумие — попусту, была слишком сложной для среднего, неразвитого ума. Столь великое и кошмарное действие — ощущали они — обязано быть священным: несомненно, тут происходит нечто действительно великое, чудесное. И вот так-то культ и расцветал, и ширился. Диту боготворили по-прежнему, паства ее оставалась ей верна, доверяла и превозносила, однако же эту паству составляли в основном женщины. Тем временем алчность и вероломство Сильвана нашли себе новую цель.

Мужчиной он себя никогда не знал, то, что лишило его возможности стать им, произведено было еще до того, как плоть покрылась первыми волосками. Тело его так никогда и не развилось в мужское, то же произошло и с его умом: желания его будто бы навсегда остались детскими, разве только усилившимися с возрастом. На самом деле, не было ничего удивительного, что гнев и ненависть в нем вызывали не прислужницы Диты. Напротив, желание утвердиться, переместить культ, главой которого он был, на новую, более высокую ступень, пробудили его к действиям против Святого Царя и его приспешников-гермафродитов, которые были мужчинами и женщинами в одном лице, в то время как сам Сильван не был ни тем ни другим, а был просто лицом среднего рода.

— Несомненно, он одна из голов великого дракона, которого именуют Блудница, Вавилон, Зверь, — промолвил Аугустус Ефесский, теребя бороду; на лице его читалось явное отвращение. — Рим составляет одну из голов, гунны — две, так что, суммируя, мы получаем три — священное число в эсхатологических расчетах. Сильван суть одна из голов, Пафос — две... Старец согнул пальцы и причмокнул.

— Прошу прощения, мудрец, — с величайшей осторожностью перебил его Вергилий. — Но я хотел бы понять, что именно связывает царский и священный дом Пафоса с храмом Зевса-Волка?

— Как, разве не ясно? — с искренним изумлением взглянул на него Аугустус. — Сильван намерен разрушить саму царскую власть. При этом желает заручиться поддержкой древних богов, которые, на деле, не что иное, как демоны, с тем чтобы те ему помогали в его тайных планах, о которых я осведомлен не более, чем о твоих. А кто, по-твоему, готовится сыграть главную роль в предстоящем жертвоприношении, пожрет собственного сына и сделается волком? Царь Пафоса!

Взошла громадная желтая луна, которая, казалось, управляла всем ночным миром: гнала облака над желтым мрамором виллы, заставляла гореть звезды на темном бархате неба, понуждала пса взбrehивать в конуре, плакать дитя в люльке и мычать вола в стойле. На скотном дворе время от времени вскрикивал осел, невпопад пробовал голос петух на насесте — вот и все ночные звуки, все звуки, которые издавала земля, над которой плыли темные небеса.

Вергилий замедлил дыхание и уменьшил частоту биения сердца. Уже несколько часов он оставался неподвижным... не совсем, впрочем, неподвижным... Вергилий стал одной из ночных теней, и когда луна двигалась, вместе с ней перемещалась и тень... медленно... медленно... Никто бы не смог обнаружить его движений, заметить их было не проще, чем разглядеть, как двигается часовая стрелка хронометра. К подобному состоянию тело его было приучено, в такой заторможенности он мог пребывать часами, не чувствуя при этом ни малейшей усталости. В отдалении виднелся стражник, склонившийся — то ли в полусне, то ли просто отдыхая — на древко алебарды.

За спиной стражника чадил факел.

Под плащом Вергилия, спряденного, вытканного и пошитого в Гиперборе, находился прибор, называемый пембертом, обращаться с которым умели лишь два человека на свете, и Вергилий был одним из них. Состоял прибор из крохотной лампы, увеличивающих линз, шторы и вогнутого зеркала; все составные части крепились на осях и шарнирах и изменяли свое взаимное расположение от легчайшего касания пальцами.

И теперь крохотная лампа — уменьшенная копия тех шаров, что освещали дом Бронзовой Головы, не требуя ни масла, ни угля, ни газа, теперь эта лампочка вспыхнула. Шторка отошла в сторону, и,

увеличенный лупой и направленный под точным углом зеркалом, из пемберта выстрелил луч света. Ставший одной из теней человек произвел точное движение горловыми мышцами, и возник звук... Стражник вскинул голову и взглянул в сторону огонька. Вергилий издал тот же звук и коснулся пемберта — тонкий лучик света пропал. Страж потряс головой — он явно был озадачен.

А тень между тем приблизилась к нему.

Снова возник звук — не голос, но звук, мало похожий на человеческую речь и едва слышный. Снова появился лучик света, отразился в зеркальце, стал двигаться, перемещаться... вправо... влево... вверх... вниз... кругами... медленно, медленно закружился...

Глаза стража неотрывно следили за ним, направо... влево... вверх... вниз... кругами... медленно, медленно вращаясь в орбитах.

Он не мог оторваться от зрелища порхающего огонька, лицо его напряглось, и он уже вовсе не обращал никакого внимания на тень, подбиравшуюся к нему все ближе и ближе. Вдруг огонек исчез, тень проскользнула мимо, один только факел дымил, как дымил, и разбрасывал с шипением искры. А стражник все вглядывался в темноту перед собой, вглядывался и не мог отвести от нее глаз.

Вергилий предполагал, что встретиться с Сильваном будет трудно, что возникнут препятствия, сложности, задержки, однако на деле все оказалось куда проще. Такая аудиенция была невозможна в принципе. И не то чтобы отказ сопровождался вежливыми увертками, выдумыванием мнимых и несуществующих причин, нет — сказано было без неприязни, но твердо:

— Сударь, Сильван не принимает римских граждан.

Басилианос тут помочь ничем не мог. Когда же Вергилий, имея уже план отправиться в другой кипрский город, дабы попытать счастья там, принялся рассказывать о своих затруднениях заглянувшему к нему на огонек Эббед Сапфиру, то неожиданно обнаружилось, что Огненный Человек по каким-то неизвестным причинам что-то уж слишком заинтересованно слушает его...

Словом, никакого другого пути, кроме этого — на первый взгляд мистического, однако же вполне философски и научно обоснованного, — у Вергилия не было.

Он поднимался по лестницам, шел по этажам громадной виллы, служившей местом обитания Верховного Жреца Кибелы, оставляя за собой одного за другим стражников, оказавшихся в состоянии, промежуточном между сном и явью, миновал один пост за другим, пока наконец не дошел до своей пели.

Эта комната была расписана яркими красками, словно ее разрисовал талантливый ребенок: на стенах жили люди с круглыми глазами и длинными ресницами, щеки их были толсты и румяны, а губы похожи на двойные арки; все фигуры были повернуты боком к зрителю, а глаза глядели прямо на него, и все они стояли под деревьями величиной с них самих, зато цветы, растущие между деревьями, были выше и людей, и деревьев. А еще там были птицы, в полоску и крапинку, голубые собаки, красные коты, зеленые мартышки — и вся эта пестрота скорее притягивала взор, нежели раздражала.

В середине разукрашенной комнаты стояла просторная кровать, и на ней лежало существо с распущенными волосами и полными губами. Фигура была человеком, точнее, похожа на человека, но так, как может быть похожа на него гигантская кукла. Ни мужчина, ни женщина — существо передернулось, лицо его исказилось, существо простонало и отвернулось от гостя. Но все равно, все равно гость был тут, стоял перед его глазами. Существо снова застонало, закрыло глаза и тут же открыло вновь — с надеждой и испугом.

— Все еще здесь, все по-прежнему, — прошептал бесполый голос.

Вергилий не ответил ничего. Он снова оцепенел, как в тот раз, когда пришел к Аугустусу Ефесскому, и пелена внезапно спала с его глаз, и он вспомнил, что видел, когда «проходил через дверь». Снова произошло то же самое. Он подумал, что закономерно не вспомнил об этих деталях сна тогда же, на следующее утро, иначе они показались бы ему пророческим видением и только помешали бы делу. Зато теперь эти детали всплывали в памяти именно в тот момент, когда это было необходимо, еще раз подтверждали, что предварительный «проход сквозь дверь» в самом деле давал ему возможность действовать наилучшим образом.

Он попытался вспомнить эту часть сна со всей ясностью, и одно слово моментально пришло ему на ум. Рим! Все дело было в этом!

— Да, ты видел этот сон и раньше, — обратился он к бесполой фигуре, к существу, подобному кукле. — Ты видел... Ты даже записал его и обращался ко всяческим мудрецам, к халдеям, чтобы они его растолковали. Даже к ученым евреям обращался и к женщинам, что служат Дите. Но никто из них не дал тебе ясного истолкования его смысла, никто.

Существо глядело на него с выражением ужаса на лице, оторопев. Потом застонало и съежилось.

— Но теперь, Сильван, теперь это уже не сон. Все это уже наяву.

Вергилий протянул руку и коснулся мягкого тела куклы — Сильван дернулся в сторону, словно его обожгло. Визгнул.

— Никто тебя не услышит, Сильван, никто. Никому сюда не прийти, чтобы помочь тебе. Зато я расскажу тебе, Сильван, в чем дело. Рим, Сильван, Рим.

Лицо евнуха сделалось восковым, дыхание стало свистящим от ужаса, Вергилий помог ему восстановить в памяти ощущение величественности Рима, заполнил комнату шумом многотысячных весел имперских армий и грохотом марширующих легионов. Он указал пальцем на полог кровати, и в ту же секунду на нем появились картины осажденного города, на стенах которого люди размахивали руками в знак капитуляции, а кругом виднелись гигантские машины, предназначенные для того, чтобы крушить стены, боевые передвижные башни, осадные тараны, катапульты. Затем сумерки вспыхнули огнем, и дым пожаров застилал всю сцену.

— А сказать тебе, Сильван, что дальше? Плен и позор, темнота и сырость корабельного трюма... закованного в цепи, тебя проведут сквозь плюющие тебе в лицо толпы римлян. Это Рим, Сильван, Рим! А ты — неплохой трофей для римского триумфа. Как нежны подошвы твоих ступней, Сильван, как тверды и шершавы римские мостовые...

Уничтоженная, отчаявшаяся фигура заломила руки и, вращая глазами, принялась издавать короткие стонущие звуки, словно женщина, охваченная ужасом. Но Вергилий продолжал:

— Но это еще не все, Сильван. Обыкновенных пленных просто отправляют в рабство. А вот военачальников и принцев, тех, кто руководил восстанием или заговором, — тех сначала обнажают перед Цезарем, бичуют их, Сильван, а потом, потом их убивают. Их швыряют с обрывов, закидывают камнями, их обезглавливают, распинают, скормливают диким зверям на аренах, а иногда... иногда их топят в море или сжигают.

Верховный жрец Кибелы заслонил глаза ладонями, будто бы хотел скрыть все эти картины от своего взора.

— Но почему? — закричал он. — Почему, почему?

— Почему? А только так и возможно управлять Империей, Сильван. Империя не допустит, чтобы в ее владениях распоряжался кто-то другой, — и неважно, хорошо он там, у себя, правит или нет.

— Нет! — закричал Сильван, встал и, спотыкаясь, падая, на четвереньках пополз в сторону Вергилия, протестуя, бормоча, что не имел в виду ничего подобного, что это не так... Почему же Рим хочет сделать ему плохо? Именно потому он боится Рима, но отчего же Рим его ненавидит и желает принести ему вред? Он подобрался, стона и вздыхая, к самому краю постели и замер, ожидая ответа.

А Вергилий вместо того задал ему вопрос:

— Зачем ты заколдовал царя Пафоса?

Евнух застыл, глаза смотрели вопрошающе, рот мучительно пытался что-то произнести.

— Зачем, Сильван?

Сильван забормотал что-то о том, что надо было сломить сопротивление царя...

— Сопротивление? Но сопротивление чему? С какой стати? Ты что же, думаешь, Рим проявит сочувствие к тому, что он вознамерился теперь совершить? Что?! Рим, город и Империя сыновей

Волчицы?! И Рим снесет, чтобы его союзные цари пожирали собственных детей, убитых собственными же руками ради того, чтобы обрести волчью шкуру на веки вечные? Что это, как не богохульство? Нет, во имя волчицы, вскормившей Рема, во имя волчицы, вскормившей Ромула, не бывать этому!

Евнух залопотал что-то о Зевсе-Волке, но был прерван. Вергилий извлек на свет имперские бумаги, укрытые малиновым шелком, с имперской монограммой, извлек документы, писанные блестящей черной тушью, тушью пурпурной и багряной, документы с печатями на каждом листе и печатями, привязанными к краю листа, — любая из страниц несла на себе герб Великого Императорского Дома с изображением волка и орла.

— Вот, Сильван, государственные бумаги. Видишь эти буквы?! Август Цезарь самолично. Прочти их, если желаешь, и прими сказанное в них как приказ. Именем Рима, всей имперской мощью, предоставленными мне этими бумагами, я беру царский и священный Дом Пафоса под свое покровительство. А это покровительство, Сильван, — покровительство Рима.

Гермафродиты кланялись в пояс, целовали его колени и ступни... Что именно они узнали о произошедшем, Вергилию было неизвестно, однако несомненно, что известно им было достаточно. С царем же было еще сложнее, и он с очевидностью понял, что ранее с ним произошла какая-то ужасная вещь и могло стать еще хуже, а теперь все плохое позади, и помог ему в этом каким-то неизвестным способом заморский гость.

— Моя голова совершенно прояснилась, — сказал он, несколько удивленный таким оборотом дела, но, без сомнения, счастливый. — Мои верные слуги, он обвел рукой стоявших чуть поодаль гермафродитов, — рассказали мне, что для твоей белой магии требуется медная руда. Зачем она тебе, я не знаю, однако же приказал доставить тебе сотню груженных рудой двуколов.

— Премного благодарен Вашему величеству, но мне довольно и того количества руды, которым можно заполнить обыкновенный кубок.

Царь на миг задумался. Затем вполне рассудительно, хотя и слегка дурашливо, произнес:

— Но, маг, если ты возьмешь больше, то у тебя будут запасы, и когда в другой раз тебе потребуется руда, то не придется пускаться в столь дальний путь?

Вергилий от неожиданности сморгнул. Он настолько погрузился в раздумья об изготовлении зеркала, что мысль о том, что когда-либо, уже при иных, не столь драматических обстоятельствах, он может и повторить эту работу, просто не приходила ему в голову. Вряд ли, конечно... Хотя... ничего невозможного в этом не было. Он поблагодарил царя за разумный совет и согласился принять столько руды, сколько сможет увезти на себе быстрый мул, не замедляя при этом своего хода.

Что до мула, то тот обернулся быстро — рудник, как оказалось, находился совсем неподалеку. Теперь, когда обстоятельства переменились, Вергилий обнаружил, что все вокруг просто-таки горят желанием обсудить с ним все, что связано с медью: как ее измельчать, транспортировать, как обрабатывать. Очевидно, без Высочайшего позволения эта тема была просто-напросто запретной.

Обедал он в атриуме царя: филе перепелов, тушенные в виноградных листьях кусочки телятины, приправленные орешками, травами и молодым луком. Пряное вино было смешано с родниковой водой, в нем были вымочены сушеные финики, и все это еще раз, в закрытом сосуде, было снова подогрето и только потом разлито по бокалам. Кругозор царя не был слишком широк, не был он и человеком слишком глубоким, однако же обладал врожденным любопытством, кроме того, приятно было видеть его в добром здравии и мягком расположении духа. Время от времени он подзывал к столу сына и передавал ему собственными руками самые лакомые кусочки.

Во время неторопливой беседы гость проявил интерес к местным достопримечательностям, в частности — к небольшой горушке по дороге в Ларнак; Вергилий и сам не понял, почему это вдруг его заинтересовало. А потом, столь же неожиданно для себя, он осведомился:

— Но тут есть еще одна гора, не та, что по дороге в Ларнак, а по дороге в Циринею, там у подножия воздвигнута арка на трех опорах. Что это такое?

Ответ же оказался кратким, интригующим и загадочным.

— Иногда этому месту оказывает почести Феникс, — сказал великий царь Кипра. Но тут, увы, прибыла медная, руда, помещенная в резные ларцы из оливкового дерева, и разговор более не возобновился.

К Байле был отправлен посыльный, и гунн не заставил себя ждать. Он с наслаждением нежился в ванне «Золотого Приюта», в полном восхищении и блаженстве постанывая, когда служанки терли ему пятки благоухающей пемзой. Несомненно, паломником он оказался истовым, так что уже не слишком возражал против немедленного отплытия. Теперь недоставало только одного человека, однако на корабле ответили, что капитана Ан-тона там нет. Где же он? Возможно, что на той самой горе, о которой Вергилий осведомился у царя... В прошлую ночь, по дороге к Сильвану, Вергилий видел там горящий огонь и слышал крики экстаза, а наутро ему почудилось, что видит Ан-тона, идущего по направлению к городу... но расстояние между ними было слишком велико, да еще и дым от затухшего огня застилал глаза... Словом, в том, что это действительно был Огненный Человек, Вергилий до конца уверен не был. И вряд ли ему удастся когда-либо восстановить истину.

Но едва только Вергилий, вновь ощутив мучительную, сосущую боль утраты, принялся в нетерпении расхаживать по мозаичному полу, как Эбберд Сапфир появился на пороге. Теперь он выглядел спокойным и безмятежным, являя вполне зримый контраст себе вчерашнему.

— Плыдем? — осведомился он. — Ну что же, отлично!

Богатый полусонный город отнесся к их отплытию столь же равнодушно, как и к прибытию. Впрочем, ровный ход событий все же оказался нарушенным. И, как и в прошлый раз, все тем же человеком. Вдоль узкой тропы, ведущей из беднейшей части города, шла толпа людей, окруженных солдатами. Люди, впрочем, нимало не казались расстроенными подобным оборотом дела, напротив — храбро сносили удары и тычки конвоя и знай себе распевали гимн:

Yom shel chamati, yom ha-zeh
Hoshanna, Oseh fellen.

Среди них, в самой гуще, Вергилий распознал Аугустуса. Крикнул, солдаты остановились и неодобрительно взглянули на него. Гимн затих.

— Мудрец, я немедленно поговорю с великим царем, дабы тебе и твоим людям не чинили впредь ни малейших притеснений! Не бойся ничего, успокоил старца Вергилий.

Но старик, еще до того как маг успел закончить фразу, перебил его:

— Запрещаю тебе! Не смей! — Глаза старика расширились в гневе, и он вновь горел в огне яростного несогласия со всем и вся, что, похоже, давно уже стало его основной чертой и привычкой.

— Мудрец, мне запретить ничего нельзя, и я...

— Я! Я! Проклятый язычник, откуда у тебя все время это «я»? Ты хочешь достичь власти, удовлетворить свою страсть к ней, продавая душу твари, именуемой Блудницей, Вавилоном и Зверем! Нам такое не подходит. Нас нельзя освободить, нас нельзя лишить нашего права на смерть на арене. Львы для нас, и мы для львов! Заклинаю тебя, во имя Даниила Христа, не вмешивайся!

Вергилий достал навощенную табличку, быстро начертал на ней несколько слов и передал сообщение ближайшему из солдат.

— Отнеси это царю, — приказал он.

Старика охватило отчаяние.

— Не делай этого, не делай! И это награда за все те советы, что я дал тебе? Пойми, я жажду этой смерти, никакой иной! Я ничего более не желаю с того самого дня, когда я был осенен духом возле Алеппо^[21], я...

— Мудрец, — произнес Вергилий прохладно и сдержанно. — Мне кажется, что и у тебя в речи тоже слишком много этих «я». Прощай. Если ты не ошибаешься, то, думаю, рано или поздно, так или иначе, ты своего добьешься. Не в этот раз, так в следующий.

Обратное путешествие не было отмечено ни сложностями, ни происшествиями вообще. Погода

стояла чудесная, ветер был сильным и постоянным. Вот разве что общую безмятежность нарушало растущее беспокойство Байлы. Тот, предчувствуя реакцию братьев на его самовольную отлучку, потихоньку терял ощущение безмятежного счастья, вывезенного им с Кипра, из келий служительниц Литы. А когда его остров появился на горизонте, подобный розовому облаку на утреннем небе, Байла и вовсе приуныл, начал даже тихонько не то постанывать, не то поскуливать, и стоны его все усиливались. Когда же рядом с кораблем финикийца возник первый корабль гуннов, он даже сделал попытку укрыться внизу, однако же пересилил себя и встал на юте, открытый любым взглядам.

И с приближающегося корабля его заметили...

— Байла! — взревели морские гунны. — Байла! Вождь Байла! Вождь Байла!

Ни издевки, ни угрозы в их голосах не было. Байла замер в удивлении на носу корабля, когда же экипаж встречного судна разом рухнул на колени и распластался в поклоне на палубе, он приоткрыл от изумления рот и облизал пересохшие губы.

— Что бы это значило, капитан Ан-тон? — осведомился Вергилий.

— Понятия не имею... Никогда не видел, чтобы они вели себя так по отношению к кому-либо, кроме Осмета и Отилла...

— Осмета и Отилла... — Маленький вождь повторил эти имена, неловко переминаясь с ноги на ногу. Между тем с помощью сигнальных флажков произошел обмен каким-то сообщениями между кораблем гуннов и берегом, и немедленно от берега навстречу кораблю финикийца отчалила целая армия черных лодок с кроваво-красными парусами. Байла же так и стоял, озираясь по сторонам, в полном недоумении и явно почувствовал себя уверенней, когда Вергилий и Огненный Человек подошли и встали за его спиной.

На берегу их поджидало огромное количество народа. Среди встречающих маг и капитан уже издали различили приближенных Байлы — одноглазого багатура Бруду, одноногого Мудраса и хромого багатура Габрона. Байла также увидел багатуров, отчего почувствовал себя еще уверенней и указал рукой на две другие фигуры среди встречавших — на громадную, схожую с обезьянней фигуру вождя Отилла и кажущуюся несуразно тощей с ним рядом — вождя Осмета. Рука Байлы переместилась дальше, на следующего человека — старого, выглядевшего угрюмо и немного смахивающего на медведя... рука Байлы замерла, и он застыл с раскрытым ртом в полном изумлении. Тот, на кого указывал третий вождь, издал вдруг нечто похожее на вой и принялся подымать и опускать ноги удивительно знакомым образом.

— Тилдас! — обрел наконец голос Байла. — Тилдас! — закричал он. — Шаман Тилдас!

С корабля Огненного Человека выкинули канат. Отилл бросился вперед и поймал его, весла оставили воду, корабль притормозил и мягко ткнулся в берег. Отилл прикрепил канат к серой колонне, для этой цели и предназначенной.

Они сошли на берег.

Казалось, никто из присутствующих не был готов к встрече — все они стыдливо отводили глаза в сторону. Но тут вперед выступила неуклюжая фигура Матери Лисьего клана, появившейся на свет в результате инцеста Байлы с прежней Музыкантшей Двора, трижды ударила по своему тамбуруну и, когда вокруг все стихло, заголосила. Вначале Байла глядел на нее не слишком благожелательно — похоже, сравнивая со служительницами Афродиты, однако же постепенно напор ее песни, сочиненной, несомненно, специально к этому случаю, снискал симпатии вождя. Тут Вергилий со всеми подобающими извинениями касательно того, что осмеливается говорить в столь торжественный момент, осведомился у Байлы о том, что, собственно, тут происходит. Байла, изрядно растроганный приемом, с покрасневшими от сладких чувств глазами, объяснил все это так.

Тилдас-шаман, человек из Ханфолка, что на Атрийском море, «одел шкуру медведя» на тризне по старому вождю, отцу Отилла, Осмета и Байлы. Сделал он это для того, чтобы получить сообщение от духа Старого Вождя, а также от всех предыдущих Матерей Рода. Но скинуть с себя шкуру Тилдас не смог и так и остался медведем. Сообщение потому доставлено не было, в результате чего владения оказались поделенными между братьями, но только лишь номинально, поскольку Отилл и Осмет все разделили между собой, оставив Байле сомнительную честь быть вождем калек, старух и малолеток. Понятно, что это

нимало не мешало братьям унижать его и всячески третировать. Впрочем, эту часть истории путешественники знали и сами.

А дальше произошло вот что. В то время, пока они были на Кипре, Мать Лиса проснулась однажды поутру, разбуженная смертельно напуганным слугой. Тот, в чьи обязанности входила кормежка прикованного к колонне медведя, обнаружил, что привязан вовсе не медведь, но Тилдас-шаман собственной, весьма озлобленной персоной. Отчего превращение, которого никто уже и не ждал, произошло и отчего оно столь затянулось — не знал никто. Впрочем, кажется, никто и не хотел... Как бы то ни было, превращение состоялось и сообщение наконец было доставлено.

И в соответствии с ним, по решению духа старого вождя, всех прежних Матерей рода, единоличным и всевластным вождем отныне суждено быть Байле, что до братьев, то их удел — служить и повиноваться ему.

Песня завершилась. Тишина взорвалась криками «Байла! Байла!» Тот подтянулся, посмотрел на всех свысока, презрительно оглядел своих братьев-узурпаторов, а те с готовностью раболепно склонились перед ним.

— Похоже на то, — задумчиво произнес Огненный Человек, когда Байла отвесил каждому из братьев по увесистому пинку, а его резкий рык пообещал им и в дальнейшем подобные милости, — похоже, господин Вергилий, теперь у тебя объявился могущественный приятель среди морских гуннов...

Ни на одной из промежуточных стоянок по дороге в Неаполь путешественников письма не ждали. Это, казалось, нервировало Огненного Человека, который, судя по его явно испортившемуся настроению, таковых ожидал. Впрочем, свои чувства он скрывал неплохо, и на его хандру особенного внимания Вергилий не обращал — подумал только, что когда бы он знал печали финикийца или тот — его печали, то, может статься, никто бы из них не согласился поменяться местами с другим. Словом, Вергилий почти блаженствовал, глядя, как перед его взором проплывают знакомые пейзажи побережья, багровые скалы Капри, как виден уже вдалеке белый дымок Везувия и вот-вот покажутся знакомые очертания Неаполя, его улицы, заполненные людьми и повозками... Впрочем,плыли они не в Неаполь. Все по тому же уговору, согласно которому их не должны были видеть на одном корабле, направились они в Помпею, где Вергилий и должен был сойти на берег.

Бриз нежно касался лиц путешественников.

— Чувствую, как пахнет материком, — промолвил Вергилий, ощущая, что его меланхолия скрашивается радостью возвращения.

— А я, — поморщился Огненный Человек, — ощущаю лишь вонь отбросов и людской мочи.

— Что ж, но ведь и это тоже жизнь... — сказал Вергилий, помолчав.

Реакция капитана обескуражила его: Ан-тон Эббед Сапфир перекопился и словно бы постарел на тысячу лет.

— О Мелькарт! — простонал он. — О Геркулес Тирский! Жизнь! Жизнь! — Он всматривался в берег с гримасой непереносимой боли, всматривался так, словно бы ожидал ответа. Но ответ не приходил, не приходило ничего — ну, за исключением чиновника из береговой службы, заявившегося на корабль на предмет судовой декларации, возможной взятки, дармового обеда или хотя бы бокала вина.

— Да как же это?! — воскликнул он в полнейшем изумлении. — Вы отплыли порожняком и возвращаетесь порожние? Нет груза?! Как это — нет груза?! Зачем же...

— Имперская служба, — коротко пояснил ситуацию Вергилий, продемонстрировав малиновый шелк с императорской монограммой.

— Извиняюсь, извиняюсь, сто раз прошу прощения, — человек театрально отскочил на шаг назад и стыдливо, как бы в смущении, прикрыл ладонями глаза. Впрочем, он был истинным сыном своего города, поскольку с искренним изумлением в голосе добавил: — Ну, уж пару девочек-то вы могли бы захватить...

— Мы увидимся вскоре, — вот и все, что сказал капитан Эббед Сапфир Вергилию на прощание. И еще раз повторил: — Мы должны увидаться, — с явным ударением на втором слове.

Вергилий же сказал, что причитающиеся капитану деньги тот в любое время может получить в доме Бронзовой Головы. Однако краткий кивок головы моментально напомнил Вергилию о словах капитана, сказанных однажды в штиль, что не всякая плата может быть осуществлена деньгами.

Как бы то ни было, маг шел по знакомой улице и подошел наконец к своему дому.

— Что нового, страж? — спросил он бронзовую голову.

Глаза стража открылись, и тяжелый блестящий рот медленно изрек фразу:

— *Новости из Тартесса, хозяин.*

Сказанное стражем вскоре было подтверждено Клеменсом. Алхимик сидел в любимом углу любимой комнаты дома, сложившись так, что колено левой ноги непостижимым образом упиралось в правое ухо. Он что-то бормотал про себя и читал тоненькую книжку. Взглянув на вошедшего, он оживился и немедленно выпалил:

— А что ты скажешь, Вергилий, если в этом деле мы используем пепел василиска? Ах, да... перед тем как ты мне ответишь, должен тебе сказать... это доставлено. Ну, то, за чем было послано в Оловянные Земли. Итак, что касается василисков...

Но Вергилий не был расположен дискутировать о василисках. Вместо этого он с превеликим удовольствием опустил в кресло.

— Что же, значит, золотая птичка вернулась... — Но Клеменс отрицательно покачал головой, не отрывая глаз от книги. Холод разлился по груди Вергилия: что ж, только что вернувшись с Кипра, добыв медь, он должен теперь пуститься в еще более рискованное и долгое путешествие в Оловянные Земли? — Но ты сказал, что...

— Я сказал не так, а по-другому. То, за чем было послано. Олово. Увы, чудесное создание не вернулось, вернулся лишь один из ее охранников... потрепанный, еле живой, но олово доставил. Тартессит, которого именуют Хозяином Воздуха, рассказал мне обо всем этом. Боюсь, он сильно расстроился. Ну да ладно, вернемся наконец к василискам и их пеплу... Рассуждая на сей счет, великий авторитет Роджер Таффилд находит, что со всей непремностью требуется отличать и различать между собой василисков двух родов. Один род оных рождается из крошечных яиц, кои иногда производят старые петухи. Подобное существо просто ядовито, однако же их пепел служит отличным противоядием, но опасен и в этом качестве, поскольку в случае ошибки, когда в действительности яд в организме отсутствует, употребление пепла василиска само вызовет отравление, как правило смертельное. Василиски же другого рода вылупляются из яиц некоторых кур, а именно кур слишком старых, дабы вызывать интерес петухов, однако же в противоестественной страсти спаривающихся с жабами. По словам Роджера, подобным союзам благоволит сам Сатана, результат же соития — плод его имеет вид тщедушного цыпленка с крошечной грудью и гребешком в форме короны, имя же обоих родов происходит от имени короля Василия. Следует учитывать, что взгляд василиска второго рода влечет за собой окаменение взгляд пойманного, посему, еще до появления существа на свет, яйцо, его в себе содержащее, необходимо поместить в стеклянный матовый сосуд, впоследствии же приближаться к василиску только сзади или глядеть на него через зеркало... Пепел подобных василисков чрезвычайно полезен в работах, связанных с золотом, равно как и в прочих делах, связанных с металлами. Вот так у Роджера.

— Нет, — осторожно отказался Вергилий. — В этом деле и так много неясного, чтобы идти на неоправданный риск. Да и некогда — работа ждет, мой дорогой Клеменс...

Алхимик, хотя и с видимым сожалением, но кивнул в знак согласия, вскочил на ноги и хлопнул в ладоши.

— Думаю, тебя вполне удовлетворят наши приготовления. Мы обнесли часть двора, создав таким образом совершенно новую мастерскую, не связанную ни с какой прошлой работой. Окна в ней забраны тонкими пластинками из алебаstra, равномерно распределяющими свет по всему помещению. Печь готова, приготовлены горн, дерево, древесный уголь, инструменты и приспособления, меха и наковальня, песок, глина и воск, не говоря уже о верстаках, вспомогательных механизмах и железе. Также нами изготовлены сосуды из специального стекла, прозрачного, но гораздо более прочного, нежели обычное. Есть растворы щелока и склянки с концентрированной серной кислотой и купоросным маслом — в зависимости от того, что ты предпочтешь использовать. Мы приготовили даже опилки из самшита.

— Хорошо... хорошо... — только и кивал Вергилий.

Запустив свою гигантскую лапищу в бороду, Клеменс не без удовольствия резюмировал:

— Думаю, в твоё отсутствие все было исполнено так, как ты исполнил бы сам, оставайся здесь.

Вергилий кивнул. Но боль в его душе достигла такой силы, что казалось, он слушает о работе лишь затем, чтобы отвлечься от страдания.

— Какие еще новости? — спросил он мягко.

Клеменс сообщил, что других новостей нет. Заезжала, правда, пару раз Корнелия вместе со своим Туллио, причем последний имел такой вид, словно собирается спустить тут со всех шкуру или, на худой конец, высесть. Однако вид происходящих работ успокоил нетерпение Корнелии и умерил гнев старика.

— Ох! — Клеменс внезапно словно бы пришел в себя. Вергилий с удивлением поднял брови. — Ты же вернулся! О Посейдон! Какая глупость с моей стороны забыть о том, что ты был в отлучке и отправлялся куда дальше, чем на Эльбу или в Ишию. С возвращением, Вергилий, и вознеси же немедленно

благодарственную молитву Прекрасной Белой Матроне и ее спутнику, Рыжему Человеку[22], за то, что они, вне сомнения, помогли себе в твоих тяготах!

Что-то екнуло внутри Вергилия. Конечно, он был прекрасно осведомлен о том, что эти слова выражали известную алхимическую символику Солнца и Луны, золота и серебра, их женитьбы, дающей своим плодом «электризм», сплав, но тогда почему...

— Прости мое бормотание, — перебил его мысли Клеменс, — и Расскажи-ка мне обо всем, что с тобой происходило.

Вергилий мягко улыбнулся:

— Знаешь, здесь, как во многих сказках, мне следовало бы сообщить, что рассказчик уже слишком устал и продолжит историю на следующий день. Да я и в самом деле устал, однако же завтрашнее утро найдет нас занятыми неотложными делами, да и вряд ли усталость успеет исчезнуть к утру. Словом, я действительно расскажу тебе обо всем прямо сейчас. Только... налей-ка нам по капельке пятой сущности вина, полученной в твоём волшебном кубе...

Старый Тинус кивнул белоснежной головой:

— Да, мастер, это так. Некоторые, правда, утверждают, что пятница для начинаний неблагоприятна, однако же этот общий закон вряд ли применим в данном случае... если вообще он верен. Я рассуждаю так, что пятница — это день Венеры, а Венера, подобно Юпитеру, способна лишь благоприятствовать делам, к тому же под ее властью находятся медь, латунь и бронза. Уже и поэтому ее день весьма благоприятен для начала наших работ. Но что, возможно, самое важное из перечисленного — знаком Венеры является зеркало, ее зеркало... — И на свежем, промытом песке он начертал знак *. — Конечно, этот знак — знак малой удачи, однако же и это лучше, чем отсутствие какой бы то ни было. И то сказать, начав с малой, мы достигнем и большой. Солнце ничего не освещает, кроме него самого. Так что, во имя света и благодаря зеркалу... — Он потер висок. — Итак, Венера управляет медью, латунью и бронзой. Сатурн управляет формированием, временем и свинцом, который медная руда содержит в себе в качестве примеси. Марс же управляет литьем... Да, мастер, ты выбрал верно. Марс, Сатурн, Венера и Луна[23] вот наши патроны в этом деле, и взаимное их расположение на небе благоприятно для нас. Однако, когда столь большое количество планет участвуют в труде, надлежит выбрать время, которое мы заложим в основу наших планов. Что за час мы выберем? Час Луны? Или Венеры? Марса или Сатурна? Впрочем, твое решение кажется мне верным, поскольку, согласно правилам практической астрологии, именно Луна является наибольшим сторонником перемен, и оттого предпочтителен именно лунный час. Что же остальные? Марс и Сатурн воссоединились в мистическом созвездии Рыб[24], отлично дополняемые Венерой, пребывающей теперь в магическом доме Скорпиона[25], что дает нам исключительно уместные соотношения для творчества, притом что дальнейшие перемещения этих трех планет лишь сблизят их с Луной, находящейся в сфере влияния Рака[26], передающей сияние Венеры далее — Марсу и Сатурну[27], стимулируя удачу в ремеслах и пророчествах...

Голос его стал тише, он продолжал бормотать что-то о планетных часах, часах дневных и ночных, Домах, узлах, и Асцедентах[28], наконец совсем смолк.

Присутствующие, казалось, вздохнули с известным облегчением. И в возникшей тишине стало слышно капанье... *кап-кап-кап*... воды в клепсидре. Секунды падали вниз, одна за другой, стекались в минуты. Вергилий поднял свою правую руку, держащую белый жезл, все затаили дыхание, верхний шарик клепсидры с ясным и чистым звуком упал вниз. Вергилий махнул рукой, подавая сигнал. В тот же момент возник тяжелый, гулкий и грубый звук, никого не испугавший, поскольку все ожидали именно его. Началось измельчение руды. Звук разносился по всей улице Драгоценной Сбруи, привлёк своей необычностью на какое-то время внимание пешеходов и соседей, заставив кого остановиться, кого высунуться из окна. Выражения лиц были у всех разные, вот только страха не было ни на одном. Хозяина дома Бронзовой Головы опасаться им не приходилось: он никогда никому не делал зла, не вредил.

Медная руда была твердой, но с помощью громадного, мощного песта, подобного поставленной вертикально стенобитной машине, сопротивление металлического камня было сломлено. Сначала предстояло раздробить руду на мелкие части и только потом приступить к выплавке металла.

Печь была устроена по всем правилам ремесла и магического искусства. В ее фундаменте были установлены в форме креста четыре камня — в соответствии с уложениями древних; все это было исполнено под прямым руководством Клеменса. На этом основании были установлены железные прутья, сходящиеся под прямыми углами. Арматура была заполнена тщательно размытой и смешанной с конским навозом вавилонской глиной, в боках получившегося корпуса были проделаны дыры, а сам он — схвачен по периметру железным обручем. Это был горн. А выше его шла часть печи, сделанная из той же глины с добавлением мелких камней, и эта часть имела вид большого горшка.

— Суживается от середины кверху. — Кажется, Клеменс объяснял это уже в десятый раз. — И в высоту больше, чем в ширину. Свои печи я всегда ставлю именно так, такой же возвел и твою. Глину, поверь мне, очищали раз сто. Все лошади были кобылами, вскормленными отборным овсом, яблоками и травой, выщипанной — обрати внимание, именно выщипанной, а не срезанной — на склонах скалистых вершин, где, никаких сомнений, ее никогда не скашивали. Кормили при этом в течение трех дней, за которые все предыдущее, вне сомнения, успело выйти наружу. Что касается железных брусьев, которые скрепляют середину печи, то они, разумеется, были только что выкованы. Чтобы их закалить, я использовал желчные камни одного из священных животных. Выжег их на огне, смолот и смешал с самой чистой солью. А что касается воды, ха-ха, — Клеменс от души расхохотался и хлопнул в ладоши, то это вовсе не обычная вода, загаженная примесями, грязью и чем угодно еще. Нет, я взял корову-трехлетку и держал ее три дня взаперти, без пищи. А на четвертый я дал ей папоротник. И больше ничего, кроме папоротника, и кормил им в течение двух дней. Затем заключил корову в железный короб с дырками внизу, подставил снизу контейнер для сбора влаги и два дня и три ночи собирал ее мочу. Вот такой вот водой я и закалил инструменты и изделия из железа и стали.

Вергилий согласился с тем, что все сделано просто замечательно. Он выждал момент, когда рокот мельницы немного стих, и добавил:

— Это большая удача, что тебе удалось отыскать папоротник.

— Ну, — немедленно отреагировал Клеменс, — не нашел бы, тогда бы пустил в дело мочу маленького мальчика.

Маленький Морлиниус, слушавший все эти чудные подробности, взглянул на говорящего, а Клеменс, это не заметивший, продолжил:

— Маленького, рыжеволосого... — Смуглый Морлиниус явственно зарделся.

Вергилий вновь поднял свой жезл, и шум стих. Зеленая руда была измельчена и превратилась в кучку сверкающих как свет осколков. Цвета своего она не потеряла, однако же потеряла твердость. Ее вновь отправили в мельницу и измельчили заново — теперь уже в порошок. Все было готово к началу плавки.

Вергилий подозвал к себе всех мастеров и подмастерьев.

— Сейчас мы приступим к самой ответственной части нашего труда, напомнил им он. — Далее, разумеется, последуют литье и полировка, но этот этап — наиболее таинственный и неподвластный нашему мастерству. Вы все вымылись в бане, помолились и получили благословение. Здесь потребуется больше, нежели простое желание работать. Любая неприязнь, даже в малейшей степени, усталость могут нанести в решающий момент вред. Все ли у вас в порядке дома? Подумайте обо всем и, если что-то не так, уходите. Свою плату вы получите в любом случае, кроме того, есть и другие дела, заниматься которыми необходимо.

Он выждал. Молчание. Не ушел никто.

Голос Вергилия стал очень тихим, но слова звучали внятно. Он посмотрел на каждого своими ясными серо-зелеными глазами:

— Мы приступаем к изготовлению девственного зеркала. Ради чести сего дома важно, дабы мы снискали успех. Мне это необходимо еще и по другой причине. Я знаю, что нет нужды сообщать вам о ней, будет достаточно сказать, что таковая существует. Если я обидел кого, когда бы это ни произошло, простите меня. А я прощаю всех, кто обижал меня. Если же между вами самими есть обида, разберитесь с нею тотчас же. Пусть немедленно откроется, если кто-либо был несправедлив к другому, — очистимся же и

приступим к нашему труду в совершенном сердечном спокойствии.

Вновь повисла тишина. Затем послышались приглушенные разговоры, свершилось несколько рукопожатий, и все вновь стихло. Вергилий уже было собрался дать указания, как вдруг тишину нарушил тонкий, дрожащий от волнения голосок Морлиниуса:

— Иоанн, ты помнишь, когда мастер сказал тебе, чтобы ты меня учил, а ты сказал, что будешь лупить меня, если я стану лениться, то я сказал, что тогда дам тебе сдачи?

Иоанн в некотором недоумении кивнул.

— И еще я не имею права сердиться и обижаться на тебя, когда ты колошматил меня за то, что я писал буквы коряво, ставил кляксы или рисовал вместо букв картинки. А теперь прошу прощения у тебя за то, что обзывал тебя, когда ты не мог слышать, по-всякому. Косолапым медведем, сукиным сыном, бочкой на ножках, старым пердуном, бородатой потаскухой, шлюходраилкой и...

Словарь его был столь богат, сколь и разнообразен. Та часть Иоаннова лица, что не была покрыта растительностью, побагровела. Тонкие поросшие волосами пальцы принялись дрожать. Мальчик же перевел дыхание, но продолжил:

— А еще прошу прощения за то, что говорил о тебе и твоей жене...

— Хватит! — возопил Иоанн, чья грудь ходила ходуном, а ноздри расширились от приступа ярости. — Хватит! Я прощаю тебе все, что ты говорил, но ты вовсе не обязан повторять все это заново! — Затем, словно напуганный эхом, грохотавшим по всей мастерской, добавил тихо и спокойно:

— Я прощаю тебя, мой мальчик.

В горн были помещены раскаленные уголья, сверху высыпан слой руды, снова положены угольки, снова руда, снова угольки, опять руда — и так до тех пор, пока горн не заполнился. Все производилось быстро, в полном взаимном согласии и в тишине. Ничья нога не скользила по полу, заблаговременно посыпанному свежим речным песком. Через какое-то время Вергилий обратил внимание Клеменса на сосуд, в который по желобкам, для того и предназначенным, поступал расплавленный металл. Радужная пленка блестела поверху.

— Отделяются шлаки, — сказал Вергилий. — Но, похоже, какая-то часть примесей там останется, — добавил он.

— А какое-то количество и должно остаться, это поможет впоследствии лучшему слиянию олова и меди. А также позволит лучше отполировать готовую бронзу.

Меха были не нужны более, поскольку тяги в печи оказалось достаточно, чтобы поддерживать нужный огонь.

— Знаешь, — сказал Клеменс, — хотя и есть у нас поговорка «Глаз мастера металл плавит», но теперь твой глаз не слишком тут необходим. Иди-ка сюда, присядь, а я прочту тебе нечто весьма полезное.

Вдоль стены стоял диван, покрытый ковром, а на нем лежали подушки и овчина — цвета их плохо сочетались, машинально отметил про себя Вергилий. Женщина бы моментально обратила внимание, что цвета друг с другом не ладят, но женщин в доме Бронзовой Головы не было уже давно, не считая тех, кто посещал дом с краткими визитами. Вергилий сел и, уловив обращенный на него взгляд Морлиниуса, подозревал мальчика.

— Да, хотя... да, мастер!

— Скажи там, в доме, чтобы мне подали тарелку горохового супа, погорячей, и еще ломоть хлеба и ломтик копченой колбасы... Итак, Клеменс, что ты вознамерился мне прочесть?

— Что-то ты смахиваешь на беременную женщину в своем желании немедленно закусить, — пробурчал Клеменс.

— Да, действительно. Впрочем, в определенном смысле я ею и являюсь...

— Ну что же, да благословит Господь потомство, — пожал плечами Клеменс. — Итак, что я собирался тебе прочесть? — В руках у него была тоненькая книга, которую он читал в тот самый момент, когда

Вергилий вернулся домой из своего путешествия. — Я отыскал ее в своей библиотеке. Называется она «О китайской бронзе» и полна мудрых советов, как... ну, скажем, как яйцо куриного мяса. Я зачитаю тебе отмеченные места.

«Что до зеркал. Колдовство противостоит природе, магия живет в согласии с оной. Среди всех средств и предметов магии важнее всего меч и зеркало, но к их обыденному использованию воином и женщиной просвещенный ум проявит мало интереса. О мечах и присущей им власти изгонять демонов мы будем говорить в следующей главе. О зеркалах же многоученый Конвуониус рек: „Глядя на себя в зеркало, вы обнаружите там собственное присутствие, однако же неудачи или успехи ваши видимы лишь по вашему отражению в других людях“. Это должно напомнить нам о том, что негоже использовать зеркало для нелепого разглядывания себя, но следует применять их, учитывая восемь их важнейших функций, среди коих: устранение враждебных влияний; отражение внутренности тела больного, что весьма полезно медикам; защита от смерти путем посылы лучей в то место, где зерна ее коренятся; для впитывания и овладения светом Луны и Солнца; чтобы выявить и увидеть тайные мысли и желания — с тем чтобы облегчить пути их исполнения; для ворожбы; для того, чтобы в зримом виде обнаружить невидимых духов, обитающих над землей, равно как и для иных подобного рода целей. У императора Хисуануса...»

— Забавный язык, — отметил Клеменс, оглядываясь по сторонам. В воздухе мастерской повис странный, пронзительный запах. — Шипят как змеи, добавил Клеменс, — теперь это надолго.

— Змеи означают мудрость, — отметил Вергилий. — Более того, на еврейском языке слово, обозначающее змею, — «начаш» — одновременно означает медь или бронзу и также магию, или... — Он задумался. — Или колдовство. Так что же там дальше?

«У императора Хисуануса было тринадцать зеркал, по одному для каждого месяца регулярного года и тринадцатое — для месяца дополнительного, „вставного“, в году високосном. Обозначается этот дополнительный месяц зодиакальным зверем Терионом^[29] и подвержен его влиянию. Всякое из очередных зеркал имело в поперечнике на дюйм больше, нежели зеркало, соответствующее предыдущему месяцу».

Клеменс прервался, дабы отметить, что вот это, по его мнению, полная глупость, поскольку нет решительно никаких оснований предполагать, что один месяц чем-то лучше другого.

«На тыльной стороне зеркала гравированы четыре квадранта небесной сферы, а именно: Мрачный Рыцарь на севере, Багряный Феникс на юге, Лазурный Дракон на востоке, а на западе — Молочно-Белый Тигр. („А вот это мне нравится“, — пробормотал Клеменс, и Вергилий кивнул ему в знак согласия.) Иные, впрочем, утверждают, что изображена там должна быть и Саранча Крылатая^[30], отмеченная многочисленным потомством за ее незлобивую, дружную жизнь...

Магические зеркала должны отражать все шесть пределов пространства, как-то: четыре края света, а также зенит и надир. Они должны содержать в себе круг, подобный небу, и квадрат, подобный земле. Тот, кто делает их, должен знать заклятие: „Ты, подобное Солнцу и Луне, воде и золоту, отрази, ясное, все, что у меня на сердце“. Некоторые мудрецы разделяют зеркала солнечного света и лунного. А теперь мы объясним истинные причины, по которым рисунок с тыльной стороны зеркала переходит на стену, когда свет бьет в отполированную поверхность...

Если же вы захотите поймать тигриный выводок, то возьмите с собой большое зеркало и поместите его на тропе, по которой обыкновенно ходит тигрица, и тогда, сколь бы злобной она ни была, тигрица, увидев собственное отражение, забудет обо всем прочем и на всю ночь погрузится в созерцание...

Лучший сплав для зеркала („Что? — осведомился Вергилий, — о тигрице больше ничего?“) состоит из семнадцати частей меди и восьми частей олова. („Тут рекомендуется брать меньше олова, нежели принято в Европе для обыкновенных зеркал, — отметил Клеменс, — впрочем, по источникам египтян, выходит то же соотношение, хотя, если вспомнить, именно его используют у нас для литья колоколов...“) Лунный свет может быть уловлен, если повесить отлично сделанное зеркало на дерево в час полнолуния и собрать затем выступившую на его поверхности росу. Когда это будет произведено надлежащим образом, то соответствующий сосуд с влагой будет давать яркий свет во время всякой темноты, если же будет допущена какая ошибка, то яркость свечения будет находиться в зависимости от фазы Луны...

Солнечный свет, используемый для ублаговления огней, священных, ловится в вогнутом зеркале, выкованном в яркий полдень в день солнцестояния...

А теперь поговорим об опоках, формах, воске, штампах, глине, а также о гончарных кругах, с помощью которых производятся изогнутые поверхности...

Литейщик получает указания от скульптора, резчик — от них обоих. Гончар, в свою очередь, направляет литейщика, но наставляем гранильщиком, который, в свой черед, слушается скульптора. Так мы получаем замкнутый круг, колесо, быстро приводящее воду ко всех пахотным землям... Суквас утверждает, что древние изготавливали большие зеркала с ровной поверхностью и маленькие — выпуклые, учитывая тут, что выпуклое зеркало увеличит отражение человека, а вогнутое — уменьшит, так что, отражая лицо человека и вмещая его полностью в себе, зеркало может быть размером меньше лица, хотя сам образ отраженный не выйдет за пределы размеров зеркала».

— Хм, это важно, — хмыкнул Клеменс, оторвавшись от чтения.

Прибыла миска с супом для Вергилия, и он взялся за ложку.

— Да, наиболее важное, — согласился он, и вдруг отложил ложку и встал с места. — Наверное, уже остыло... — сказал он со странным видом опешившему приятелю.

— Что остыло?! — Клеменс ухватил его за полу и не дал сойти с места. Что с тобой? Выглядишь ты странно, словно в лихорадке... Что там могло остыть, когда печь-то еще толком и не разогрелась? Ты что, спутал свой суп с рудой? Ты что? Нам еще надо сделать тигли, очистить медь от ненужных примесей, сделать формы... у нас еще гора работы.

— Гора... — машинально повторил Вергилий тихим голосом. Он и в самом деле выглядел словно в лихорадке. Клеменс же, убедившись в том, что приятель пришел в себя, вернулся на место и продолжил чтение книги «О китайской бронзе».

Так, мало-помалу, соблюдая все ремесленные и астрологические тонкости, со всей тщательностью алхимиков и металлургов они делали свою работу. Из двух частей сырой глины и трех частей обожженной были сделаны тигли; глину перед тем тщательно разбивали в теплой воде молотками, мяти руками под громкое распевание древних этрусских песен, что отвечало принципу «голос хорош при любом смешении», затем глину выложили на дерево, придали форму, посыпали сухим пеплом и расположили подле огня. По всем правилам обошлись и с оловом. Металлы плавил и очищали, очищали и плавил вновь. Тигли отправлялись в печь с помощью длинных ухватов, снабженных тонкими изогнутыми деревянными рукоятками. Время от времени каждый тигель сдвигался с места при помощи длинных клещей — с тем чтобы он не приварился к основанию печи.

— Обратите внимание, мастера и подмастерья, — низким и торжественным голосом сказал Клеменс. — Даже этот ремесленный, казалось бы, труд учит нас философии. Металл должен умереть, дабы начать жить. Он должен быть уничтожен, чтобы стать созданным. Растоплен огнем, который, вроде бы, уничтожает всякую плоть и жизнь, но огонь в то же время дарует новую жизнь и новую плоть. Так почему же нам кажется, что человек, это семя земли, созданное ею в незапамятные времена, лишь превращается в прах и тлен, не зная последующего возрождения? Не думайте, что наступит завершение вашей жизни, — наука и философия учат нас совершенно иному...

Вергилий слушал бы Клеменса столь же внимательно, как слушал мальчик у мехов, отдавая себе отчет в каждом слове, однако он сосредоточился на собственном деле, из-за чего суть говоримого ускользала. Клеменс же завел речь о том, что алхимия не знает строгих различий между жизнью минералов и живых существ, так что медь, добываемая в земных недрах, и человек — брат и сестра. Вслушиваясь в слова, Вергилий все же смог избавиться от своих навязчивых мыслей, по крайней мере на какое-то время.

Зерцало должно было состоять из двух частей — самой отражающей поверхности и крышки, закрепляемой на его корпусе винтами, гвоздями с широкими шляпками, щеколдами и застежкой: оно, словом, должно было походить на большой медальон. Кое-что из мелких частей могло быть выковано, другие же части также требовали литья — подобно двум основным частям. Следовало подготовиться к изготовлению форм, и тут потребовался воск. Воск годился не всякий — он не должен быть ни сухим, ни грубым, ни дурно пахнущим. В трудах, содержащих описание магического зеркала, приводились разные

подробности его изготовления, но во всех — и в «Справочнике» Руфо, и в «Халцеотионе» Теодоруса, и в «Руководстве» Марии Египетской — утверждалось, что воск должен быть собран в диких ульях кавказских пчел, и никакой иной воск не подходит. «Велики достоинства воска этой великой горы, — писала Мария, — велики, и в воске этом скопились вещества многих цветов и растений, произрастающих на отрогах гор, и вещества эти перешли в воск навечно». Руфо же утверждал, что вещества, попавшие в воск, переходят затем на глину, которой обмазывают восковые формы; при разогревании же воска в печи и его вытапливании с последующей заливкой металла вещества эти переходят в металл. Теодорус пытался связать несомненную пригодность кавказского воска с тем, что к тамошним скалам был прикован Прометей, чья кровь растеклась по скалам и пропитала их... кровь, текшая из него, когда орел выклевывал его печень, карая Прометея за то, что принес он детям человеческим огонь с небес, украв его с помощью горящих стеблей фенхеля — сладкого укропа. «И надобно отметить, — писал Теодорус, — что ни один иной огонь, кроме разжигаемого фенхелем, не даст должного эффекта при работе с подобным воском».

Разумеется, когда бы кавказский воск использовался только для изготовления волшебных зеркал, то сыскать его можно было бы лишь у самих горцев. По счастью, были у него и другие применения... например, его использовали при изготовлении форм для тех же серебряных чаш, что моментально чернеют, стоит лишь в них влить жидкость, содержащую в себе яд... или этим воском вожили кончики нитей, чтобы продевать в иглы, нитей, используемых для зашивания погребальных пелен, — и тело тогда не разлагалось очень долго... Были и иные способы его применения.

Так что и тут имелись свои торговцы, в Неаполе же этим заправлял некто Онофрио, аптекарь, чей дом — лавка и контора одновременно — более всего напоминал пещеру с собранными там всевозможными диковинами.

— Да, такой воск у нас есть, — сообщил он Вергилию, моргая и кивая. Немного, разумеется. Неделью назад жена сказала мне: «Онофрио, отправь туда весточку, запасы у нас кончаются, а дорога дальняя». Так я и поступил, так что вскоре нам его привезут. Ну, через год. Или года через два-три. Что, сколько у нас есть? Мммм, трудно сказать, кусок размером примерно с человеческую голову. Нет, веса я не знаю, мы ведь не взвешиваем, так, отщипываем понемножку, когда надо. А сколько требуется доктору Вергилию? Что? Весь?! Невозможно. Совершенно невозможно. Я же не могу остаться совсем с пустыми руками, не могу!

Впрочем, когда выяснилось, что часть воска впоследствии будет возвращена, товар перестал быть бесценным, зато цена его оказалась весьма впечатляющей, хотя и выраженной не в золоте. Онофрио требовались некоторые вещи, и ими обладал Вергилий. Онофрио желал узнать кое-какие секреты, а Вергилий мог их ему раскрыть. Онофрио хотел научиться кое-что делать, а делать это умел только Вергилий... Словом, аптекарь хоть и был себе на уме, но меру знал. Счет был выставлен суровый, однако же уплата вперед не требовалась, к тому же точная цена должна была определиться впоследствии, когда станет ясно, сколько воска возвращено. Словом, сделка была заключена, и Вергилий двинулся следом за хозяином сквозь череду комнат, заполненных серой амброй, мускусом, бальзамами, древесиной ююбы, эфирными маслами, эссенциями и эликсирами, мазями и притираниями, растолченным рогом единорога, страусиными яйцами, жабами и сушеными поганками, кровью летучих мышей и летучими мышами самолично, пометом грифонов, мумиями, мандрагорами и ртутью, духами, кровоостанавливающими средствами, благовониями и цветочной пылью. Место же, где хранился драгоценный воск, было отделено железной дверью, охраняемой собакой, которая — бедолага — со времен своего детства ни разу не видела солнечного света.

Воск был темен, гораздо темнее, чем обычный, почти черный, но черноты непривычной: внутри него виднелись прожилки янтарного и красного цветов, каким-то загадочным образом заставлявшие весь кусок слегка светиться. Пах воск сильно ипряно, был маслянист и неподатлив на ощупь.

— Верните нам, доктор Вергилий, по возможности, все, — наставлял его торговец мускусом, — нельзя терять ни щепотки его, да что там щепотки крупинцы. Остальное, о чем мы с вами говорили, все это может быть измерено в золоте, однако же мне всего предпочтительней получить воск обратно... Он выставил вперед сухой, морщинистый палец, в тусклом свете лампы более похожий на какой-то медицинский инструмент, и потрогал воск, любовно и заботливо. — Полагаюсь на вашу аккуратность, доктор, не тратьте его попусту. На крупинки...

Воск медленно растопили на огне, поддерживаемом горением фенхеля сладкого укропа, и очистили (впрочем, непросто было собрать и высушить сам фенхель). Вот так и шла вся работа: найти огонь, чтобы разжечь огонь, сковать щипцы, чтобы сделать другие щипцы, смастерить колесо, чтобы сделать колесо. Вытопленный воск был промыт водой, и снова растоплен, и профильтрован, снова вымыт, и снова растоплен, и профильтрован — через сита все более тонкие; материя, примененная в ситах, была сохранена, чтобы впоследствии вытопить из нее застрявший в порах ткани воск. Руководил всем этим Перрин — у Вергилия не хватало сил выдержать этот мучительно медленный процесс. А он повторялся и повторялся. Раз за разом. Медленно, очень медленно.

Так же медленно и тщательно продвигались вперед и прочие работы.

Наконец воск сочли достаточно очищенным. Он стал бледным и мелкозернистым.

Обставленный баночками с лучшей тушью, заваленный ворохами лучшего пергамента, Вергилий трудился над составлением гороскопа. Важнейшим был вопрос о лунных узлах, о точках, в которых путь Луны пересекает эклиптику. Точек таких было две, одна из них называлась «Голова дракона», другая же «Драконий хвост».

— Я знаю лишь то, где мы находимся сами! — в отчаянии вскричал маг, отшвыривая в сторону стиле. — Но как я могу рассчитать точный гороскоп принцессы, основываясь на сведениях, полученных не от нее самой, а от Корнелии? Где находится сейчас принцесса? Располагается ли ее линия жизни теперь в области головы дракона или его хвоста? И если речь может идти о хвосте, то не лучше ли нам выждать полгода, с тем чтобы она достигла области головы, и тогда Дракон беспрепятственно изверг бы ее из своего чрева? — Схватив перо, он вновь принялся составлять диаграмму, опираясь не столько на точные данные, сколько на общие соображения, но что такое общие соображения в деле, требующем невероятной точности... Как можно с уверенностью определить ее место по отношению к Змее и Червю, великому Левиафану и океанским Рыбам, опоясывающим сообща весь мир?

— Если Венера находится в Восьмом Доме, — бормотал Вергилий, — то она противостоит Сатурну... почти наверняка нас ожидает разочарование...^[31] Что есть астрология, как не наука о временных циклах? Разве же небесные тела — лишь источники огня и света и не являются сущностями, чье взаимное расположение определяет ход вещей и событий на Земле? Надо начать все заново, — пробормотал он, восстанавливая понемногу хладнокровие. Боже мой, как он осунулся за это время, каким раздражительным стал, сколько сил уже отнял у него эта работа и сколько еще отнимет...

Он взял чистый лист пергамента, перо. Сосредоточился. Вот — Первый Дом, означающий того, кто задает вопрос^[32]. Напротив него — Дом Седьмой, содержащий в себе проблему данного человека^[33]. Полагая, что инициатором всего дела была Корнелия, он поместил ее в Первый Дом, а Лауру — в Пятый^[34], тогда проблемы Лауры оказывались в Одиннадцатом доме, противостоящем Пятому...

— Ну-ка, поглядим, поглядим, — бормотал он себе под нос, наваливаясь на стол. — Князь Юпитер управляет Стрельцом, значит, на данный момент диаграмма говорит нам о восхождении Стрельца... Солнце находится в Стрельце, Первый Дом обозначает королеву... Солнце правит своими подданными... знак Льва. Первый Дом, да, может быть Львом, тогда Пятый окажется Скорпионом — о благословенная Венера!^[35] Ну конечно же! Венера руководит красотой и любовью — принцессой Лаурой. А теперь... на пересечении линий восходит Телец^[36]. Венера управляет Тельцом. Что до Седьмого Дома, содержащего проблему лица, которому составляется гороскоп, то на линии между ними появляются Близнецы, управляемые Меркурием. Сатурн? Нет, нет, Сатурн там не появляется, Сатурн не появляется там, где необходим мне... Венера сочетается с Меркурием в Одиннадцатом Доме, и это соединение суть Скорпион... Но что же такое Скорпион? Это знак магии, гордыни, напряжения. *Орел, змея, феникс*...^[37] — он повторил эти слова, внезапно охваченный ощущением того, что сошлось внезапно нечто осязаемое и невидимое. Что это?

Орел? Это Империя, императорский дом? Прометей, прикованный к скалам Кавказа? *Змея?* Но змея предполагала почти неисчислимое количество толкований: она могла выражать собой мудрость, колдовство, медь и бронзу, годовой путь Венеры через Зодиак — от хвоста дракона к его голове, циклы, кольца, орбиты... Вергилий сделал паузу и прижал ладонь к раскалывающейся от боли голове. Где-то тут все сходилось, но он не мог увидеть, разглядеть... *Орел, змея, феникс*... Скорпион — знак обновления

Одиннадцатый Дом, Венера сочетается с Меркурием в Одиннадцатом Доме. Принцесса и лицо, в ком состоит проблема. Меркурий, управляющий Седьмым Домом[38]. Седьмой Дом управляет войной и миром. Благожелательность. Дурное воздействие...

Нет, нет, ничего не выходило. Слишком многое неизвестно, слишком много противоречий в имеющемся. Лучше на время оставить диаграмму и заняться другими вещами.

Да... но вот это, это... Знак возрождения... Орел, змея, феникс...

В три смены, день за днем, они очищали медь и наконец отлили слитки. Еще до того как они остыли, пока не погасло в них кроваво-красное свечение, по ним ударили молотом. Металл треснул. Тогда медь вновь растопили, заново повторили весь долгий, медленный процесс и снова ударили молотом. На этот раз медь выдержала.

Вергилий обнажил свою руку, Клеменс перехватил ее жгутом. Иоанн, Перрин, Тинус и прочие, занятые в этом деле, последовали их примеру. На руках набухли вены, мелькнуло лезвие ланцета. Брызнувшую кровь направили в сосуд. Свою кровь дал каждый, никто не уклонился. Когда же сосуд наполнился до краев, светящиеся слитки были отправлены туда, охлаждены, и на этом литейные работы были завершены — предварительные литейные работы.

Ночью Вергилий каким-то образом попал в сон, где вновь «прошел сквозь дверь» — часть его сознания испугалась того, что происходящее не зависело от его собственных намерений... и того еще, что подобный проход всегда связан с утратой контроля над собой. Но другая часть сознания осталась спокойной, ясно понимая, что потеря контроля здесь незначительная и затрагивает только внешние, самые поверхностные слои души.

Он оказался в комнате Корнелии. Та сидела за письменным столом, перед ней горела лампа. Корнелия не обернулась, но почувствовала, что в комнате кто-то появился.

— Мне необходимо составить точный гороскоп, — произнес Вергилий, и Корнелия, едва услышав его голос, расслабилась — странно, очень странно, но его появление вовсе не испугало ее, напротив, заметно успокоило. Она с облегчением вздохнула, и напряжение в ее позе исчезло.

— Конечно, — мягко ответила Корнелия, — конечно же.

— Напишите, пожалуйста, точное время ее рождения, — сказал он, — и, хотя бы приблизительно, широту того места, где она родилась. — Корнелия написала. — А теперь — время, когда вы узнали о ее пропаже. Хорошо. А теперь — оставьте меня одного.

Вергилий проследил, как она выходила, портьера колыхнулась за Корнелией и замерла.

Вергилий глядел на восковую табличку, и то, что было начертано на ней, навсегда запечатлевалось в его памяти. Он задумался: кто был тот, чьего появления Корнелия ожидала с таким ужасом? Не додумав мысль, не найдя ответа, он сел к столу и принялся за работу. Линии словно сами собой возникали под его пальцами, становилась понятной точка, откуда все исходило, прояснилось даже вероятное время... представляя тогда жизненный цикл по принципу «Год будет День»[39], следовало, что события двадцатого года ее жизни определяются двадцать первым днем после ее рождения (день на год и еще один день на самый факт рождения).

Тогда именно на этой неделе — палец следил за схемой, пока Вергилий вслух производил вычисления, — именно на этой и чуть ли не в этот же день она оказывается в узилище, испытывая угрозу со стороны непреклонной силы, эмануемой севером, на что явно указывает Сатурн, расположенный в надире небесной сферы...[40] Тогда, далее, время идет вперед, и появляется уже Венера, именно Венера, соответствующая ее дню рождения[41], и вот в этом возрасте, нет... — Он согнулся над схемой, провел последние вычисления, улыбнулся и усилием воли вернул себе бесстрастность. — Да, Венера, отвечающая ее сущности, обретет поддержку в Юпитере, оказавшемся в сфере влияния Скорпиона, и помощь явится к ней в облике мудреца, философа, мага...

Да. Все сходилось... Вычисления поразили Вергилия. Все совершенно сходилось. Скорпион, знак регенерации, возрождения, и, разумеется, символами его были орел, змея, феникс. А помимо своих обычных символических свойств, не обладал ли орел острейшим зрением, позволяющим ему видеть в

своем парении на многие лиги вокруг? И не символ ли это магического зеркала? И не орел ли, разглядев из поднебесья — усталый орел на распластанных крыльях, с потускневшим от трудов взором, — не он ли, разглядев между ущелий источник молодости, кидается вниз, дабы, припав к нему, вновь обрести молодость и силы? И как здесь не вспомнить того ястребка, что, проделав мучительный и полный опасностей путь, принес ему столь необходимый металл из Оловянных Земель? Да, но как Клеменс в своих философствованиях о времени мог забыть о змее? О змее, что стряхивает с себя прах прошедшего времени, сбрасывая свою старую шкуру, змее, которая, казалось бы, умирающая, выползает из самой себя наружу обновленной, молодой и сверкающей в лучах солнца? Обновленной! Последним же в этом ряду был феникс, редчайшая из птиц по длительности своей жизни, не имеющая равных, бесподобная по своему жизненному циклу: живет она пять сотен лет, тысячу лет, а потом сооружает гнездо и, после того как снесет яйцо, превращает взмахом крыльев гнездо в погребальный костер, рождая пламя, пожирающее ее самое и раскалывающее яйцо, из которого выходит некое подобие червя, из которого, в свой черед, возникает новый феникс?

Из огня — феникс.

Сначала формы для отливок были изготовлены из обыкновенного воска. Их всесторонне изучили, внесли исправления, одобрили. После этого были сделаны формы уже из кавказского воска — для окончательной модели, причем копирование происходило с такой дотошностью, в сравнении с которой обыкновенное усердие показалось бы просто неряшливостью. Воску при этом не следовало быть ни слишком теплым, ни слишком застывшим, он не должен был таять, не должен был прогибаться, скользить, не должен был трескаться и крошиться. Все производилось в полном согласии с небесными знаменами: отдельный гороскоп был составлен даже для такого сугубо практического дела, как устройство выводных канальцев для форм. Наконец было исполнено и это. Тогда формы были обмазаны специально приготовленной глиной; глине дали просохнуть, снова намочили, снова дали высохнуть, снова намочили и опять высушили. Когда же наступил благоприятный момент для очередного этапа работы, был разожжен огонь, облагороженный особыми травами, и формы положили неподалеку от огня, поставив под ними сосуды с водой — для сбора драгоценного воска, которому предстояло вытечь и быть остуженным. Когда же наступил час Солнца, благоприятный для всех работ с огнем, совпавший удачно со временем, рекомендуемым хтоническими правилами для работы с землей и вещами, землей произведенными, Вергилий и Клеменс в присутствии мастеров и подмастерьев, распеваящих странную и дисгармоничную этрусскую литанию, перевернули формы и поставили их на огонь так, чтобы дырочки выводных канальцев глядели теперь вверх, после чего оставили формы в этом положении до тех пор, пока глина не раскалилась докрасна, пока не стала багровой, как сам Марс, управитель подобных работ... красной, как сам огонь... как пятна на Солнце... красной, как сама земля...

В среду^[42], заручившись благожелательностью Юпитера, управляющего пророчествами и делами, требующими терпения и тайны, они засыпали улицу Драгоценной Сбруи дубовыми опилками — по щиколотки проходим, дабы заглушить все звуки и колебания мостовой. Формы пребывали на медленном огне, стоящие уже в нужном положении, и огонь постепенно стал увеличиваться. Наготове были тигли с медью и оловом, возле мехов стояла смена из двух дюжих воздуходувов. Теперь все происходило очень быстро и слаженно. Тигли поместили в горн, формы же были перемещены вниз и обложены мощными камнями, которые не позволят формам не только перевернуться, но даже шелохнуться. Камни были проверены заранее — такие не треснут, не рассыплются от жара. Их клали друг на друга, оставляя между камнями и формами промежутки, пока камни не поднялись выше форм на фут. В щели, а также поверх форм были насыпаны горящие угли. Угли сгорели — были насыпаны новые, сгорели и эти — снова были заменены.

Вергилий открыл жерло горна, но поток плотного жара отшвырнул его назад. Более привычный к таким занятиям Клеменс кинулся вперед, жар прошелестел по его бороде, опаливая ее.

— Красно-коричневые, — сказал он, — все в порядке.

Вергилий подхватил тигель, в котором находилась медь, и поместил его на угли. Вокруг тигля закрутилось зеленое пламя, медь стала плавиться. Вергилий дал знать, чтобы подбросили новых угольев, отбежал к печи с формами и поглядел на то, как оттуда вынимают камни и уголья, помещая на их место землю. Перешел к горну и коснулся медного расплава длинной тонкой палочкой.

— Пора! — крикнул он и швырнул в расплав ту самую медную брошку, которую ему отдала Корнелия.

В медь добавили олово, ранее также тщательно очищенное, тигель при этом постоянно перемещался и покачивался, дабы обеспечить процессу постоянную, равномерную температуру. Затем он был извлечен из огня и перенесен в печь с формами, покрывшимися уже угольями и пеплом. Тигель был занесен над отверстием в первой из форм — одной из половин зеркала. Вергилий подошел как можно ближе, насколько позволял пышущий из печи жар, и приложил ухо к полу.

— Лей! — крикнул он.

Помощники стали лить, медленно, очень медленно, а он слушал. Потом дал знак обождать. Нет, все шло отлично, не доносилось ни бульканий, ни потрескиваний. Он жестом велел продолжать, стал слушать дальше, а мастера возобновили литье. Наконец Иоанн произнес:

— Мастер, готово.

Но Вергилий не отвечал. Остальные стояли молча и глядели на него, лишь чуть погодя поняв, что он вовсе уже не слушает, а лежит без чувств. Тогда осторожно, дабы не потревожить массу жидкого, схватывающегося металла, подняли Вергилия с пола и бережно отнесли в верхние комнаты.

Клеменс же остался внизу, чтобы руководить отливкой второй части зеркала.

Когда Вергилий наконец пришел в себя после обморока, вызванного духовным и физическим истощением, были раскрыты охладившиеся формы и извлечены обе части зеркала. Их отмыли в насыщенном растворе поташа отмывали до тех пор, пока не был удален последний шлак, затем изделия сполоснули в горячей воде. После диски вновь раскалили докрасна, со всей тщательностью следя, чтобы они не побелели, разогревшись сверх положенного. При этом удалены были последние остатки примесей, и, кроме того, металл сделался более пластичным и доступным для работы полировщика; впрочем, его час еще не настал, поскольку части зеркала сначала охладили, а затем погрузили в раствор, состоящий из одной части касторового масла и трех частей воды.

— Я предпочел бы использовать концентрированную серную кислоту, пробурчал Клеменс после того, как Вергилий дал соответствующие указания.

— Да, — кивнул Вергилий. — Сам я обычно поступаю именно так. Но где мы можем найти девственную кислоту? Ведь по своей сути она состоит из веществ, уже бывших в обработке, а это совершенно непригодно в нашем случае. Что тогда стало бы с девственностью нашей бронзы?

Детали продержали в растворе, извлекли оттуда, высушили, промыли свежей холодной водой, тщательно протерли чистым песком и вновь отправили в емкость с водой. Затем извлекли и подготовили к дальнейшей обработке концентрированными растворами. Тут к заботам о бронзе добавились заботы о людях. Процесс происходил во дворе, на открытом воздухе, и все присутствующие были одеты в специальные прочные, плотно закрывающие тело ткани, и пока одни погружали изделия в растворы, другие стояли наготове с сосудами ослиного молока, чтобы дать его выпить, если едкие пары проникнут в легкие, либо плеснуть на кожу, в случае если брызги растворов попадут на нее. Но все эти предосторожности оказались излишними, может быть, именно потому, что были предприняты. После последнего обливания раствором и прополаскивания в воде изделия омыли водой теплой, высушили мелко размолотыми самшитовыми опилками, после чего — во время всей операции никто не дотрагивался до бронзы голыми руками — завернули в мягчайшую из замш.

И вот теперь только настала очередь полировщиков.

Звали их Исакко и Лионель. Исакко был согбен годами и слеп, причем слеп так давно, что вполне успел со слепотой свыкнуться. Лионель находился в лучшем мужском возрасте, зрение же потерял от внезапного удара конским копытом. Оба они уже давно работали полировщиками, при этом им повезло с хозяевами, позволившими заниматься им ремеслом и после того, как они ослепли. Впрочем, мастерство их было известно и, как рассудили хозяева, если какое пятнышко и останется, то на это легко укажут им другие. Вскоре, однако, никого из посторонних уже не требовалось — они словно бы «видели» предмет неизвестным им образом. Лионель говорил, что гладкость поверхности чувствует по запаху и на ощупь, Исакко же ничего не мог объяснить, он просто знал, как именно обстоят дела, не понимая, откуда берется

это знание.

— Ваши хозяева на время отдали вас мне, — сказал Вергилий, — но заплачу я вам за эту работу вдвойне. Для вас устроена специальная комната, полагаю, там вы найдете все, что вам понадобится. Там есть лавки, скамейки, шлифовальные колеса и круги, вода и мыло, мази, абразивы, полировальная паста, круглый и плоский полировальные камни, воловья кожа и мягчайшая кожа, порошок окиси железа и слабое пиво, опилки и уксус...

— А бычья желчь, мастер?

— Нет, Лионель, эта работа настолько тонка, что мы не станем рисковать, употребляя такие сильные средства.

— Ничего, — молвил Исакко, — для начала сгодится и уксус, а потом будем использовать пиво. А тут есть небольшой огонь и горшки с ручками, мастер?

— Все есть. Но теперь мы еще не готовы начать полировку основных частей, так что используйте время на то, чтобы освоиться с обстановкой. Мы переставим и изменим все, что вы пожелаете. Впрочем, вы можете начать с менее значительных деталей, которые уже готовы, — так, чтобы размять руки. Никаких дальнейших указаний давать вам я не буду, кроме одного, но это очень важно. *Дверь в ваше помещение будет, открываться, только изнутри, и открыть ее вы можете лишь тогда, когда бронза будет надежно укрыта.* Тут, кроме того, есть отсек с различными бытовыми службами, во время работы с бронзой дверь туда должна быть закрыта. И еще — *полировать будете, стоя сзади зеркала.* Следить за вами никто не будет. Я полностью полагаюсь на вас.

Оба полировщика кивнули. Сначала они перемещались по комнате осторожно, но постепенно движения их становились все уверенней, и вскоре они ходили по ней без малейших затруднений. И тогда, в час и минуту, когда Луна переходила из знака Скорпиона в знак Стрельца, обе половины зеркала и прочие мелкие предметы, изготовленные из той превосходнейшей бронзы, что осталась в желобках, через которые металл заливался в формы, — все тщательнейшим образом укрытое от человеческих взоров — были доставлены двум слепым полировщикам. Двери затворились... Там, внутри этой изолированной от света комнаты, мутная поверхность зеркала постепенно станет гладкой, отражающей, но не отразит ничего. А если, ненароком, в ней что и отразится, то не отыщется человеческих глаз, которые бы увидели это. И потом, по окончании работы, на зеркало будет надета крышка и установлены на место все щеколды и застёжки. И тогда, вновь тщательно упакованное и обернутое в ткань, оно войдет в мир.

Вергилий обвязал короб шелковыми нитями, связанными сложными узелками, — подобно тому, как он поступал, обращаясь с мандрагором.

— А ну-ка, дерни, — предложил он Клеменсу, — проверь силушку.

Алхимик покачал головой:

— Нет уж, спасибо. Я алхимик, а не маг... Да, кстати, хотел показать, раньше, кажется, этого листа не было в той копии трактата о китайской бронзе, что я переписал для тебя. Этот лист я нашел только прошлой ночью в своей библиотеке. Вот, послушай:

Прелестно, не правда ли? Только хотел бы я знать, что все это значит... Ну да ладно. У меня полно дел и дома, тем не менее я буду неподалеку от тебя, когда заявится наша дама за заказом, хотя бы сам батюшка Везувий подавал мне знаки и грозил карой.

Снова феникс, снова он! На дворе была ночь, и Вергилий вышел на балкон, размышляя о том, какое из высказываний старой Аллегры могло оказаться тут уместным. Впрочем, и на этот раз она не была молчаливой: загоняя своих питомцев в хибарку, она полуобернулась и изрекла: *«На море, господин, волны застынут навечно, когда ты, повстречаешься с нею»*. Мда, пифия из Дельф наверняка бы гордилась подобным... Вергилий пытался повернуть дело и так и этак, желая извлечь из сказанного хотя какой-то смысл, однако так и не смог соотнести эти слова с фениксом.

В верхней части дома Бронзовой Головы находился бельведер с двенадцатью окнами, в каждое из которых, в зависимости от времени года и суток, в определенный момент заглядывало солнце. Пол был разрисован линиями и разбит на сегменты, частью пересекающимися, частью налегающими друг на друга;

иначе говоря, комната была самыми настоящими солнечными часами. Сейчас Вергилий занимался своей астролябией, проверяя и перепроверяя точность хронометра. Лицо его выглядело желтым и осунувшимся, и на Корнелию, когда та появилась в комнате, он почти что и не взглянул. Это была их первая встреча со времени путешествия Вергилия на Кипр, так что оставалось только восхищаться ее выдержкой, проявившейся в том, что она не наносила ему визитов во время работы, несмотря на несомненное желание их нанести. Глаза их встретились, задержались друг на друге... и она отвела свой взгляд первой... сделав вид, будто посмотрела на хозяина лишь мельком. Королева подошла к свертку с зеркалом, взглянула на него, протянула руку и тут же резким и почти испуганным движением отдернула. Корнелия была очень бледна, а кожа вокруг глаз приняла фиолетовый оттенок. Она вздохнула, сжала губы и хлопнула в ладоши. Вергилий взял в руку конец нити и потянул за него, по обыкновению пробормотав какие-то слова. Сложные путы и узлы моментально распались, и части короба медленно и аккуратно разошлись в стороны и легли на стол.

Перед ними было зеркало.

Оно покоилось на столе, подобное громадному медальону, сияя и блистая. Вокруг все пришло в движение. Задник зеркала был богато гравирован, однако никто из присутствующих не выказал желания рассмотреть рисунок, все ходили с благочестивыми выражениями на лицах и глядели в сторону зеркала искоса. Пока длилась эта суета, часы принялись бить полдень, и в комнате сразу же начало темнеть. И не успел прозвучать двенадцатый удар, как Вергилий, запрещая ему звучать, откинул в сторону крышку зеркала, и та, звякнув мелодично, как колокольчик, преградила ход времени. Темнота внезапно была нарушена лучом золотистого света, и Корнелия, достав из воротника своего платья золотую иглу, направила ее в центр пустынно светящегося зеркала. Игла коснулась его поверхности, и по той побежали радужные пятна, какие бывают, когда поверх воды разлито масло. Вскоре хаотичное мелькание пятен прекратилось, на пустой поверхности возник словно бы радужный водоворот, крутящийся и вовлекающий в свое кружение всех находившихся в комнате.

— Лаура!

И вот она там, в зеркале, сидящая на каких-то гигантских ступенях, а неподалеку от нее, совсем рядом, но не попадая все же в поле зрения, находится что-то ужасное, пугающее. Чей голос выкрикнул имя, Вергилий не понял, но теперь кричала Корнелия — она не произносила слова, а именно кричала. На поверхности зеркала вновь закружился водоворот, но вращался он теперь в обратную сторону, затем краски поблекли, пропали, и тут наконец раздался тот самый задержанный двенадцатый удар часов. Зеркало отныне стало обыкновенным зеркалом, и все они — Вергилий, Корнелия, Клеменс видели теперь в нем лишь собственные отражения, не более. Впрочем, Вергилий видел там именно то, что успел уже почувствовать: собственное лицо, его настоящее лицо, но не ущербную его часть — пропавшая душа возвратилась к нему. Корнелия сдержала обещание, Корнелия, по-прежнему безмолвно стоявшая возле зеркала...

Для нее произошедшее было чистой воды магией. Для Клеменса живой металл открыл жизненную правду. Для Вергилия дело состояло в том, что произошла фокусировка события, совершившегося неизвестно где, но отпечатавшегося в мировом эфире, и изображение сфокусировалось в девственном зеркале, ныне уже не девственном, обычном. Вергилий обернулся к Корнелии.

Она говорила, говорила... Собственно, не говорила, но протягивала руку, указывая на стену, лицо ее словно оплывало от ужаса, гортань дрожала, не в силах совладать с тем криком, который рвался из ее груди. Там, на стене, видны были четыре символа четырех квадрантов пространства, вокруг же обода, как по часовой, так и против часовой стрелки бежали странные, загадочные буквы умбрийского алфавита, изображаемые то в прямом, то в зеркальном виде.

— Не волнуйтесь, госпожа Корнелия. — Вергилий коснулся ее руки и сжал ее. — Это лишь так называемый эффект магического зеркала, здесь нет ни малейшей магии, но лишь причины вполне естественного порядка. Подойдите сюда, взгляните. — Он указал ей на изображение, покрывающее тыльную сторону зеркала, показал на его отражение на стене и объяснил, что происходящее — всего лишь внешний эффект возбуждения атомов, находящихся на лицевой стороне зеркала, и именно это и производит впечатление, будто зеркало прозрачно как стекло. — Впрочем, мне понятно ваше изумление,

добавил он, — вы ведь не осмотрели зеркало с обратной стороны, перед тем как открылась его крышка, а тогда бы вы увидели эти небесные конфигурации: Мрачный Рыцарь на севере, Багряный Феникс на юге...

Она резко отняла свою руку. Ужас в ее лице пропал, его сменила ярость но нет, все же остался и ужас, а еще на лице ее проступали боль, ненависть и отчаяние... Корнелия резко повернулась и вышла из комнаты.

— Ну что ж, дело сделано, — мягко произнес Клеменс.

Но Вергилий знал, что — нет, не сделано, осуществлена лишь часть его. Девушка в зеркале оказалась первой женщиной, по-настоящему увиденной им за последние месяцы, и он влюбился в нее.

И теперь должен был ее разыскать.

12

Бык был в полной уверенности, что обойдет Тартесский замок, заглянет во все его закоулки, комнаты и дворики и добьется истины. На деле же, прибыв в замок в сопровождении императорского сублегата и сотни солдат, дож Тауро весьма приутих, пораженный размерами замка, сделавшись отчасти даже стеснительным. Вежливо принявший их лорд-капитан без промедления дозволил пришедшим осмотреть не только сам замок, но и все тартесское подворье, причем самолично, прихрамывая, принял участие в поисках. Замок был гигантским, просторным и занимал, казалось, едва ли не половину горы, вдоль склонов которой расползся. Большая часть помещений оказалась пуста, в большинстве других царили пыль и запустение. Задолго до того, как осмотр подошел к концу, и дож, и младший легат поняли, что ни лорд-капитан, ни его люди не имеют ни малейшего представления об этом деле. Все же, добросовестности ради, дело было доведено до конца, дабы наверняка убедиться, что никто и ничто — вне зависимости от того, кем были неизвестные похитители — не удерживает здесь принцессу. С тем и удалились еще более обескураженные, нежели в начале обыска.

Вергилий выбрал момент и поблагодарил лорда-капитана за помощь в добывании руды. Тот пожал плечами:

— Не к добру, похоже, было помогать тебе. С чего вы решили, что она здесь?

— Я вовсе не думал, что она здесь. Но она появилась в месте, удивительно похожем на это, и другие решили, будто она именно здесь... гигантские камни, ступени, несомненная работа циклопов...

— Я знаю еще одно такое место. — Лорд-капитан взглянул на Вергилия усталыми и пронизательными глазами. — Но это в Микенах. Впрочем, от тамошнего замка остались одни руины, и там никого уже не спрячешь. А тебе известны иные места? Да? Тогда, доктор, маг, прошу тебя, хотя и не имею на то никакого права... Нет, все же я скажу... Не отправляйся туда сам. Пускай едут другие. Не ты.

— Я должен, сударь, — выдохнул Вергилий.

— Опять гонка, гонка... — Белоснежные брови хозяина поползли вверх. Ты все время за чем-то гонишься. Отчего так? — Широкая грудь капитана издала вздох, бывший одновременно утверждением и вопросом.

— Да, лорд-капитан, — ответил гость, прощаясь. — Так и есть. Пока смерть не победит меня... или я — ее... я все время гонюсь за чем-то. Прощай.

— Гнаться, гнаться, — донесся мягкий голос сзади шедшего к выходу мага, — я был бы удовлетворен в жизни уже и тем, что никуда не надо спешить.

Дождь, нетерпеливо поджидавший Вергилия у подножия замка, немедленно тронулся вперед и, обернувшись, на ходу спросил мага:

— Что этот старый хрыч сказал тебе?

— То, что в Микенах есть подобный замок, однако он лежит в руинах и спрятать там никого невозможно.

Дождь выругался. Столько суеты, столько магии, и что толку? Что в результате? Вот что ему интересно. А младший легат, нарушая нависшую было тишину, заявил:

— Мне кажется, нельзя долго испытывать терпение Императора.

Тауро пробормотал, что-де тут и все Императорские легионы не смогли бы отыскать Лауру, поскольку совершенно неизвестно, где она находится. Вергилий, однако же, сообразил... в отличие от дождя... дело тут не в том, что Цезарь, потеряв терпение, кинет на поиски Лауры свои легионы, напротив, он попросту переключится на другой любезный его сердцу объект. Право же, кругом милых девушек было вполне достаточно, и все они вполне сгодились бы в жены... так что, если император в самом деле решит избавиться от своей сварливой супруги, то будет ли он тянуть с новым браком? И чего, в таком случае, стоят все планы Корнелии и вице-короля?

Да и много ли стоят в этом случае планы самого Вергилия?

Клеменс в ярости хлопнул руками по бедрам и вскочил с места. Вергилий вел себя как охваченный первой похотью школяр!

— Я отлично все понимаю. Ты увидел лишь оболочку, скорлупу, шелуху вещей, и до остального тебе уже нет ни малейшего дела... Да, я согласен, ты глянул в зеркало и обнаружил там личико довольно-таки милой, я согласен, весьма милой девчонки, и что же? О Зевс, ты уже не умеешь думать, ты сразу начинаешь действовать?! Пойми: не твое сердце советует тебе это, но лишь его оболочка, вот откуда идут все эти безумные импульсы, ты скользишь по поверхности вещей! Ну ладно, ладно, — проговорил Клеменс чуть более миролюбиво. — Я понимаю. В конце концов, ты предпринял дальнейшее и сложное путешествие на Кипр, после чего последовала чудовищная работа над зеркалом. Да, сейчас ты уже выглядишь лучше, однако пока далек от своей настоящей формы. Пойми: безумие пускаться в новое путешествие! Аргументы Клеменса были логичными, основательными, подробными. Уклониться от них было невозможно, но и поддаваться приятелю Вергилий не собирался. Словом, он просто-напросто отмахнулся от его речей, подошел к столу и углубился в раскрытую «Космографию» Птолемея.

— А я всегда говорил, — пробурчал он, — что одной из немногих вещей, побуждающих меня к действию, является любовь. Ты отвергаешь эти слова, заявляя, что любовь — это роскошь. Отлично, я напомню тебе то, что ты изрек однажды. Как это было? «Любовь испытывают и животные. Но только разумные существа в состоянии по достоинству оценить роскошь». Ты это говорил, не правда ли?

Застигнутый врасплох Клеменс замолк и уставился в пространство. Затем, придя в себя, сделал вид, что никто его на слове не ловил, и принялся допытываться у Вергилия, какие именно основания диктуют ему подобные планы. Слушал он внимательно, не перебивая, знай себе почесывал бороду, а в конце спросил:

— А тебе не кажется, что Ливия все же несколько далековата, чтобы отправляться туда лишь на основании астрологических расчетов?

— Но она — в Ливии. Именно там она и находится. Да, я помню, как мы решили, будто она — на вилле Корнелии, но в данном случае это не играет роли. Сейчас важно лишь то место, в котором она находилась в момент составления гороскопа, и место, где она была, когда мы увидели ее в зеркале. Кстати сказать, даже если мы и видели ее на вилле, это никоим образом не мешает ей оказаться теперь в Ливии. Ее, наконец, могли просто туда отправить — уж и не знаю мотивов ее матери, да и не собираюсь заниматься их выяснением. Разумеется, чтобы покончить с этим делом, мне придется их выяснить. В любом случае гороскоп, давший правильные сведения в других деталях, явственно говорит в пользу именно Ливии.

— В пользу Ливии... — С громким хлопком Клеменс закрыл книгу, лежавшую у него на коленях. — Но что такое Ливия? В Африке есть Египет, Мавритания и Эфиопия. А все остальное — Ливия! И ты собираешься обследовать бесконечность пустынь только оттого, что нарисованная схема указывает на что-то похожее?

Вергилий встал. На нем была одежда цвета заката, расшитая золотом. Он медленно прошелся по комнате, а в его уме пронеслись видения одной старинной деревенской фермы, которую он знал давно и очень хорошо. Он вспомнил пасеку, курчавых вислоухих овец, крики пахаря, дубовые и ясеневые леса, клыкастых кабанов, уносящих ноги от охотников. Вспомнил и другую деревушку, в Калабрийских горах, которую он знал во времена более поздние. Ее домики разбрелись по отрогам гор, высились на кручах, подобно гнездам орлов на утесах; в тех местах струились источники невероятно холодной и кристально чистой воды, а еще там были тихие заводи, в которых плескалась осторожная рыба, леса, луга, цветочные поляны. Как бы ему хотелось отправиться в одно из этих мест и оставаться там до поры, пока слабость его тела и неуравновешенность духа не покинут его! Да, несомненно, труды над зеркалом вернули ему недостающую часть его души, но что с того? Он всего лишь сделался тем же, кем был раньше. Все его вопросы по-прежнему оставались без ответов, ни одна из проблем не была решена. К тому же теперь он глядел вперед, и, как если бы он глядел на солнце, прямо перед ним, закрывая свет, нависала громадная и тяжелая планета. И помеху эту следовало устранить.

— Извини, — сказал Вергилий медленно, — думаю, в мои годы я понимаю разницу между случайным увлечением и истинным чувством... я должен... отправиться в Ливию. Так велят звезды.

Рассуждая о словах, сказанных не так давно Аллегрой («На море, господин, волны застынут навечно, когда ты повстречаешься с ней»), Клеменс вынужден был согласиться, что сказанное старухой и в самом деле может относиться к песчаным пустыням Ливии.

— Однако же, — добавил алхимик, — мне приходилось слышать и о каменистой Ливии. А о Ливии феникса? Никогда. Так что же мы имеем? Хорошенькое личико, звезды, бормотание выжившей из ума старухи. Какие еще предзнаменования ты имеешь в запасе?

Вергилий отошел в дальний, сумрачный угол библиотеки.

— Иди сюда и смотри, — позвал он Клеменса. Тот, бормоча и вздыхая, подошел, принес с собой свет, мягко лизнувший страницы атласа.

Вергилий взял в руки свой белый жезл, но использовал теперь его как школьную указку.

— Итак, — резюмировал он, — мы увидели в девственном зеркале Лауру, сидевшую на лестнице и смотревшую в сторону неизвестного нам лица. Несомненно, что никакая человеческая рука подобные ступени вырубить не могла. Никакой человек или толпа людей эти камни друг на друга не водрузила бы. Происхождение этих камней столь же очевидно, как то, что по курчавым волосам мы мгновенно отличим эфиопа или тигра — по его лапе.

— Да, это работа четырехруких циклопов, — согласился Клеменс. — Что дальше?

— Как «что дальше»? Разве циклопы успели возвести подобные замки в сотне мест? Нет. Возможно, они были слишком заняты выковыванием молний для Зевса или же чрезмерно волочились за земными красавицами — строили они, во всяком случае, не очень много. И записи об их постройках до нас дошли. То, что было сооружено ими на Сицилии — их первом пристанище, — с невероятными усилиями было впоследствии разрушено людьми, дабы обезопаситься от возможного возвращения четырехруких. — Жезл касался карты, и там, где он коснулся ее, загорался туманный огонек. — Замок в Микенах, как мне сказали, теперь просто груда камней. Тартесский замок в Неаполе мы исследовали и не нашли там ровно ничего. Есть еще Карфаген — то, что впоследствии стало Карфагеном, но замок вместе с самим городом был сметен с лица земли Сципионом, и теперь там лишь пустошь, покрытая солью. Что нами упущено? — продолжил Вергилий. — Последний из замков, сложенных Великими Циклопами, четырехрукими гигантами с единственным громадным глазом во лбу. На моей карте этого места нет, поскольку я не знаю его точного расположения. Но знаю, что находится замок где-то в Дальней Ливии. И вот туда, Клеменс, мне и надлежит отправиться. А моим проводником вновь станет капитан Ан-тон Эббед Сапфир. Я говорил с ним, он знает это место и готов сопровождать меня туда.

Клеменс вздохнул, рухнул в кресло, встряхнул своей гривой и наконец заявил, что теперь ему возразить нечего.

— В любом случае, думаю, что ты сможешь положиться на Огненного Человека, как прежде, — заключил он, отчасти успокоенный.

Вергилий не ответил на это. Огненный Человек со всей определенностью заявил ему, что по причинам, вдаваться в которые он считает излишним, сможет довести Вергилия лишь до того места, откуда замок появится в поле зрения... и ни шагу дальше...

Так что разбираться с тем, что они видели, точнее — с тем, что присутствовало рядом с Лаурой, с тем тяжелым и угрожающим, так и не представшим перед их взором, Вергилию предстояло в одиночку.

Вокруг них расстилались пустыни Ливии — сухие и блестящие, светящиеся красным и оранжевым, желтым и белым цветами. Волнами вздымались барханы. Путешественники оставили за собой побережье, странную столицу, основанную Махундом, богом-королем, человеком властительным и опасным, и его супругой, королевой-богиней Бафомет^[43], столь же властной и еще более коварной женщиной. Они оставили за собой нивы и поля, взгорья, поросшие кустарниками и колючками, где лишь тощие коровы умудрялись отыскать себе пропитание, да и то потому, что обгладывали, становясь на задние ноги и вытягивая морды, невысокие деревца.

Сказать, что Огненный Человек вел Вергилия по какому-то определенному пути, было нельзя. Здесь не было дорог, только уходила вперед странная, словно бы вытертая полоска... Верблюды мотали

мордами, с которых никогда не сходило выражение крайней презрительности и высокомерия, оттопыривали то и дело куцые хвосты, орошая песок мочой. За спинами путешественников лежали три оазиса с тремя зелеными прудами, окруженными немногими пальмами, и еще три оазиса поджидали их впереди. Эббед Сапфир восседал на верблюде, точно находился на носу своего корабля, и вглядывался в сторону горизонта. Лицо его стало совершенно красным, не покраснели, кажется, только глаза, а его синий бурнус почти сиял на солнце.

Валкая походка верблюда создавала ощущение морской качки, вот только на кораблях все же есть каюты, по которым можно расхаживать, есть койки, на которых можно вытянуться... Вергилий сидел, сколько мог, а после не выдержал, соскочил и пошел сам, пока удавалось терпеть жар песка. Потом снова поплотнее завернулся в бурнус и вскарабкался на верблюда. Среди песков виднелись уже осколки скал, торчавшие подобно изломанным дымовым трубам — черные, отполированные за века ветром до зеркального блеска.

— А не лучше ли нам было на день останавливаться, разбивать тент и отдыхать, а в путь пускаться ночью? — задал вопрос Вергилий.

Но тириец смолчал, ответ же его состоял из краткого и выразительного жеста. Нет, не лучше. По ночам небо заполняли крупные звезды, каждая из которых сияла словно бы в собственном нимбе; иногда эти светящиеся ореолы пересекались. Каждую ночь путешественники проводили круг, внутри которого ставилась палатка, и удаляли из него все камни и любые иные предметы. Но однажды ночью камень, зарывшийся в песок и потому не замеченный ими, так и остался внутри круга. В ту ночь Вергилий, опустив глаза долгу, уставший от созерцания звезд на черном бархатном небе, обнаружил, что к ним приближаются два крохотных огонька. Его жест привлек к себе внимание Огненного Человека, и, взглянув в ту сторону, он немедленно подхватил головню и шагнул в темноту. Раздался звук удара, еще один...

Огненный Человек вернулся к костру, волоча за собой нечто странное, что полетело к ногам Вергилия. Подняв факел, Вергилий приступил к изучению предмета, как оказалось, одного из смертельно опасных петроморфов камнеподобных существ, оживающих к ночи и более всего на свете жаждущих пожрать горячие угли костра. За неимением которых, впрочем, петроморфы не брезговали чем угодно, лишь бы это что угодно излучало тепло. Укус тварей был холодным, каменным, и такой же окаменелой и холодной становилась их жертва.

Но были в пустыне вещи и пострашнее петроморфов...

Нет ничего хуже, чем слушать то, чего не видишь, или увидеть нечто, не издающее звука. За плечами путешественников остался и четвертый оазис с его пьяненьким властелином Абеном Абубу, как хозяин ни уговаривал их задержаться (являя собой странное исключение среди прочих вождей, которые, едва только получив плату за предоставленное топливо, еду и питье, с нетерпением ожидали, когда же путешественники отправятся восвояси). Сначала Вергилий решил, что бесплотные и безмолвные тени, мелькающие в сумерках, равно как и звуки, не имевшие, казалось, видимого источника, являются лишь следствием каких-то природных особенностей пустыни и песков — ближе к ночи, например, пустыня могла остывать, да и так оптических эффектов в ней бывало предостаточно. Однако же стоило ему на миг придержать своего верблюда, как тени исчезли и звуки пропали.

Впрочем, неособенно встревожившись этим, он продолжил путь, больше думая о предстоящей ночи, об отдыхе и о звездах, окруженных сияющими нимбами. И вот тогда-то все и произошло... в тот самый момент, когда Эббед Сапфир наконец жестом повелел верблюдам остановиться и встать на колени, дабы путешественники могли спокойно сойти вниз. Вергилий закричал в ужасе, обнаружив, что прямо перед ним из песка вырастают некие плотные тени, превращаясь моментально в крошечных, мерзких, заросших волосами существ. Лица существ были перекошены, поры на коже были столь громадными, что казалось, будто лица изборозжены оспой, глядеть на них без отвращения было невозможно. Существа вырастали из песка, словно из самих недр земных, и в руке у каждого был нож.

Огненный Человек выкрикнул что-то на странном древнем языке: «Тала, хон! Тала, хон!», а затем — Вергилию: «Ко мне, ближе, ближе!» Вергилий кинулся к нему, таща за уздечку верблюда — несомненно, они бы пропали, их бы убили, когда бы в тот же самый момент палец Эббеда Сапфира не повторил свой привычный жест, окружив путешественников линией огня.

Троглодиты нарушили молчание, взвизгнули в ужасе и отшатнулись назад. Однако же те из них — немногие, что оказались внутри круга, кинулись на путешественников. Огонь между тем становился все выше и отсекал остальных уже настоящей стеной. Но времени разглядывать это зрелище не было. Вергилий поймал меч, брошенный в его сторону Огненным Человеком, и ринулся на троих коротышек, оказавшихся перед ним. Троглодиты отскочили в стороны и приняли такие позы, что намерения их разгадывались легко: сначала прыгнуть сзади и перерезать ахиллесовы сухожилия, затем — спереди и вскрыть сонную артерию. Однако же те, кто рассчитывает на оторопь и беззащитность жертв, слабы в открытом бою. Один из уродцев валялся уже без головы, другой, не преуспев в собственной атаке, с изумлением разглядывал свою рассеченную руку и напроочь выключился из схватки, третий же в отчаянии кидался на Вергилия, подобно крысе, оказавшейся с глазу на глаз с собакой в яме... Какое-то время они кружили друг против друга с оружием наготове, но тут к ним направился Эббед Сапфир, успевший уже прикончить двух других троглодитов. Уродец, несомненно, сразу бы нашел тут конец, когда бы, отступая, не угодил ногой в одну из тех дыр, сквозь которые троглодиты выбирались из своих подземелий наружу. И, с торжествующим криком, скрылся с глаз — там его достать не могли.

Так, во всяком случае, ему казалось. Эббед Сапфир вновь протянул свой палец, и огненная змея истекла из него и скользнула в дырку. Донесся крик ужаса и боли, вскоре все затихло.

Огненное кольцо постепенно гасло, кругом воцарилась тишина.

— Да, несомненно, капитан, ты всесторонне изучил огонь, — с искренним уважением произнес Вергилий.

— Изучил огонь?! — неожиданно взорвался Эббед Сапфир. — Как ты можешь говорить так? Изучил... Я — властелин огня, я знаю все его тайны и тайны его тайн! Что же, — сказал он, успокоившись, — отправимся дальше. В эту ночь последуем твоему предложению. Но, видишь, на свете существуют куда более неприятные вещи, чем солнечный удар...

Путешественники оставили за собой пятый оазис. Там они не задержались; даже если бы местный предводитель склонял их к этому, они все равно бы отказались, памятуя о пьянчуге Абубу, который, несомненно, задерживал их ради того, чтобы уведомить о путешественниках троглодитов. Похоже, в таких случаях ему причиталась часть добычи. Так что Вергилий не был удивлен, обнаруживая на пути останки — то разодранную в клочья одежду, то обглоданные человеческие кости.

— Им не повезло, что они путешествовали без тебя, — прокомментировал он, подцепив носком туфли одну из костей. Тириец только хмыкнул на его слова, терпеливо дожидаясь, пока Вергилий удовлетворит свой интерес, чтобы продолжить путешествие.

— Что это?! — воскликнул маг. — Это могли сделать только в Неаполе! Вергилий нагнулся и принялся очищать от песка потемневшую безделушку. — И только в Неаполе носят такие амулеты, рассчитывая с их помощью уберечься от сглаза... не нравится, ох, не нравится мне все это... Я не слыхал, чтобы хоть один неаполитанец отправлялся в эти края! Кто это мог быть?!

Но Ан-тон Эббед Сапфир лишь закричал со своего верблюда:

— Вперед! Вперед! Скорей!

Они миновали последний оазис — далее их уже не будет. Там, впереди, не будет уже ничего, кроме пустыни, и за пустыней — Лунных гор, где обитают крошечные, похожие на карликов и гномов пигмеи, а еще дальше, за ними берег Эритрийского моря.

— Дальше я не пойду, — неожиданно произнес финикиец. Края синего бурнуса открыли его лицо, оно выглядело изможденным.

Он был не слишком приятным спутником во время этого путешествия, но, по сути, он ведь и нанимался лишь как провожатый...

— Но ты обещал, что доведешь меня до замка? — удивился Вергилий. — А если ты этого не сделаешь, то насмарку пойдет все путешествие.

Тириец поднял палку, которой погонял своего верблюда, и указал вдаль:

— Я сдержал слово.

Песок засыпал ров вокруг крепости, а время либо враги разрушили башенки и зубцы на крепостной стене. Впрочем, некоторые укрепления оставались еще целыми — по-прежнему внушительно выглядели бастионы и редуты, обнаружив пролом в стене. Вергилий проследовал внутрь, решив не искать настоящего входа, который к тому же запросто мог оказаться занесенным песком.

За проломом был сад, то есть тут когда-то был сад, от которого нынче остались лишь белые скелеты деревьев, бросавшие хрупкие тени на дно высохшего водоема. Слой тончайшей белой пыли лежал на всех камнях, и внезапно Вергилий увидел отпечаток босой ноги. Отчетливый, свежий след маленькой, аккуратной ступни.

И тут, пока он глядел на него, в прозрачном сухом воздухе возник звук чистый и ясный. И еще звук, и еще — они начали складываться в мелодию, неизвестную ему, но странную и прекрасную. Он последовал ей навстречу, как если бы спешил утолить многодневную жажду, услышав неподалеку звук струящегося ручейка.

Он прошел сквозь разбитую арку, спустился по гигантским ступеням, благодарный за сумрак и прохладу — первые после многих недель прямого и яростного солнца, — оказался во внутреннем дворике и увидел ее.

Лаура держала в руках цимбалы, водила по струнам плектром, сделанным из пера какой-то птицы, а завитки ее красно-рыжих волос касались морщинистого бока хозяина замка — громадного и почти вечного четырехрукого Старого Отшельника.

Глаз циклопа был открыт с того самого момента, как Вергилий ступил во внутренний двор. Глаз был громаден, сверкал золотом, на белке виднелись красные жилки. Глаз был один, и горел он в середине широкого и низкого, изрытого морщинами лба. А для другого глаза места там просто не было.

Назвать его *монстром* не мог бы никто — моментально понял Вергилий. Голос циклопа был низким и богатым, говорил он медленно и приятно, слова его были вполне человеческими, не содержа в себе ни малейшей угрозы или неприязни. Нет сомнений, могучий и изощренный ум лежал за его единственным глазом — о своем одиночестве он рассуждал без тени жалости к себе, прочел даже собственные стихи, несколько строчек об этом. Он явно нравился Лауре, во всяком случае, она нисколько его не боялась. Но он был стар, противоестественно стар, и был он последним представителем своей расы, и был совершенно одинок.

— Послушай, человек, ты проделал длинный путь, чтобы добраться сюда. Ты не знаешь меня, поэтому не можешь быть моим другом, делаться твоим врагом у меня тоже ни малейшего желания, — сказал он. — Но ее я тебе не отдам. Ты ее любишь?

— Да, — вздохнул Вергилий.

— Вот и я люблю... — Он встряхнул своими белоснежными кудрями. — Но у тебя есть мир, полный друзей, знакомых, да и просто людей. А у меня ничего этого нет. Ты думаешь, что твоя страсть и тяготы, вынесенные тобой, дают тебе на нее право. Но послушай: кто, как не я, выхватил ее из рук троглодитов, когда ее так называемая охрана была перебита? Да и то, какая это была охрана... Думаю, это были те самые похитители, которые привозят сюда девиц для погребальных костров, устраиваемых неподалеку. И не я ли с мукой глядел на то, как некий муж, прекрасный обликом, скрывался в огне с очередной из подобных женщин? Не я ли его ненавижу? Так чего стоит твой иск в сравнении с моим?

— Послушай, Отшельник, — ответил Вергилий мягко и уважительно. — Мой иск, он не только мой. У девушки есть брат и мать, у нее впереди жизнь среди людей. Кто-то сделается ее мужем... А ты, ты... тебе ведь им не быть.

— Конечно. Я понимаю. Я не настолько безумен, как мой брат Полифем, чья бессмысленная страсть к женщине человеческого рода... Нет, со мной иначе. Я просто хочу, чтобы Лаура была при мне, я буду держать ее здесь, как держал бы прекрасную птицу, она все равно погибла бы в горячих песках, а вместо этого нашла убежище у меня. Ее мать слишком уж долго владела ею, у брата есть мать, да и жена, наверное, и дети. А у меня нет никого. Одна Лаура. Я ведь уже и не помню, когда у меня был хоть кто-то.

Не отдам я ее тебе.

Сама же Лаура оставалась спокойной, медленно поворачивая голову с отсутствующим выражением на лице от одного к другому, мягко и стеснительно улыбалась и изредка проводила плектром по струнам. Вергилий пустился в диспут, по обыкновению старательно и логично развивая мысли, ответом же ему было простое: «Я ее тебе не отдам».

— Знаешь, — сказал Отшельник, помолчав. — Я жил здесь, когда вокруг все зеленело и было молодо. Я видел, как титаны плещутся в водоемах, подобно дельфинам или китам, — в водоемах, где ныне сушь и песок. А где сами титаны? Я видел стада сфинксов, проходящие к рекам, дабы произвести там свое потомство. Где те сфинксы и где те реки? Земля пострадала, ее одежды сносились, а я остался один, я одинок настолько, что никто из людей не может понять, что это за одиночество. Что ты мне рассказываешь обо всех этих королях, королевах и принцессах... Не отдам я ее тебе, человек.

Несомненно, спорить было не о чем. Вергилий все же произносил какие-то слова, но сам в это время думал о том, как ему перехитрить Отшельника... Он опасался, что тот в состоянии читать его мысли, и, как бы подтверждая эти опасения, гигантский глаз смотрел на него, ни на миг не перемещаясь в сторону. Глаз был громадным, он словно пронизывал насквозь, и Вергилий начал бояться, что этот неподвижный взгляд просто-напросто заморозит, зачарует его. Нет, этого еще не произошло, но в то же время, пока его золотое сияние изливалось на мага, тот не мог и пальцем пошевелить, не говоря уже о том, что у него не было с собой его сумки, набитой всякой всячиной.

И тут, подумав об этой сумке, заполненной всяческими магическими предметами, он оставил в стороне фантазии, и его пальцы залезли в самый обыкновенный кошелек, висевший у него на поясе. Нет, конечно, он не мог бы достать оттуда нож, и нечего думать, что он применил бы его против циклопа. Он всего лишь извлек оттуда монетку. Монетка была новой, блестящей, и, видимо, по известному человеческому обыкновению расплачиваться сначала старыми, стершимися деньгами, он приберегал ее на потом. Так она и сохранилась, а теперь он ее достал.

Циклоп машинально взглянул на блестящий кружочек — он смотрел недолго, какую-то секунду, но и этого времени хватило Вергилию, чтобы швырнуть горсть песка в единственный, гигантский, сияющий глаз циклопа.

Отшельник взвыл, Лаура закричала. Вергилий бросился к ней и подхватил на руки. Закричал сам, и оба голоса — свой и Лауры — отвел в сторону, и, пока он бежал прочь, держа ее на руках, голоса их звучали откуда-то справа. На время ослепленный циклоп ринулся туда, крича, размахивая всеми четырьмя руками, понесся по неверному коридору, вниз-вниз, вдогонку за убегающими голосами, за коварными, лгущими голосами.

— Прощай Отшельник, — тихо крикнул Вергилий. — Ты понравился мне, старина. Я тебя очень люблю, но — прощай! — И еще раз; — Прости меня, Отшельник, — Вергилий слышал, как голос его доносится издалека, — но я причинил тебе меньше вреда, чем греки — твоему брату Полифему... Прощай, прощай, прощай!

И, еще до того как слезы промыли его глаз, старый Отшельник понял, правда, слишком поздно, что люди убежали... И уже издалека до них донесся неистовый, жуткий крик отчаяния, и мириады зонов одиночества звучали в этом вопле...

13

Огненный Человек, тяжело сгорбившись, сидел на песке. Похоже, путешествие вымотало его куда сильнее, чем Вергилия. Но только он увидел Лауру, как моментально поднялся на ноги и стал забираться на верблюда. Вергилий предпочел бы подкрепиться остатками провизии, хранившейся в переметных суммах, поскольку у циклопа лишь выпил свежей и сладкой воды из серебряной чаши, а о еде заговорить постеснялся. Впрочем, с едой и в самом деле лучше было потерпеть, пока не отъедут подальше. Только вот...

— Но сюда мы ехали другим путем?! — крикнул он.

— ...другой путь... — донесся до Вергилия обрывок фразы, которую Огненный Человек прокричал, даже не повернувшись к нему.

— Чтобы объехать стороной троглодитов?

Но ответа не последовало. Вергилий ехал бок о бок с Лаурой, время от времени заговаривая с нею, но она отвечала скупо и кратко. Вела она себя столь же застенчиво и невыразительно, что и раньше, казалась бездумно послушной, и Вергилий внезапно задумался о своих чувствах к ней. Неужели она и в самом деле лишь красивая кукла? Или Корнелия сумела подавить и растоптать ее личность? Или девушка до сих пор находится в шоке?

Сейчас она едва сумела ответить на пару его вопросов, не ответить даже, а всего лишь объяснить, почему ответить на них не может.

— Не знаю, почему меня похитили на Великой Горной дороге, — мягко произнесла она. — Похитители сказали, что моя мать, королева, послала их и показали письмо от нее.

— Подлог, разумеется. Но странно... почему же тебя повезли так далеко, когда спрятать можно было где угодно? Не могу понять их мотивов вообще. Выкуп?

На это Лаура ничего не могла ответить и лишь глядела по сторонам своими сладкими, кроткими глазами цвета темного вина. То и дело Вергилий предлагал остановиться, но Огненный Человек всякий раз настаивал на том, чтобы продолжить путь, иной раз отрицательно мотая головой, иной же указывая вперед своей палкой. Вергилий и Лаура настолько уже ослабли, что не заметили, как покинули пределы пустыни и теперь, судя по всему, довольно уже давно ехали среди скал, вздымавшихся вокруг их тропы.

Едва ворочающимися от усталости языками они обсуждали это, и тут Лаура закрыла глаза и поднесла руки к вискам. Вергилий едва успел поддержать девушку.

— Надо остановиться! — закричал он. — Принцессе плохо!

— Мы почти на месте, — ответил Огненный Человек, не обернувшись.

— На каком месте? — Вергилий ощутил, как в нем нарастает ярость. Почти где? Мы должны немедленно остановиться! — Эббед Сапфир, однако, разговаривал только с верблюдом, так и не прекратив движение. И тут порыв ветра донес до них запахи... пахло благовониями, как если бы они оказались где-то на Кипре. Вергилий сначала подумал, что все это ему лишь почудилось, но тут он увидел...

Был это вовсе не сад. Дорога вывела их на плато, блестящее в лучах заходящего солнца подобно гигантскому алмазу. На плато был сложен огромный костер, костер, подобного которому Вергилий не видел никогда, — высотой с громадный дом, составленный из целых древесных стволов, из пахучего кедра, из благоухающего сандала, сложенный из веток мирры, бальзама и подобных им... На верх костра вели изысканно изукрашенные резные ступени, и там, наверху, виднелось что-то похожее на беседку.

Словно вспышка света разорвалась в мозгу Вергилия. Все обрывки, кусочки, детали мысли, танцевавшие хаотично в его голове, ныне встали на место, составились в целое. «Огненный Человек! Человек из Тира! пронеслось в его сознании, пока Эббед Сапфир спешивался и направлялся к костру. — Финикиец? Да нет же, не финикиец, но сам...»

— *Феникс!* — произнес, обернувшись. Огненный Человек с пламенеющим лицом и сияющим взглядом.

Нет, не финикиец, но сам Феникс! Не та, разумеется, символическая птица из легенд и сказок, но

существо во плоти. Происходящее, казалось, совершалось из последних сил, но с торопливостью, с какой человек спешит на долгожданное свидание. Слова потоком лились из Феникса. Он тоже был стар, очень стар — не так, конечно, как циклоп, но он был стар и смертей, и дряхлость немилосердно отягощала его. За века своей жизни он обошел весь мир вдоль и поперек, и вот его час настал, свобода была близка, казалось она на расстоянии вытянутой руки. Лишь огонь может избавить от мучительного ощущения обветшавшей плоти, лишь сгорев, он сможет обновиться...

«Знак обновления, — подумал Вергилий, — орел, змея, феникс...»

— Ну что же, если в этом все дело, то я не встану у тебя на пути, сказал он вслух.

Тот глядел на него, готовый, казалось, расхохотаться.

— Ты? Да ты же не больше, чем просто дорога, по которой я прошел! Фениксу не нужны ни слуги, ни оруженосцы!

— Ну хорошо, ты достиг своего. Тогда зачем же ты привел меня сюда? Я должен поджечь твой погребальный костер? Хорошо, хотя это и не совсем мне по душе.

— У меня нет времени, чтобы оценить твою иронию. — Эббед Сапфир все же расхохотался. — Тебя я взял лишь для того, чтобы ты таскал для меня каштаны из огня. Циклоп меня ненавидит. Конечно, я не был вполне убежден, что ты сумеешь выволить мою невесту из его плена...

— *Твою невесту?*

Огненный Человек кивнул:

— Да. Ты говорил о том, что я достиг своего. Мало же ты обо мне знаешь, если теперь изумляешься. *Да, у Феникса должна быть невеста!* Но Феникс всегда мужчина, и невесту он выбирает среди дочерей человеческих. И наша свадьба, женитьба, венчание — это не просто акт любви, хотя и в подобных делах Феникс смыслит не менее вашего. Тут другое — лишь в союзе, в слиянии мужского и женского начал в огне образуется магическое яйцо, из которого потом возникает обновленный Феникс. Моя невеста, — обернулся он к Лауре, моя невеста!

Та с кратким вскриком отступила назад и встала за спиной Вергилия.

— Не бойся. Не надо пугаться. Боль мгновенна, а наслаждение стократ ее превысит — лишь в этом наше бракосочетание и напоминает свадьбу смертных. Не бойся, но увенчай собой наш брачный чертог на вершине костра... Ты боишься? Поверь, не надо бояться! Я подожду, подожду еще немного, но я не могу ждать очень долго.

— Но послушай, Феникс, — произнес Вергилий, глядя, как закат делает лицо собеседника совершенно подобным пламени, — отчего же из всех женщин мира ты избрал именно ее? Видишь: она тебя не хочет, она не желает того, что ей предстоит. Неужели во всем мире ты не мог сыскать ни единой женщины, которая бы стала твоей невестой добровольно?

— Да. Я нашел. Это правда. Давно, когда ее еще не было на свете, я нашел ту, что согласилась стать моей, — в обмен на долгую жизнь, на любовь, на трон. Она получила все — трон, любовь, разделила страсть... но время преображения настало раньше, чем предполагалось, и эта предательница в ужасе отшатнулась от меня.

Лицо, вся кожа Феникса горели огнем, лишь глаза оставались сине-зелеными и холодными. Вергилий будто услышал голос Корнелии: «Мое сердце принадлежит тому, на кого я взглянуть не смею», и он не сомневался, что взгляда этого было достаточно, чтобы заставить ее взойти на костер и сгореть, вспыхнуть в бушующем пламени...

— Но, — лицо Феникса исказилось мукой, — она отказалась, предательница. Только в предательстве она и сильна. Да, она сумела соорудить между нами непреодолимые преграды... Но... только между нами двумя... Поэтому... То, что мужчина желал бы самому себе, — продолжил он, — может осуществить его сын. А для женщины таким человеком будет ее дочь. Вот поэтому я и говорю: она моя невеста. Ну что же, не Корнелия, королева Карса, тогда — дочь ее, принцесса Лаура. Да будет так. Иди ко мне, невеста моя. Иди.

Он смолк и протянул руку. Лаура вновь отшатнулась, так резко, что Вергилий не успел встать с ней рядом. И тут же палец Феникса пришел в движение, и стена огня разделила их. Линия распалась на две и окружила обоих кольцом пламени. Едва Вергилий сделал шаг в ее сторону, как огонь вырос и словно замуровал Вергилия внутри себя.

Вергилий не двигался и сквозь сполохи пламени видел, как Феникс, шевеля рукой, медленно перемещает огонь и Лауру в нем ближе к себе. Круг солнца зацепился нижним краем за горизонт. Воздух стал темнеть, становился синим и прозрачным. Ветер трепал пламя.

— Идем, — сказал Феникс.

Он вытянул палец и добавил:

— Я должен был почтить своим присутствием место погребального костра моего предшественника на Кипре. Сюда ко мне никто не придет. Не беда, в особых эпитафиях я не нуждаюсь. Да и в эпитафиях тоже.

Вергилий безмолвно наблюдал, как Феникс приближает Лауру, заключенную в пламя, к себе, как протягивает ей руку — и она берет ее. И вместе они направляются к костру...

— Прощай, рыцарь... — напоследок обернувшись, произнес Феникс.

Но теперь вверх пошла рука Вергилия, теперь его палец произвел движение, но обратное тому, какое делал Феникс... огонь вокруг него задрожал... стал уменьшаться... уменьшился, превратившись в едва светящиеся окружности на почве. Маг шагнул вперед. Феникс, оторопев, глядел на него.

— Ну что же, Феникс из Финикии, — сказал он. — И я бывал там. И я овладел тайнами огня. *Вот только учился не в Тире, а в Сидоне.*

Из горла Феникса вырвался звук, схожий одновременно со стоном и рычанием: от Тира давно уже оставались лишь пепел и камни, Сидон же благоухал и процветал по-прежнему.

Вергилий усмехнулся.

— Мои силы противоположны твоим, — продолжил Вергилий. — А твои действия, надо отметить, не всегда удачны. Да, таких, как я, мало, но кто, как ты думаешь, потушил пожар в моем доме на улице Драгоценной Сбруи? Что ты мне рассказываешь, что огонь был занесен туда саламандрой, ты, овладевший тайнами тайн огня? Тебе отлично известно, что саламандры не возжигают огонь, но — его гасят! Это они умеют проходить сквозь пламя без ущерба для себя, это они питаются огнем, оставаясь невредимыми. Так иди же, Феникс, ступай к своей невесте, к своей настоящей невесте, требуй от нее ответа, если хочешь. А эта женщина — не твоя, и ты ее отпустишь.

Вергилий отступил назад. Ночь взорвалась перед ним, камни изрыгали из себя огонь, песок тлел, готовый вспыхнуть. Он поднял руки — перед ним на землю пал туман. Огни слабели, чадили, шипели, словно от боли. Камни трескались, резко охлажденные влагой, в воздухе клубился пар, и тут вниз хлынули потоки воды. Огненные змейки, ползущие по камням, гасли, тлели в лужах. Феникс извергал крики, полные ярости, он стоял перед Вергилием, как само пламя, размахивая светящимися, пылающими, истекающими огнем руками.

Туман и мгла стали рассеиваться, воздух начал прогреваться, сделался сухим, словно в бане. Снова показались звезды, окруженные нимбами, и темнота вновь вздрогнула и рассыпалась огнями всех цветов: белыми, голубыми, красными, оранжевыми, желтыми и зелеными, но постепенно их становилось все меньше и меньше.

И вот все они потухли.

Вергилий начал зябко дрожать на холодном ветру. Запах благоуханных деревьев, разогревшихся и омытых влагой, сделался еще сильнее. У подножия пирамиды без чувств лежал его противник.

— Феникс, — позвал его маг, — садись на верблюда.

Тот с трудом поднял голову и вновь сделал усилие, вновь вспыхнул, испустил пламя, как уголь. Но это была его последняя попытка. И тогда огонь оставил его.

— Феникс, — повторил Вергилий. — Садись, поехали.

Нельзя было смотреть без мучений, как тот, на четвереньках, из последних сил, карабкается вверх по резным ступенькам, вверх, на вершину своей пирамиды-костра, как валится на одно из стоящих там кресел — не то трон, не то брачное ложе.

Вергилий обвел так и не запыхавший костер своим белым жезлом и заставил круг светиться.

— А теперь, Феникс, слушай мое заклятие:

Внутри этого круга
Огонь не вспыхнет,
Дождь не прольется,
Пока я не пройду свой путь.

На небеса выкатилась холодная луна, и камни слились с собственными тенями. Феникс застыл на вершине пирамиды, молчаливый, неподвижный, словно статуя.

Верблюды, впрочем, казались теперь гораздо менее высокомерными.

Возвращаться по старому пути Вергилий не рискнул. Как-никак, там по-прежнему обитали троглодиты, которые вполне могли взять реванш, застав путешественников врасплох. Там обитали каменные твари-петроморфы, не говоря уже о том, что в одном из оазисов их поджидал достопамятный Абен Абубу, вряд ли довольный расстройством своих планов. Но другой дороги к побережью он не знал, а полагаться на случай не хотелось.

— Нам, похоже, надо свернуть на юг или на восток, — сказал он Лауре, объяснив положение. — Как по-вашему?

Она рассмеялась и накрутила на палец длинный завиток, выбившийся из-под накидки.

— Я не привыкла, чтобы кто-то интересовался моими мыслями, — сказала она. — Сейчас попробую напрячь ум... надо преодолеть там что-то... — Она насупилась и задумалась. — На север от нас лежит Срединное море? Так? А на запад... Западный океан. Так, вроде бы, оно и есть. А вот что на юге и востоке, я не знаю, доктор Вергилий.

Маг быстро начертил в пыли, освещенной луной, карту. На юг лежали горы, разделяемые пополам черными водами реки Нигер, ниже по которой, как говорили, стоял великий и богатый город Тамбукту. За горами же и рекой находилась земля гарамантов и дальняя Эфиопия, область, называвшаяся Эквиноксом, еще одна, именуемая Агисимбой, далее же простиралась Терра Инкогнита, чьи земли и границы никем еще не были исследованы достоверно. Если же направиться на юго-восток, то маршрут пересечет истинную Эфиопию, Нил, реки Астапус и Астанбору и наконец упрется в Эритрийское море.

— Юг, правда, не слишком хорошо известен, дорога же через восток потребует очень много времени. Думаю, нам следует вначале отправиться на юг, обогнуть горы, а затем свернуть на восток в расчете, если нам посчастливится, повстречать караван, направляющийся в Верхний Египет. Ну, а уж там...

Лаура ненароком зевнула и тотчас же извинилась:

— Вы же видите, я просто девушка-служанка, которая совершенно не умеет себя вести, хотя и была облагодетельствована королевой Корнелией, дочерью дожа и внучкой самого Цезаря. Пока не стряслось все это, я и не выезжала за пределы Карса. Все произошедшее было просто ужасно, и я очень рада, что все теперь позади. Мы ложимся спать?

К исходу следующего дня они достигли гористой местности, при этом им посчастливилось обнаружить ручеек, вытекающий из расселины в скале, возле которой образовался небольшой пруд. Оазисом это место назвать было нельзя, поскольку вода не смачивала окрестную землю, судя по всему, из-за сильного испарения, да и земли тут было немного, разве что небольшой ее пятачок остался не сметенным постоянными ветрами.

Путники напились сами, подвели к источнику верблюдов, вслед за чем заполнили водой все имевшиеся у них кожаные сумки. Потом залили водой зерно — последнее, что оставалось из съестного — и съели эту безвкусную жижицу.

— Совершенно пресно, — констатировала Лаура, облизывая пальцы, удивительная мерзость. Еще хочется. — Она вывернула карманы и исследовала их содержимое. Маленький носовой платок, сухая кроличья лапка («Мяса на ней, к сожалению, нет»), четки и еще что-то коричневое, съезжившееся и приятно пахнущее.

— Это огрызок моего последнего яблока, — улыбнулась она. — Садовник в Карее дал мне его на прощание, сказав, чтобы я его сохранила, оно напомнит мне о Карее... но я проголодалась и съела его. Нет, это совершенно простые четки, — добавила она, увидев, что Вергилий пропускает нитку сквозь пальцы. Одна из бусин заинтересовала его.

— Откуда они у вас? — спросил он. Бусина была не слишком белая, радужно переливалась, и в ней были вкрапления голубого цвета.

— Не знаю... — пожала она плечами, — кажется, их собрали на дне реки, когда та пересохла, было такое жаркое лето... А этот камешек как-то называется, доктор Вергилий?

Вергилий поднес камень ближе к глазам. Голыш, казалось, весил куда больше, чем ему полагалось.

— На дне реки... А один из притоков этой реки берет свое начало на севере — там марматы называют его «связующим время»... О камне известно мало, что с ним можно делать — тоже не слишком хорошо понятно, однако же... в нашем положении надо пробовать все. Я могу его разбить? повернулся он к Лауре.

Она сделала грациозный низкий реверанс, широко раскинув свою юбку, и это смутило мага. Лаура заметила это, сконфузилась и тут же попросила прощения. Вергилий пробормотал что-то невнятное в ответ и отошел к ближайшим скалам, там нагнулся и что-то искал на земле. Вернулся он с двумя камнями, положил бусину на один из них и ударил вторым сверху. Еще раз ударил, и еще. Наконец камень раскололся на три части, совершенно не покротившись.

— А теперь дайте мне ваш огрызок... — Он взял свой жезл, сделал в дерне дырочку и поместил туда листок растения, называемого арбор, «дерево жизни»; эти листья он всегда носил при себе, в пакетике, хранящемся в кошельке на поясе. Затем расширил дыру и поместил туда огрызок, утрамбовал почву обратным концом жезла и присыпал сверху землей. Вергилий расположил три осколка бусины так, что они образовали равносторонний треугольник, в центре которого находился теперь огрызок... Что было после и что делал Вергилий, Лаура вспомнить потом не могла — не была уверена, что все действительно было так, как было. Казалось, что-то случилось с небом, луна неоднократно и быстро проходила все свои фазы, солнце металось по небосклону по своему обычному маршруту, но очень быстро, кругами перемещались звезды, и происходило все это не на целом небе, но только в части его, ограниченной гигантским треугольником. Она взглянула вниз и с не меньшим изумлением обнаружила, что тоненький росток уже выбился из-под земли и старательно стремится ввысь.

— Ой! — вскрикнула Лаура и захлопала в ладоши.

Сухой и сладкий воздух заполнился благоуханием цветущей яблони, и вот лепестки уже облетают вниз, словно снежные хлопья. Завязь плодов начинает наливаться, подобно тому, как груди роженицы наливаются молоком, и вот с ветвей свешиваются самые настоящие яблоки...

Они ели эту пищу, которая была одновременно и питьем, кормили верблюдов, заполнили яблоками все переметные сумки, сделали узлы из подстилок и накидок, наполнили и их. И наконец тронулись в путь.

В стране гарамантов климат оказался таким, что в полдень оставленная на солнце вода кипела, в полночь же — все менялось, и та же вода замерзала к утру. Такие перепады не слишком, похоже, досаждали местным обитателям небольшому народу, который старался вообще не попадаться на глаза чужакам. Их можно было увидеть только издали, так что даже докричаться до них не удавалось. Иногда Вергилий и Лаура видели их странные, облаченные в накидки фигуры с поднятыми руками, вырисовывающиеся на фоне гор или неба. И всегда их сопровождали собаки, которых гараманты любили куда больше, чем род людской. Собаки, впрочем, отвечали им полной взаимностью: однажды, когда нубийцы захватили в плен гарамантского короля, рассчитывая на выкуп, собаки — не менее двух тысяч — настигли нубийцев по следу, обрушились на спящий лагерь, уничтожили врагов и освободили короля.

Во Внешней Нубии их испугало то, что вначале они приняли за призрак женщины, умершей во время

попытки избавиться от ребенка. Призрак ее, показалось им, со стенаниями носился по пустыне, подзывая и окликая свое нерожденное дитя, вечно ища его и никогда не показываясь людям. Вергилий попытался изгнать этого духа, что ему не удалось, и он понял, что существо было не человеческим духом, а просто мерзкой тварью, называемой то шакалом, то гиеной, которая, подражая человеческому голосу, подобно перрогуэнте, индейской птице, заставляет людей искать ее, пока те не выбьются из сил, и тогда тварь набрасывается на них сзади и с хохотом убивает и пожирает.

Наконец, почти сгорев на солнце и окоченев на холоде, они повстречали караван, доведший их до Меру на Ниле, города-порта, знаменитого своими промыслами кож, помета и клыков крокодилов. По какой-то парадоксальной (впрочем, весьма свойственной ей) прихоти природы экскременты этих тварей запахом превосходили лучшие сорта мускуса и были совершенно незаменимы для приготовления мазей, притираний, духов и благовоний. Зубы же использовали при лечении болей в костях и суставах, принимали также и внутрь как возбуждающее средство. На Ниле, в том же самом Меру, они раздобыли себе места на плоту, сплавлявшемся вниз по реке, и теперь, с двумя или тремя остановками, должны были доплыть до самой Александрии — со скоростью течения.

Глазу, привычному к горам, взгорьям, долинам, островам и побережьям Европы, Нил и его берега могли показаться довольно скучноватыми, но Вергилию речная прохлада была куда милее раскаленного зноя пустыни. Что касается девушки, то и она не скучала, поскольку все тут ей было в диковинку. И деревья, клонящиеся к своим отражениям в мощных водах, и гигантские гиппопотамы, разевающие глубокие, зубастые пасти, и поля, густо колосающиеся тучной, сгибающейся под тяжестью колосьев пшеницей, богато изукрашенные входы в пещеры, где нашли свой приют мумии, сохранившие облик прежних властителей страны, огромные пирамиды, недра которых доселе остаются лакомым кусочком для всех тех, кто верит, будто там скрыты несметные богатства фараонов...

Вергилию показалось, что девушка полностью поглощена окружающим, он даже вздрогнул от неожиданности, когда она обратилась к нему с вопросом:

— Господин Вергилий, а почему вы отправились меня искать?

Глупые слова замерли на его устах. Да потому, хотел сказать он, что твои рыжие волосы с коричневатым отливом, твои карие глаза с рыжиной, твоя белая кожа с ручейками синих жилок, твои тонко вылепленные карминовые губы, изгиб твоих бровей и мягкое колыхание груди заполнили взор мой и сердце... потому я и покинул чадающую вредными испарениями лабораторию и библиотеку, пахнущую затхлостью старых книг, столь милой мне затхлостью... И разве это была бы ложь?

Он помолчал минуту и вместо этого рассказал ей всю историю о зеркале, сказав напоследок, что хотел довести ее до конца.

— Чтобы не осталось ничего невыясненного... — подвела черту она.

— Ну да... чтобы все выяснить...

Лаура кивнула, удовлетворенная ответом, но тут же состроила быструю гримаску.

— Что... — начал было он.

— Королева, — сказала она.

— О, — сказал он. — Да. Королева... не беспокойтесь.

Она взглянула на него, подняла одну бровь. Затем улыбнулась и ласково сказала:

— Хорошо, не буду.

14

О своем путешествии в Ливию Вергилий Корнелии не сообщал, впрочем, не делал попыток и скрыть это от нее. Ему казалось, что так или иначе, но она прознает сама, впрочем... могло статься, что и нет, ведь и он, и Огненный Человек вновь отправились в путь порознь, без излишней помпы. И вот теперь Вергилий с девушкой входили в ворота виллы... Глаза и рот Туллио, встретившегося им по дороге, раскрылись до своих крайних пределов, но взгляд и жест Вергилия быстренько установили их на место. Еще один взгляд — и Туллио уже вел их к госпоже.

Корнелия занимала себя маленькими, прямоугольными, толщиной в лист пергамента, плашками из слоновой кости, расписанными и разукрашенными умелым миниатюристом. На лице застыло обычное выражение рассеянности, мысли королевы блуждали где-то далеко. Часть карточек-дощечек она держала в руках, другая же — была выложена на столе. «Рота», — бормотала она. «Рато». «Отра». «Атор». «Тара». Она взглянула в сторону вошедших, карточки выпали из ее руки и разлетелись по полу.

— Маг...[\[44\]](#) — прошептала Корнелия. Возле нее на низеньком стульчике сидела та самая девушка-служанка, которую он впервые увидел в тот день, когда спасался от мантикор. В тот же день, в который он впервые увидел и Корнелию. В первый момент показалось, что служанка вот-вот поднимется с места и что-то скажет... но быстрый взгляд Корнелии — рука королевы легла на плечо сидящей, и слова остались произнесенными. Королева вернула себе самообладание, вот только глаза ее оставались пока закрытыми.

Наконец она встала и подошла к Вергилию и Лауре. Глаза ее, полные радости, триумфа, благоговения и страсти встретились со взглядом мага. Она обняла девушку, покачала ее в своих объятиях и отпустила. Лаура от объятий королевы не уклонилась, но ответила на них довольно сдержанно.

— Я не спрашиваю о том, где ты была, не спрашиваю о том, что случилось. Теперь я слишком переполнена чувствами. Да и что все эти подробности в сравнении с тем, что ты здесь! Как мы отметим твое возвращение, дочка! А сейчас, сейчас позвольте нам остаться наедине...

Она приобняла девушку и стала подталкивать ее к выходу. Вторая девушка поднялась со своего стульчика и, повернувшись спиной к остальным, уже направилась к двери.

— Госпожа...

— Всего лишь несколько мгновений наедине, маг. Вы можете понять меня. И тогда...

— Госпожа...

Корнелия вздохнула и обернулась к нему.

— Вы знаете, я не могу отказать вам ни в чем.

— Речь о моем вознаграждении, госпожа.

Она заговорила, и Вергилий понял, что сомневаться в ее сердечности он не может.

— Все, что только пожелаете, драгоценности — сколько угодно. Эту виллу, если она вам нравится, мои наследные владения в Карсе. И даже те поместья, которые достались мне по завещанию Августа Цезаря... Что пожелаете...

Вергилий склонил голову:

— Ваши предложения — великая честь, но желаю я иного. Могу я сказать, чего именно? — Корнелия кивнула. — Отдайте мне эту служанку. — И он указал на девушку, бывшую при королеве.

Лицо Корнелии побледнело. Покраснело... Она подняла руки, словно защищаясь от удара. Впрочем, быстро обрела контроль над собой.

— Извините, маг, — с трудом произнесла она. — Вы сделали для меня то, что воистину бесценно. Но, вернее сказать, почти, *почти* бесценно... Эта девушка-служанка, ее зовут Филлис... она была при нас с самого своего рождения. Она словно член нашей семьи. На самом же деле... маг, я не хочу вам врать, но вы и сами видите: она нашей крови. И обращаться с ней как со служанкой или рабой — невозможно.

— Понимаю и согласен с вашими доводами. Тогда пошлите немедленно за ликторами, пусть на нее наденут фригийскую шапочку и, когда она получит вольную, я женюсь на ней. Неужто я не стою того, чтобы жениться на освобожденной женщине?

— Вовсе нет, маг. — Корнелия уже полностью обрела контроль над собой. Это будет даже проявлением снисходительности с вашей стороны. Дитя, обратилась она к служанке, — ты готова принять честь, оказываемую тебе доктором Вергилием?

— Нет... — произнесла девушка едва слышно. — Я не хочу...

— Видите. — Корнелия пожала плечами. — Вы не пришли ей по сердцу. А вы же не захотите принудить ее силой?

Вергилий склонил голову на грудь. Затем сказал:

— Ну что же, если вниз мне не взглянуть, то посмотрим наверх. Сударыня, — он обратился к девушке, по-прежнему стоявшей у него за спиной. — Вы, несмотря на разницу в нашем положении, не отказались бы от подобного же предложения?

Королева удивленно воздела брови, но больше никак не отреагировала. Лишь взглянула на девушку, ожидая отрицательного ответа.

— Я? Ох... Нет, — произнесла девушка, и королева одобрительно кивнула, но... застыла в оторопи, когда девушка закончила фразу. — Нет, я не стала бы отказываться.

Неплохо уже зная Корнелию, Вергилий предполагал, что эмоции вспыхнут сейчас подобно огню, управляемому Фениксом. Но ответила королева мягко и почти стеснительно:

— Вы забываетесь, рыцарь. Простите меня, может, и есть на свете дочери императорских и королевских фамилий, которые могли бы быть отданы вам в жены, впрочем, в этом я сомневаюсь, но моя не из таких. Ни я этого не позволю, ни ее брат, король Карса, не допустит этого. Она уже сговорена. Корнелия вновь справилась со своими чувствами и продолжила спокойнее и мягче. — Речь идет об очень высокопоставленном лице — большего я сказать не могу. Словом, опекуны моей дочери никогда не допустят того, чтобы мы нарушили свое слово. Ваши силы, маг, велики, однако же они не идут в сравнение с силами, которые решают это дело.

Почувствовала ли она западню? Понимала ли, к чему клонится дело? Возможно. Но все равно он был уверен, что она согласится продолжать игру, хотя бы только затем, чтобы узнать, к чему все приведет. Впрочем, особенного выбора у нее не было. Теперь Корнелия без малейшего волнения глядела на него, а он кивнул, поджал губы, подавил в себе вздох и с оттенком досады произнес:

— Да... мои силы... в этом ответ и кроется...

И еще до того, как Корнелия успела вымолвить хоть слово, схватил обеими руками девушек и поставил их рядом. Поднял руки и заколдовал обеих. Времени это потребовало не много.

— Итак, — начал Вергилий, — та, что была известна под именем Лауры, должна была стать Филлис. Та, что была Филлис, сделалась Лаурой. Заклинаю вас говорить только правду. Ты. — Он указал на служанку. — Ты кто?

— Лаура, — вымолвила она испуганно.

— Лаура. Не Филлис. Значит, если ты Лаура, то *она* — Филлис. Так что... Разве не странно, сударыня, что вы, я и все, кто был вовлечен в историю с магическим зеркалом, искали Лауру, когда та была *здесь*? Это *очень* странно. Я не могу предположить ничего иного, кроме того, что некто, не стану называть это имя, принудил Лауру сыграть роль в комедии и сделаться Филлис, а Филлис заколдовал так, чтобы она стала сознать себя Лаурой. Либо заколдованы были обе.

Корнелия стояла спокойно, словно одна из статуй, изображавших ее предков, одна из статуй в нише комнаты...

— Предположим, что так и было, — продолжил Вергилий, и никто не пошевелился, никто не сделал попытки помешать ему. — Тогда, в поисках объяснения, нам следует составить гипотезу... нам придется заглянуть в прошлое, и прошу прощения, госпожа и девушки, если это нарушит мир и спокойствие в вашем

доме и душах. Корнелия была дочерью Амадео, предыдущего дожа Неаполя. У того не было сыновей, даже незаконнорожденных. Зато у него была еще одна дочь — от служанки, и дочь эта — сводная сестра Корнелии — отправилась с нею в Каре. Там, к своему несчастью, приглянулась влюбчивому Винделициану. Мужу Корнелии. И родила от него дочь, названную Филлис.

Корнелия не шелохнулась.

— Так что эта девочка оказалась наполовину сестрой Лауры, у них был один и тот же отец, кроме того, она была дочерью сводной сестры Корнелии, у них был один дед, словом, они — двойные кузины. И неудивительно, что девочки оказались настолько похожими, и сходство их с годами лишь возрастало. Неудивительно и то, что Филлис сделалась служанкой Лауры, что не помешало им расти подругами, меняться друг с дружкой одеждами и драгоценностями, хотя, конечно же, у Лауры их было куда больше... Возможно, та самая медная брошка была предметом их игр, и они передавали ее все время друг другу. Никто не знал о соглашении между женщиной и Фениксом — о любви, о страсти, о троне. Договор этот долгие годы был источником счастья, силы и надежды, однако же срок его подошел куда раньше, чем предполагалось. Наступала расплата. Однако учтем, что женщина Феникса обладала невероятными силами. Она оказалась способной оградить себя от него... но страх и отчаяние все равно не покидали ее. Более того, эта женщина находилась в постоянном беспокойстве за свою дочь: Феникс сказал, что она может заменить ему мать. Что ей оставалось? Что могла она предпринять? Предположим, сударыня, что вы и есть та самая женщина. Что бы сделали вы на ее месте? Зачем, например, та женщина отправилась из Карса, взяв свою дочку под видом служанки? Зачем Филлис заставили поверить в то, что она и есть Лаура? Зачем вызывали ее впоследствии в Неаполь, да так, что об этом прознал Феникс, который и использовал момент, похитив ее по дороге? Очень просто. Теперь любимый-ненавистный любовник и ненавистно-любимая служанка воссоединились на погребальном костре, но поскольку это была вовсе не ее дочь, то девушку постигла бы там просто мучительная смерть. Никакого мистического союза. Откуда женщине было знать, что троглодиты перебьют слуг Феникса, а Старый Отшельник, в свой черед, отобьет девушку у них? Откуда было знать, что циклоп настолько ненавидит Феникса, что тот и шагу ступить не смеет на порог его замка? Но когда Феникс в облике обыкновенного финикийца появился в Неаполе, стало ясно, что произошло что-то непредвиденное. Феникс приехал, ходил повсюду, был в отчаянии. Если моя гипотеза верна, госпожа, то ваше неистовое желание обладать зеркалом объяснялось не тем, что вы надеялись увидеть лже-Лауру живой и невредимой, а прямо наоборот, вы надеялись не увидеть ее вовсе. Вы боялись именно того, что с ней все в порядке и мистического перерождения по какой-то причине не произошло...

— Это ложь, — произнесла Корнелия.

— А я думаю, что нет. Впервые я увидел Лауру на вашей вилле. Помните, в тот самый день? Она играла роль служанки, в руках у нее была вышивка, а что она вышивала? Рисунок был копией печати с вашего кольца, которое... как я увидел после — копия кольца Огненного Человека и изображает феникса-сijanта на погребальном костре. А когда мы пришли к вам в следующий раз, то девушку увидел Клеменс, опознавший ее по миниатюре, которую столь пылко демонстрировал нам дож Тауро.

Губы Корнелии дрожали, лицо потемнело, тень отчаяния легла на него. Затем она вскинула голову, и в глазах ее мелькнула надежда:

— А если я признаю, что все это правда, ты pomoжешь мне? — Все равно к надежде примешивался страх, голос ее дрожал. — Вы защитите меня? Нет, я не боюсь потерять свою жизнь, поскольку что ее радости в сравнении с жизнью в обители Блаженных, и я сделала бы для него все-все, кроме одного. Я не желаю исчезнуть навеки, раствориться в его всепоглощающей личности. Потому что — вы ведь знаете? — потому что источник бессмертия Феникса именно в этом: он пожирает женщину, он поглощает ее, он становится ОН плюс ОНА, и ОНА навеки пропадает, полностью, насовсем, и лишь ОН возрождается. ОНА отдала себя ему и... исчезает навеки. Вы знаете? А я узнала лишь потом.

— Я знаю, — кивнул Вергилий. Но если бы он действительно знал об этом, то он давно бы понял, чем именно напугана королева, в чем кроется главная опасность для нее...

— Так вы защитите меня, да? — настойчиво повторяла она. — Да? Навсегда-навсегда? — Глаза ее неотрывно глядели на мага, голос становился все мягче и все нежней. — Ты защитишь. Я знаю. Знаю. —

Голос ее совсем затих, и она продолжила жестами и полушепотом: — Я знаю почему. Знаю, какую награду ты хочешь на самом деле. И ты достоин ее. Навсегда. Пойдем же. — И она протянула ему руку.

Вергилий не взял ее руку в свою.

— Сударыня, однажды я уже пошел с вами. Вспомните, что было потом.

Корнелия оцепенела:

— Но тогда... пока я не могу... я не могу быть уверена... как я могу поверить, что... Ты предпочел ее мне? Мне?! Ты защитишь меня или нет?! Ты!!!

Лицо ее исказилось, и, казалось, принадлежало теперь другому человеку, скрюченные пальцы бессильно загребали воздух. Она ругалась, сыпала проклятиями нараспев, крыла его всеми возможными словами по-латыни, на этрусском языке, на греческом. Затем посыпался град звуков, свойственных языку Карса, это можно было понять по тому, что Лаура поморщилась. Затем настал черед неаполитанского диалекта, и Корнелия обрушилась на него подобно старой торговке рыбой, осыпая его бранью, крича, непристойно жестикулируя, кривляясь.

— Эта девка, — визжала она, — эта девка — ублюдок, дочка ублюдка, и ее, и мать нагуляли на стороне, обе они девки, сучки, мерзавки, твари, твари, твари, твари... Зачем я спасла ей жизнь, для чего растила? Удавила бы ее в детстве, как приبلудную суку! А растила я ее именно для этого, для этого! Она будет жить, а я умру? Мне было обещано пять сотен лет жизни, а теперь я не доживу даже до положенного мне предела, а эта тварь меня переживет? Нет! Нет!

Гнев ее становился все безумнее, такого на своем веку Вергилий еще не видал.

— Я уничтожу ее, — орала она, и пена выступала на ее губах, клочья выдеранных волос летели в стороны, тушь и помада стекали по лицу, намокшему от слез. Лицо ее походило теперь на маску Горгоны, голос сорвался на визг. — Я уничтожу ее! И тебя заодно с ней! Рыцарь! Защитник! Некромант! Прождоха! Сводня, дерьмо, потаскун! Я убью вас обоих!

Она бессильно замолкла, чтобы перевести дух, и тут Вергилий сказал:

— Довольно. Ты всячески унизила меня, и я покидаю твой дом навсегда. Мой путь пройден до конца. Филлис, нам тут нечего больше делать. — Он повернулся и, взяв девушку за руку, повел ее к дверям.

Но не успели они выйти наружу, как внезапный крик вновь разнесся по дому. Они оглянулись: Корнелия стояла там, где стояла, но за ее спиной, обнимая ее за плечи, стоял Огненный Человек, и вокруг них разгоралось пламя, скрывая их обоих. Столь безумен был ее гнев, что пали все заслоны, установленные ею, чтобы оградить себя от Феникса. Вергилий же, не желая того, произнес слова, снимающие заклятие, и вот Феникс, преодолев в один миг пустыни и моря, оказался возле своей невесты.

Вергилий и не пытался утихомирить этот огонь. С тем же успехом он мог бы попробовать усмирить Везувий. Странно, но похоже, что в тот раз в пустыне Феникс говорил правду: страх оставил Корнелию, и она, судя по всему, не испытывала ни малейшей боли. Напротив, пока огонь разгорался, лицо ее разглаживалось, становилось мягче, а тело податливо, согласно легло в огненные объятия любовника, глаза закрылись навек, и они навсегда скрылись в пламени — она с покорностью, он — как триумфатор. Какое-то время кучки пепла сохраняли еще очертания двух человеческих тел, затем непостижимым образом они соединились вместе, слились и образовали нечто вроде светящегося яйца, яйцо развалилось на скорлупки, и оттуда выползло нечто, напоминающее червя, немедленно скрывшегося в горке пепла, которая принялась на глазах стремительно расти.

Все оставались в полном оцепенении. Горло Вергилия смогло издать лишь звук, нисколько не напоминающий ни одно из слов, и тут пепел посыпался вниз, на пол, открывая взгляду человека.

Феникс стряхнул с себя пепел, стряхнул его со своей красной, словно обожженной кожи, сделал нетвердый шаг... еще один... и зашагал уверенно, не обращая ни малейшего внимания на тех, кто с благоговением и оторопью глядел на него.

«Таким мог быть сам Эббед Сапфир, — подумал Вергилий, — в первые дни своего человеческого существования... нет, это не точное его подобие, но...»

Проходя мимо Вергилия и Филлис, Феникс сделал мягкое и почти невольное движение головы в их сторону. Что-то вспыхнуло в его бледных сине-зеленых глазах, что-то неуловимо напомнившее Корнелию. Вспыхнуло и пропало.

И он ушел.

Визжащие слуги разбежались по всему дому. Лаура лежала на диване, уткнув пылающее лицо в ладони. Вергилий дрожал и не мог справиться со своей дрожью, Филлис прильнула к его груди в поисках защиты.

А Туллио ползал по полу и горько причитал.

— Мы хотели царства, мы хотели Империи, — простонал он, словно бы самому себе. — Это не... не стоило того... не стоило...

Позже Вергилий скажет Клеменсу:

— Единственное, чего она желала, — бессмертия.

— Она выбрала неверный путь, — хмыкнул Клеменс. — Бессмертие в состоянии дать только алхимия. Ты прекрасно это знаешь.

— Нет, в этот раз я с тобой не соглашусь... Ты помнишь, что привело меня к Корнелии? Не драгоценностей я искал в подземельях мантикор, иного. Помнишь того ребенка, — да кто же не помнит эту историю? — которого они украли и долгие годы продержали у себя? Прошли сотни лет, а он жив до сих пор и выглядит куда как не на свои годы... У нее, Корнелии, были блестящие способности. Как жаль, вместе с нею мы могли бы своротить горы, как жаль...

Да, повернись дело иначе, они оказались бы необходимыми друг другу Корнелия и Вергилий. Любовь, а не ненависть могла бы связывать их друг с другом. Но что толку говорить об этом, надо же повидать и других, Лауру, например...

Чем занимается Лаура нынче, освободившаяся от деспотизма матери? Нет, ни похожий на быка дож, ни старательный волокита император ее не привлекали. Она собиралась домой, в гористый Каре, совершенно уверенная в том, что там, среди друзей своего брата, отыщет себе жениха.

— Здесь как-то все плоско и нудно, — поморщилась она, — давай вернемся, Филлис? Теперь все будет совсем по-другому. Братья дадут тебе свободу, я их *заставлю*! Мы будем жить в нашем дворце, вместе. Извини, конечно, за все, что произошло, но в чем я виновата? Я же нисколько не разбираюсь во всей этой проклятой магии, к тому же ты ведь знаешь *матушку*... Что я могла поделать? А теперь нас ожидают все удовольствия мира, мы по-прежнему станем меняться платьями и претендовать... ну, может быть, и нет. Но в любом случае, Филлис...

Никаких сомнений, в глазах сестры Филлис оставалась мягкой и бесхитростной простушкой. Но Вергилий смотрел на нее во все время речи Лауры и по тому быстрому взгляду, который бросила на него Филлис, понял: никуда она не поедет. Ни в Каре, ни в какое другое место.

Знак обновления Скорпион... орел, змея, феникс... змея, скидывающая ветхие покровы, как руда, избавляющаяся от шлаков, змея, победительница мнимой смерти, змея живая, обновленная, гибкая... пламя пожирает феникса... феникс должен быть уничтожен пламенем, дабы родиться заново... сожженный огнем, уничтожающим все формы и очертания с тем, чтобы дать новую жизнь новым формам... моя огненная госпожа...

Наконец-то Досточтимая Белая Матрона соединилась со своим Рыжим Человеком [\[45\]](#).

Вергилий помнил об одной старинной деревенской ферме, которую знал уже очень давно, помнил пасеку, курчавых вислоухих овец, крики пахаря, помнил дубовые и ясеневые леса, клыкастых кабанов, торопливо уносящих ноги от охотников. И другую деревушку помнил, в Калабрийских горах, которую он знал во времена уже более поздние. Домики ее разбежались по отрогам гор, высились на кручах; подобно орлам на утесах, струились в тех местах источники невероятно холодной и кристальной воды, а еще были там тихие заводы, в которых плещется осторожная рыба, леса, луга, цветочные поляны. Как бы ему хотелось отправиться туда и оставаться там до поры, пока слабость и утомление не оставят его тело... Но

все его великие проблемы оставались нерешенными, вопросы ждали ответов... хотя он и узнал все о Фениксе... Да, нечто тяжелое, словно бы закрывающая Солнце планета, исчезло, но что с того? Стало ли от этого зрение его более острым? Да, он восстановил душу свою во всей ее цельности, но разве же не так было и прежде? Что приобрел он за это время?

Его коснулось мягкое дыхание: рядом, улыбаясь, стояла Филлис.

Филлис.

Да, несомненно, душа его была уловлена вновь. Но в этот раз не было боли, не было страха, отчаяния. Ну, Клеменс мог сколько угодно бурчать и ворчать по поводу присутствия молодой женщины в странном высоком доме на улице Драгоценной Сбруи. Однако же... две старинные книги с древней музыкой восточных царей, те самые книги, которых он всегда жаждал, усмирят и ворчание Клеменса.

Странные моря и берега

Рэй Брэдбери

Ночное путешествие в Восточном экспрессе

Когда пишешь введение к книге другого писателя, может возникнуть несколько рискованных последствий.

Первое: можно его перехвалить, и в этом случае читатель отвернется со словами: «Да не может он быть так уж хорош». При этом читатель будет воспринимать каждый рассказ как вызов и станет проверять, действительно ли писатель такой замечательный, как ему говорили.

Второе: можно недохвалить. В попытке остаться беспристрастным и честным, можно чего-то недоговорить. В таком случае читатель скажет: «Как странно. По-моему, критик жутко скрытен. А значит, рассказы, которые за этим следуют, и читать не стоит».

И вот, книга уже закрыта.

Я хотел бы удержать равновесие где-то между двух крайностей. Это нелегко, когда речь идет об Эйве Дэвидсоне. Потому что его рассказы доставляют мне удовольствие уже много лет, и я полагаю, что его давным-давно пора бы обнаружить.

Так что позвольте мне кинуться очертя голову прямо вперед, а не назад, не оглядываясь ни направо, ни налево.

По-моему, Эйв Дэвидсон сочетает в себе множество дарований и качеств, в числе которых находятся воображение, изящество стиля и, пожалуй в первую очередь, остроумие.

Многие из этих рассказов — совершеннейшая тайна, загадка. Эйв Дэвидсон окружает нас туманом, позволяя нам медленно изыскивать ориентиры. Он понемногу подбрасывает нам информацию. Нам не известно, ни где мы находимся, ни что представляют собой действующие лица, ни что они затевают. Постепенно мы находим дорогу к свету, причем м-р Дэвидсон всегда оказывается в нескольких небольших шагах от нас, впереди, он окликает нас, как всегда делают хорошие рассказчики: «Сюда, а теперь сюда, сюда, наверх, а теперь вниз, а теперь в эту сторону, идите же!»

И он всегда точно знает, какое количество информации нужно дать в каждый данный момент. Он знает, как надо разматывать веревочку, дюйм за дюймом. Если бы он делал это слишком медленно, мы бы уже заснули. А если бы слишком быстро, не поняли бы, в чем дело. Такое умение поддерживать правильный темп присуще подлинному рассказчику.

Рассказчик. В наше время такой эпитет чуть ли не оскорбление. Нам уже набили оскомину «жизненные» писатели из «Нью-Йоркера» и прочие бездари нашего времени, кочующие из одного журнала в другой, поэтому встреча с чем-то в духе Эйва Дэвидсона повергает от изумления в легкий шок. Ведь именно так писали рассказы когда-то и, может, еще будут писать, если мы предоставим это занятие более способным людям.

Когда я читал этот сборник, мне пришли на ум имена некоторых авторов рассказов. Я надеюсь, м-р Дэвидсон с одобрением отнесется к моему списку, который как-то понемногу составил сам собой: Редьярд Киплинг, Саки, Джон Колиер, Дж. К. Честертон.

Я мог бы продолжить список, но пока удовольствуемся этим.

Не могу себе представить ничего лучше долгого путешествия на поезде, ну, скажем, на старом добром Восточном экспрессе, где в вагоне-ресторане путешественника ждет хорошая еда и доброе вино, а напротив меня сидели бы, олицетворяя собственные книги, м-р Киплинг, Саки, Колиер, Честертон и среди них Эйв Дэвидсон при полном самообладании и в раскрепощеннейшем настроении.

Я понимаю, что поместил его в редкое изысканное общество, но мне всегда было свойственно делать

рискованные шаги из-за привязанности или восхищения. Я не возьмусь сказать, что он достиг тех же высот, что и они, но скажу: окажись эти люди в таком поезде, они с радостью послушали бы Эйва Дэвидсона во время такого славного ночного путешествия, они стали бы его читать, и он бы им понравился. Вам удалось бы обнаружить его рассказы в их сумках для книг, а их рассказы оказались бы у него в сумке. Хотя их вкусы и способности различаются между собой, мы знаем, что они — отличные попутчики и люди хорошие. Путешествие окажется приятным благодаря их мастерству по части приятных странностей, когда маленькая правда превращается в ложь или ложь неожиданно оборачивается правдой.

Я с удовольствием проехался бы с ними и не спал бы полночи, мчась сквозь тьму по Европе, и даже рта не раскрыл бы, только бы послушать их рассказы.

Возможно, время от времени на их ночные рассказы в дороге опускалась бы тень Кафки. А где-нибудь за чертой Будапешта по странной причуде немыслимой географии призрак Диккенса взмахнул бы флажком, задержав поезд на некоторое время на призрачной стоянке.

Я упомянул обо всех этих людях и об исходящих от них ощущениях, потому что читатели всегда желают знать: ну, а на кого же похож этот новый писатель? И начинаешь мямлить, напрягая мозг, и в конце концов выдаешь зановенные ярлыки и хромые теории. Эйв Дэвидсон не похож ни на кого из них, и все же, как я уже говорил, это ночное общество ему подходит. Они зазвали бы его к себе из коридора, даже если бы он просто проходил мимо, замаскировавшись под контролера, усыпанного странным конфетти, оставшимся от компостирования билетов на самых удивительных маршрутах.

В Эйве Дэвидсоне есть что-то от смутьяна. Он может заблуждаться, но это те самые заблуждения, которые мы не то что прощали Бернарду Шоу, мы ими восхищались. Нам нравятся возмутители спокойствия, потому что среди нас так много пуритан радикалистов, которые не смогли бы даже превратить крота в радикала, а уж задеть за живое улитку и подавно. Дэвидсон, как и Джон Колиер, создатель гироскопов, которые по самой логике своей структуры *не должны бы* работать, но — ах! — вот они, над пропастью, *вращаются и гудят*.

Я не стану, повторяю, не стану составлять список особенно полюбившихся мне рассказов из этой книги. Это несколько смешно, ведь мне может нравиться «Сейчеверелл», а вы отдадите предпочтение «Чану», я могу кричать о «Связанных хвостом к хвосту короля», а вы отдадите свой голос за «Флакон с кисметом», а я сменю курс и встану на вашу сторону.

И под конец предупреждение, звучащее недостаточно часто: сборники рассказов, как и витамины, следует принимать по одной-две штуки на ночь, перед сном. Искушение неизбежно, и все же не глотайте книгу целиком. Читайте потихоньку, и в результате возникнет полезная для здоровья привязанность к рассказчику Эйву Дэвидсону.

Такие вечера сольются в неделю, и вы обнаружите в себе уместное желание снова отправиться в этот странный дикий край Эйва Дэвидсона и путешествовать там еще много лет.

— Еще! — скажете вы.

— Еще! — скажу я.

Разве он сможет устоять перед нашими призывами?

Лос Анджелес, Калифорния

18 ноября, Второй Год Аполло

Сейчеверелл

Окна комнаты, обращенные на улицу, были заколочены; внутри стояли мрак и холод и очень скверно пахло. Там был заляпанный матрас, на котором храпел закутанный в одеяло человек; стул без спинки, стол, а на нем остатки пакета с гамбургерами, несколько пивных банок и грошовая свеча, ронявшая тени на все вокруг.

Среди теней послышалось шарканье, затем едва слышный треск и дребезжание, потом очень слабый тоненький голосок выжидательно произнес: «Джордж, вам, наверное, очень *холодно...*» Молчание. «Я просто чувствую, что *мне* очень холодно...» Голос потихоньку замер. Немного погодя он сказал: «Он еще спит. Человеку необходим отдых. Очень *трудно*». Голос будто пытался уловить какой-то звук, но, кажется, не услышал его, и спустя мгновение сказал уже другим тоном: «Хорошо».

«М-м-м?» — спросил он, обращаясь к тишине. На секунду вновь послышалось дребезжание, затем голос сказал: «Добрый день, принцесса. Добрый день, мадам. Генерал, как я рад видеть *вас*. Мне хотелось бы пригласить вас на чай. Мы возьмем самый красивый кукольный сервиз, а если кто-то желает отведать чего-нибудь *покрепче*, по-моему, у профессора... — Голос запнулся, заговорил снова: — В бутылке на серванте найдется капелька ой-не-печалься. А теперь прошу всех садиться».

Снаружи зашумел ветер; когда он стих, пламя свечи все еще плясало; послышалось гудение, оно звучало то тише, то громче, словно стон, потом что-то внезапно как бы щелкнуло, и гудение прекратилось. Голос опять заговорил, вначале чуть дрожа: «Коко и Моко? Нет, весьма сожалею, но я никак не могу их пригласить, они очень глупые, они не умеют себя вести, они даже говорить не умеют...»

Человек, лежавший на заляпанном матрасе, проснулся, вздрогнул, рывком приподнялся и с криком сел. Он резко повернул голову вправо, влево, скорчил гримасу и нанес удар в пустоту.

— Вам приснился дурной сон, Джордж? — неуверенно спросил голос.

Джордж сказал: «Уф-ф-ф!» и надавил на глаза бугорками ладоней. Резко опустив руки, он прокашлялся и густо сплюнул. Затем подался вперед, схватился за провисшую до полу цепь, конец которой был прикреплен к ножке стола, и потянул на себя. Цепь не поддавалась, он напрягся, что-то упало, запищало. Джордж все тянул, пока не вытащил и не схватил свою добычу.

— Сейчеверелл...

— Надеюсь, вам не приснился дурной сон, Джордж?

— Сейчеверелл, тут кто-нибудь был? Только попробуй соври...

— Нет, Джордж, честно! Здесь никого не было, Джордж!

— Только попробуй соври, тут я тебя и прикончу!

— Я же не стану лгать вам, Джордж. Я знаю, что лгать дурно.

Джордж свирепо глянул на него покрасневшими глазами, ухватился руками покрепче и надавил. Сейчеверелл вскрикнул и ткнулся лицом в запястье Джорджа. Его зубы лязгнули в воздухе. Джордж тут же разжал руки, и он поспешно убрался прочь. Джордж растер рукавом штанину, гадливо фыркнул. «Смотри, что ты наделал, мелкая пакчучая обезьяна!» — заорал он.

Сейчеверелл захныкал, прячась в тени: «Джордж, я ничего не могу поделать. У меня ведь нет сфинктера, а ты *напугал* меня, ты сделал мне *больно...*»

Джордж застонал, съезжился под одеялом. «Тут на цепи сидит миллион долларов, — сказал он, — а я гнию в эти дыре. Как алкаш, как отребье, как *ханьга!*» Он стукнул кулаком по полу. «Не вижу смысла!» — крикнул он, заворочался, становясь на четвереньки, толчком поднялся на ноги. Он обернул одеяло вокруг плеч и торопливо зашаркал к двери, проверил засов, затем осмотрел каждое из заколоченных окон, обращенных на улицу, и щеколду на зарешетчатом окошке, выходившем во двор, по краям которого выступил иней. Потом с руганью и вздохами завожился в углу.

Сидя под столом, Сейчеверелл изо всех сил натягивал цепь, но безрезультатно. «Мне здесь *не нравится*, Джордж, — сказал он. — Здесь холодно и грязно, и *мне* тоже холодно, я испачкался, и мне

хочется есть. Здесь так темно, сюда совсем никто не приходит, и мне это не нравится, Джордж, мне не нравится здесь ни чуточки. Я хотел бы снова оказаться у профессора. Я был тогда очень *счастлив*. Профессор обращался со мной по-хорошему, и принцесса, и мадам Опал, и генерал тоже. Только они и знали про тайну, пока ты не проведал».

Джордж резко обернулся и посмотрел на него. Блеснул глаз, отражая огонь свечи.

— Мы устраивали чаепития, а когда приходила мадам Опал, она всегда приносила шоколадки, даже если приходила одна, еще она читала мне истории про любовь из журнальных подшивок с картинками, и все они были взаимправдашние. Почему мне нельзя опять вернуться к профессору?

Джордж проглотил слюну и, слегка причмокнув, открыл рот. «Профессор Уитмэн умрет от сердечного приступа», — сказал он.

Сейчеверелл смотрел на него, приподняв голову. «Приступа...»

— Значит, умер он! Значит, забудь об нем и думать! — слова рывком вылетели из рта человека. Он зашлепал через всю комнату. Сейчеверелл попятился, насколько позволяла цепь.

— Что мне на хрен делать, не знаю... Через несколько недель эту гнилую постройку снесут. Может, — с хитрецей сказал он, наступив на цепь ногой, я продам тебя в зоопарк. Там тебе самое место. — Он с кряхтением нагнулся и подобрал цепь.

У Сейчеверелла застучали зубы. «*Нет!* — взвизгнул он. — Мне *не место* в зоопарке! Маленький народец, который там держат, *глупый*, они все не умеют *себя вести*, они даже *говорить* не умеют!»

Джордж закрыл один глаз, кивнул и медленно, очень медленно стал подтягивать к себе цепь. «Ну-ка давай, — сказал он, — скажи-ка по-честному. Там у профессора Уитмэна имелось себе славное дельце. Так с чего он все бросил, снялся с места и явился сюда?» Он потихоньку перебирал цепь. Сейчеверелл дрожал, но не сопротивлялся.

— Мы собирались пойти в колледж, в лабораторию, — сказал он. — Так объяснил мне профессор. Жалко тратить время на глупые фокусы с Коко и Моко, раз я такой умный. Он говорил, это уже давно надо было сделать.

У Джорджа уголок рта приподнялся, сквозь щетину пролегла складка. «Не-а, Сейчеверелл, — сказал он. — Не вижу смысла. Знаешь, что делают с обезьянами в как их там лабораториях? Режут, их там. И все. Я-то *знаю*. Я был в одной и узнавал. Дают за них долларов так пятнадцать, а потом режут». Он сложил пальцы наподобие ножниц: «Кх-х-кх-кх-кх...» Сейчеверелл передернуло. Джордж опять наступил ногой на цепь и схватил его за горло. Ткнул ему в живот заскорузлым пальцем. Стало еще холоднее, дыхание человека повисало паром в затхлом воздухе. Он еще раз ткнул пальцем. Сейчеверелл издал такой звук, будто его вот-вот вырвет, забрыкался. «Ну-ка давай, — сказал Джордж, — скажи-ка по-честному. На тебе как-то завязан миллион долларов, мелкая ты пачкучая обезьяна. *Наверняка*. Только я не знаю, *как*. Вот и объясни мне».

Сейчеверелл захныкал: «Я не знаю, Джордж. *Не знаю*».

Человек нахмурился, потом хитро ухмыльнулся. «Это ты так говоришь. Не больно я тебе верю. Если Они догадаются, сразу тебя отберут, думаешь, я не понимаю? Конечно. Миллион долларов... С чего же меня отслеживают, если они не знают? Сначала бородатый малый, потом паренек в красном детском комбинезоне. Видал я их вместе. Слушай, ты, мартышка рукосуйная, давай-ка *думай*, говорю тебе, *думай* давай хорошенько». Он еще раз ткнул в него заскорузлым грязным пальцем. И еще раз. «Я всегда знал, понимаешь, всегда *знал*, что где-то меня ждет миллион баксов, надо только не зевать. Какого хрена парень вроде меня должен грузить на рынке ящики с фруктами, ведь у меня виды на миллион? И тут... — глаза его прищурились, он понизил голос, — ...возник этот самый профессор Уитмэн и поселился в отеле „Орел“. Я его с этим делом разом усек, не вчера на свет родился. *Сначала* я решил, что он чревоуещанием занимается, а *потом* сообразил насчет *тебя*, второй голос в комнате был *ты!* Вот тогда-то я и...»

Он неожиданно смолк. Наружная дверь отворилась со ржавым скрипом, и в прихожей раздался звук шагов. Кто-то постучал. Попытался повернуть ручку. Кто-то сказал: «Сейчеверелл? Сейчеверелл?» Джордж заткнул пленнику рот грязной волосатой рукой. Сейчеверелл дергался, извивался и вращал глазами. Голос

разочарованно хмыкнул, шаги зазвучали неуверенно, начали удаляться. И тогда Сейчеверелл лягнул Джорджа в пах. Тот крикнул, выругался, выпустил его из рук...

— На помощь! — закричал Сейчеверелл. — На помощь! На помощь! Спасите!

В дверь забарабанили кулаки, стекло в окошке на двор разбилось и полетело на пол, старческое морщинистое лицо заглянуло в дырку, затем скрылось. Джордж побежал к двери, потом развернулся и погнался за Сейчевереллом; тот уворачивался, истерически визжа. Крошечная фигурка в красном детском комбинезоне протиснулась между прутьями оконной решетки и метнулась к двери, чтобы вытащить засов. В комнату ворвался некто в ботинках, куртке из шотландки и шерстяной матросской шапочке; в его огромной черной бороде поблескивали тающие снежинки.

— Спасите меня! — орал Сейчеверелл, метавшийся из стороны в сторону. Он напал на профессора Уитмэна, он сбил его с ног, и профессор *так и остался лежать...*

Джордж нагнулся, схватил было стул, но красный комбинезон прошмыгнул у него между ног, и он споткнулся. Стул вырвали из его рук; он распрямился, сжав кулаки, но бородатый человек обрушил стул на него. Удар пришелся по переносице, раздался хруст, Джордж упал, перевернулся и больше уже не встал. Тишина.

Сейчеверелл икнул. Потом спросил: «Принцесса Зага, почему вы в мужской одежде?»

— Бородатый мужчина и так бросается в глаза, благодарю покорно, сказала принцесса, снимая цепь. — Реклама нам ни к чему... Давайте выбираться отсюда.

Она взяла его на руки, и все трое вышли на безлюдную темную улицу; заколоченные окна слепо таранились вслед. Шел густой снег, его заметало в разгромленную прихожую и в комнату, где кровь Джорджа, натекая маленькой лужицей, стала уже замерзать.

— Вот наша машина, Сейчеверелл, — сказал мужчина в красном детском комбинезоне, со старым, измученным, маленьким, как у ребенка, лицом, засовывая сигару в рот. — Ну и времечко...

— Полагаю, вы по-прежнему сотрудничаете в передвижном цирке, генерал Пинки?

— Нет, детка. Новые владельцы не желали признать наш профсоюз, поэтому мы уволились и перешли на соцобеспечение в Саросоте. Не то чтобы профсоюзы были намного лучше, заметь себе: уловки в духе Бисмарка с целью разубедить трудящиеся классы в необходимости индустриального правления на подлинно марксистско-лейбористско-социалистической основе. У нас есть телевизор, детка.

— Посмотри-ка, кто тебя тут дожидается...

Принцесса Зага открыла дверцу «универсала» и передала Сейчеверелла с рук на руки. Внутри на заднем сиденье расположилась самая огромная, самая необъятная, самая толстая женщина в мире.

— Принцесса Опал! — закричал Сейчеверелл, прыгая к ней в объятия; он затерялся среди безбрежных просторов ее груди, купаясь в теплых потоках готских слез. А она говорила: «Мой драгоценный, мой маленький мальчик, мой ненаглядный Питер Пэн».

— Это мадам Опал составила план всех наших действий, — заметила принцесса Зага, включила зажигание и повела машину прочь. Генерал Пинки зажег сигару и развернул номер «Уикли Пипл».

— Составила, составила, — ворковала Мадам Опал, целуя и обнимая Сейчеверелла. — Ой, до чего же ты неухоженный! Ой, какой худенький! Мы устроим чаепитие, совсем как раньше, с самым лучшим кукольным сервизом; позаботимся, чтобы ты хорошо кушал, и вымоем тебя, и причешем, и повяжем на шею бантик.

Сейчеверелл заплакал. «Ах, у Джорджа было так ужасно», — сказал он.

— Ничего-ничего, он просто не понимал, что к чему, — успокаивала его мадам Опал.

— Не понимал он, как же! — бросила принцесса Зага.

— Хищнический капитализм... — начал генерал Пинки.

— Ничего-ничего, милый, забудь об этом, это был просто страшный сон...

Сейчеверелл утер слезы о грандиозный бюст мадам Опал, прикрытый бархатом с блестками. «Джордж вел себя очень *подло* по отношению ко мне, — сказал он. — Он *очень* подло со мной обошелся. Но, знаете, мадам Опал, хуже всего было то, что он *обманивал* меня, он все время меня обманивал, и я чуть было не поверил ему, это и было ужасней всего: я чуть было не поверил, будто я — обезьяна».

Возьмем, «к примеру», деревянных индейцев

Он ушел с улиц (утренний воздух уже стал серым и прогорклым от выхлопных газов и фабричного дыма) и спустился в битком набитое метро. Его одежда выглядела слегка неуместно среди этой унылой толпы, но особого интереса ни у кого не вызвала. Усталое, настороженное, циничное, мрачное, недовольное безразличие обволокло лицо, словно маслянистая пленка, и люди смотрели не столько на него, сколько поверх и сквозь него.

Он изо всех сил старался удержаться на ногах, пытался сохранить равновесие. Эта борьба, всего лишь преддверие каждодневного существования, уже давалась нелегко. А вдобавок еще необходимость постоянно держаться настороже из-за Общества Деревянных Индейцев (ОДИ); он полагал, что у него есть причины для взвинченности и напряженности. «Бенедикт, ведущий современный скульптор свободных форм, работающий по дереву...» Ха!

Дважды он замечал за собой хвост, им удалось выследить его до самой площади Таймз. Дважды ему удавалось скрыться. А на третий раз...

Мужчина в чуть странной одежде (по имени Дон Бенедикт, но кое-кто звал его Дасте) задержался на минуту у одной из деревянных вывесок с красными буквами, бросил быстрый взгляд на бумагу, которую держал в руке (словно чтобы убедиться в том, что она на месте, а не затем, чтобы посмотреть, что в ней написано), повернулся кругом и отправился обратно тем же путем, которым пришел. Через некоторое время он очутился возле лестницы, поднялся на пять ступенек вверх, затем развернулся и пошел вниз. В конце...

В конце концов все упиралось в Элвелла, а Элвелл умер; не от кашля, раздиравшего его на протяжении многих лет, он умер из-за клочка скользкой ледяной поверхности, размером не больше кисти руки. Элвелл при смерти, кровь в уголках его рта, он сжимает руку Дона словно в тисках, а тот, младший из двоих, чувствует, как из них уходит тепло.

— Но ведь это принадлежит ОДИ, — запротестовал Дон.

А Элвелл: «Нет, Дон, нет, оно принадлежит мне. Я его создал. Я его доказал».

— Они никогда не позволят...

С отчаянной медлительной силой, тряся головой, Элвелл объяснил. Дон неохотно согласился. Ему казалось, что он дает согласие лишь на изначальный риск, не более того. Но потом, когда Элвелл умер, ОДИ ополчилось на них обоих, вначале проявляя холодность, затем шумно выражая протест, а потом действуя с молчаливым упорством, тревожившим его куда сильнее, и тогда Дон Бенедикт понял, что на его долю выпало не только начало, а все до конца. Навсегда.

Краешком глаза он заметил человека на нижней ступеньке лестницы, при этом он пристально следил за ногами, чьи шаги выбивались из общей схемы. На мгновение он остановился, собираясь просто свернуть. Но так и остался стоять. Человек (это был Эндерс) подхватил его за руку, словно понукая идти дальше.

— Я пойду с тобой, Бенедикт. — Глаза горят, в голосе стальная жесткость.

— Я пойду один.

— Ты злоупотребишь доверием, воспользовался тем, что принадлежит всем нам, воспользовался только в своих собственных интересах. ОДИ...

Теперь, как и всегда, Общество Деревянных Индейцев само себе навредило: Эндерс дрожал от ярости и, сам того не замечая, ослабил хватку. Дон приложил ладонь подушечками к подбородку Эндерса, изо всей силы толкнул вперед и вверх. И тут же быстро (но не забываясь, не пускаясь наутек) закончил то, что необходимо было сделать. Эндерс отшатнулся назад, замолотил руками в воздухе, теряя точку опоры; затем Дон в последний момент обернулся и увидел, как он упал в ослепительно-ярком электрическом свете среди выложенных белой плиткой стен.

У него, как обычно, дрогнула нога, и он на дюйм не дотянул до привычного настила. Он сменил шаг, принаравливаясь к плитам мостовой в переулке. Он уходил на двадцать футов вперед, и столько же

оставалось у Дона за спиной. Никого не было видно.

Где-то на полпути находилась глубокая ниша, заложенная кирпичами дверь, и Дон прятался в ней до тех пор, пока не убедился, что Эндерсу не удалось пробраться. Он никогда не знал наверняка, а вдруг ОДИ сумело во всем разобраться, при помощи слежки — каким-то образом — постепенно разобраться во всем. Это напряжение ощущалось постоянно, даже здесь, хоть и слабее, гораздо слабее. В конце концов, если им и удастся пробраться, он уже не будет являться для них первоочередной целью. Ею окажется фирма «Демут». А она пусть сама о себе беспокоится.

Он ждал, наострив уши, и ему вспомнилось последнее собрание ОДИ, которое он отважился посетить. Глаза Мак-Дональда сверкали в глубине глазниц, он прервал течение взвешенных слов Дервентуотера, ткнул трясущимся пальцем Дону в лицо.

— *Вы считаете себя презервационистом? Да или нет? Встаньте и отчитайтесь!*

Смело глядя ему в лицо, он ответил: «Я считаю себя презервационистом философского плана. Я не верю в насильственные...»

Искаженное лицо, сжатые кулаки в воздухе. «*Предатель! Предатель!*» завопил Мак-Дональд.

Дон не сдавался и начал было говорить, но стоило ему назвать имя Элвелла, как его голос заглушили протесты и угрозы Мак-Дональда... и Эндерса, Гамперта, Де Дживованетти — практически всех. *Сколько заплатили ему у Демута? За сколько он продался?*

«Демут»! Дон произнес это название с презрением. Он даже не притронулся бы к их грязным деньгам. Он убедился на печальном опыте, что Элвелл был прав с самого начала, что ОДИ — фанатики, которые не отступят ни перед чем. Что ж, он тоже не намерен отступать.

Дон Бенедикт вышел из ниши — на этот раз Эндерсу не удастся пробраться, это ясно — и последовал дальше по переулку. Не прошло и минуты, как он очутился во дворе, по одну его сторону лежали кучи стружек и опилок, а по другую — сена. Из строения слева вышел человек в измазанных навозом сапогах с ведром молока в руке. Он остановился, прищурился, пощипал бороду в табачных пятнах и опустил ведро на землю.

— Эй, Дасти! Рад тебя видеть! — приветствовал он вновь прибывшего. Только что приехал в город?

— Ии-йап, — сказал Дон Дасти. — Ты как, Суон?

Суон сказал, что он в порядке, и осведомился, как обстоят дела в Сиракузах.

— Отлично, — сказал Дасти. — Сено идет по прекрасной цене...

Суон тяжело вздохнул, сплюнул на опилки: «Им, может, и хорошо. Мне нет. По-моему, ты вдавил по бутылке, а, Дасти? Ты опять на взводе, всегда с тобой так поначалу».

— По бутылке? Немного мне достается из тех бутылок, которые я покупаю. Мой проклятый зять (он говорил правду, он и позабыл про Уолтера, хорошо бы никогда о нем не вспоминать) пьет мою выпивку, курит мои сигары, носит мои рубашки и тратит мои деньги.

Суон сочувственно заохал, поднял ведро. «Почему ты не выкинешь его к чертям?»

Хороший совет, приятно было бы ему последовать. Конечно, Мэри бы этого не перенесла. Бедная крольчиха Мэри.

— Мне бы только снова заняться работой. Сразу приду в себя. — Дон Дасти помахал рукой и пошел дальше через двор ко входу в высокое кирпичное здание справа. Внутри стояла темнота и прохлада, пахло деревом и краской.

Дасти сделал глубокий вдох и заулыбался.

Он стал подниматься по лестнице, оставил без внимания нарисованную руку с вытянутым пальцем и надпись «Бюро» на втором этаже. Добравшись до третьего этажа, он совсем расплылся в улыбке. Он принялся тихонько напевать «Ора Ли» и вошел в незапертую дверь.

На чердаке было просторно и темно, сквозь маленькие грязные окошки едва пробивался свет,

газовые рожки, расположенные на одинаковом расстоянии друг от друга, горели неровным светом. Дасти задержался, чтобы поздороваться с друзьями. Не отводя глаз, молчаливо глядели они на него из-под руки, щитком приложенной ко лбу, протягивая руки, безмолвно приветствуя его; полыхали неистовые краски головных уборов из перьев.

— Привет, Текумзе! Как дела, принцесса Красное Крыло! Оцеола, Покахонтас...

Показался невысокий румяный человек в длинном полосатом фартуке, передвигавшийся быстрой походкой; каждую из его щек украшал клочок похожих на снег волос, голову прикрывала шапка из газеты.

— Дасти, Дасти, чертовски рад тебя видеть! — воскликнул он.

— Привет, Чарли Воулз. Как дела в С.П.Хеннаберри?

Чарли покачал головой. «И хорошо, и плохо, — сказал он. — И хорошо, и плохо. Оскар напоролся рукой на гвоздь, когда ворошил дома какое-то награбленное добро, и она загноилась просто жуть как. Мы сначала боялись, как бы не было гангрены, но, по-моему, он пошел-таки, наконец, на поправку. Хотя работать не может, не-е-ет, не может работать. А Хеннери переусердствовал по части выпивки, опять запил, и мне кажется, он все еще в Брайдвелле, если только его срок не истек сегодня. А работа все копится и копится. Гром и молния, да: краснокожие, розанчики, помпейчики, два турка по заказу...»

— Два? — Дасти застыл, вытащив руки из рукавов куртки только наполовину, присвистнул.

Чарли с гордостью кивнул. «Господин из Чикаго открывает большой магазин, два турка и еще два сэра Уолтера. Единственно, что, — его румяное лицо затуманилось, — господин требует товар, говорит, если вскоре его не получит, закажет из Детройта. Ты ж понимаешь, что это значит, Дасти: стоит упустить клиентуру, и она уже назад не вернется. Да-а, бедняга майор все усы на себе повыдергал от беспокойства. Хотя, конечно, раз ты снова здесь...»

Дасти поджал губы, завязывая фартук. «Да вот, Чарли... ты ведь знаешь, мне всегда не больно нравились собственные работы по особым фигурам. Я хочу помочь майору Хеннаберри всем, чем только могу, но...» Он с сомнением покачал головой и начал раскладывать инструменты.

Чарли Воулз досадливо заохал. «Оскар и Хеннери делали турок, а потом один заболел, а другой запил. Я сделал трех первых сэров Уолтеров, но мне пришлось отвлечься, чтобы разобраться со срочными заказами на вождей. Вот если бы ты взял вождей на себя, мне удалось бы закончить особые. Как на твой взгляд?»

Дасти сказал, что на его взгляд — прекрасно. Он подошел к шахте гидравлического лифта и дважды пронзительно свистнул.

— Рассыльный! — крикнул он. — Рассыльный! Бенни?

С этажа, на котором находилось бюро, дискантом осведомились, он ли это, мистер Дасти, и сказали, что сейчас поднимутся. Судя по доносившемуся снизу топоту и тяжелому дыханию, кое-кто еще тоже вот-вот должен был подняться.

— Бенни, мне бы надо позавтракать, — сказал Дасти, кидая ему монетку. Вот четверть доллара. Принеси, как обычно, яичницу, оладьи, сосиски, гренки, кофе и жареных пирожков. Принеси пива м-ру Воулзу. А сдачу можешь оставить себе. Приветствую, майор Хеннаберри!

Клетка лифта медленно поднималась. Сначала показалась лысина майора Хеннаберри, затем его глаза горчичного цвета, красный нос и щеки, усы с проседью, а через некоторое время и сам тяжело дышащий майор. В руке он держал какую-то брошюру.

Майор медленно с присвистом прошел вперед, пожал Дасти руку.

— Не пойму, что случилось нынче с американскими мастеравыми, — проговорил он наконец с астматическим придыханием. — Похоже, они никак не могут удержаться в пределах города в трезвости и безопасности и ведут себя так, будто ворота ада разверзлись на денек... Есть у меня прекрасная белая сосна для тебя, мой мальчик, прямо с лесосклада. Не теряй ни минуты: сразу, как покончишь с едой, берись за работу. Если тебе нужен какой-то аванс, возьми у кассира, хоть доллар, хоть два, а то и золотую пятерку.

— С тех пор, как я вошел в дело, впервые у меня так много заказов и так мало людей для работы, —

продолжал майор, похрипывая. — Я даже подрядил для поисков Рэта Нолана, чтобы он прочесал Южную улицу и квартал дешевых притонов, пообещал ему по три доллара за каждого резчика, которого удастся найти. Ничего, ни одного не отыскал. Это из-за каталога поднялся такой бум, мальчик мой. Сила рекламы. Вот, прочитай за едой, мне будет приятно узнать, какого ты мнения.

Пыхтя и присвистывая, он пошел обратно к лифту, дернул два раза за веревку, медленно скрылся из виду.

Дасти повернулся к старому мастеровому. «Чарли, — медленно заговорил он, словно не успел до конца подобрать слова, — не слышать ли чего насчет Демута?»

Чарли скорчил гримасу: «Что бы ты хотел услышать об этой мерзкой конторе толкачей?»

Слегка изменив предмет расспросов, Дасти спросил: «Ну, а ты никогда не задумывался о значении деревянных индейцев для истории Америки?»

Старик почесал пушистую бакенбарду на левой щеке. «Черт побери, экие возвышенные речи, — сказал он с некоторой подозрительностью. — Хм-м. Ну, что я могу тебе сказать — истории, а? — разве что рекламные фигуры для табачных магазинов или еще там каких стали делать из-за парового двигателя. Точно. Мы, старики, все начинали тут, на Южной улице, резали носовые фигуры для парусников. Примерно в то время, когда старина Хеннаберри получил чин майора в отделении Коммерческих Зуавов, ну, ты знаешь, которые охраняли Нью-Йорк от мексиканцев. Да, сэр. Но когда пришел пар, носовые фигуры ушли. Что ж, это был еще не конец света».

И он рассказал о том, как он сам и его товарищи по ремеслу приложили свои умения в области изготовления рекламных фигур, являвшегося до тех пор делом довольно-таки случайным. «История, а? Ну, мне такое приходило в голову: вроде бы странно, чем меньше становится живых индейцев, тем сильнее прибывает деревянных. Но ты вообще зачем спрашиваешь, Дасти?»

Тщательно подбирая слова, Дасти предложил Чарли представить себе некоторое время в далеком будущем, когда деревянных индейцев — любые рекламные фигуры — перестанут вырезать из дерева.

Когда их, собственно говоря, на долгое время соеем позабудут, и они превратятся в совершеннейшую редкость. Но постепенно интерес к вождям возродится, и люди станут их коллекционировать, будто это древние статуи из мрамора, и попытаются узнать о них все, что можно.

И вот, некоторых из таких коллекционеров, назвавших себя Обществом Деревянных Индейцев, повергла в печаль мысль о повороте истории, заставшем врасплах деревянные фигуры, которые успели им полюбоваться. Они заявили, что упадок и гибель этого национального вида ремесел является поворотным пунктом в истории Америки.

— Как будто, Чарли, как будто тогда полностью пришел конец прежним временам, — продолжал Дон, — славным прежним временам, национальные ремесла и национальная целостность потерпели окончательное поражение перед лицом новых, злых сил индустриализации. Они все думали об этом, и в них накапливалась горечь, и мысли их становились все мрачней. Пока они не принялись наконец строить замыслы о том, как бы отменить происшедшее. Они считали так; если бы они смогли путешествовать из своего времени в наше время, как мы ездим отсюда, скажем, в Бруклин...

Что из этого сможет понять Чарли? Вероятно, не следовало и пытаться.

Дон Дасти заговорил быстрее: «Если бы им удалось перенестись в данный период времени, они смогли бы уберечь деревянных индейцев от гибели. И тогда огромные перемены к худшему никогда бы не произошли. Старые времена и нравы не претерпели бы изменений или, по крайней мере, менялись бы медленно».

— Ты хочешь сказать, им взбрело в голову, будто они, вероятно, сумеют изменить ход истории Америки, если им удастся изменить то, что случилось с деревянными индейцами?

Дасти кивнул.

Чарли рассмеялся: «Ну, они просто сумасшедшие, то есть были бы, если бы такие люди вообще существовали, верно? Потому что никак невозможно...»

Дасти заморгал. Потом его лицо просветлело: «Нет, конечно, невозможно. Просто мрачная мысль от дурного настроения. А вот и Бен, несет мне завтрак».

Чарли взял пиво с уставленного едой подноса, жестом поблагодарил, выпил его, поставил стеклянную кружку, громко крикнув от удовольствия. Неожиданная мысль пришла ему в голову, и он наморщил лоб: «А позволь вот о чем тебя спросить, Дасти. Что же могло такое произойти, чтобы заглохло столь необходимое, прочно устоявшееся дело, как производство рекламных фигур? М-м-м?»

Дасти сказал, что эти люди из Общества Деревянных Индейцев, как нарисовало ему мрачное воображение, очень тщательно все расследовали. И пришли к сильнейшему и глубочайшему убеждению, что событием, погубившим деревянных индейцев и так ужасно изменившим историю Америки к худшему, явилось изобретение и введение в рыночное обращение индейцев, изготовленных из чугуна или цинка. Индейцев без души, без сердца, без красоты, без жизни, которые, впрочем, никогда не изнашиваются и не требуют замены.

И их будут продавать настолько удачно, что из-за них погибнет деревянная резьба, а в то же время в людях пропадет привязанность к этим новым рекламным фигурам.

Чарли пришел в изумление: «Что ты, это было бы ужасно, Дасти... такое кого хочешь в самое сердце поразит! Чугун! Цинк! Но вот что я тебе скажу, если бы когда-нибудь какая-нибудь компания и натворила бы такое, есть всего одна, способная на это. „Демут“. Вот кто. Я не ошибся?»

Дасти опустил голову. Тихим прерывающимся голосом сказал: «Ты не ошибся».

Дасти прислонил каталог к сосновой дощечке, принялся читать за едой.

— Не знаю, почему, — сказал он старику Чарли, — на меня тут такой аппетит находит. Я вообще не завтракаю, когда я... — Он замолчал, засунул в рот кусок сосиски, стал внимательно читать.

«С уважением предлагаем для обозрения широкой публики большой и богатый ассортимент наших ДЕРЕВЯННЫХ РЕКЛАМНЫХ ФИГУР, которые мы постоянно производим для предприятий всех видов, например: МАГАЗИНЫ СИГАР, ВИНА и КРЕПКИХ НАПИТКОВ, СУДОВЫЕ ПОСТАВЩИКИ, ИЗГОТОВИТЕЛИ ИНСТРУМЕНТОВ, АПТЕКАРИ; ГАЛАНТЕРЕЯ ЯНКИ, ЗОНТЫ, ОДЕЖДА, КИТАЙСКИЕ ЧАЙНЫЕ МАГАЗИНЫ, ОРУЖЕЙНИКИ, МЯСНИКИ и т. д. и т. п. Наши фигуры, вырезанные и раскрашенные с непревзойденным мастерством, надежны и исполнены на высоком художественном уровне, мы продаем их по самым низким из существующих цен. К нам постоянно поступают заказы на статуи и символические изображения, мы можем быстро поставить вышеуказанные предметы любого необходимого образца».

Сосиска была свежая, вкусная, и кофе тоже. Дасти увлеченно жевал и глотал, медленно перелистывая каталог.

«НАШ НОМЕР 23. Краснокожий, мужчина, высота 5 футов, пучок из 20 шт. в вытянутой руке (прав.), окраска обычная. Прекрасная рекламная фигура основного типа, которую без стыда может выставить любое предприятие средних размеров. В конкурирующих фирмах до 75 долларов. Цена у С.П.Хеннаберри: 50 долларов без аксессуаров (в боевом шлеме 55 долларов).

Примечание. Абсолютно невозможно указать стоимость фигур, присылаемых по почте в счет оплаты новых, так как она зависит от возраста, размеров, состояния фигуры, а также от рыночных условий на данный момент времени.

НАШ НОМЕР 24. То же, что и выше, с мушкетом вместо томагавка.

НАШ НОМЕР 36. Турок, мужчина, высота 6 футов, для магазинов, торгующих турецким табаком, многоцветный турок, сжимающий обеими руками длинный лист, тюрбан двухцветный, окраска на выбор. ТОЛЬКО У С.П.ХЕННАБЕРРИ: 165 долларов (с бородой и длинной трубкой +5 долларов)».

Когда Дасти покончил с завтраком, они пошли наверх, но задержались на четвертом этаже (фигуры, бывшие в употреблении), чтобы поздороваться с Отто и Лэрри.

Молодой Лэрри считался пока учеником, а потому ему не разрешалось выходить за пределы замены рук, кистей рук, носов и прочих дополнительных частей.

Отто, без сомнения, являлся искусным резчиком, но имелись очки не в пользу Отто. В своем родном

Тироле Отто обучился в юные годы святой иконографии; в годы зрелости в Америке Отто приучился пить. В результате, когда он бывал навеселе, — если только тщательно за ним не присматривать, в его индейцах появлялась некая святость, рождавшая в покупателях смутное чувство вины. С другой стороны, стоило Отто протрезвиться, как в чертах его вождей проступал до некоторой степени апокалиптический ужас, неизменно отпугивавший клиентов.

В силу этого Отто поручали работу над дополнительными частями: пучками сигар, коробками сигар, пучками табачных листьев, табачными листьями, нанизанными на шпагат, гирляндами табачных листьев, ножами, томагавками всем, что вкладывали в руки фигурам, и столь же безопасные задачи, например, соскабливание старой краски, обработку шкуркой, перекрашивание и нанесение завершающих штрихов.

Глаза его покраснели от полопавшихся сосудов, он грустно кивнул Дасти и Чарли, раскрашивая охрой и киноварью боевой шлем. «Ох, Иисусе», — тихо простонал он.

Поднявшись на склад, они осмотрели деревянные бруски. «Тебе ведь вовсе не обязательно доделывать те, что я начал, — сказал Чарли. — Возьми новые, если хочешь. Правда, я только набросал очертания и вроде как чуть их прорезал. И сделал наверху дырки для болтов».

Дасти отошел и прищурился. «О, Чарли, по-моему они отлично подойдут, — сказал он. — Ну, давай переправим их вниз».

Они так и сделали, и Чарли вернулся к работе над сэром Уолтером. Он стал осторожно вырезать на плаще барельефную надпись «Вирджинский табак».

Дасти взял топор и приблизительно наметил, где будет голова, туловище до пояса, вчерне набросал ноги и ступни. Затем он вставил железный болт в пятидюймовое отверстие, заготовленное для него, и отклонил брус назад, так чтобы выступающая часть болта уперлась в подставку. Когда голова и туловище будут закончены, он таким же образом поднимет нижнюю часть фигуры.

Покончив наконец с разметкой, он взял киянку и стамеску.

— Теперь я нанесу удар во имя свободы, — сказал он.

С радостной улыбкой он принялся стучать киянкой. Песенка, которую он напевал, называлась «Ора Ли».

Дон Дасти Бенедикт украдкой пробрался в мастерскую, но притаиться ему не удалось. До него донесся скрежет передвигаемого стула, и он понял, что его зять Уолтер там, наверху. Еще через секунду Уолтер и сам сообщил об этом Дону с акцентом, вероятно, куда сильнее отдававшим Югом, чем в те времена, когда он еще мальчишкой перебрался на Север.

— Дон, мы наверху.

— Благодарю за информацию, — пробормотал Дон.

— Дон, мы *наверху*.

— Да, Уолтер. Ладно, сейчас приду.

Вместо приветствия Уолтер зафыркал на него: «С какой, к черту, стати ты вечно надеваешь эти дурацкие одежды, когда куда-то едешь? Хотя это неважно. Мне просто хотелось бы *самому* иметь возможность вот так сняться и уехать, когда появится настроение. Где ты побывал на этот раз?»

— Сиракузы, — промямлил Дон.

— Сиракузы. Новый американский край отдыха. — Уолтер неприятно рассмеялся. — Дон, ты вправду считаешь, что я тебе поверю? Сиракузы! Почему бы просто не сказать откровенно: «У меня женщина»? И все. Я бы и слова не вымолвил. — Он налил себе несколько глотков шотландского виски Дона.

«Да уж, пожалуй, не вымолвил бы», — подумал Дон. Вслух: «Как ты, Мэри?» Сестра ответила, что все прекрасно, вздохнула, почти сразу же подавила вздох, заметив кислую мину супруга.

Уолтер сказал: «Заходил Роджер Таунз. Для тебя еще одна продажа, а для меня — комиссионные. Я их заработал, уж поверь, долго заливал ему, что Музей Современного Искусства гоняется за твоими

последними произведениями. Так что он попросил меня пустить в ход собственное влияние. Он снова придет, он ее возьмет. При таком ходе дел Современное Искусство и впрямь скоро станет за тобой гоняться».

Про себя Дон счел это маловероятным, хотя все возможно в этом мире, лишенном ценностей. Он вовсе не «современный художник, работающий в области свободных форм», уж, если на то пошло, он вообще не художник. Он ремесленник в мире, которому ремесленники без нужды.

— Но *только*... — еще одно из сонма качеств, позволявших переносить отсутствие Уолтера с такой легкостью: Уолтер любил тыкать пальцем, — но *только*, если ты закончишь эту проклятую штуку. Пора бы уже, верно? Я имею в виду, отдых дело хорошее, но счета...

Дон сказал: «Ну, мои дела в надежных руках, а именно в твоих».

Уолтер встал на дыбы: «Если ты это в насмешку!.. Слушай, я в любой момент могу найти себе другое занятие. В действительности я уже рассматриваю кое-что чертовски многообещающее. Фирма продает канадские акции. Зашел к ним вчера. „Мистер Свифт, вы именно тот человек, который нам нужен, — сказали мне. — С вашим богатым опытом и знанием человеческого характера...”

Уолтер вызывающе посмотрел в лицо шурина, словно предлагая как-то проявить полнейшее отсутствие веры в его слова, которое испытывал Дон; Уолтер отдавал себе в этом отчет. Дон уже перестал делать вид, будто реагирует на его вранье. Он просто оставлял его без внимания — он вообще просто терпел Уолтера — ради сестры. И возвращался сюда только из-за нее и детишек.

— Я хотел бы выпить, — сказал Дон, когда Уолт замолк.

Обед проходил, как проходили все обеды. Уолт говорил почти непрерывно, в основном об Уолте. Дон заметил, что его собственные мысли опять заняты Обществом Деревянных Индейцев. Дервентуотер, заканчивающий каждую речь словами: «*Delendo est Demuth's!*»^[46] Гамперт и его вечное: «Всего лишь брусок динамита, Дон, всего один!» Рычание Де Джиованетти: «Дай нам уравнение, и мы сами все сделаем!»

Глупцы! Им пришлось бы разузнать имена всех людей, которым пришла в голову идея насчет отвратительных металлических индейцев, устроить резню на Канальной улице. Нелепость. Абсурд.

Нет, Элвелл оказался прав. Не зная, как именно осуществить дело презервации, он тем не менее трудился долгие годы, создавая средство для его выполнения. И только доведя работу до конца, он смог в полной мере оценить непримиримость ОДИ. И, оценив ее, обратился к Дону.

— Прими эстафету, — попросил он. — Пусть каждый твой вождь будет создан с такой любовью, что грядущие поколения просто не смогут их уничтожить.

И Дон попытался. Способности к работе всегда были в нем, они пытались пробиться на свет, а он совсем этого не понимал!

Постепенно становилось все труднее игнорировать звук голоса Уолтера.

— ...и новая машина тебе тоже понадобится. Я уже недолго смогу водить эту развалюху. Ей два года, будь она проклята!

— Я хотел бы выпить, — сказал Дон.

К моменту неожиданного прибытия Эдгара Фелда Дон успел выпить уже не раз.

— Я не только взял на себя смелость явиться без предупреждения, во и привел с собой друга, м-ра Уайта, — сказал торговец произведениями искусства. Он был невысок и весьма ухожен. М-р Уайт был художав и незлобив.

— Друзей Эдгара следует остерегаться, — сказал Дон. — Вам чего налить выпить?

Уолт сказал, что они несомненно хотят побывать в мастерской. А времени, чтобы выпить, у них предостаточно.

— Времени? — пробормотал Дон. — Да что ты в этом понимаешь?

— Проходите прямо сюда, — громко сказал Уолт, бросив на шурину убийственный взгляд. — Мы думаем, мы склонны, — сказал он, снимая покрывало с огромной скульптуры, — назвать ее Близнецы...

Дон добродушно заметил, что ее ведь надо *как-то* назвать, а Близнецы, по его мнению, звучит лучше, чем Большая Почка.

М-р Уайт рассмеялся. Эдгар Фелд рассмеялся следом, но не совсем от души: «Из всех современных художников, работающих по дереву или прочим материалам, м-р Бенедикт, как никто другой, склонен умалять достоинства своих работ и относится к себе очень скромно».

М-р Уайт сказал, что это весьма похвально. Он спросил Дона, не хочет ли он выкурить сигару.

— И впрямь хочу! — согласился скромный художник. — В наше время воздухом стало невозможно дышать из-за дыма сигарет, бензиновых и дизельных выхлопных газов... Так, значит, Эдгар пытается впутать вас в область современного искусства, а, Уайти?

— Хо-хо! — неискренне засмеялся Эдгар Фелд.

— Ничего нет лучше хорошей сигары, — с удовольствием пуская клубы дыма, сказал Дон.

Уайт застенчиво сказал, что еще только начинает изучать современное искусство. «Раньше я собирал предметы, характерные для американской культуры», — пояснил он.

Эдгар Фелд сообщил, что прежде м-р Уайт владел коллекцией деревянных индейцев. Он говорил тоном, подразумевающим, что это нельзя воспринимать всерьез, но и открытое насмехательство неуместно.

Дон поставил стакан, который принес с собой. Нет, м-р Уайт вряд ли годится как материал для ОДИ. Опасности нет: «Правда? У вас случайно нет работ Тома Милларда? Том вырезал несколько лучших из когда-либо произведенных на свет фигур краснокожих».

Лицо м-ра Уайта просветлело. «Вы тоже увлекаетесь деревянными индейцами? — воскликнул он. — Да-да, у меня и вправду были две фигуры краснокожих Милларда и один из его помпейчиков...»

Уолт загоготал: «Кто такие краснокожие и помпейчики?»

— Краснокожий — это фигура индейского вождя с простертой рукой, сказал Дон. — Помпейчик — это мальчишка-негр.

— Розанчик, — с радостью принялся развивать эту тему м-р Уайт, — это фигура скво. Скаут держит руку щитом над глазами. Том Миллард, ах, да! Еще у меня были работы Джона Кромвелла, Ника Коллинза, Томаса В.Брукса и Тома Уайта, моего тезки. Слушайте! Может, вы сможете мне сказать: Леопольд Швагер был предприниматель или художник?

Дон Бенедикт презрительно рассмеялся: «Леопольд Швагер был торговец барахлом! Скупал старые фигуры по пять-десять долларов, шпаклевал их, красил и продавал по двадцать пять». «Кобб! — неожиданно воскликнул он. У вас есть что-нибудь из работ Кобба, м-р Уайт?»

— Кобба с Канальной улицы? Нет, мне всегда хотелось приобрести, но...

Эдгар Фелд взглянул на Уолтера Свифта, прокашлялся: «Послушайте, Дон...»

— Кобб с Канальной улицы, — громко сказал Дон, — никогда не пользовался киянкой. Нет, сэр. Вгонял резец ладонью руки. А потом был еще Чарли Воулз...

Фелд повысил голос, заглушая слова Дона: «Да, мы непременно поговорим когда-нибудь об этом восхитительном, хотя и устаревшем виде искусства. Не хотите ли подойти чуть поближе к Близнецам, м-р Уайт?»

— Да, Уайт, провались оно все, покупайте проклятых Близнецов, чтобы они перестали нам досаждать, и тогда мы сможем поговорить о *настоящем* искусстве, — сказал Дон.

И сможем забыть про Уолтера, Демута и ОДИ, — добавил он про себя.

На следующее утро он попытался вспомнить, что же произошло потом. Уайт *купил* бесформенную деревянную глыбу, которую Уолт назвал Близнецами. (Что он скажет Роджеру Дауну, частному

коллекционеру? Наврет с три короба, будьте уверены.) Он точно помнил, как Уайт вынул чековую книжку. А потом? Неясная картина: Уайт рассматривает полированную поверхность, указывая на что-то...

Дону Бенедикту была остро необходима чашка кофе. Его комната находилась рядом с мастерской, а там когда-то стояла электроплитка, но Уолт распорядился, чтобы ее убрали в целях безопасности. И теперь, когда Дону хотелось выпить кофе, ему приходилось подниматься в квартиру к Уолту. Уолту нравилось, чтобы все происходило таким образом: младший брат идет к старшему. Что ж, ничего не поделаешь. Дон отправился наверх, предвкушая холодные взгляды, резкие замечания на каждом шагу.

Однако этим утром Уолт был сама любезность. Кофе оказался уже готов, Уолт налил его в чашку прежде, чем Дон успел войти в кухню. Когда он выпил одну чашку (напитка из незакипевшей воды, растворимого кофе и холодного, как лед, молока), Уолт всучил ему вторую. Чтобы избежать препирательств, он взял ее.

По неискренне приветливому тону Уолтера Дон понял, что затевается нечто. Он проглотил чуть теплую жижу и встал: «Спасибо. До скорого, Уолтер...»

Но Уолтер потянулся к нему и взял его под руку. «Давай поговорим о Копях Пропавшего Голландца. („О чем?“) Об испанских сокровищах. („Я не...“) Пишется э-эл-вэ-е-два эл», — с хитрым и в то же время ликующим видом сказал Уолтер.

Дон тяжело опустился на сидение.

— Не знаешь, что подразумевается под этими образными выражениями? Странно. Вчера знал. Собственно говоря, ты их сам придумал, — сказал Уолтер, поджав губы и подло забавляясь. Он освежит кое-что в памяти Дона, Вчера вечером м-р Уайт спросил Дона, откуда у него столько сведений о временах, когда делали деревянных индейцев. Дон рассмеялся. «Пожилой старатель, с которым я подружился, оставил мне карту, где отмечены Копи Пропавшего Голландца, — сказал он, размахивая стаканом. — Испанские сокровища».

Озадаченный м-р Уайт спросил, что он имеет в виду, а Дон ответил: «Это несложно. Просто надо обойти вокруг лошадей». Так что же, что именно подразумевалось под этими словами Дона?

— Уолтер, я, вероятно, был пьян.

— О да, ты был пьян, это точно. Но *in vino veritas*... Так вот, я все это весьма тщательно обдумал, Дон. По-моему, «старая крыса пустыни», о которой ты упоминал, и есть тот самый Элвелл, который поскользнулся на льду поза-позапрошлой зимой. Которого ты отвез в больницу и регулярно навещал до самой его смерти. Я прав, Дон? Прав?

Дон сокрушенно кивнул. «Проклятый алкоголь», — сказал он вдобавок.

— Вот *теперь* мы несколько продвинулись вперед, — сказал Уолт. *О'кей*. Теперь насчет этой карты с копиями. Мне известно, что он оставил тебе эту чертову записную книжку. Это мне известно. Но я очень внимательно ее просмотрел и нашел всего лишь кучу накаляканых цифр, уравнений или как их, к черту, называют. Но ведь в ней было еще что-то, верно? То, что ты вынул. Что именно — до этого мы еще доберемся. Так... и как раз вслед за этим ты повадился ездить на отдых. Это вызвало у меня любопытство. Странная одежда, которую ты надевал.

Дон застыл в напряжении, он сидел в светлой чистенькой кухне и смотрел, как вздымается волна. Ничто не удерживало его в данном месте, только Мэри и дети, а он любил их с такой же самоотверженностью, с какой они любили его. Когда-то он обрадовался появлению Уолта; был счастлив, когда они поженились; несчастлив, когда подлинный характер Уолта заявил о себе; был очень доволен, когда представился случай предложить шурину «место». Дурные предчувствия, возникшие, когда некоторые люди и вправду изъявили желание приобрести бесформенные деревянные штуки, которые он сделал почти без всякой цели (ведь он понимал, что он не скульптор, а мастеровой), исчезли, стоило ему понять, что это идеальный способ содержания Мэри и детей.

Разумеется, с течением времени Дону удалось организовать большую часть «сделок по продаже». Трата времени на вытесывание деревянных кошмаров, которые приобретали для «частных коллекций», была прискорбна. Вся система оказалась ужасно неуклюжей, но во всяком случае она служила, и успешно,

единственной своей цели: созданию мира, в котором Уолтер был бы доволен, а Мэри счастлива.

Или служила до сих пор.

Что же произойдет теперь, ведь Уолтер вот-вот все раскроет?

— А Сиракузы, что за дурацкое алиби! Я, конечно, решил, что у тебя есть женщина, которую ты скрываешь и впустую тратишь время, вместо того чтобы работать, так что... ну, мне хотелось разузнать, кто она такая, где живет. И поэтому всякий раз, как ты возвращался из этих самых «поездок на отдых», я проверял твои карманы...

— Уолтер, не может быть!

Но разумеется, он распрекрасно знал, что так оно и было. Знал уже давно, что Уолтер этим занимается. Действовал соответственно. Вместо того чтобы прятать улики, он нарочно их подсовывал, да таким образом, что исходя из них нельзя было не придти к одному-единственному выводу.

— Какая куча барахла! — насмехался Уолтер. — Как будто кто-то подметал лавку старьевщика и скинул весь мусор к тебе в карманы. Корешки квитанций со странным старинным шрифтом, вырезки из газет многолетней давности и все такое прочее. *Однако*, — он торжествующе ткнул в Дона толстым пальцем, деньги есть деньги, и неважно, сколько им лет. Верно? *Совершенно* верно! Старые долларовые бумажки, старинные золотые монеты. Время от времени. Ты не особо осторожничал, приятель. Так что давай, *что же* за «Испанское Сокровище» ты выкачиваешь? Выкладывай детали, сынок, а не то мне станет здорово грустно. А когда мне грустно, Мэри тоже...

Он говорил чистую правду. Дон уже давно это понял. А если Мэри не в состоянии себя защитить, разве дети смогут уберечься?

— Видишь ли, Дон, мне надоело жалкое существование из десяти процентов. Во мне говорит великое старинное американское желание: я хочу иметь собственное дело. А ты снабдишь меня капиталом. Итак, еще раз — последний — выкладывай детали.

Может, пришло время сказать ему? И после тяжелых раздумий возник ответ: «Да, настало время, время сказать правду». На душе у него сразу стало легко и весело, тяжкий груз (как ужасно долго, неизменно, привычно) свалился с его плеч.

— М-р Элвелл, пожилой джентльмен, поскользнувшийся на льду, ты не ошибся на этот счет, Уолтер...

Лицо Уолтера расплылось в привычной самодовольной улыбке.

— М-р Элвелл работал учителем математики в средней школе в конце квартала. Представь себе: такой гений и вколачивает алгебру в головы унылых детей! Но его это не сломило, ведь он просто зарабатывал на жизнь таким образом. А главным смыслом его жизни были пространственно-временные теоремы. Мы называли их «Уравнениями Элвелла»...

Уолтер фыркнул: «Ты хочешь сказать, что старый калека путешествовал во времени и оставил тебе свою машину?»

— Это не машина. Это просто... ну, как я понимаю, это и в *самом деле* что-то вроде карты. Он пытался разъяснить мне свои теории, но я никак не смог их понять. Они вроде чем-то похожи на шахматные задачи — в *них* я тоже никогда не мог ничего уразуметь. И когда мы договорились, что я отправлюсь в 1880 год, он мне все написал. Это вроде схемы. Нужно идти то вперед, то назад, то вверх, то вниз и через некоторое время...

— Через некоторое время оказываешься в 1880 году?

— Именно так.

На лице Уолтера возникло своеобразное выражение. «Я предполагал, ты попытаешься утаить от меня то, что я уже и сам сообразил», — сказал он, и преувеличенная тягучесть его южного выговора достигла предела. Он впервые говорил так с Доном, хотя тому чрезвычайно часто доводилось слышать, как подобный выговор звучал в разговорах с Мэри и детьми: «Карта, все те улики, которые ты по глупости оставлял в карманах, и уж самая большая глупость: ты вырезал свою корявую подпись на каждом из многих дюжин старых деревянных индейцев. Думаешь, я не в состоянии сообразить, что к чему?»

— Но то было на Канальной улице в 1880 году, а это теперь, — сказал Дон, старательно выражая голосом уныние. — Мне казалось, опасности нет.

Уолтер посмотрел на него. Уолтер, который за всю жизнь не заработал честно ни одного доллара и не потрудился хотя бы сделать вид, будто кормит жену, с тех пор как стали продаваться работы Дона, этот самый Уолтер спросил: «Ну хорошо, а почему 1880 год... и почему деревянные индейцы?»

Дон объяснил, что там он чувствовал себя в своей тарелке, что воздух там чище, еда вкусней, а русские представляют собой угрозу лишь для русских, что... вожди! Какое подлинное искреннее удовольствие, какая гордость рождались в нем, когда он вырезал эти фигуры.

Их *использовали*! В отличие от дурацких современных шуток, которые он производил в настоящем, вся ценность которых зиждется лишь на том, что торгашам вроде Эдгара Фелда удастся обмануть критиков и публику, и те верят в их достоинства.

Вряд ли Уолт что-либо расслышал.

— А сколько же денег ты можешь заработать, делая деревянных индейцев?

— По современным меркам не очень много. Но, понимаешь, Уолт, я вкладываю деньги.

Это и служило приманкой в расставленной им ловушке, и Уолт попался на нее, его зацепило: «Рынок! Будь оно все проклято, ну *конечно* же! Перспектива возникновения (впервые за всю его поганую карьеру) абсолютно верного дела, решительного шага, который непременно окажется метким броском, возможность перенестись туда, где ему будет известно наверняка, что произойдет дальше», — Уолтеру чуть не перехватило дыхание.

— Магнатом, — задыхаясь, проговорил он. — Ты мог бы стать магнатом, а тебя хватило лишь...

Дон сказал, что не хочет быть магнатом. Хочет просто вырезать деревянных...

— Да что там, я мог бы превратить нас в нечто получше магнатов! В королей! Императоров! Один самолет... — Он притих, когда Дон растолковал ему, что с помощью уравнения Элвелла можно переместить только человека вместе с одеждой и поклажей. «Люгеры, — забормотал он. Пистолеты-пулеметы. Если я стану миллионером, мне понадобятся телохранители. Гульд, Фиск, Морган — пусть глядят в оба, вот так-то».

Постепенно его взгляд снова сфокусировался на лице Дона. «И карту понесу я», — сказал он.

Он протянул руку. Неторопливо, как будто испытывая неисчислимые дурные предчувствия. Дон передал ему бумагу с уравнением Элвелла для 1880 года.

Уолтер посмотрел на нее, губы его зашевелились, брови изогнулись, и Дону вспомнилась его собственная растерянность, когда старик показал ему уравнение.

«...где *икс* — один шаг, а *игрек* — пять шестых гипотенузы прямоугольного треугольника, оба катета которого имеют длину *икс*...»

— Что ж, — сказал Уолтер, — а теперь перейдем к делу. — Он встал, вышел в гостиную, через минуту вернулся. Следом за ним шел человек с застывшим напряженным лицом фанатика. Он посмотрел на Дона горящими глазами.

— Эндерс! — воскликнул Дон.

— Где уравнение? — спросил Эндерс.

— О, оно у *меня*, — сказал Уолтер.

Он вынул его, дал Эндерсу мельком взглянуть, засунул к себе в карман. Он сделал шаг назад, поставил стул между собой и человеком из ОДИ.

— Не так сразу, — сказал он. — Оно у *меня*, у *меня* и останется. Пока что, по крайней мере. И давайте поговорим о деле. Где наличные?

Когда Эндерс, тяжело дыша, извлек пачку банкнот, Дон застонал: «Ох, Уолтер, что же ты наделал? Не бросай меня в ежевичные заросли, Братец Волк!»

— Это первая часть, — сказал Эндерс, игнорируя бывшего компаньона по ОДИ. — За эту сумму вы согласны отправиться на Канальную улицу в 1880 год и уничтожить любыми подручными средствами — печально известную фирму «Демут». В том случае, если ее члены после разрушения вновь примутся за то же дело, что маловероятно...

— Не займусь. Найдем на эти деньги самых лучших бандитов, положитесь на меня...

Эндерс заколебался.

Уолтер тут же сказал: «Нет, мы не сможем взять вас с собой. И больше не просите. Только мы с ним. Он мне понадобится, чтобы кое-что разнюхать. Когда вернемся, я свяжусь с вами. Как мы и условились, я принесу вам экземпляры нью-йоркских газет, сообщивших о взрыве или пожаре, происшедшем в фирме „Демут“. Вам пора».

Бросив на Дона единственный исполненный ненависти, не без примеси торжества, взгляд, Эндерс удалился. Дверь закрылась. Уолтер засмеялся.

— Ты не... — заговорил было Дон.

— Ни в коем случае. Что я, по-твоему, с ума сошел? Пусть он вместе со своими тронутыми приятелями ищет-свищет эти денежки. Малыш Донни, тебе, конечно, интересно, как это мне удалось сосчитать столбиком, сколько будет два плюс два. Ну, как только я сообразил, что «старатель» — это Элвелл, и увидел у тебя в кармане карточку члена ОДИ, я вспомнил, что раньше вы с ним вместе посещали эти самые собрания ОДИ, и я с ними связался. Они рассказали мне практически все, но я хотел получить от тебя подтверждение. Ладно, подымайся. Нам пора на прополку грядки с горохом.

Пока Уолт бился. Дону и Мэри удалось провести несколько минут вместе.

— Почему бы тебе просто не уйти. Дон? — просительно сказала она. — Я имею в виду навсегда; туда, где ему тебя не разыскать, там и остаться. Не беспокойся из-за меня и детей. Мы справимся.

— Но он же попытается выместить всю злость на тебе и на них.

— Я тебе говорю вполне серьезно: за нас не беспокойся. Понимаешь, не такой уж он плохой. Ох, временами на него находит, но только потому, что он так и не приспособился к жизни на Севере. Может, нам вернуться в его родной город — он все время об этом говорит — я думаю, там он вел бы себя иначе...

Он грустно слушал, как она говорит, разрываясь между желанием выручить брата из беды и надеждой на перемены, которые невозможны.

— Мэри, — перебил он, — тебе не нужно больше ни о чем беспокоиться. Я возьму Уолта с собой и пристрою его, в самом деле пристрою. И, слушай... он написал имя и адрес на обороте составленного сестрой списка покупок, сходи к этому человеку. Я вкладывал деньги в его фирму, там предостаточно для тебя и детей... даже если с Уолтом и со мной случится что-нибудь неладное. Этот человек позаботится обо всех твоих расходах.

Она молча кивнула. Они улыбнулись, пожали друг другу руки. Никакой необходимости заключать друг друга в объятия, говорить: «Поцелуй детей».

Уолтер возвратился, насвистывая «Дикси»[\[47\]](#).

— Пошли, — сказал он.

— До свидания. Дон, — сказал Мэри.

— До свидания, Мэри, — сказал Дон.

В тот день Дон Бенедикт и Уолтер Свифт посетили театрального костюмера и нумизмата, а затем пошли на станцию метро «Канальная улица». Те, кому приходилось иметь дело с этим подземным перекрестком Манхэттена, знают, насколько он огромен и схож с лабиринтом. Лишь несколько человек вяло посмотрели на них с пустым любопытством, пока они вышагивали в соответствии с математической картой покойного м-ра Элвелла. Никто не стоял поблизости, когда они прошли под вывеской, на которой красными буквами значилось «Линия Канарси», и исчезли.

Почувствовав под ногами плиты мостовой, Уолтер мигом обернулся и стал смотреть. Вместо коридора

с белой плиткой он увидел влажную каменную стену. Мгновение он стоял, чуть слышно ругаясь. Затем рассмеялся.

— Полный карман длинной зелени[48], а в другом — золотые десятки! — воскликнул он. — Куда отправимся сначала? Эри или центральные общинные земли Нью-Йорка?[49] Нет, сначала я хочу увидеть место, где ты работаешь. О да, хочу. Упрямыство ничего тебе не даст. Показывай дорогу.

Дону хотелось постепенно подвести Уолта к конторе Хеннаберри, а потому он вывел его сначала на Канальную улицу. Комиссионный магазин Леопольда Швагера находился на другой стороне, вдоль по тротуару выстроились престарелые вожди. В двух шагах оттуда находились прочие заведения, торгующие рекламными фигурами, с нарядными вывесками, флагами и фигурами, выставленными на обозрение. Стучали копыта, мимо проезжали кэбы, подводы, телеги, частные экипажи.

Уолтер увлеченно наблюдал за движением вокруг, бросая на женщин плотоядные взгляды; по-видимому, это соответствовало его представлениям о наилучших манерах сердцеедов 1880 года. Потом он наморщил нос.

— Будь оно все проклято, — сказал он. — Я не думал, что от администрации Хейеса[50] так мощно несло лошадьми. Но тебе это, видимо, по вкусу? Да, — презрительно сказал он, — скорее всего. Что ж, наслаждайся, пока можешь. Я намерен получить патент на двигатель внутреннего сгорания, как только мне удастся раскопать кое-какие старые чертежи.

Дон почувствовал, как у него холодеет кожа.

— Вероятно, Джон Д.Рокфеллер очень, оч-чень сильно заинтересуется, ликующе заявил Уолт. — Да что там, лет через пять ты эту самую улицу просто не узнаешь... На что ты показываешь?

Дон махнул рукой в ту сторону, где у входа в магазин стоял скаут в полном боевом оперении, а на навесе виднелась надпись «Август Шварц Сегар Предпр-тель а также Нюхательный Табак, Прессованный и Крученный Жевательный Табак, Прессованный Табак для Курения».

— Один из моих, — сказал он, и к ощущению гордости приметалось растущее чувство решимости.

Уолтер проворчал: «Больше у тебя времени на такого рода штучки не будет, ты понадобишься мне самому. Кроме того... а почему бы и нет? Ввести машины для изготовления сигарет. Начать мощную рекламную кампанию, чтобы каждый американец старше шестнадцати лет засунул в рот сигарету».

По улице, пошатываясь, шел пьяный матрос, он пел «Милая Ида Джейн из Портленда, штат Мейн». Дон машинально посторонился и дал ему пройти.

— Но если ты это сделаешь, — сказал он, уже ничуть не сомневаясь, что так и будет, если только Уолтеру это удастся, — тогда совсем не станет... никому не понадобится... я хочу сказать, моя работа...

Уолтер раздраженно сказал: «Я же говорю, у тебя не будет времени, чтобы заниматься ерундой с киянкой и резцом. А теперь давай-ка поглядим на твои копии с деревянными индейцами».

Дон повел себя так, будто, по его мнению, ничто уже не имело никакого значения, он повернулся и пошел, указывая дорогу к кирпичному зданию, где фирма «С.П.Хеннаберри, Рекламные Фигуры и Символические Изображения» вела свои дела. Мальчишка-посыльный Бен оторвался от нескончаемого стирания пыли с предназначенных на продажу фигур, чтобы помахать рукой и поздороваться. Он пристально поглядел на Уолта.

В глубине здания находилось бюро, где старик Ван Уорт, клерк-кассир, и старик Консидайн, клерк-бухгалтер, как обычно, корпели над книгами, сидя на высоких табуретках. На стене висела грязная фотография в задрапированной черной тканью рамке с надписью «Досточтим. Уим. Марси Твид, Великий Вождь Колумбийского Ордена св. Таммани»[51], а под фотографией располагался майор собственной персоной.

— Так вот это место! — провозгласил Уолтер, и мощные звуки наигранного южного акцента разнеслись по комнате. Друг майора Хеннаберри, полковник Кокс, сидевший на краю стола, отрезая себе кусочек жевательного табака, подпрыгнул, словно ужаленный дробиной. Его изрядно засаленная фуражка из котика сползла, закрыв один глаз.

— Кого у тебя тут только не бывает, верно, Сефас? — проворчал он. Могу лишь одно сказать: я побывал в Фредериксбурге, я побывал в Шило и могу лишь одно сказать: хороший повстанец — это мертвый повстанец!

Майор и сам ненавидел повстанцев со страстью, доступной лишь демократу Таммани, чьи доходные спекуляции заблаговременно приобретенным хлопком прервались на четыре долгих неурожайных года, о чем Дон прекрасно знал. Знал он и о том, что майор без проволочек разделяется со сторонниками Пропавшего Дела и со всеми прочими людьми, вынудившими его пойти на издержки или создавшими угрозу оных, стоило только ввести его в курс дела.

И сейчас майор поднял взгляд, глаза его холодно блеснули, задержавшись на Уолтере, который с любопытством осматривал не слишком чистую комнату: Да, сэр, чем могу служить, сэр? Может, хорошую фигуру краснокожего? Могу предложить по бросовой цене Шотландского Горца с моделью мельницы для нюхательного табака в руках, без дополнительной платы за шотландский берет. А-а, Дасти. Рад тебя видеть...

«Дасти» невнятно представил всех друг другу. Как быстро все изменилось — однако далеко не в лучшую сторону — и как парадоксально: он отказался выполнить требование ОДИ изменить прошлое при помощи насилия, чтобы на неопределенный срок оттянуть приход модернизма, а теперь из-за этого ему придется увидеть собственными глазами, как модернизм наступит чуть ли не сразу. Конечно, если только...

— Зять, да? — сказал майор Хеннаберри, начиная похрипывать. — Дасти кое-что о вас рассказывал. — Он резко обернулся к Дону Дасти. — Мальчик мой, что это такое рассказал мне Чарли Воулз, будто Демут строит какие-то дьявольские планы насчет производства чугунных рекламных фигур? — Дасти вздрогнул, и это движение не укрылось от наблюдательного, хоть и налитого кровью взгляда человека, являвшегося в данное время его нанимателем: «Так это *правда*? Ужасное, бесовское дело. Стоило мне об этом услышать, как у меня сызнова заболела печень. С тех пор сижу на целебных настоях».

Уолт со злобой накинудся на шурина: «Кто тебе велел раскрывать свой дурацкий проклятый рот?»

Слегка лиловые губы майора разделились, растянулись в гримасу, несомненно задуманную как улыбка.

— Ладно, джентльмены, — сказал он, — не будем ссориться. Чему быть, того не миновать, а?

— Вот *теперь* вы дело говорите, — сказал Уолт и, явно не понимая, что они с Хеннаберри имеют в виду совершенно разные вещи, добавил: — Все переменится, но вы к этому привыкнете.

Видя, что майор начинает хрипеть в приливе неумейной ярости, Дасти понял, что возникла необходимость в каталитическом действии. «Не выпить ли нам, майор? — предложил он. — Особой Рэта Нолана?»

Лицо майора приняло обычное выражение, он позвал Бена, теперь уже только кивая и присвистывая. Достав монетку из кошелька для мелочи, он сказал: «Сбегай в кабак к Хитрюжке, принеси стаканов и кувшин ромовой смеси. И спроси Хитрюжку, не знает ли он, где Нолан. У меня к нему дело».

Мальчик умчался вприпрыжку, и наступило недолгое напряженное молчание. Затем заговорил полковник Кокс, из уголков его рта от предвкушения просочилась коричневая жижа: «Я был на острове номер десять, и я был на горе Кенисо, и говорю вам: хороший повстанец — мертвый повстанец».

Уолт ухмыльнулся и ничего не говорил, пока Бен не вернулся с выпивкой.

— Ну что же, это не шотландское виски со льдом, — сказал он, отпив чуть-чуть, — но тоже неплохо.

Он мельком бросил безразличный взгляд на невысокого изворотливого человека с Бернсайдовскими бакенбардами, который пришел вместе с Беном и принес стаканы.

— За науку, за изобретения! — вскричал Уолт. — За прогресс! — Он наполовину осушил стакан. Лицо его позеленело, затем побелело. Он начал было сползать набок, но человечек с бакенбардами подхватил его.

— Ну-ну, простофиля, потихоньку, — сказал м-р Рэт [\[52\]](#). Нолан, а это был именно он. — Надо же, надо же! Надеюсь, это не приступ той самой холеры морбус, которая так широко распространена. Думаю, нам

лучше отправить его к доктору, верно, джентльмены?

Майор Хеннаберри сказал, что на этот счет нет никаких сомнений. Он с трудом подошел к шахте лифта, пронзительно свистнул. «Чарли? — позвал он. — Лэрри? Оскар? Отто? Хеннери? Спускайтесь сюда, быстро!»

Дасти оправился от изумления, вызванного гладкостью всего происшедшего. Он засунул руку в карман пиджака Уолтера и вынул бумажку с Уравнением Элвелла. Теперь он в безопасности, и Канальная улица, и 1880 год тоже. А что касается событий, которые произойдут, когда Уолтер придет в себя после этого странного приступа... ну, будет видно.

Из лифта вышли сотрудники фирмы с явным глубоким интересом на лицах. Очевидно, Бен улучил минутку, пока исполнял поручение, и перекинулся с ними парой слов. Майор Хеннаберри махнул рукой в сторону серолицего Уолтера, прислоненного к заботливому м-ру Рэту Нолану, крепко державшему его.

— Джентльмену стало плохо, — объяснил майор. — Пусть двое из вас выйдут и попробуют найти кэб — Сноу Фергюссона или Блинки Пула, или кого-нибудь из этих шаромыжников — и скажите, чтобы они подъехали со стороны переулка. Никакого смысла загружать бедного джентльмена с парадного входа.

Франц, Лэрри и Чарли кивнули и ушли.

Взгляд Отто застыл. «Терефянных индейцев не станет, если у него сто-то выйдет, — наконец сказал он в отчаянии и простонал. — Хо, Иизусе!»

Дасти заговорил было: «Майор, все это так...»

— Ну-ну, ты насчет своего зятка не беспокойся, — успокаивающим тоном сказал Рэт Нолан. — Ведь доктор Койл — несравненный мастер по части излечения недугов, которыми страдают все бледные чахоточные типы вроде этого.

Дасти сказал, что ничуть в этом не сомневается. «Где теперь находится приемная доктора Койла?» — спросил он.

М-р Рэт Нолан легонько кашлянул и уставился на паутину в углу под потолком: «Юго-западный рейс в Амой[53] через проливы Малайского архипелага — вот что рекомендует Док своим пациентам и непременно сам их сопровождает, дабы удостовериться, что они последовали предписаниям доктора, до такой степени доходит его нежная, исполненная любви и милосердия забота...»

Дасти одобрительно кивнул.

— Ах, он — редкий человек, — с энтузиазмом в голосе проговорил Рэт Нолан, — этот забияка Койл, капитан «Берии Джесперс», курсирующей по линии Черной Звезды! Редкий человек, и чудной; без него Шанхайство[54] оказалось бы на полпути к могиле, ведь на таком деле люди выходят в расход. И они отплывают с утренним приливом.

Послышалось «топ-топ», и лошади забрякали упряжью в переулке. Вошли Чарли, Лэрри и Хеннери, а следом за ними — скрытного вида извозчик с большим красным крючковатым носом, по-видимому Сноу Фергюссон или Блинки Пул, или один из этих самых шаромыжников.

— Ах, коммерция, коммерция, — вздохнул Рэт Нолан. — Ни с чьими желаниями она не считается. — Он быстренько прошелся по карманам Уолтера и поделил деньги на равные кучки. Из своей он взял чуть выщербленную золотую монету в пять долларов и вручил ее Дасти: — Делиться, делиться поровну, и вот обычная плата. Именно эта идея и принесла Америке величие. Пускай поостерегутся все эти иностранные монархи... Ребята, подвезите-ка нас вместе с этим джентльменом...

Чарли взялся за голову, Отто и Хеннери за руки, а Лэрри с Беном ухватились за ноги. Придерживая дверь, извозчик отметил: «Чертовски славные ботинки на этом разгильдяе».

— Это мне, — тут же сказал Рэт Нолан. — Без них ему будет легче карабкаться по реям. Ребята, поосторожнее в дверях, не попортите товар!

Процессия двигалась по полуосвещенным проходам, мимо фигур краснокожих, скаутов, розанчиков, помпейчиков, шотландских горцев и турок. Горели газовые рожки, плясали тени, хмуро глядели вожжи.

— Если он очухается и начнет брыкаться, — крикнул майор Хеннаберри, дайте ему кто-нибудь по голове киянкой! — Он повернулся к Дасти, положил ему руку на плечо: — Мальчик мой, я понимаю, что никто в нашей Великой Республике не несет ответственности за поступки собственного зятя, но все же, надеюсь, это послужит тебе уроком. Я рассматриваю твое молчание как знак согласия. Теперь, что с твоей сестрой — не могу видеть слез на лице леди...

Дасти глубоко вздохнул. Восхитительно пахло свежим деревом и краской. «Она приспособится», — сказал он. Благодаря его вложениям Мэри будет совсем неплохо обеспечена. Так что нет никакой, совсем никакой необходимости возвращаться. А если ОДИ попробуют пойти по его следу и натворить еще каких-нибудь бед, что ж, для этого имеется Рэт Нолан.

— Майор Хеннаберри, сэр, — решительно сказал он, — мы еще побьем Демута. Помните, вы сами говорили о могуществе рекламы, когда вышел каталог? Мы нанесем сокрушительный удар по их металлическим монстрам и поставим по деревянной фигуре краснокожего на углу каждой улицы в Америке!

И так они и сделали.

Чан

Пожалуй, вы сочтете, что д-р Ллойд достаточно преуспел и мог бы тем и удовлетвориться, но тогда остался бы без внимания тот факт, что он был вполне нормальным человеком, возможно, чуть более напористым, чем большинство людей.

Доктор Ллойд задержался на входе в шляпный магазин и зажег сигару. Сигара была очень дорогая, больше у него таких не осталось, пальцы его чуть дрожали. Черт бы побрал Питера Конрада! Верно, он сам накликал беду на свою голову, но это не принесло д-ру Ллойдну никакой пользы. Может, на этот раз...

Он вошел в магазин.

Седовласый мужчина крепкого сложения с обвислыми усами поднял голову и сказал: «Доброе утро. Сейчас я к вам подойду... Как вам нравится эта?» спросил он клиента, глядевшего в трехстворчатое зеркало. Им оказался прыщавый подросток с длинной тонкой шеей, которому шляпа с низкой тульей и едва заметными полями ничего не прибавляла и не убавляла.

— О, — сказал подросток, сглатывая слюну. — По-моему, хорошо. Э-э-э сколько она стоит?

Через минуту он ушел.

Торговец шляпами сказал: «По моему мнению, первые пять лет отрочества нужно проводить в полумонастырском уединении. Правительству следовало бы открыть убежища на отдаленных островах, вроде птичьих заповедников. А? — Д-р Ллойд слабо хихикнул. — Если вы ищете шляпу наподобие той, что у вас на голове, я не торгую импортными товарами».

— По части шляп, возможно, и нет. А в области знаний..?

Замолчал, улыбнулся.

Казалось, владелец магазина, которого звали Алексис Франк, в недоумении! «Хорошо. Я не понимаю, чего вы хотите, но если вам нужны энциклопедии...»

Ллойд покачал головой, выпуская клубы дорогостоящего дыма: «Не нужны. Что вам известно о Прекрасной Белой Девушке, Выданной за Румяного Мужчину?» И он приподнял брови.

Лицо Франка помрачнело: «Значит, вы..» Он сдержался. Правый уголок его рта слегка скривился: «Известно вполне достаточно».

— Не сомневаюсь в этом. Значит, я...? — Он продолжал, но Франк больше ничего не сказал. — Слыхали когда-нибудь о человеке по имени Питер Конрад? продолжал Ллойд — Нет? Точно нет? Ну, а как насчет книг, скажем «Золотой треножник» или книги под названием «Двенадцать ключей»? Верхняя губа Франка чуть-чуть изогнулась, и Ллойд перевел дух. — Или книги под названием «Turba Philosophorum»? [\[55\]](#) — Что-то промелькнуло во взгляде Франка, но он ничего не сказал. Ллойд заговорил снова: — Я осторожно наводил справки...

— Хотите сказать, совал нос не в свои дела! — проговорил исполненный презрения торговец шляпами. — Мне уже доводилось сталкиваться с типами вроде вас... О, да? Плагиаторы, крадущие чужие знания. Шакалы, стервятники. Ладно, занимайтесь-ка вы и дальше своим делом; судя по вашей одежде и запаху вашей сигары, оно приносит вам недурной доход; уйдите отсюда и оставьте меня в покое!

Он говорил не повышая голоса, но с очевидной злостью. Ллойд почувствовал, как у него опять начинают дрожать пальцы, и положил руки на прилавок, ладонями вниз. «Послушайте, — сказал Ллойд, — я сделал в одиночку все, что мог. Нам надо работать вместе...»

Внезапно Алексису Франку что-то пришло в голову и, похоже, обеспокоило его: «Как звали того человека? Питер Конрад? Да!»

Посетитель тяжело навалился на прилавок.

— Конрад, — сказал он. — У Конрада была небольшая фабрика неподалеку от товарных складов, он выпускал там бронзовые отливки. Маскировка, прикрытие, вроде вашего шляпного магазина. Но говорю вам: я убежден, что он мог делать золото, чистое золото, о котором говорят, будто оно «как масло

мажется», настолько оно чистое... — Голос щелкнул у него в горле.

— Ну так и возвращайтесь к нему.

Ллойд откинул голову назад и сделал отчаянный жест. «Я не могу!» воскликнул он. — Он умер... произошел пожар, взрыв, его нашли под обломками. Он был дурак! Я...

Спустя мгновение Франк сказал: «Мне кажется, Епископ как-то упоминал его имя. Вы ведь знали Епископа».

Ллойд ответил отрицательно:

— Но его имя то и дело всплывает...

— Уж конечно, — пробормотал Алексис Франк. — Проныра. Шакал, стервятник.

— ...Хотя он, похоже, исчез из поля зрения. Вы не...

— Уже много лет не видел его. Мошенник.

— О да. Говорю вам: я проверял, что имеется у разных людей, когда-либо располагавших книгами по алхимии... один торговец сказал мне, что обнаружил в чемодане из дешевой гостиницы, купленном на распродаже невостребованного багажа не только книги, украденные из всех здешних библиотек, но и блокнот с записями, сделанными почерком Епископа.

И снова искорка во взгляде Франка: «Много лет его не видел, — повторил он. — Что за блокнот?»

— Записи экспериментов по алхимии... и прочих. Неособенно приятный субъект. Но вы сотрудничали с ним!

Франк зашевелил губами, зарычал, обнажив крепкие желтые зубы. Он заверил посетителя, что не нуждается в моральных наставлениях: «Мне были нужны знания. Если бы мне понадобилась мораль...»

Ллойд сказал, что ему тоже нужны знания. «Говорю вам: они делали золото!» — закричал он, стуча кулаком по прилавку. Раньше он стоял, навалившись на него, а теперь выпрямился. Он уже не казался добродушным, лицо его покраснелось, а на губе выступили маленькие белые пятна. «Станете работать со мной? — спросил он. — Или нужно, чтобы я благоразумно позвонил по телефону и пролил свет на ваши неблагоразумные...»

— Стервятник. Шакал.

— Вы хотите сказать «да»?

Франк скорчил гримасу, пожал плечами, показывая, что у него нет выбора. Он отошел и запер магазин, указал рукой на проход в глубь дома. Ллойд проследовал за ним сквозь заросли шляпных картонок, вниз по лестнице, в подвал с побеленными стенами. «Кстати, — нарушил молчание Франк, — у вас есть еще партнеры?»

Ллойд неторопливо улыбнулся, узнав привычное оборудование: перегонный куб, пеликан, афинор[56]. Рассеянно сказал: «Чем меньше народу участвует в этом, тем больше доля каждого».

— Доля? Ах, вы, очевидно, имеете в виду золото.

Ллойд спросил, что еще он сможет иметь в виду. Франк остановился, повернулся к нему. «Более тридцати лет, — сказал он, — я проводил здесь исследования в области практической алхимии... или, скорее, некоторых ее разделов. Это обширная сфера, обширная до безграничности. Меня не прельщали деньги, не манила слава, не обескураживали поражения и неудачи, не отвлекал успех».

Однако, похоже, его нового партнера не особенно интересовали эти высказывания. Его взгляд скользнул мимо говорившего. «Что там такое? спросил он, указывая рукой. — На верху лестницы..»

— Там я осуществляю основную часть работы над алкахестом. Но она еще далека от завершения.

Ллойд подошел к краю чана: «Алкахест? Ах, да...» Он поднялся по железной лесенке на несколько ступенек. «Мне не удалось сразу сообразить...» Пристально глядя, он перегнулся через край чана. «Алкахест — это одно из названий философского камня, не так ли?»

— Нет, — сказал Франк, — это одно из названий универсального растворителя.

Он приложил тыльную часть руки к промежности Ллойда, быстро с силой толкнул вверх. Раздался всплеск.

Он поднялся до конца лесенки, заглянул в чан и как раз успел увидеть, как исчезают остатки Ллойда, будто в медленном «затемнении» старомодной кинокартины.

Франк вздохнул: «Столько лет... столько работы... столько задержек... неудивительно, что он так далек от совершенства и растворяет только органические вещества. Иногда я ощущаю соблазн, мне хочется вторгнуться в область алхимиков-философов и сказать, что лишь сама смерть является универсальным растворителем...» Он опять вздохнул, поглядел на мерцающую жидкость в резервуаре. Затем медленно спустился по лесенке.

— Фильтрация и процеживание, — пробормотал он, открывая вентиль. Фильтрация и процеживание — вот как это происходит. Зубные пломбы, обувные гвозди, монеты, ключи. Иногда я задаю себе вопрос: станет ли он когда-нибудь поглощать неорганику. Если станет, он, разумеется, проточит чан и, вероятно, поглотит меня. — Жидкость безмятежно булькала. — О, мои поиски и вправду утомительны, но я хотя бы не трачу времени и не ишу философский камень. Златокопы! — с безмерным презрением сказал он. — Проныры! Стервятники! Шакалы!

Связанные хвостом к хвосту короли

Он принес им воды, всем по очереди.

— Свежая вода, Одноглазый, — сказала одна Матушка. — Очень свежая.

— Многие приносят нам воду, — сказала вторая Матушка, — но вода, которую приносишь ты, свежа.

— Потому что у него свежее дыхание, — сказала третья Матушка.

Одноглазый замешкался, собираясь уходить. «Я хотел бы рассказать тебе кое-что хорошее, — сказал Батюшка, — другим про это неизвестно, только нам. Можно я скажу, тихонько, на ушко, можно ведь?»

Смотритель заворочался у себя в углу. Матушка с Батюшкой заговорили громче. «Сейчас похолодало, — сказали они. — Снаружи — мороз. Белое на земле, оно жжется. Мы слышали. Мороз». Смотритель закричал, он не двигался. «Холоднее, меньше еды, меньше воды. Мы слышали, но для нас всегда еда, всегда вода, вода, еда, еда...» Они все говорили. Смотритель не двигался.

— Подойди поближе, — тихонько сказал Батюшка. — Я расскажу тебе кое-что хорошее, пока Смотритель спит. — У Батюшки был низкий полновзвучный голос. — Подойди поближе ко рту. Кое-что секретное, Одноглазый.

— Мне нельзя подходить, Батюшка, — неуверенно сказал Одноглазый. Можно только приносить воду.

— Тебе можно подойти, — сказала Матушка. Голос у нее был словно молоко, хорош был у нее голос. — У тебя свежее дыхание. Подойди, слушай. Подойди.

Другой Батюшка сказал: «Тебе будет холодно одному. Приди к нам и тебе будет тепло». Одноглазый повел головой из стороны в сторону и залопотал.

— Здесь есть еда, ты будешь есть, — сказал второй Батюшка. Одноглазый сделал несколько шагов, потом заколебался.

— Подойди, и мы с тобой спаримся, — сказала Матушка с молочным голосом. — Мое время наступило. Подойди.

Одноглазый почувствовал, что ее время вправду наступило, и ринулся вперед, но Смотритель преградил ему путь.

— Иди принеси им воды для питья, — сказал Смотритель. Он был огромен.

— У него и так есть для нас вода, — жалобно проговорила Матушка. Глупый Смотритель. Мы хотим пить. Зачем ты его останавливаешь?

Батюшка сказал: «У него во рту вода, которую он нам принес. Отойди и пропусти его. Ох, это уродливый, глупый Смотритель!»

— У меня во рту вода, которую я им принес, — сказал Одноглазый. Отойди и... — Он смолк, а они принялись насмешничать и хихикать.

Смотритель даже не рассердился: «Ничего у тебя во рту нет, одно вранье. Иди теперь».

Одноглазый понял свою ошибку слишком поздно. «Мне можно поспать», пробормотал он.

— Ну и спи. Только уйди. — Смотритель оскалил зубы. Одноглазый отпрянул, повернулся и прошмыгнул вон. Он слышал, как у него за спиной Матушка нежным голосом сказала: «Это был глупый Одноглазый, Батюшка».

— Ну давай, — сказал Батюшка. Одноглазый шел и слышал, как они спариваются.

Время от времени он пытался сбежать, но повсюду находились другие, они останавливали его. Это нечестно и слишком далеко. «Отправляйся на свое место. Одноглазый. Выполняй обязанности, носи воду Матушкам и Батюшкам, доставляй Смотрителю еду для них, иди обратно, иди обратно, Одноглазый, иди обратно», — кричали они, окружая его, сгоняя с дороги, по которой ему хотелось пойти.

— Я больше не буду Одноглазым, — протестовал он.

Они издевались и насмехались: «Так ты собираешься отрастить второй глаз? Назад, назад: это тебе Раса приказывает!» И они покусали его, и силой заставили вернуться.

Однажды он сказал: «Я хочу увидеть златосияние!»

Там был старик, он сказал: «Тогда возвращайся, Одноглазый, а по дороге я покажу тебе златосияние». И старик подобрал круглую штуку, и она сверкала золотом. Он вскрикнул от удивления и от удовольствия.

Затем: «Я думал, оно будет больше», — сказал он.

— Возвращайся, Одноглазый, не то тебя убьют, — сказал старик. — Тебе не место Снаружи. Возвращайся... не в ту сторону! В той стороне смертельное. Запомни хорошенько. В эту сторону. Иди. И давай побыстрее — там могут быть собаки.

Иногда появлялся новенький, с необсохшей кровью в глазнице, его надо было учить в водяном месте, как напиться всласть, а потом набрать в рот воды и идти к Батюшкам и Матушкам, не глотая ни капли, запоминая длинную дорогу и повороты, все вниз, и вниз, в темноту, мимо Смотрителя и ртом ко рту с Батюшками и Матушками. Еще и еще раз.

— Почему они связаны? — спросил новенький.

— Почему мы наполовину слепы? Приказывает Раса. Это Раса собирает еду, которую другие Одноглазые приносят Смотрителю, а он хранит ее и кормит их.

— Почему?

Они замолчали, сверху в водоем капала вода. Почему? Есть и пить необходимо, иначе смерть. Но почему Раса приказывает связывать Батюшек и Матушек друг с другом, чтобы они не смогли сами отыскать себе еду и воду? «Я всего лишь глупый Одноглазый. Но, по-моему, Батюшки и Матушки скажут мне... Упоминалось о секретном... Тогда Смотритель не дал мне дослушать...»

— Это большой Смотритель, и у него острые зубы!

Сверху в водоем с плеском падали вязкие капли воды. Они набрали воды в рот и отправились вниз. Когда у него во рту не осталось больше ни капли, он прошептал: «Матушка, я хочу услышать про секретное».

Она замерла. Потом вцепилась в него. Остальные Батюшки и Матушки перестали шевелиться и разговаривать. Смотритель у входа приподнялся и сел. «Что такое?» — крикнул он. В его голосе звучала тревога, его голос дрожал.

— Станный звук, — сказал Батюшка. — Послушай, Смотритель! — Затем он прошептал: — Рабы?

Смотритель повел головой из стороны в сторону. Все Батюшки и Матушки сидели очень тихо. «Я ничего не слышу», — неуверенно сказал Смотритель.

— Смотритель, ты стар, у тебя притупилось восприятие, — сказал Батюшка с низким голосом. — Мы же говорим: там странный шум! Там опасность! Пойди посмотри — иди же!

Смотритель заволновался. «Мне нельзя уходить, — запротестовал он. — Я должен находиться здесь, так приказывает Раса...»

Батюшки и Матушки принялись кричать на него все вместе: «Раса! Раса! Раса — это мы! Иди найди, что нам угрожает!»

— Одноглазый... где Одноглазый? Я пошлю его.

Но они закричали, что Одноглазый ушел (один из них и вправду ушел), так что в конце концов он пошел тяжелой походкой вверх по проходу, бормоча и пришепетывая.

Как только он ушел, Матушка с нежным голосом принялась гладить и ласкать Одноглазого, и приговаривать: какой он умный, какой хороший, какое свежее у него дыхание, какой...

— Матушка, на это нет времени, — прервали ее. — Открой ему секрет. Скорей! Скорей!

— Прежде чем тебя сделали Одноглазым и отобрали, чтобы ты прислуживал нам, с кем ты сначала спаривался? — спросила она.

— С сестрами из собственного выводка, разумеется.

— Разумеется, ведь они находились ближе всего. А потом — с матерью твоего же выводка. Твоим отцом, вероятно, был твой старший брат. А потом ты стал бы спариваться с дочерьми, с тетками...

— Разумеется.

Матушка спросила, известно ли ему, что такое постоянное узкородственное размножение в конце концов может привести к ослаблению Расы.

— Я не знал.

Она подняла голову, прислушалась: «Глупый Смотритель еще не идет обратно. Хорошо... Это так, Одноглазый. Слепота, глухота, уродство, выкидыши, безумие, рождение мертвого плода. Все это случается время от времени в каждом выводке. А когда изъян спаривается с изъяном, и в потомство не вливается новая кровь. Раса ослабевает, разве не так, Батюшки и Матушки?»

Они отвечали: «Матушка, это так».

Одноглазый спросил: «Так, значит, это и есть секрет? Батюшка сказал мне, что секрет — хороший, а это плохо».

— Молчи, — велели они, — и слушай.

Исполненным нежности голосом Матушка стала рассказывать дальше: «Но мы родились не в одном и том же выводке. Мы не братья, не сестры, даже не близкая родня. Время от времени из многих выводков отбирают самых сильных и умных. А среди них снова производят отбор. А затем отбор окончательный: пожалуй, восемь или десять, или двенадцать. Из них двое или самое большее трое — Батюшки, а остальные — особи женского пола. Их, лучших из лучших среди детенышей, уносят в очень далекое место, очень безопасное, и к ним приставлен Смотритель, чтобы охранять их, а среди Одноглазых отбирают тех, кто станет носить им еду и воду...»

Рассказ продолжил Батюшка: «Мы рассказываем о самих себе. Они привязали нас друг к другу, привязали крепко, на много узлов, хвостом к хвосту, чтобы мы никак не могли убежать. Нам не приходилось встречаться лицом к лицу с опасностью наверху, не приходилось добывать пропитание. Мы должны были только есть и пить, чтобы вырасти сильными — ты же видишь: мы намного больше тебя — и спариваться. И все это согласно приказаниям Расы».

— Понимаю... Я не знал. Это хорошо, да. Это мудро.

В ответ на это Батюшки и Матушки раскричались. «Это нехорошо! — заявили они. — Это немудро! Это неправильно! Когда мы были маленькие и несмышленные, нас привязали друг к другу, и это было хорошо, да. Но держать нас на привязи теперь нехорошо. Мы тоже хотим разгуливать на свободе! Мы хотим увидеть златосияние и рабов, а не сидеть тут в сумраке на привязи!»

— Одноглазый! — закричали они. — Тебя выбрали, чтобы ты служил нам...

— Да, — пробормотал он. — Я принесу воды.

Но они хотели от него вовсе не этого. «Одноглазый, — зашептали они, хороший, красивый, умный, молодой Одноглазый со свежим дыханием. Освободи нас! Развяжи эти узлы! Нам не достать до них, а ты сможешь до них достать...»

Он запротестовал: «Я не смею».

Сердитые голоса зазвучали громче: «Ты должен! Так приказывает Раса! Мы хотим править, и мы будем править, и ты будешь править вместе с нами!»

— ...спариваться с нами! — голос Матушки, на ухо. Он задрожал.

И снова они заговорили шепотом, с присвистом: «Слушай, Одноглазый, ты ведь, наверное, знаешь, где находятся смертельные места и положенная на виду еда, которую нельзя есть. Принеси сюда такой еды, положи ее. Мы будем знать. Мы проследим, чтобы Смотритель съел ее, когда вернется. Тогда, Одноглазый, тогда...»

И вдруг тишина.

Все подняли головы.

В низком голосе Батюшки пронзительно зазвучал страх: «Это дым!»

Но другой Батюшка сказал: «Раса позаботится, чтобы с нами не случилось ничего дурного». И все остальные повторили его убежденные слова. Они задвигались туда-сюда, характерным для них способом, странным, ограниченным: несколько шагов в каждую сторону и кругом, и друг поверх друга, и назад. Они ждали.

Одноглазому показалось, что дым становится гуще. А Матушка сказала: «Пока мы ждем, давайте слушать, не идет ли Смотритель, не слышно ли шагов тех, кого Раса пошлет спасти нас. А ты. Одноглазый, проверь пока узлы. Посмотри узлы, попробуй, не удастся ли тебе освободить нас».

— Что это за разговор, «попробуй», «проверь», «посмотри»? — спросил тогда Батюшка. — Стоит ему взяться за дело, и все будет готово! Разве мы не обсуждали это меж собой, всегда, всегда? Разве мы не так решили?

Вторая Матушка сказала: «Это так. У Одноглазого есть свобода, полная свобода передвижения, а у нас нет; он может добраться до узлов, а мы не можем. Давай, Одноглазый. Действуй. А пока ты будешь освобождать нас, мы станем слушать, а когда мы окажемся на свободе, нам уже больше не придется дожидаться Смотрителя и прочих. Почему они не идут?» — растерянно и ворчливо сказала она под конец.

И они кричали ему, чтобы он их отвязал и освободил их, и замечательные вещи станут принадлежать ему вместе с ними. «А если нет, — визжали они, мы тебя убьем!»

Они оттолкнули его и велели начинать. Сильно пахло дымом.

Вскоре он сказал: «Я ничего не могу поделать. Узлы слишком тугие».

— Мы убьем тебя! — завопили они. — Это не так! Мы решили, что это не так! — Он пытался снова и снова, но не смог ничего сделать.

— Слушайте, Матушки и Батюшки, — сказала нежногласая. — Времени нет. Никто не идет. Раса бросила нас. Наверное, им угрожает опасность; чем рисковать, они скорее оставят нас погибать, а потом заново сделают отбор и заведут новых Матушек и Батюшек.

Тишина. Они напряженно вслушивались, приняв к удушливому воздуху.

Затем все остальные в ужасе подпрыгнули с пронзительным криком, снова упали, перекувыркиваясь друг через друга. Раздался голос Матушки, мягкий, теплый, полновзвучный, нежный: «Остается лишь одно. Если узлы не развязываются, их нужно разрезать. Одноглазый! Зубы. Скорей! Давай!»

Все остальные съежились и, тяжело дыша, припали к земле. Одноглазый вонзил зубы в живой узел, и тут же Батюшка завизжал, выпрыгнул вперед и закричал: «Стой!»

— Это боль! — захныкал он. — Я не чувствовал боли прежде, я не могу ее вынести. Смотритель придет, другие спасут нас. Раса...

И никто не стал слушать Матушку.

— Матушка, мне страшно, — сказал Одноглазый. — Дым все гуще.

— Так иди, спасайся, — сказала она.

— Я не уйду без тебя.

— Я? Я — часть целого. Иди. Спасайся.

Но он все же не пошел, а снова подполз к ней. Наконец они подошли к концу прохода. Им не удалось сосчитать всех погибших. Матушка уцепилась за него передними лапами. Задние ее лапы волочились. Она ослабела, потому что сделавшая ее свободной рана оставляла позади след из густой красной крови.

— Это мы снаружи? — спросила она.

— Думаю, да. Да, должно быть. Смотри! Наверху — златосияние! Остального я не знаю, — ответил

Одноглазый.

— Значит, это — златосияние. Я слышала... Да, и про остальное тоже слышала. Вон там — дома рабов, а вот поля, которые возделывают рабы, с которых они получают еду, которую они запасают для нас. Давай помоги мне, ведь мне приходится медленно идти, и мы отыщем себе место. Мы станем спариваться, ведь теперь мы — Раса. — Голос у нее был сама нежность. — И нет нам скончания.

Он сказал: «Да, Матушка. Нет нам скончания».

Единственным своим глазом он окинул Снаружи, Верхний Мир рабов, которые считали себя господами, которые вели нескончаемую войну с Расой при помощи капканов и терьеров, и хорьков, и яда, и дыма. Неужели они сочли это массовое убийство победой? Если так, они обманулись. Это была всего лишь стычка.

Рабы по-прежнему остались рабами; связанные хвостом к хвосту королями.

— Пойдем, Матушка, — сказал он. И медленно, мучительно, с чувством непоколебимой уверенности он и его новая самка отправились овладевать миром.

Верховный Ульджд

Русские сами виноваты, что выбрали как раз ту неделю, чтобы опять демонстративно покинуть заседание ООН. И, разумеется, представители всех Народных Демократий послушно поплелись на выход за ними. Впоследствии внешние монголы станут утверждать, будто все сложилось бы иначе, если бы...

Но это в высшей степени сомнительно.

Впервые корабль заметили с пожарно-наблюдательной вышки в Йосемите, но к тому времени, когда правительство Соединенных Штатов приступило к действиям, пришельцы уже совершили вторую посадку, в Центральном парке. Некоторое время считалось, будто кораблей было два, но постепенно удалось понять, что корабль всего один, и он появился в Нью-Йорке почти в тот же момент, как исчез из Калифорнии.

Таиландский принц Прхаджхадипхонг, постоянный представитель своей страны, наслаждался традиционной утренней прогулкой; идя по дорожке, он свернул за угол и тут увидел, как из овального предмета цвета угля выходят двое пришельцев.

— Свет солнца, источник счастья, — сказал один из них принцу, а тот впоследствии так и не смог вспомнить, кто именно заговорил; этот провал в памяти вполне понятен, ведь пришельцы оказались идентичными близнецами. Е.В., П.П. всегда был изрядным шутником, а потому лишь с большим трудом сдержался и не сказал в ответ на необычное приветствие: «Свет луны, источник бреда».

— Вам тоже свет солнца, источник счастья, — сказал он и поклонился. У этих людей были лица цвета камквата^[57] и розовые, как краска на спасательных кругах, волосы, уложенные двойной петлей вокруг правого уха; их одежды поблескивали и побрякивали.

— Вы влиятельная персона? — спросил один из них, он говорил, как будто (подумал про себя принц) рот у него набит горячим рисом.

— О, весьма маловлиятельная, — пробормотал принц.

Выражая нечто вроде одобрения, второй заметил: «Очевидно, вы употребили скромное противопоставление. Если бы вправду было, как вы сказали, вы употребили бы притязательное противопоставление с целью возвеличить себя. — Он повернулся к близнецу. — Весьма раннее проявление *овлирб-тав*, а, Смоттлеб?»

Однако Смоттлеб усомнился: «Кумпо, может быть, он и употребил скромное противопоставление, но сделал это лишь желая ввести нас в заблуждение, чтобы мы подумали, будто он *действительно* не имеет большого влияния. Что отнюдь не свидетельствует о наличии *овлирб-тав*, не так ли?»

Смоттлеб поразмыслил над этим. Затем сказал: «Что ж, придется нам разобраться». Они повернулись к терпеливому таиландцу и сказали в унисон: «Отведите нас к вашему Верховному Ульджду».

— Ну конечно, — сказал принц Прхаджхадипхонг.

Он повел их к такси, а по дороге напомнил сам себе, что как человек, который провел год в лучшем буддистском монастыре Бангкока, он обязан постоянно думать, что все это — *Майа*, то есть иллюзия, а *Майа* может принимать любые формы.

В поспешно созданный комитет ООН по Приему Межзвездных Пришельцев вошли: американский посол Стьюэнт Лоуэлл Ли, д-р Митхра Парсибхои из Индии и, разумеется, сам принц.

— Кто из вас Верховный Ульджд? — спросил Кумпо (а может, это был Смоттлеб).

— Хм, — сказал принц, деликатно покашливая. — Мы, все трое, временно исполняем должностные обязанности Верховного Ульджда. Вы можете нам довериться.

— А-а, я полагаю, вы еще не успели провести испытание и сражение и выбрать преемника почившего Верховного. Ну что ж... я разделяю вашу темноту. Покойный отличался хорошим вкусом? — спросил Смоттлеб (если только это не был Кумпо).

— Весьма, — сказал принц в то время, как его коллеги растерялись.

— Хорошо. Тогда возляжем и побеседуем, — сказал один из пришельцев, — о цели нашего появления здесь.

Можно оценить их преданность делу *овлирб-тав*, если принять во внимание, что Земля оказалась шестьдесят первой планетой, которую посетили близнецы, а из остальных шестидесяти лишь две проявили удовлетворительное понимание единственного принципа, отличающего человека от зверей.

— Как определить этот термин? — вслух задумался один из них. Вежливость? Благопристойность? Знание дела? Цивилизованность?

— Если оно у вас есть, — сказал второй, — мы поделимся с вами. Всем. У вашего и нашего народа будет одна общая плацента, если вы проявите *овлирб-тав*. А если нет, *пишит*! Можете и дальше вариться в собственном...

Посол Ли, может быть неосмотрительно, задал вопрос: «А как проявляется это качество?»

Ему сообщили, что это очень скоро выяснится. Пандит Парсибхои предположил, что Земля, вероятно, тоже могла бы поделиться чем-нибудь ценным.

— Только если у вас есть *овлирб-тав*, — сказал не то Смоттлеб, не то Кумпо. — А если нет — *смерри*!

Принц П. осведомился, где находится их родная планета, а они надменно сказали: она так далеко, что ему неизвестно даже солнце, вокруг которого она вращается.

— Ах, значит, вы владеете галактической энергией! — воскликнул принц. Они вежливо повели бровями. Он сказал: «Средство передвижения со скоростью, бесконечно превышающей скорость света».

— Хо, это примитивное устройство! — весело сказал один из них. Неудивительно, что вы не добрались еще даже до собственной луны. Йоп, йоп, йоп! — засмеялся он.

Представитель Индии шепнул американскому коллеге: «Ради Бога, позаботьтесь, чтобы им на глаза не попала какая-нибудь газета, иначе они сразу поймут, что ни благочестие, ни цивилизованность, ни вежливость нам не свойственны!»

Но у пришельцев оказался острый слух. «Газета? — спросил один. Давайте непременно заглянем в одну из ваших газет. Вероятно, это поможет нам».

Три члена комитета сидели и уныло молчали, пока Смоттлеб и Кумпо просматривали утреннюю газету.

— Подросток убивает шестерых ходулей Пого...

Стьювзант Лоуэлл Ли покрылся потом и сгорбился.

— А-а, это говорит о наличии здорового задора, а Кумпо?

Ли вытер лицо рукавом, выпрямился.

— «Кастовые мятежи в Бомбее», — прочел дальше пришелец. На этот раз в голосе его не послышалось недовольства.

Пандит прикрыл глаза рукой.

— Видишь, Смоттлеб, даже здесь. Говорю тебе, в этом виноваты единоутробные тетушки, они пренебрегают обязанностями по отношению к клану. Я предупреждал их дома после *последних* кастовых мятежей... Пандит опустил руку и чуть было не принялся полировать ногти... — но нет, они не послушали. Следует призвать единоутробных тетюшек к ответственности за имущественный ущерб, и вот тогда мы увидим перемены. *Пишит*, да!

Они снова взялись за газету. «Переворот в Таиланде. Пиббульпхумпхит изгоняет Пиббульпхарпхеля».

Живое лицо принца П. приобрело бесстрастное выражение.

— Испытание и сражение для выбора какого-то местного Ульджа, безразлично проговорил пришелец и перешел к другим сообщениям. Принц улыбнулся, хоть и тускло. Внезапно послышался звук, похожий на птичьи трели.

— Смоттлеб слушает, — сказал Смоттлеб, засунув палец в ухо и вроде бы прислушиваясь. На лице его возникло испуганное выражение. — Мы немедленно возвращаемся, — сказал он. Оба они встали и кратко что-то обсудили на языке пришельцев.

— Дурные известия? — сочувственно спросил один из представителей ООН.

— Скончался наш Верховный Ульджд.

Таиландец сказал, что разделяет их темноту.

— И правильно делаете, это был наш отец, — сказал Смоттлеб.

Все трое пробормотали слова соболезнования.

— Вы вернетесь после похорон? — спросил посол Ли.

Близнецы сказали, что надеются на это.

Принц спросил: «У вас принято кремировать или хоронить?»

Поскольку ни один из них не ответил, Пандит Парсибхои спросил: «Или, может быть, выставляете своих, э-э-э, усопших для всеобщего обозрения?»

Смоттлеб и Кумпо переглянулись.

— *Пшит!* — сказал один.

— *Смерри!* — сказал другой.

Они скрестили на груди руки и исчезли.

К тому времени, когда машина прибыла в Центральный парк, от корабля пришельцев не осталось и следа, лишь огромные толпы людей топтались на месте и, вытягивая шею, смотрели в пустое небо, да несколько полицейских повторяли то и дело: «Давайте, давайте, сойдите-ка с газона...»

Представители Америки и Индии простонали хором: «Да что же мы такое *сказали?*» Но даже неизменно бодрый таиландец ничего не смог предположить.

Новый Верховный Ульджд обратился с приветствием к вернувшимся близнецам: «Свет солнца, источник счастья... Очень мило, что вернулись и все такое прочее».

— Не стоит. Мы вас поздравляем, — сказали братья.

Верховный пожал плечами в знак возражения. «Всего-навсего удачный удар, пронзивший селезенку».

Братья восхищенно захлопали в ладоши. «Трудно пожелать нашему отцу лучшей смерти», — сказали они согласно ритуалу.

Они прошли в обеденный зал рука об руку с его преемником. Пока все рассаживались по местам, он спросил: «Ну, а что ваше путешествие? Повезло хоть немного? Есть признаки *овлирб-тав?*»

— Признаки есть, — сказал Смоттлеб, — но не более того. Знаете ли, некоторые из них выставляют покойников на всеобщее обозрение.

Все сидевшие за высоким столом закачали головами в ответ на это откровение.

— Более того, — доверительно сообщил Кумпо, — прочие кремируют их.

Новый Верховный несколько натянуто сказал: «Мы можем обсудить это после обеда, если не возражаете».

Но сын его предшественника все говорил, как будто стремясь освободиться от бремени: «А все остальные, уж прошу мне поверить, на самом деле хоронят дорогих им усопших!»

Раздался приглушенный крик, и две девушки-рабыни вывели из зала вдовствующую Наложницу-Ульдждессу, крепко прижимавшую салфетку к губам. Как раз в это время прибыл камергер с яствами. Все гости с отменным аппетитом взялись за угощение. Покойный Верховный Ульджд был человеком пожилым, но он всегда старался быть в хорошей форме и (как все заверили гордых его сыновей) отличался прекрасным вкусом.

Флакон с кисметом[58]

Вряд ли есть такие диковинные предметы, которые хоть кто-нибудь не собирал бы с усердием. Однако сфера китайских нюхательных флаконов считается и уважаемой, и дорогостоящей. У Хардина Трэскера их было много, но не так много, как ему хотелось бы, и совершенно неожиданно оказалось, что в одном из этих экспонатов содержится джинн (не китайский). Выпущенный на волю джинн устремился на свежий воздух, двигаясь таким же образом, как те штучки, из которых вылетают змеи, если поднести к ним спичку в день Четвертого Июля. Только гораздо, гораздо быстрее. Хардин Трэскер едва успел увидеть происходящее, все случилось так быстро. Стоило джинну выпрямиться в принять человеческий облик, как он тут же предложил ему приобрести ковер.

— Красивый, керманшахский[59], - сказал он тоном соблазнителя... на самом деле, даже жеманясь. — Такая *милая* вещица. Нет? Ну, тогда нам придется хорошенько пораскинуть мозгами, верно? Гашиш? Халва? Непристойные картинки? — Он приложил палец к носу, подмигнул и захихикал.

— Да *что это*, к чертям, такое? — спросил ошеломленный и раздосадованный Трэскер. — Где это слыхано, чтобы джинн торговал вразнос коврами? Я никогда не слышал об армянских джиннах. Или об элегантных джиннах. Уж коли на то пошло, я и об элегантных армянах никогда не слышивал. Объяснитесь.

— Неужели вам обязательно нужно мыслить стереотипами? Собственно говоря, — сказал джинн, — я не то, не другое и не третье. Что вы имеете против мелкого частного предпринимательства? — Изрядно помрачнев, он выпрямился, скрестил руки на груди и провозгласил, что готов служить.

Последовала пауза, принадлежащая к подвиду едва заметных пауз. Он добавил: «Господин». И зевнул.

Хардин Трэскер был предельно жаден. Не до денег, а до того, чего за деньги не купишь; в данный момент его привлекал предмет примерно двух дюймов высотой темно-желтого цвета со множеством резных драконов, фениксов и прочих персонажей из восточной мифологии. Мы еще поговорим об этом попозже.

К тому же он не был джентльменом. Человек, который в ответ очаровательной молодой женщине, только что предложившей очень милое соглашение о ведении домашнего хозяйства, говорит, что покупать молоко дешевле, чем... ну, остальное вы сами знаете... джентльменом не является.

— Заведи себе *корову!* — крикнула она с некоторой долей вполне оправданного негодования, а потом расхохоталась.

— Что ж, Трэскер, — сказала она, повеселившись всего минуту, — никто не сможет сказать, что ты сукин сын лишь второго разряда. Я знаю этого парня, Виктора Нильсона, он, как и ты, собирает эти маленькие как-их-там, но для него они, ну, всего лишь вещи. А для тебя, Трэскер... Ты ведь и вправду куда более высокого мнения об этих проклятых штуkenциях, — она махнула рукой в сторону застекленных шкафчиков, — чем... не только обо мне. О чем угодно. Ведь правда?

Он кивнул. Без малейшего раскаяния. Чуть ли не самодовольно. «Не скажу, чтобы они обходились дешевле. Или дороже, — осторожно добавил он. — Но они красивы, они никогда не меняются, никогда не доставляют неприятностей. Просто удивительно, как затягивает это занятие. Иногда мне даже кажется, что я, возможно, несколько иррационален по этой части. Ты...»

— Боже упаси! — сказала она и встала. — Ну, а не дашь ли ты мне пять долларов на такси?

Он дал. «Твой номер телефона у меня есть», — сказал он, когда она открыла дверцу.

— Да, только не трудись по нему звонить.

Он пожал плечами и возвратился к своим сокровищам, сделав небольшую пометку с именем Виктора Нильсона.

— Нет, я не против того, чтобы вы на них взглянули. Если только вы не против того, что мы с вами практически войдем на минутку и выйдем. У меня просто назначена встреча, иначе я бы...

— Очень хорошо. Это уже весьма любезно с вашей стороны.

— ...просто вы позвонили и сказали, что недолго пробудете в городе, мистер... Дегмэн?

— Деглер. Клод Деглер. Да.

Виктор Нильсон был хорошо обеспеченный молодой человек с приятным лицом. Его посетитель оказался несколько постарше.

— Значит, вот они. Надеюсь, вы не очень разочаруетесь. Видите ли, я на самом деле не коллекционирую китайские нюхательные флаконы... или, уж если на то пошло, какие бы то ни было вообще. Я просто держу их тут, вероятно, в силу их декоративности. Они принадлежат к числу тех немногих вещей моего дядюшки, которые я *оставил* у себя, только он ведь их тоже не собирал, собственно говоря, он их просто *имел*. По сути дела, — с искренним смехом сказал Виктор Нильсон, — он собирал непристойные карти-инки.

— Как бы то ни было, нюхательные флаконы прошли оценку наряду со всем прочим, и оценщик сказал, что они не особенно хороши и немного стоят.

Он указал на полку, где они стояли. «Вот эта из яшмы, эта из мыльного камня, эта — стеклянная, и эта тоже, а вон та... — он опять рассмеялся. Да вам об этом известно куда больше меня, ведь вы их и вправду коллекционируете. Я забыл, из чего эта. Как вам удалось узнать про мои флаконы?»

М-р Деглер, как он совершенно безосновательно себя назвал, рассеянно улыбнулся, слегка пожал плечами.

— О... знаете ли, слухи бродят повсюду... Этот? Он лаковый. — При внимательном рассмотрении могло показаться, что лицо его вытянулось в длину и побледнело, когда он произносил эти слова, а рука вцепилась в маленький предмет, словно ища на что опереться. Однако Виктор Нильсон с особым вниманием следил лишь за часами. Будучи человеком хорошо воспитанным и опасаясь смутить гостя, он несколько разговорился.

Оценщик тогда сказал, что вот этот — лаковый? — представляет наименьшую ценность из всех; сказал, что за него вряд ли дадут двузначную сумму. Нильсон не имел ни малейшего понятия, откуда он да и все остальные взялись у дядюшки, если только может они оказались частью прочего добра, которое он заодно с деньгами унаследовал от его и Нильсона общей кузины, миссис Бесси.

— Хотя я даже не представляю, где она их добыла и почему. Она только и делала, что все сидела и глотала конфеты да лекарства.

— Деньги? — рассеянно спросил посетитель.

— Да, — сказал Виктор Нильсон. — У него была эта несчастная работенка в расчетной палате, а потом ленивая Джулия умерла, и он заполучил все это. Все деньги, все вещи. Потом *он*...

Посетитель поставил лаковый предмет на место и натянуто улыбнулся. «Мне пора уходить, — сказал он. — Спасибо, что показали мне эти вещицы».

— Не за что. Не за *что*. Жаль, что у нас с вами не нашлось времени на долгий славный разговор о них, — сказал он с живой неискренностью. Восхитительные, должно быть, вещи. Если тебе о них что-то известно, я хочу сказать, ведь я и не догадывался о том, что китайцы нюхали табак, я думал, они пьют чай или что-нибудь еще. Заходите как-нибудь еще раз!

Позднее, и позднее ненамного, в ту же ночь, Хардин Трэскер сидел в собственной квартире и внимательно рассматривал маленький экспонат, только что выкраденный им из квартиры Виктора Нильсона, который, вероятно, никогда о нем и не спохватится. Он был довольно плоский и походил на фляжку, в окраске доминировала киноварь резного барельефа на пепельно-сером фоне. Сверху и снизу по краям шел знакомый греческий бордюр. На обеих сторонах посередине было множество крошечных людей в халатах с бритыми головами. Некоторые из них держали в руках предметы, которые на первый взгляд могли показаться цепями, мухобойками, а может даже, и гигантскими грудными костями птиц. Большое животное, похожее на кошку с заостренными ушами и глупой улыбкой, было изображено с одной стороны и заходило за ее край, а с другой, тоже захватывая изгиб, находилось нечто совсем иное: вообразите, если сможете, что-то вроде большой летучей лягушки, имеющей сходство с драконом. Один из бритоголовых малюток, казалось, съежился от страха перед ним.

Все это имело вид весьма курьезный и эллиптический. И слегка потрепанный.

— Да... — протяжно сказал сам себе Трэскер. Затем: — Что за дураки эти оценщики! Ничего не знают, кроме цен, по которым коллекции можно продать с аукциона, чтобы покрыть долги.

Трэскер держал в руке один из двух нюхательных флаконов того самого Чан Ю-жуаня, о котором рассказывали любопытные сказки при дворе вдовствующей императрицы.

Если бы мы с вами попытались его открыть, возможно, у нас ушло бы на это много времени и мы могли бы потерпеть неудачу, но Трэскер знал, что колпачок снимается не так, как мы бы, вероятно, предположили; более того, он знал, *каким* образом он снимается. Прошло еще полсекунды и появился джинн; произошла краткая сценка с диалогом, записанным в начале нашей истории.

— Ну, — рассудительно сказал Трэскер, — я полагаю, джинн в нюхательном флаконе — такая же неожиданность, как и в любой другой бутылке. Не сомневаюсь, история о том, как ты в него попал, и обо всех пережитых тобой приключениях очень интересна, однако давай перейдем к делу. Что ты можешь для меня сделать?

Джинн еще раз совершил попытку немного заняться частной коммерцией по собственной инициативе, ответил на резкий отказ мимолетной философической улыбкой, позволил себе увлечься словесными образами и восточными гиперболами, наконец заговорил без обиняков. «Я могу сделать для вас нечто материальное и конкретное, — сказал он, — нечто имеющее обычные физические ограничения. Никакой вечной жизни, никаких распрекраснейших-в-мире девушек. Я хочу сказать, это ведь понятие чисто субъективное, вы согласны?»

Трэскер не стал выражать свое согласие или несогласие. «То, чего я хочу, вполне материально и конкретно, — сказал он. — Я хочу *второй* нюхательный флакон Чан Ю-жуаня».

— Кого? — вежливо спросил джинн.

Его господин повторил это имя и добавил: «Он был третьим заместителем главного евнуха при императорском дворе».

— Ах, *этот!* — сказал джинн, бросив плотоядный взгляд и грязно хихикая. Он зевнул, вяло махнул рукой. — Ну и где он находится?

Выяснив, что флакон является частью бесподобной коллекции м-ра Эдварда Финлейсона младшего, под таким-то и таким-то номером, на Бикман Плейс, джинн кивнул, дрогнул, вытянул руку, на которой что-то лежало.

— Как, уже успел туда и обратно? — Трэскер удивился. Предвкушение удовольствия, проступившее в его чертах, практически тут же сменилось досадой. «Это не тот! — закричал он. — Слушай, — спустя минуту сказал он, — давай я как следует его тебе опишу. Он сделан из птицы-носорога, из твердого клюва тропической птицы. Он примерно вот такой величины... красивого, прекрасного желто-коричневого оттенка... на нем очень искусно, изысканно вырезаны три дракона, три феникса и три гоблина или демона. Он...»

Джинн снова кивнул, с некоторым нетерпением, снова дрогнул и, чуть вскинув брови, снова предложил ему предмет, лежавший на ладони.

— Нет, нет, *нет!* — закричал совершенно разъяренный Трэскер. *Птица-носорог!* Не коричневая яшма, а *птица-носорог!*

В ходе этого взрыва эмоций джинн раздраженно разглядывал свои длинные ногти, а затем сказал: «Ну, право. Так мы тут всю *ночь* провозимся. В мои обязанности входит оказание услуг, а не наличие специальных знаний в любой области, которая вам на ум взбредет. Ладно. Вот что я вам скажу. Я вас туда доставлю, а вы уж проводите отбор сами. Затем...»

— Договорились! — воскликнул Хардин Трэскер. Он берется за протянутую руку. На ощупь она оказывается горячей, как огонь. И в то же мгновение он уже в другом месте, в большой комнате, обставленной дорого и с хорошим вкусом. На стеклянных полках, подсвеченных сквозь полупрозрачные панели, в боевом порядке выстроена сотня, если не больше, красивых бесценных восточных нюхательных

флаконов. Джинна нигде не видно.

Трэскер проявляет величайшее самообладание, не позволяя себе задерживаться на чем-либо взглядом, и через несколько секунд видит тот самый экспонат, которого так долго жаждал. Отворяется дверь, он засовывает находку себе в карман и, повернувшись, оказывается лицом к лицу с высоким худощавым человеком, который, как это ни странно, держит руку у себя в кармане.

— Ой, ладно, — говорит этот человек, — вы пришли сюда не затем, чтобы любоваться *нюхательными флаконами*. Как вы сюда попали? Дурацкий вопрос. Вас, конечно, впустила Гертруда. Что ж, — с покорным вздохом говорит он, я ее предупреждал, она не сможет этого отрицать.

В руке, которую он вынимает из кармана, находится пистолет.

Джентльмен, чье имя для данного повествования значения не имеет, сидел на слишком плотно набитом стуле в комнате, где стояло слишком много мебели, и крутил что-то в руках. «Поразительно, — сказал он вслух, — чего только не подцепишь за несколько долларов в этих магазинчиках, которые скупают всякую всячину из унаследованного имущества. Так трудно перед этим устоять. — Его-рука с явным удовольствием скользила, касаясь приобретений. — Яйцо из оникса. Оловянная коробочка для угольного порошка. Медальон армии Шенандоа. Китайский... я полагаю, это китайский... ахх...»

Последний поворот, последний рывок, и колпачок соскочил, и наружу вылетел джинн. «А вот *вы* похожи на джентльмена, которому придется по душе выгодная сделка, — сказал он с доверительной ноткой в голосе. — Не хотите ли приобрести прекрасный, *прекрасный* керманшахский ковер? Нет? Гашиш? Халву? Непристойные карти-инки? *Замечательный* нюхательный флакон из клюва птицы-носорога?»

Арахисы

В бытность мою мальчиком, некоторое время после того, как умерли мои родители, я жил с дедом, а он оказался одним из самых подлых и мерзких стариков, какие только встречаются на свете. Да вот встретиться с таким не хотелось бы никому. У него был старый домик, но в этой старине полностью отсутствовали всякий уют и привлекательность; там пахло керосином, свиным салом, осыпающимися стенами и грязной одеждой. Он являлся владельцем одной из, вероятно, самых обширных во всей тамошней округе коллекций жестяных банок, наполненных свиным салом. Я думаю, он боялся, что однажды этот жизненно важный предмет потребления станет дефицитом, и, черт побери, постарался, чтобы его это не застигло врасплох.

В старой грязной кухне стояли две плиты, керосиновая и дровяная, и хотя сухих кустов и бревен среди зарослей за домом хватало бы, чтобы отапливать дом годами, он был чертовски ленив и не желал махать топором. Та же история с одеждой. Вместо того, чтобы платить какой-нибудь женщине за стирку или, упаси Господи, заняться ею самому, он просто копил грязную одежду, а потом перебирал ее, еще и еще раз пуская в ход наименее запачканную. Время от времени доходило, наконец, до того, что никто из детей не соглашался больше сидеть рядом со мной, и тогда учитель обращался к соседкам, и одна из тех, у кого имелась стиральная машина старинного образца, работавшая на бензине, заходила к нам вместе с кем-нибудь из своих детей, прихватив с собой тачку и пару бельевых корзин.

— Не понимаю, как это можно доводить вещи до такого состояния, м-р Харкнесс, — как правило, говорила она, сморщив нос и дыша ртом. — Ну-ка, грузите эти вещи, да я их вам выстираю. Бога ради, пока они на вас не *загноились*! Вы же оба глазом моргнуть не успеете, как окажетесь в *чумном* бараке. Господи помилуй!

И тогда старый кусок дерьма принимался хромать по дому, прикидываясь немощным, хотя на самом деле двигался с проворством ямайской змеи, если хотел; он хмурился, понукая меня жестами взяться за дело и быстренько вынести одежду, а все это время скулил что-нибудь вроде: «Уж, конечно, я вам очень благодарен, мисс Уоллаби...» или как ее там, к черту, звали. «Просто не знаю, как бы мы жили, не будь у нас соседей, как говорится в Божьей Книге. Я — просто бедный больной старик, и этот парень мне не по силам, такая на меня обуза свалилась на закате дней, и это несправедливо, сил моих на него нету, нету, мэм, говорю: он меня в гроб вгонит, потому как он трудиться не желает и ничего не слушает, и мне не подчиняется». И так далее, и тому подобное.

Затем, стоило ей удалиться за пределы слуха и зрения, как он усаживался в свое кресло с продавленным сидением и начинал самодовольно ухмыляться, смеяться и распространяться о том, как он всех обвел вокруг пальца, это уж точно.

— Надо просто взять и подождать, сколько потребуется, пока не пойдут слухи, и, парень, обязательно подвернется какой-нибудь несчастный дурак, который сделает всю работу! Что ж, я не против. Пускай. Им для души полезно. — И он гоготал и ржал, и сок жевательного табака «Эппл» поганил ему старые грязные усы.

У него не было ни стыда, ни гордости. Посылал меня выпрашивать еду. Все время это делал, хотя для бутлеггера у него деньги находились. И воровать тоже посылал: «Парень, только не говори, будто тебе не хочется. Это же проще простого. У тебя в кармане куртки есть та самая старая большая дырка, и от тебя только и требуется, что сунуть в карман банку сардин или банку свинины с бобами, чтобы она завалилась за подкладку, а потом просто-напросто взять себе и выйти неторопливо на улицу, держа обе руки у всех на виду. Парень, обе руки на виду у всех. Так что, парень, не надо говорить, будто тебе *не хочется*. Есть-то тебе хочется, верно?»

Он уже все тут обмыслил. Воровать в «Эй и Пи»^[60] — дело совершенно правое, потому что «Эй и Пи» — монополия. И совершенно правое дело воровать у Ах Квонга, потому что Ах Квонг — китаец: «Съедает горсточку риса в день да рыбью голову, парень, и живет себе, а потому мы, американцы, не можем с ним конкурировать».

Так он все и говорил без умолку, а однажды, когда я «делал покупки» в магазине «И-довольствие», старый Ах Квонг поманил меня к себе. Я так испугался, что чуть не обделался. Я был уверен, что старый Ах

Квонг даст мне топориком по голове, потому что раскусил меня, но он просто сунул мне в руки пакет. «Отдай своему деду»», — сказал он. Я взял пакет и пустился чуть ли не наутек.

В пакете оказался мешочек с рыбьими головами и мешочек с рисом.

Думаете, ему стало стыдно?

— Клянусь бабушками, парень, — сказал он, облизывая свои старые слюнявые губы, — мы сделаем похлебку. Из рыбьих голов получается самая лучшая похлебка. Рис — это тоже хорошо. Рис — это штука, которая здорово легко укладывается в желудке.

Он утверждал, будто получил ранение в испано-американской войне, но политики его надули и пенсию не дали. Он утверждал, будто ездил на Юкон за золотом. Он утверждал, будто был инженером-железнодорожником, он утверждал и то и се, но, по мере того как я подрастал, становилось все ясней, что это вранье, просто вранье. Ему проще было поднапрячься и соврать, чем сказать не требующую напряжения правду. Но до меня это как-то не сразу дошло.

Называя его подлым, я имею в виду то самое: *подлым* он был. То есть не так, чтобы он когда-нибудь меня по-настоящему бил. Конечно, ему хотелось, иной раз он прямо-таки дрожал от желания поколотить меня, и хватался за ремень, и орал, и ругался. Только он боялся, потому что мне исполнилось всего лет десять, но я был здорово большой для своего возраста и все время становился еще больше, и к тому же у меня все зубы были на месте. Он понимал, что через несколько лет я совсем вырасту, смогу дать ему отпор и просто растоптать его.

Поэтому он угрожал. Подлые мерзкие угрозы. «Не хочет сходить старику за лекарством, и это потому, что чуть моросит, две капли упало», — орал он. То есть: не хочет сходить мне за выпивкой, когда льет так, что впору котят топить. «С меня хватит, слышишь ты, парень! *Хватит* с меня! Я сдам тебя Властям! Пусть теперь округ о тебе заботится! Посмотрим, как тебе понравится в сиротском приюте! Пюре с водой три раза на дню и плетка, если ты станешь от него нос воротить. Я прямо сейчас иду, прямо *сейчас*, слышишь меня? Скажу, чтобы приехали и забрали тебя...»

Он закутывался и перся на улицу прямо в дождь и непогоду. Разумеется, он просто шел себе за пинтой спиртного. Но я об этом не знал. Я проводил всю ночь, перепрыгиваясь из одного места в другое и клацая зубами. А в конце концов засыпал под кроватью.

Прошло время, власти как-то все не являлись, и тогда он перешел к новым угрозам: «Парень, я просто не знаю, что я с тобой сделаю. Нет, *знаю*. Я продам тебя, парень... я *продам тебя Арахисам!*»

Ну, я не знал, может, Арахисы живут в соседнем районе, а может, это название иностранной державы. Знал только, что они нехорошие. Будь они хорошие, мой дед наверняка не стал бы о них заговаривать. Ни разу не бывало, чтоб он принялся запугивать меня семьей, где меня бы прилично кормили, нормально одевали и содержали бы в чистоте, это уж точно. Он даже как-то угрожал скормить меня свиньям, не *нашим* свиньям, мы никогда свиней не держали, ведь кормить их пойлом оказалось бы непосильным трудом, но в городке много кто имел свиней, и все знали, что свиньям случается сожрать ребенка, хотя, конечно, не моего возраста и не моих размеров, а совсем младенца, но об этом мне тогда известно не было.

— Что такое Арахисы? — спросил я через некоторое время. Я подумал: может, они вроде каких-то животных, но через минуту сообразил: нет, не может быть, животные не могут ничего *купить*, значит, это люди. Может, их так зовут — Арахисы, вроде как нас — Харкнессы.

— Ты пожалеешь, что тебе вообще довелось узнать об этом, — так он ответил. Он всю прищурил свои маленькие злобные глазки, а потом раскрыл их так широко, что белки стали видны целиком и краснота под веками тоже. Ох, как пожалеешь! Когда я продам тебя Арахисам! А я это сделаю, клянусь Бессмертным Господом на Небесах и на Земле... — Учтите, он никогда не ходил в церковь и не разу не прочел молитвы, и он не договорил, а только втянул в рот покрытую струпьями нижнюю губу и закивал, глядя на меня.

Может, это еще какие-нибудь власти? Может, не округа, а штата? М-р Смит, главный Арахис штата... И, разумеется, его помощники. Как ни крути, если им почему-то вздумалось меня купить, уж явно не для

чего-нибудь хорошего. Это я знал. Но я хотел знать больше. Поэтому и спросил Родни Слоута. Он не дружил со мной, со мной никто не дружил, но по крайней мере и не враждовал; к тому же все знали, что он читает книги.

— Родни, есть на свете такая штука, Арахисы?

Он кивнул. «Они живут под землей в норах», — сказал он.

Примерно лет этак десять тому назад я вдруг сообразил, что он имел тогда в виду, конечно же, *сусликов*, и я пролил кофе прямо на себя и ошпарил ноту. Когда он сообщил мне, что они живут под землей в норах, я понятия не имел, о чем он тогда подумал. *Они живут под землей в норах!* О, это страшней всего, что только можно себе представить.

Старый пес понял, что ему удалось задеть меня за живое, и это подействовало словно запах крови. Он не унимался ни на минуту. Без конца: сделай то, сделай это, чтоб ты не смел делать того и этого, иначе я продам тебя Арахисам, не сойти мне с этого места... И я все делал, пребывая в смертном страхе, почти что: хоть он и не сказал ни разу, что Арахисы меня убьют или вообще что-то мне сделают. Откуда мне знать, что этого не произойдет? *Они живут под землей в норах*, так ведь?

У старика друзей не водилось, и у меня их тоже не водилось, но были у него закадычные приятели, и тут он меня переплюнул. Один из них являл собой старую неуклюжую развалюху с длинным толстым лицом, совсем ввалившимся посередине и покрытым белой щетиной, на котором выпирали только два черных клочка: брови, похожие на свернувшихся клубком гусениц. И звали его Барлоу Брук. Не просто Барлоу, и не Брук или м-р Брук, никогда.

Я разбил тарелку.

— Руки дырявые, — сказал Барлоу Брук.

Дед завел свои песни с плясками: «Барлоу Брук, нет мне ни дня ни ночи, этот парень одно сплошное мучение».

— Выдери его как следует.

— Клянусь, парень, кончается мое терпение. Близится решительный момент, слышишь меня, парень? К тому дело идет. Я не стану тебя пороть, как советует Барлоу Брук, не-ет. У меня для этого слишком мягкое сердце. Но я тебя предупреждаю, парень, и пусть Барлоу Брук будет мне в том свидетелем: если ты не исправишься и не сделаешь этого очень скоро, я *продам* тебя Арахисам.

Барлоу Брук поддел ногой дверцу старой пыльной холодной дровяной плиты, открыл ее и плюнул внутрь: «Джордж Вульф говорил когда-то об Арахисах». Он дотянулся до ломтя хлеба, до одной из шести сотен банок со свиным салом, намазал его пальцами на хлеб и начал жрать.

— Джордж Вульф, — сказал мой дед. — Нехороший был человек.

— Уж куда как нехороший. Говорил когда-то про Арахисов. Помнишь ту девчонку у Джорджа Вульфа?

— Сопливаю девчонку?

— Уж куда как сопливаю. Ты меня не заставишь, говорила она. Ты мне не отец, говорила. Даже на моей матери не женат. Он все пытался ее изловить. Никак не мог. Поостерегись, говорил он ей. Доберутся до тебя когда-нибудь Арахисы.

Хлебные крошки, жирные хлебные крошки вываливались у него изо рта, но я не пропустил ни слова насчет сопливой девчонки из дома Джорджа Вульфа, хотя он и говорил нечленораздельно.

Барлоу Брук отхлебнул из прокоптелого вида бутылки, запивая свой обед; ни рта, ни бутылки он не вытер.

— Она ему и говорит, нету никаких таких Арахисов. Арахисы это земляные орехи, говорит она ему. Джордж Вульф, он ей растолковал. Так *поэтому* их и зовут Арахисами, говорит он, они на них *похожи*. Только не такие маленькие. Совсем не маленькие. На них — старые сморщенные кожурки. Грязно-желтого цвета. Иногда даже с парой волосков. Поостерегись, соплячка. Доберутся они до тебя. Джордж Вульф.

Барлоу Брук поставил свои разлагающиеся ботинки на керосиновую плиту.

— Слушай-слушай, парень, — сказал мне дед, самодовольно ухмыляясь.

Я проглотил слюну. Я спросил, что же случилось с сопливой девчонкой из дома Джорджа Вульфа. Эти злобные старики быстренько исподтишка переглянулись. *Что-то* с ней случилось. Это я понял. И сейчас понимаю. И у меня есть свои соображения насчет того, что именно. Но тогда... Когда Барлоу Брук сказал: «Они пришли и взяли ее», я ничего не понял, кроме того, что *они*, конечно же, и были Арахисы.

Будьте уверены, я изо всех сил старался не бить больше тарелок. Я подносил и подавал. Стоило деду сказать: «Поди сюда, парень», как я бежал бегом. Но он был брюзга, а брюзге никогда не угодишь. Он знал, что я до смерти боюсь, как бы меня не продали Арахисам, и он не унимался ни на минуту. Среди зарослей за домом попадались кусты орешника, и однажды он послал меня за орехами. Я ничего против этого не имел и вскоре ушел.

И вернулся тоже вскоре. За пределами города жила дурная семья по фамилии Уорбэнк, настолько дурная, что даже мой дед отказывался иметь с ее членами какие-либо дела. Они были злее деда, и у них имелась свора больших желтых псов, еще злее, чем они сами. Когда я подошел с ведерком к кустам орешника, там стояли Динг Уорбэнк и Кат Уорбэнк со своими ведерками и с собаками.

— Проваливай, к чертям, отсюда, — сказал Динг.

— Это не твои заросли, — сказал я.

— Взять его, — сказал Кат. Собаки кинулись на меня, и я побежал. Одна из них вцепилась мне в штаны, и выдранный клочок остался у нее в зубах. Кат, стоявший у меня за спиной, отозвал собак.

— Смотри, чтоб мы тебя здесь больше не видели, — завопил Динг.

Мой дед пришел в ярость. Он заорал, что не каким-то помоечным Уорбэнкам приказывать ему не рвать орехов в «своих собственных» зарослях.

— Ну-ка отправляйся назад, — велел он. — Давай, живо.

Я не шелохнулся.

— *Давай же*, говорю тебе! Давай, давай, давай! Хочешь, чтоб я продал тебя Арахисам?

Ох, я этого боялся, даже очень. Я боялся Арахисов. Но я ведь ни разу их не видел. А вот желтых псов Уорбэнков я *видел* и ощутил на себе их белые блестящие зубы, которые вырвали клочок из моей штанины. И я не пошел.

Он вопил и бушевал. Потом вдруг перестал. «Ладно, парень, — сказал он. — Тогда ладно. Больше я предупреждать не буду. Пройдет час, клянусь, не жить мне на свете и не зваться Дейдом Харкнессом, если я через час не продам тебя Арахисам. А теперь сгинь с глаз моих, только со двора уходить не смей!»

По-моему, он прикинул, что к тому времени Уорбэнки уйдут, а я побегу в заросли и принесу ему эти несчастные орехи, и он меня помилует... до поры до времени.

Я пошел прочь, спотыкаясь. «Сейчас четыре часа, — заорал он мне вслед. — Они придут сюда в пять. Не трудись собирать вещи: тебе ничего не понадобится!»

Мне не хотелось бы еще раз провести час как тогда. Я прятался то в одном месте, то в другом, пока не вспотел и не выпачкался сильнее, чем когда бы то ни было. Но все места казались мне ненадежными. В конце концов, мне так захотелось пить, что пришлось вылезти и отправиться к колонке. Я услышал, как старик что-то бормочет себе под нос.

Мне было глубоко плевать на то, что он велел мне не уходить со двора: ну что он мне сделает, если я не послушаюсь? Продаст меня Арахисам? Он и так уже собрался... он сам сказал. Конечно, случалось ему и раньше так сказать, а потом передумать. Только одно я знал наверняка: выносить все это я больше не в состоянии. Что угодно, казалось мне, лучше этого.

Мне никогда не доводилось бывать у Джорджа Вульфа, но я знал, где находится его дом, не очень-то и далеко. Примерно в миле отсюда, на старой грунтовой дороге, тянувшейся вдоль ручья. Старая уродливая лачуга, к которой никогда не притрагивались кистью, по-видимому, но я вряд ли обратил на это внимание, как и на провалившуюся с одного бока крышу, и на сорняки, которые вместе с подлеском

душили двор.

Раз Джордж Вульф с самого начала оказался местным знакомцем Арахисов, значит, Арахисы должны жить где-то неподалеку от его дома. В таком направлении устремились мои мысли, и сам я тоже устремился, прямо в лес, вниз с холма и чуть ли не в самое болото, из-за которого я дальше не пошел.

— Арахисы! — заорал я. — Арахисы! Эй вы, старые Арахисы! Слышите меня? — верещал я.

Ничего, только эхо моих криков. Там было сумрачно и топко, противно пахло, а меня бросало из озноба в жар и в пот, и я набрал побольше воздуха и снова принялся орать.

— Пусть продаст меня, мне плевать! Покупайте меня, мне плевать! Но он больше не сможет пугать меня этим! Хотите меня купить? Ну так валяйте, покупайте!

Когда я снова умолк, что-то жужжало. Может, просто стрекоза. Что-то шевельнулось в сером подлеске. Может, просто ветер. Я заметил неподалеку нору в земле. Может, это была обыкновенная простая нора. Но мне не хотелось ничего там выяснять. Я повернулся и, спотыкаясь, побежал прочь.

Куда? Ну куда же, как не обратно, к дому деда, к единственному известному мне своего рода дому. Я не знал, что произойдет дальше, но я знал, что это произойдет там. Должно было.

Я сбавил ход и пошел не торопясь, пока не добрался до двора. Вероятно, он и вовсе не знал, что я уходил: решил, что не посмею. И я опять какое-то время слушал, как он бормочет себе под нос. Затем он вдруг перестал.

И я тоже. Я имею в виду, перестал дышать. По-моему. На старой церкви звенел колокол, я пропустил начало, но считать удары не было необходимости. Он отбивал только целые часы. Значит, наступило пять часов.

Я скользнул взглядом по выющим растениям, из-за которых не было видно его кресла с того места, где я стоял. Нет, кресла мне не было видно. Зато я видел его, по крайней мере голову, потому что он вроде бы приподнялся и выставил вперед нос. Лицо его приобрело самый жуткий мерзкий серо-желтый цвет. Его глаза покрылись пленкой, как холодная яичница. Мне пришлось повернуться, чтобы разглядеть, на что это он смотрит, хотя я и так знал.

По дорожке через задний двор шли Арахисы.

Ростом пониже меня. Их оказалось трое, в грязно-желтых сморщенных старых кожурках и даже с волосками. С налипшей грязью.

— Парень где? — спросил первый.

— Здесь парень, — сказал второй.

— Ты продавать парень? — спросил третий.

Они подошли ко мне и пощупали мне руки и потрогали ноги. Они потянули меня за нос и ухватились за язык. Они раскрутили меня и постучали по спине. А потом отказались.

— Нет, — сказал первый.

— Не годится, — сказал второй.

— Не покупать парень, — сказал третий.

Они повернулись ко мне спиной и пошли прочь. Я смотрел, как они уходят, ни разу не обернувшись, и тут услышал, как мой дед вдруг опрокинулся и шмякнулся об крыльцо.

После этого я, конечно же, превратил его жизнь в сущий ад, а спустя два года, когда мне исполнилось двенадцать лет, сбежал, и старый ублюдок уже ни черта не смог с этим поделать.

Доктор Моррис Голдпеппер возвращается

Джеймс Э.(Элфонзус) Дэнди мерил шагами, которые можно охарактеризовать только словом «беспокойные», пол конторы у себя на ранчо в Тишоминго, являвшемся гордостью штата Техас (которое, следовательно, не нужно путать с каким-нибудь ранчо, находящимся близ Тишоминго, штат Оклахома). Время от времени он пытался, подобно Бетиусу, искать утешения в философии — это слово применяется здесь в прежнем своем истолковании и означает «наука» и обращался к книжной полке. Но на этот раз труды Кроу, Хольвагера, Бэрретта, Шильдса и Уильямса (не говоря уже об Оливере), на этот раз труды сих великих первооткрывателей науки, не смогли ни утешить, ни заинтересовать его. Бремя его было тяжело. Нужда его была велика. Шаги его были беспокойны.

На некотором расстоянии от него, нам нет необходимости устанавливать с непогрешимой точностью на каком именно, ибо все (как открыл нам великий Эйнштейн) относительно: то, что в штате Род-Айленда и Плантаций Провидено считается далеким путешествием, в Техасе — лишь увеселительная прогулка... Итак, продолжим: на некотором расстоянии от него горько плакала хорошенькая привлекательная молодая особа женского пола. Огромные слезы вытекали из ее больших глаз и скатывались по мягким щекам.

— Ну папа, папа, папа, — заклинала и молила она. — «Маленький Джимми» во всем этом не виноват. Почему нам нельзя пожениться, папа, пана, скажи?

Ее звали Мэри Джейн Кроуфорд, Человек, к которому она обращалась на языке дочерней преданности, был ее отец, д-р Клемент (или «Клем») Кроуфорд, землевладелец и земледелец, иными словами — хозяин ранчо, помимо того, овеянный [eclat\[61\]](#) как обладатель ученой степени в области Стоматологии.

Незамедлительно и совершенно по праву возникает вопрос: почему этот последний факт не упомянули первым, и вот ответ: д-р «Клем» Кроуфорд, или «Док», — фамильярное уменьшительное, которое вызвало бы обоснованную обиду в таких центрах густонаселенного обитания, как крупные города, а в сельских областях может употребляться и часто употребляется без намерения оскорбить, — «Док Клем» Кроуфорд вот уже несколько лет, как отошел и устранился от активной практики этой чрезвычайно важной профессии, и с тех пор посвящал свое время сельскому хозяйству и смежным с ним ремеслам.

— Мэри Джейн, — сказал он с некоторым раздражением. — Хорошо бы тебе прекратить эти вопли. Я не говорил, что тебе нельзя выходить замуж за «Маленького Джимми», я сказал только, что тебе нельзя выйти за него *сейчас*. Он не виноват, что «Большой Джимми» оказался в таком плачевном положении. Но все, что ему принадлежит на этом свете, является долей того, что есть у его папы, а его папа, похоже, имеет весьма значительные шансы *потерять* все, что у него есть. Мне просто совершенно невыносима мысль о том, что моей малышке придется терпеть лишения и ютиться в каком-нибудь стареньком домишке из десяти комнат. Конечно, вы могли бы потом жить *здесь*, а «Маленький Джимми» мог бы работать на *меня*. Но нет. Он абсолютно такой же упрямец, как и его папа.

Огорченная, безутешная Мэри Джейн ушла. Ее отец все так же сидел в кресле и как будто печально размышлял о делах дочери, но на самом деле у него были собственные непрощенные заботы.

В просторной кухне дома на ранчо Кроуфордов миловидная женщина средних лет занималась выпечкой пирожков с фруктами и прочих съедобных деликатесов. Это была миссис Дусит, экономка, вдовья женщина, выражаясь на языке местного диалекта. Когда-то ей казалось, что есть причина предполагать наличие интереса к ней со стороны ее нанимателя, д-ра Клемента («Клема») Кроуфорда — вдовца, никак не связанного и не имеющего ничего общего с такими аргументами, как ее пышные сочные пирожки, смачные бифштексы, вкусный кофе и восхитительное жаркое... хотя они ни в коей мере не способствовали его уменьшению.

В то время ей казалось, будто она замечает определенное выражение во взгляде своего нанимателя и определенные нотки в его голосе. Однако это время прошло, и вместе с ним у миссис Дусит прошел почти всякий интерес к работе. Она даже подумывала, не занять ли ей должность воспитательницы в заведении для неимущих девиц, которое содержал в пригороде Далласа Союз Баптистов Юга.

Но она все откладывала этот решительный шаг со дня на день.

Наверху, в просторных апартаментах, щедро предоставленных в его распоряжение хозяином, Клементом («Клемом») Кроуфордом, д-ром С. (не практ.), находилось еще одно лицо из *dramatis personae*, или списка действующих лиц повествования, внимательно рассматриваемого нами в данный момент, а именно и *videlecet* некий Моррис Голдпеппер, доктор стоматологической хирургии, изобретатель моста Голдпеппера и коронки Голдпеппера, а также усовершенствователь полувыводимого зажима, носящего его имя. Он является как бы Ливием, Макробиусом или Джиббоном данной летописи. (Скромность, проявляющаяся как самопроизвольное нежелание находиться в центре внимания, обязывает меня — за единственным исключением в данном месте — придерживаться третьего лица как ранее, так и в дальнейшем).

Апартаменты, или самая настоящая отдельная квартира, состояли из спальни, комнаты для отдыха, кабинета, кухни, бара (который в силу широко известной умеренности привычек д-ра Голдпеппера оставался почти без применения, подобно определенным органам, характерным для млекопитающих, наличествующим у кабана), игровой комнаты и помещения, прежде бывшего второй спальней, которое, однако, ценой немалых затрат и усилий превратили в лабораторию для изготовления и сборки зубопротезных приспособлений.

Сделано все это было исключительно из великодушия, привязанности и уважения, которые испытывал д-р Кроуфорд по отношению к своему старинному «однокашнику» по Морской Зубоврачебной Службе, д-ру Голдпепперу.

Не следует думать, что д-р Голдпеппер перестал арендовать свою холостяцкую квартиру в отеле Дейвенпорт, а также лабораторию на Бродвее в северо-западной его части, где расположены Семидесятые улицы, чтобы вести образ жизни провинциального сквайра в лесистой или (учитывая скудность деревьев) полулесистой цитадели округа Джон К. Колхаун, штат Техас. В сущности, дело не слишком приятное заключалось в том, что он как раз претерпевал долгий затруднительный процесс восстановления сил, сопряженный с последствиями вызволения его из когтей и лап злокозненных обитателей планеты иной части Галактики.

Во всяком случае д-р Голдпеппер отдыхал в роскошно обставленных апартаментах для гостей. Он совершал долгие прогулки по ранчо и находил удовольствие в зеленеющей растительности всходов и округлой волнистости холмов. И, впервые со времени отрочества, возвратился он к незлобивому занятию — рыболовству, или ко времяпрепровождению путем ужения рыбы.

Ранчо М. Бар Л. (названное в честь почтенного Мирабо Бонапарте Ламара, бывшего некогда президентом Техасской Республики и кумиром «Дока Клема» в детстве) находилось на реке Маленькая Команче. Тем, кто привык к величавому Гудзону и судоходной Ист Ривер, применение слова «река» по отношению к тому, что остальные могут счесть всего лишь ручьем, вначале дается нелегко. Как бы там ни было, воды Маленькой Команче изобиловали форелью, окунями и прочими съедобными разновидностями рыб. Д-р Голдпеппер считал себя слишком нетерпеливым, чтобы попытаться овладеть техникой ужения рыбы на искусственную или даже натуральную мушку, однако его предприимчивый хозяин постоянно наполнял коробочку для наживки червями паразитической стати и длины, и при подобном вспоможествовании гость зачастую возвращался домой, неся в корзине для рыбы кое-что помимо воздуха.

Именно в тот день, с которого мы начали свой рассказ, д-р Голдпеппер возвратился, совершив обход окрестностей, и хозяин дома сообщил, что некто дожидается, желая повидать его.

— Дожидается, желая повидать *меня*? — так прозвучал удивленный ответ. — *Кто?*

— Морри, я не знаю, — сказал доктор «Клем», — какой-то маленький старенький человек.

Д-ра Голдпеппера совершенно сбита с толку осведомленность о привычке техасцев ставить слова «маленький» и «старенький» чуть ли не перед всяким существительным — «маленький старенький младенец», «маленький старенький слон» или «бронтозавр» — а потому он удивился, заметив, что ожидавшийся его субъект действительно оказался маленьким и — судя по всем внешним признакам — стареньким.

Но прошла доля секунды, и он узнал типично синие десны во рту этого индивидуума, раскрывшемся в

раболепной фальшивой лицемерной улыбке, и понял, что находится в обществе представителя отвратительной и чужеродной расы, чьим пленником он оказался вопреки своей воле на далеком Ипсилоне Кентавра (так он называл ее с мрачноватой иронией, чтобы избежать озлобления).

Напугавшись, д-р Голдпеппер от изумления вскрикнул. Он сделал шаг и по оплошности оказался за спиной «Дока» Кроуфорда, спросившего: «Морри, в чем, к черту, дело?»

Голдпеппер бесстрашно попытался хлестнуть посягателя удочкой, но миниатюрный инопланетянин увернулся от удара и упал ниц, крича: «Будь добр, милосердный Голдпеппер!», и попытался подсунуть голову под ногу Голдпеппера.

Как только наступило осознание того, что сей жест выражает смирение, а также уважение и почтение, а не является одним из приемов силовой борьбы, последний сразу же обрел спокойствие.

— Что означает это возмутительное вторжение? — с суровым возмущением спросил д-р Голдпеппер. — Входит ли в ваши намерения похитить меня еще раз, как будто я еще не пресытился *цурис*?

— Окажи содействие, окажи, великодушный Голдпеппер! — застонал инопланетянин, корчась на ковре из шкур пятидесяти четырех койотов, застреленных владельцем М.Бар Л. — Прости, Величайший Стоматолог всех времен!

Схватив нежеланного гостя за край воротничка, пока тот все пытался изобразить из себя вассала, д-р Кроуфорд осведомился, в некотором изумлении: «Морри, ты хочешь сказать, что эта маленькая старенькая тварь принадлежит к банде, которая тебя похитила?»

— Это совершилось за счет хитрости, а не путем насилия, — устало сказал некогда пострадавший. — И мне не хочется останавливаться на этом вопросе. Попроси его удалиться.

— *Попросить* его?! — воскликнул, ругнувшись, д-р Кроуфорд. Он открыл дверь и вышвырнул незваного гостя вон с некоторой долей насилия. Затем он вызвал одного из своих служащих, высокого смуглого уродливого человека с одним лишь глазом, известного как «Ojito» [\[62\]](#) Гонсалес, за чью голову в штате Чиуауа (а может быть, Сонора) было назначено неофициальное вознаграждение в десять тысяч песо. Он приказал мексиканцу не допускать более внеземное существо в пределы ранчо под угрозой великой немилости.

Чрезвычайно потрясенный этими событиями д-р Голдпеппер позволил себе поддаться на уговоры и выпить маленькую рюмочку виски «Бурбон», а миссис Дусит сварила ему крепкого кофе.

Еще не улеглось возбуждение, вызванное этими неприятными событиями, а с дороги уже донесся шум автомобиля. Выглянув из окна, находившиеся в помещении увидели хорошо известный светло-кремовый кадиллак Джеймса Э.(Элфонзуса) «Большого Джимми» Дэнди. Вместе с ним в машине сидел его сын, «Маленький Джимми», — замечательный пример гиперболы или преувеличения, не имеющего целью ввести в заблуждение, ибо невооруженному глазу было ясно, что в «Маленьком Джимми» по меньшей мере шесть футов и шесть дюймов росту, и лицо у него открытое и приятное. Для д-ра Морриса Голдпеппера служил источником печали тот факт, что независимые от него обстоятельства создали препятствия браку этого молодого человека и Мэри Джейн Кроуфорд, к которой он очень нежно относился (наподобие дядюшки, и она называла его «дядя Морри»).

Молодой человек помахал им рукой, а затем удалился вместе со своей нареченной, выбежавшей из дома ему навстречу. Его отец поглядел на них, покачал головой и медленно пошел в дом.

— Здравсте, «Клем», — сказал он в качестве приветствия. — Здравсте, «Док», — имея в виду не хозяина, а гостя.

— Какие-нибудь новости, «Джимми»? — осведомился д-р Кроуфорд. Когда м-р Дэнди медленно покачал головой, д-р Кроуфорд сжал губы. Затем он встал. «Мне надо заняться кой-каким делом на южном сороковом, — сказал он. — А вы с „Морри“ развлеките пока друг друга. „Джимми“, вы с сыном остаетесь обедать у нас, слышишь? — И он исчез. Ему явно не хотелось, чтобы представилась возможность побыть с другом наедине, конечно, из опасений, как бы не оказался затронут вопрос отложенного бракосочетания.

Изо всех сил стараясь завязать беседу, д-р Голдпеппер спросил: «Интересно, почему люди всегда говорят о *южных* сороковых. Почему это так редко приходится слышать, если вообще приходится, о

северных сороковых?»

Но м-р Дэнди не справился с решением этого занимательного этно-экологического вопроса. Он просто покачал головой со смущенным видом и сказал: «Прокляни меня Б., я не знаю, „Док“. А потом вздохнул.

Он был типичным хозяином ранчо техасского типа: высокий, покрасневшее лицо, сапоги, Стетсон.

Он еще раз вздохнул, глядя на чучело части белохвостого оленя, которое д-р Кроуфорд разместил над полкой гигантского камина, следуя довольно-таки сомнительному порыву.

— М-р Дэнди...

— «Джимми», «Док».

— «Джимми», простите, что я затрагиваю ваши личные эмоциональные затруднения, но если не возражаете... в конце концов, хоть я и не врач в общепринятом смысле слова, и уж вовсе не психиатр, не психолог и не психоаналитик (Фрейдянской или иной направленности), все же, на протяжении долгих лет исполнения профессионального долга, прежде чем приступить к работе более уединенного свойства над зубными протезами, в ходе гражданской практики, а также в Морской Зубоврачебной Службе Соединенных Штатов пациенты часто поверяли мне разнообразные свои затруднения, и...

М-р Дэнди разразился стоном. «Док, — сказал он, — вы не знаете кого-нибудь, кто хотел бы купить пятнадцать миллионов дождевых червей?»

Молчание.

Д-р Моррис Голдпеппер пришел к убеждению, что этот человек повредился в уме, что послужило причиной ментальных aberrаций немалых размеров.

— Что вы понимаете под «пятнадцатью миллионами дождевых червей»? осторожно спросил он. Ему уже доводилось сталкиваться с разнообразнейшими видами маний, но это было нечто новое.

— Во всем виновато Б... проклятое Федеральное Правительство, — сказал м-р Дэнди. — Если бы не Они, я никогда бы не оказался в этом самом затруднении. Могли бы по крайней мере скупить их у меня. Они ведь скупают избыток пшеницы, верно? Масла? Хлопка? Земляных груш? А вот известно вам, что в прошлом году Федеральное Правительство истратило свыше восьми миллионов долларов налогообложении, чтобы не упали цены на свиное сало?

— Как! — воскликнул задетый за живое д-р Голдпеппер. — Из моих денег?

М-р «Большой Джимми» Дэнди с шумом стукнул кулаком правой руки об ладонь левой. «Да, сэр, из ваших денег! И из моих денег! Но разве я могу получить часть их обратно, когда они мне нужны? Нет, сэр. Они да их Б... проклятая борьба с наводнениями! Да стоит мне только подумать об этом...»

Д-р Моррис Голдпеппер с тоской подумал о безупречно оборудованной лаборатории наверху, об аккуратных рядах штифтов с зубами, о подносах с шеллаком, гипсом, зуботехническим камнем, о подносах с протезами, печах и машинах для отливки, о токарном станке Бальдора, о горелках Бунзена. Ведь он мог бы заниматься сейчас работой над своим излюбленным проектом, разрабатывая Колпачок Голдпеппера, вместо того чтобы выслушивать бессвязную болтовню какого-то доморощенного антифедералиста. Он вздохнул.

— Какова же в точности или хотя бы приблизительно связь, — спросил он, — между государственными проектами по борьбе с наводнениями и продажей или приобретением дождевых червей?

Худой морщинистый владелец ранчо сочувственно посмотрел на него. «Это верно, — сказал он. — Вы же нездешний. Откуда вам знать. Значит, так, „Док“, предполагалось, что Федеральное Правительство станет осуществлять этот самый проект по борьбе с наводнениями и построит плотины в долинах рек Маленькая Команче, Большая Команче, Средняя Команче, Мутный Том, Прозрачный Том и Упрямица, отчего возникло бы двадцать семь новых озер. Вы ведь знаете, „Док“, в этой части Техаса озер очень мало, и не думаю, что среди них наберется больше одного или двух, чтобы нельзя было плюнуть с одного берега на другой, если ветер удачный и дует в спину. Так что можете себе представить, что бы значило появление

двадцати семи озер. *Двадцать семь озер!*»

— Гм-м-м, — глубокомысленно сказал д-р Моррис Голдпеппер.

— Все рыболовы Техаса, — с энтузиазмом заявил м-р «Большой Джимми», толпами потянулись бы в новый Озерный Край, не говоря уже о множестве народу из других штатов. Это стало бы крупнейшим событием со времени обнаружения нефти. Ну и естественно, — сказал он, — я позаботился об увеличении поголовья.

— Поголовья?

— Да. У себя на ранчо.

Д-р Голдпеппер, мысливший в рамках инвестиционных трестов, обычных и приоритетных, и разбиравшийся в этом вопросе слабо или не разбиравшийся вообще, так как по природе своей не был дельцом, мягко усмехнулся. «Понимаю, — сказал он. — Черный Ангус? Санта Гертрудис? Брахма? — термины, которым он научился у своего хозяина, Клемента („Клема“) Кроуфорда, д-ра С. (не практ.). — Вы собирались продавать мясо этим приезжим туристам? Мясо на вертеле? Гамбургеры?»

М-р Дэнди бросил на него престранный взгляд. «Вы хотите сказать, „Док“, — осведомился он, — что не знаете, какого рода тварей я развожу у себя на ранчо?»

В наступившем неловком молчании до них донеслись голоса молодых людей, гулявших на улице. Мэри Джейн все плакала, уткнувшись в шелковую рубашку «Маленького Джимми» и так намочила ее, что она стала прозрачной. А он похлопывал ее по плечам своими огромными руками и говорил: «Ну-ну, золотко. Ну-ну, золотко».

— Э-э-э, так *какого* же рода?

— «Док», когда в Техасе говорят «Джим Дэнди», имеют в виду дождевых червей. А когда говорят «дождевые черви», имеют в виду Джима Дэнди. Однозначные термины, сэр. Однозначные термины. Двадцать пять лет назад я начал дело с одного бочонка червей, а теперь у меня самое большое ранчо с червями во всем штате Техас! А значит и в мире. Ямы для червей площадью в квадратную милю, «Док», представьте себе. Сараи, баки и контейнеры для червей площадью в квадратную милю. — С гордым мечтательным выражением лица он пристально смотрел вдаль. — Эрл Б.Шилдс, вы ведь слышали об Эрле Б.Шилдсе? Все слышали об Эрле Б.Шилдсе. Эрл Б.Шилдс посвящает мне целых две главы в «Коммерческом разведении Дождевых червей». В «Больших и лучших Красных червях» Джорджа Х.Холвейджера имеется пятнадцать иллюстраций с изображениями моего ранчо. Называет меня «примером, достойным подражания для всех прогрессивных владельцев ранчо с червями». Что вы об *этом* думаете? Бэрретт, Оливер, Кроу, Уильямс и прочие — все они ссылаются на меня, да, сэр.

Затем восторженное выражение исчезло с его морщинистого лица.

— Но я слишком высоко замахнулся, — сказал он. — Меня подстегнула одна только мысль об этих двадцати семи озерах и толпах, которые туда устремятся. Какой рынок для червей для наживки! А я оказался как раз посреди всего этого, верхом на главной автомагистрали! Я публиковал объявления, на целые страницы в «Национальном Владельце Ранчо с Червями», предлагал максимальные цены: восемь долларов за пять сотен гигантов, пять долларов за пять сотен средних и четыре доллара за пять сотен червей общего типа. Предлагал гарантированные соглашения по покупке на три года вперед...

Охваченный энтузиазмом владелец ранчо возводил новые строения, чтобы разместить увеличившееся поголовье. Он занимал деньги, чтобы расплатиться за них.

О тщета людских желаний! Увы! (Так назвал это Сэмюэл Джонсон, д-р права, вып. Оксф.). Увы честолюбивым замыслом!

Во имя экономии Федеральное Правительство отменило осуществление проекта по борьбе с наводнениями в области, куда входили регионы рек Маленькая Команче, Большая Команче, Средняя Команче, Мутный Том, Прозрачный Том и Упрямица, а «Большой Джимми» Дэнди с ранчо Дождевой Червь Джима Дэнди, таким образом, остался как бы расхлебывать кашу.

Какое право, вопрошал он, имело Федеральное Правительство лезть в дела Техаса со своей

экономией? Если бы техасцам понадобилась экономия, заявил он, штат остался бы Республикой.

— И вот теперь, — торжественно заявил он, — у меня пятнадцать миллионов червей в ямах, а мои постоянные рынки не в состоянии приобрести больше миллиона. «Док», перед вами стоит разоренный человек. Мои надежды разлетелись в прах, мои земли заложены, и, похоже, «Маленький Джимми» и Мэри Джейн еще долгие годы не смогут пожениться. Ведь я знаю наверняка, что мой мальчик не станет разбивать папе сердце и не возьмет на себя расходы и ответственность за жену, прежде чем удастся расплатиться с папиными долгами до последнего медяка. Если бы я считал иначе, я пустил бы себе пулю в лоб, и он знает об этом, да, знает.

— От одной только мысли, что все эти голодные красавцы, извиваясь, ползают по моим червячным ямам, и нет для них рынка сбыта, ну никакого, у меня болит и сосет под ложечкой. Интересно, не испекла ли миссис Дусит пирог со сладким картофелем, Впрочем, если нет, я съем с ревенем и пеканом.

Д-р Моррис Голдпеппер отклонил предложение проследовать вместе с владельцем ранчо на кухню и, терминологически неточно сославшись на головную боль, удалился, дабы предпринять еще одну продолжительную прогулку по окрестностям.

Часть ума д-ра Голдпеппера была погружена в размышления о проблемах колпачка Голдпеппера, вот уже много лет являвшегося бесконечным трудом на стадии развития (например, должен ли он быть сетчатым или нет), а в то же время другая часть его ума печально обдумывала вопрос «Большого Джимми», «Маленького Джимми» и Мэри Джейн.

Он едва ли успел отдать себе в том отчет, как уже оказался на чем-то вроде высокой насыпи или холмика, откуда открывался вид на изрядную часть владений его друга, д-ра Кроуфорда. Повсюду зеленели всходы, кроме этого холмика, сухого, пыльного, питавшего (а, может, это слишком сильное выражение?) лишь кучку болезненного вида сорняков.

Его внимание привлек скребущий звук, он обернулся и увидел инопланетянина, того самого, которого ранее вышвырнули за пределы владений, пребывавшего в данный момент в процессе стояния на коленях и посыпания головы пылью при помощи обеих рук.

— Презренный я! О, великий Голдпеппер! — заныл он. — Смирен я и унижен пред тобой. От имени моего народа приношу извинения я. Прости, прости, сострадательный Голдпеппер!

Сначала д-р Моррис Голдпеппер решил, что дорого продаст свою жизнь. Но ему пришло в голову, что эта тварь из иного квадранта Галактики, может быть, как раз говорит правду. К тому же в нем разыграло любопытство.

— Что вы здесь делаете? — осведомился он. — Согласно договору о мире, подписанному вашей планетой, Американской Ассоциацией Стоматологов и Союзом Прибрежных Предприятий, действовавшими через своего представителя м-ра Альберта Аннаполло, а также Плану Стоматологического Здравоохранения Портовых Грузчиков, выступавших в роли наших ударных войск, меня надлежало освободить из плена, где я трудился, изготавливая зубные протезы, чтобы представители вашей изначально беззубой расы смогли выдавать себя за землян; а все ваши соплеменники, находящиеся на этой планете, должны были отбыть [instanta \[63\]](#) под угрозой безжалостного фторирования воды на вашей планете. А потому я вынужден спросить: что вы здесь, по-вашему, делаете?

— Малейшая примесь фтора для нас мгновенную смерть несет. Жизнелюбивый Голдпеппер, — запричитал инопланетянин, — сжался!

Вопреки собственной воле д-р Голдпеппер растрогался и великодушно повелел ему говорить без страха. И данная форма внеземной жизни (его раса имела два сердца и шесть отдельных суставчатых пальцев на каждой руке и ноге) именно так и поступила.

— Когда тебя у нас забрали, великое бедствие с нами стряслось, благоприятствующий Голдпеппер! — простонал он. — Помоги, помоги!

— И в чем беда, как вам представляется?

— Перенаселенность.

С некоторой натянутостью д-р Голдпеппер указал на то, что он не Маргарет Сэнгер.

— Недоедание! Почва нашего родного мира долгие циклы оскудевала. Горе, горе, горе! Пораженной планете нашей вспоможесть, ученый Голдпеппер!

В precis [64] или вкратце, поведанная им история заключалась в следующем: в результате какого-то странного состояния самой почвы на их планете урожай слиса, источника основного студенистого продукта их питания, снизился на сорок процентов и продолжал снижаться. Урожай пертса, главного компонента каш, упал до двадцати процентов по сравнению с обычным, а что касается снита, катча и зуки, обладавших более ограниченным количеством питательных веществ, считалось сомнительным, чтобы урожай их смог достигнуть зрелости. Химики-почвенники Ипсилона Кентавра, по всей видимости, столь же передовые, сколь и наши, заявили, что находятся в тупике. Опрыскивание обширных площадей Кз. Пф. Кз. ни к чему не привело, а орошение еще более обширных районов снургом не принесло ни малейших результатов.

— Когда-то наша планета как *это* выглядела, — провыл оратор. — Теперь как *это* она. — Сначала он указал на зелень, со всех сторон окружавшую холм, потом — на бесплодное возвышение, на котором они стояли; затем он нагнулся и снова стал посыпать голову пылью.

Следя за движениями его рук, д-р Голдпеппер заметил, что к ним приближается один из работников ранчо и с помощью жеста выразил свое желание, чтобы этот человек поднялся к ним.

— Раз уж вы тут, «Док», — сказал этот человек, подходя к нему, — у меня тут этот самый клык задает мне жару, лицо мне все разнесло, и я живу на одном пиве с бобами. Видите? — и он засунул в рот пыльный палец, чтобы указать на болезненный клык.

— Когда сможете, приходите в хозяйский дом, у меня там инструменты, я взгляну на него, — сказал д-р Голдпеппер. — А пока что, извините за любопытство, но почему именно этот холм в таком запустении по сравнению с тем, что я осмелюсь назвать буйной растительностью во всех прочих местах на ранчо?

Человек вынул палец изо рта, пососал в размышлении зуб, а затем сказал: «Ну как же... эта... вон земля выглядит как *вся* тутошняя земля раньше выглядела, пока мы не запустили этих самых красно-золотистых гибридных гигантов Джима Дэнди. Теперь тут каждый-всякий кусок земли зеленый и произрастает. Мы... эта... держим тут старенький маленький холм отдельно просто, чтоб показать, до чего тут раньше жутко было. „Док“, а это здорово больно?»

Таким образом было явлено д-ру Моррису Голдпепперу напоминание об исключительной и удивительной способности обычных дождевых червей — не говоря уже о красно-золотистых гибридных гигантах Джима Дэнди омолаживать участок земли путем продвижения через нее и за счет ее продвижения через *них*. «Противная тема», — возможно, скажет кое-кто, но ничто естественное не противно науке стоматологии; размышляя об этом, он возвратился в хозяйский дом в сопровождении выходца с Ипсилона Кентавра как раз вовремя, чтобы застать «Большого Джимми».

Ведущий производитель червей Америки никак не хотел поверить, что инопланетянин явился с другой планеты, но после многократных заверений и уверений в том, что он во всяком случае не из Советского Союза, выразил полную готовность к заключению сделки. В конце концов далеко не каждый день недели приносит покупателя на пятнадцать миллионов дождевых червей.

Однако слово «покупатель» подразумевает не только продажу, но и покупку тоже. Покупать можно, расплачиваясь наличными, товарами или услугами. Наличных у ипсилонцев, понятное дело, не имелось. Единственным видом услуг в пределах их способностей, который мог бы хоть как-нибудь пригодиться, являлась телепортация (трансматериализация, согласно иному словоупотреблению), но все сошлись на мнении, что к этому мир еще не готов. Поэтому оставались «товары».

Ипсилонец предложил расплатиться за червей, когда урожай в его родном мире поднимется до прежних размеров, слисом, пертсом, катчем и/или зуки из расчета фунт за фунт. Но когда д-р Моррис Голдпеппер (некогда питавшийся долгие месяцы этими веществами и их производными) сообщил, что лучшие из них по вкусу напоминают старый переплетный клей, м-р Дэнди отклонил это предложение. А также рыгнул.

— Извините меня, ребята, — сказал он, сконфузившись и придя в замешательство. — Это что-то вроде

несварения на нервной почве, бывает у меня время от... Что *это*, к чертям, такое?

«Этим» оказался ряд предметов в маленькой коробочке, которую протянул ему инопланетянин с Ипсилона; с виду они не отличались от таблеток аспирина по пять гранов, а по форме походили скорее на крошечные претцели [65].

— Незначительные лекарства моей планеты, они, — сказал он, — от нездоровья желудка, толстой кишки, фриста и гранка помогают. Прими, прими, возвращающий червей Дэнди.

Он принял, и, пока он глотал, д-р Кроуфорд спросил: «Они еще от чего-нибудь помогают?»

Ипсилонец призадумался. «От артрита», — сказал он после глубоких размышлений. Доктор «Клем» публично признался, что время от времени оказывается жертвой заболевания, которое, по его предположениям, вполне может быть артритом в области левого колена, и проглотил один из пилюлеобразных претцелей прежде, чем коллега успел указать ему на то, что это ненаучный подход к глубоко научному вопросу.

В ту самую минуту вошел «Маленький Джимми» и напомнил отцу, что они обязаны заботиться о пятнадцати миллионах червей и по этой причине не смогут провести здесь весь день и всю ночь, как бы сильно он лично («Маленький Джимми») этого ни желал. Когда он нехотя смолк, явственно послышались приглушенные всхлипывания Мэри Джейн, стоявшей на улице.

Его отец встал. «Мальчик прав, — заявил он. — Что ж, пожалуй, мне придется вернуться завтра и продолжить обсуждение. Я, право же, надеюсь, что нам удастся что-нибудь придумать. До свидания». И они уехали на светло-кремовом кадиллаке, а д-ру Голдпепперу пришлось тогда заняться лечением воспалившегося зуба работника ранчо. Пришлось потрудиться над корнями и каналами. С помощью не вполне усердного коллеги работа пришла к успешному завершению.

Все легли спать довольно рано, не исключая и ипсилонца. «Я, пожалуй, приму еще одну такую штуковину», — заметил хозяин дома, собираясь отправиться наверх.

— Вас беспокоил в последнее время артрит? — заботливо спросил д-р Голдпеппер.

— Нет, а к чему рисковать? — прозвучало в ответ. — Спокойной ночи, «Морри». Спокойной ночи, Мэри Джейн. Спокойной ночи, э-э-э.

Мэри Джейн шмыгнула носом.

Следующее утро застало д-ра Морриса Голдпеппера за питьем сока розового грейпфрута (фрукта, который должен бы прославить Техас куда больше) в обществе одной лишь Мэри Джейн, которой нечего было сказать; лишь изредка раздавались слегка сдвоенные всхлипывания.

Не успел он покончить с этим занятием, как приехали Дэнди, и м-р Дэнди старший ворвался в уголок для завтрака (размером с Главный Бальный Зал в отеле «Дейвенпорт»), его красное лицо светилось радостью. «Подействовало!» — крикнул он, и этот шум привлек на место действия ипсилонца. «Большой Джимми» приподнял его и закружился вместе с ним по комнате в танце. «Подействовало! Привело мой желудок в порядок, в каком он прежде никогда еще не бывал! Оно *наверняка* подействует и на артрит тоже! Я думаю, одна половина населения Соединенных Штатов страдает несварением на нервной почве, а у второй — артрит! М-р ипсилонец, скажите, вы не армянин? Я знавал очень славных армян! Я возьму семь с половиной миллионов белых и семь с половиной миллионов розовых, по червя за таблетку. Договорились?»

Инопланетянин пребывал в таком ошеломлении, что смог лишь кивнуть.

И тут вниз сошел д-р Кроуфорд. «Мэри Джейн, золотко, — изрек он, ступай-ка скорей на улицу да подари своему милому настоящий крепкий поцелуй по случаю доброго утра, слышишь? И скажи ему, что свадьба *состоится!*»

Обрадованная девушка с веселым визгом кинулась прочь из комнаты, а ее отец подмигнул, ткнул локтем в ребра двух землян и, понизив голос, сообщил: «Я обнаружил, от чего еще помогают эти таблетки! Ах, с добрым *утром*, Лилибелль!»

Д-р Голдпеппер, вознамерившийся было спросить, от чего еще, поднял голову, дабы узнать, что это за

«Лилибелль», и — о, чудо! — ею оказалась миловидная экономка, к которой «Клем» раньше ни разу не обращался иначе, как «Миссис Дусит, мэм». Она покраснела и, прежде чем опустила глаза, стало видно, что в них мелькают искорки.

— Гм-м, — произнес «Большой Джимми» и добавил: «Ну, пожалуй, теперь нам понятно, что значит „Фрист“. А может, это „гранк“? М-р ипсилонец, сойдемся на пяти миллионах белых, пяти миллионах розовых и пяти миллионах зеленых. Сообщите этим самым фабрикам, чтобы готовились к увеличению выпуска продукции. Йиппи!»

— Йиихуу! — вскричал доктор Кроуфорд.

Инопланетянин ничего не сказал, только преклонил колени и поцеловал отвороты брюк д-ра Голдпеппера.

Как спасли Ипсилон Кентавра от истощения почвы и от голода, как техасская компания «Этичные Медикаменты Джима Дэнди Инкорпорейтед» со скоростью света выдвинулась в один ряд с большими корпорациями вместе с родственным ей синдикатом «Красно-Золотистые Гибридные Гигантские Дождевые Черви Джима Дэнди», как Джеймс Э.(Эльфонзус) Дэнди младший женился на Мэри Джейн Кроуфорд, как в ходе той же церемонии сочетались браком ее отец и миссис Лилибелль Дусит — суть темы слишком обширного содержания, чтобы д-р Моррис Голдпеппер смог осветить их здесь; он вновь пребывает в трудах и в добром здравии и, желая лишь добра и процветания зубоврачебному ремеслу Америки и человечеству, рад, что останется в памяти грядущих поколений лишь как изобретатель моста Голдпеппера, коронки Голдпеппера и как усовершенствователь полувывдвижного зажима, который носит его имя.

Удостоверение

До зимнего рассвета оставалось еще два часа, когда доктор Роджер Фримэн подошел к массивной двери и встал возле нее. По счастливой, невероятно счастливой случайности его ни о чем не спросили, пока он, крадучись, выбирался из дортуара. Если бы его задержали или же сочли его ответ сомнительным или неадекватным, по всей вероятности, его отправили бы обратно в дортуар, чтобы наказать. Конечно, наказание закончится, когда пора будет отправляться на работу к десяти часам утра, но за эти немногие часы человек способен выстрадать несколько вечностей ада. Тихие приглушенные стоны да вялые конвульсивные движения — вот и все признаки происходящего. Совсем не мешает спать, если наказывают кого-то другого.

Массивная дверь находилась в углублении, и острое лезвие ветра не могло туда дотянуться.

Роджер Фримэн воспринял это с благодарностью. Он внес ходатайство о новом пальто два года назад, старое уже тогда сильно износилось. Может быть, если только этот год не принесет освобождения, он получит пальто в следующем. Он затиснулся в угол, стараясь не думать о холоде.

Вскоре к нему присоединился еще один мужчина, за ним — другой, потом женщина и супружеская пара. Каждый из них сознательно пошел на риск, все рисковали получить наказание за то, что вышли на улицу до начала работы или за опоздание на работу. Одним просто понадобилась одежда. Кто-то хотел получить разрешение на поездку к родственникам в другое место. И того, и другого нужно ждать годами. А можно много лет прождать и не получить ни того, ни другого. Некоторые, как Фримэн, вопреки всему надеялись на счастливый случай, на освобождение.

Доктор Фримэн пристально глядел на дверь. Весьма причудливый узор и столь же непостижимый. Хеддеранцам он, несомненно, о чем-то говорит. Если понять его значение, можно было бы хоть как-то догадываться, что представляет собой их далекая родина. Если интересно. С момента их пришествия прошло пятьдесят лет, а люди так почти ничего о них и не знают.

Они здесь. Они не уйдут никогда. Этого вполне достаточно.

Стоявший за доктором Фримэном мужчина упал. Никто не обратил на него ни малейшего внимания. Прошло мгновение, раздался высокий короткий гудок. Мужчина дернулся, открыл глаза. Он поднялся на ноги.

И тут дверь открылась.

«*Проходите по порядку*», — распорядился голос, низкий вялый голос хеддеранца, резкий и в то же время тягучий. Никто не пытался протолкаться вперед, все хорошо усвоили печальный опыт. Доктор Фримэн встал на третий эскалатор, спустился на два этажа вниз. Были времена, когда люди поднимались вверх, но это до прихода хеддеранцев. Им не нравились высокие здания, по крайней мере такое создалось впечатление. Они не давали никаких объяснений, ни по этому поводу, ни по какому-либо другому. Они просто уничтожали то, что было им не по вкусу.

На подходе к кабинету доктор Фримэн оглянулся. За ним выстроилось человек двенадцать, не меньше. Все смотрели на него волком. Удостоверений выдают так мало, а он — первый на очереди. Он отвернулся. Он не спал всю ночь, чтобы *оказаться* первым. Никто не вправе на него обижаться. А мужчина, который стоит за ним, молод. На что он надеется?..

Дверь открылась, голос произнес: «*Проходите по одному за единственный раз*». Пятьдесят лет прошло, а хеддеранцы так и не освоили язык. Конечно, им это ни к чему. Роджер Фримэн вошел в кабинет, взял бланк для заявления из прорези настенного автомата, имевшегося в каждом кабинете, сел за стол. Когда же доводилось ему сидеть на стуле в прошлый раз? Неважно.

Конечно, анкета на хеддеранском языке. Голос произнес «*Имя*». Голос произнес: «*Номер*».

Он написал: «Роджер Фримэн... 655-673-60-60-2». Бесцельно бросил взгляд на скопление хеддеранских букв. Если бы можно было взять с собой анкету с вопросами на хеддеранском и ответами на английском языке, вероятно, если выкроить время, удалось бы отыскать ключ к переводу. Но брать анкету с собой нельзя. Испортивший бланк выбывает из очереди. Внести ходатайство можно только раз в год. А

если бы и удалось научиться читать на их языке, что дальше? Брат Фримэна, Боб, поговаривал о восстании, но с тех пор прошло много лет... и он не любил вспоминать о том, что произошло с Бобом. К тому же у него нет времени — в десять он должен выйти на работу.

С десяти утра до десяти ночи (у хеддеранцев имелся собственный подход к счислению времени) он работал у станка, с силой нажимая на рычаги. К одним из них нужно было нагибаться, а чтобы дотянуться до других, приходилось подниматься по лесенке. Он не знал ни что делает эта машина, ни хотя бы как она устроена. Да его это уже и не интересовало. Его уже ничего не интересовало, кроме нового пальто (или хотя бы какого-нибудь поновей, не сношенного до дыр) и собственных шансов на освобождение.

Возраст. Род занятий. Прежний род занятий. То есть до прихода хеддеранцев. Пятьдесят лет назад. Он был врачом. Устаревшая профессия. Теперь внутри каждого человека имеется частичка... чего-то... по-видимому, она каким-то образом сообщается с аппаратурой, установленной в глубине помещений, где живут хеддеранцы. Случись перелом кости, кровотечение или просто обморок (как с молодым человеком, стоявшим за ним в очереди), пройдет меньше секунды, и все уже в порядке. Никто подолгу не болел, ведь даже изношенные органы подвергались регенерации. Слишком мало людей осталось в живых, и эти немногие были слишком сильно нужны хеддеранцам, чтобы позволить им болеть или умирать.

Он, наконец, заполнил длинную анкету. Резкий голос сказал: *«Теперь немедленно в кабинет десять, четвертый этаж».*

Доктор Фримэн покорно поспешил прочь. Если они говорят «немедленно», это всерьез. Наказание может обрушиться, словно удар бича, а может тянуться нескончаемо долго. Заранее никогда не известно. Может быть, хеддеранцам известно. Только они не говорят. Когда Фримэн вышел из кабинета, туда кинулся следующий по очереди мужчина, стоявший под дверью. Только трое человек могли надеяться, что успеют пройти процедуру до начала своего рабочего дня.

В кабинете десять на четвертом этаже ему задали те же вопросы, только в ином порядке. Затем его направили в кабинет пять на семнадцатом этаже. Там обе анкеты заложили в машину, и она выдала их обратно со штемпельными отметками на хеддеранском языке.

«Кабинет восемь, второй этаж», — сказал голос. Добравшись до места, он опустил анкеты в щель. Мгновение — и они вернулись обратно, без пометок.

«Имя Роджер Фримэн. Номер 655-673-60-60-2. За вами имеется единоразовое ходатайство без резолюции. Непозволительно два. Вы отмените это ходатайство. Или отмените то».

Мысли его отчаянно заматались. Что же это за ходатайство без резолюции? Когда ввели такое правило? Пальто! Если оставить последнее заявление и на него придет отказ, придется ждать следующего года, чтобы вторично подать прошение о пальто. А потом снова ждать годами... Стоял холод, дортуар плохо отапливался, у него не было одеяла. Его нынешнее пальто совсем обветшало. Удобства для людей сведены к минимуму.

Но подать новое прошение *необходимо*. Он оказался первым на очереди...

«Говорите, — приказал низкий вялый голос. — Отвечайте. Говорите. Сразу».

Глотая в спешке слова, Фримэн сказал: «Я отменяю оставшееся без резолюции».

«Опустите бланки».

Опустил. Стал ждать.

«Пройдите в Кабинет Десять, Четвертый Этаж».

Он уже побывал там, этот кабинет оказался вторым на его пути. Ошибка? Неважно, надо идти. Он снова вошел в кабинет. И стал ждать.

Его внимание привлек похожий на хрюканье звук. Он поднял глаза, вздрогнул, съежился. Хеддеранец отключил разделительный экран и пристально смотрел на него. Пустые серые граненые глаза, огромная голова, тело, похожее на деформированный утробный плод... затем разделительный экран включился снова. Фримэна передернуло. Редко случается их видеть. Много лет уже не доводилось.

Из машины выскользнул бумажный листок. Он подхватил его, ожидая распоряжений отправляться —

куда? Если он не успеет до десяти часов, надежды на спасение в этом году не остается. Никакой. Он тупо уставился на непонятные буквы. Холодный безразличный голос сказал: *«Имя Роджер Фримэн. Номер 655-673-60-60-2. Признан излишним. ходатайство о смерти удовлетворить. Для получения удостоверения проследуйте в кабинет один. Пятый этаж. Немедленно».*

По щекам доктора Фримэна катились слезы. «Наконец-то, — он всхлипывал от счастья. — Наконец...»

Он торопливо вышел из кабинета. Ему все-таки удастся спастись, но только если он доберется до места, пока не наступило десять часов.

Людоед-великан в долине

Когда, словно облачко не больше человеческой руки, впервые возникла угроза приезда д-ра Людвига Занцманна, двадцатисемилетний д-р Фред Б.Тербифил являлся самым молодым директором музея в стране, а теперь, в тридцать пять лет, все еще оставался одним из самых молодых. Более того, он с уверенностью, пусть необоснованной, рассчитывал на еще большую славу в будущем. Во главе списка благодетелей и покровителей значился м-р Уинфилд Скотт Х.Годбоди, почти покойник (во многих отношениях), а он наверняка завещает большую часть своего состояния учреждению, которое тогда станет Музеем Естественной Истории, директор: д-р Фред Б.Тербифил. Прекрасная зарплата, свободный от налогов изобильный расчетный счет, а у директора найдется вдоволь времени, чтобы завершить свой великий труд, в настоящее время озаглавленный «Человек перед рассветом», трудный для понимания, но чрезвычайно интересный для чтения. Уже имелось семнадцать глав, посвященных одной только Неандертальской эре или эпохе Среднего Палеолита. (Ее наверняка будут вечно покупать школы и библиотеки: большая книга, плотная на ощупь, богато иллюстрированная и написанная в столь увлекательной манере, что даже ученик выпускного класса средней школы, опрометчиво взявшийся за нее в поисках обнаженных тел, часами не сможет оторваться от чтения.)

М-р Годбоди был скептиком старомодного типа. «Где отыскал себе жену Каин?» — вопрос, служивший излюбленным поводом для хихиканья, сопровождавшегося легким толчком костлявого локтя. «Еще не отыскивали перьев с ангельских крыльев?» — вот еще один.

Он стал пионером в деле снабжения мельников хлопчатобумажными набивными тканями для мешков под муку. Когда название фирмы стиралось, бережливые фермеры пускали узорчатую ткань на детскую одежду и белье. Благодаря этому он стал богатым человеком и выросла его преданность Науке, той Науке, которая разрушила космогонию М.Е. [\[66\]](#) Церкви Юга и изобрела несмыслимые чернила.

На данный момент возникла небольшая заминка. Старый м-р Годбоди оказался потрясен недавним скандальным разоблачением в области антропологической иерархии. Из этого уважаемого общества, изображения представителей которого стали знакомы каждому школьнику, поскольку они давно уже заняли места главных и второстепенных пророков, присвоив себе как престиж, так и уважение, из этого прелестного маленького клуба — кара, обрушившаяся словно гром небесный, — исключили Пилтдаунского человека за передергивание карт. Если Пилтдаунский человек оказался фальшивкой, ворчливо спрашивал он, — почему остальные не могут быть ею? Питекантроп, синантроп, австралопитекус транвалензис — все обломки костей, гипс и желаемое, принятое за действительное? Напрасно уверял его Тербифил, что компетентные ученые уже многие годы относились к Г.Пилтдауну с подозрением: противный старый м-р Годбоди раздраженно отвечал: «А почему вы мне сразу об этом не сказали?» Утратив в юности одну веру, принц набивного текстиля совсем не хотел распротиться на старости лет с другой. Но д-р Тербифил верил, что сомнения патрона являются лишь преходящей фазой. Основным предметом для беспокойства, тщательно сдерживаемого, служил вопрос: позволит ли здоровье м-ру Годбоди продержаться несколько недель или месяцев, которые позволят ему оправиться от этого удара?

Короче говоря, д-ру Тербифилу предстояло вот-вот пожать плоды благонравия и честного труда, и когда он думал об этом (а такое случалось часто), то забавлялся, напевая — чуть фальшиво — песню своего детства под названием «Принося охапками». До его появления в Холдене музей (жемчужину архитектуры чистейшего позднего Честера А.Артура) возглавлял дряхлый, но достойный демократ, которого вынесло на эту должность приливной волной течения Свободной Чеканки. А сам по себе музей! Д-р Тербифил обнаружил, что в него со всего штата стекались никчемные коллекции барахла, которое никак не продать. Почтовые марки, какими на улице Нассау торгуют на вес, рассыпающиеся чучела опоссумов, подкрашенные фотографии пионеров со свирепым взглядом, раскрашенный вручную «фарфор», кучи наконечников для стрел неопределенного происхождения, пуговицы от формы конфедератов, молоточки судей, чучела рыб, геологические «образцы», собранные людьми, не имеющими ни малейшего представления о геологии, томагавки — о, этому хламу не было конца.

То есть хламу не было конца, пока д-р Фред Б.Тербифил не вступил в должность... Конечно, барахло продолжало поступать: прекратить этот процесс, действуя в пределах такта, не представлялось возможным. Многим людям по-прежнему казалось, раз дядя Татум помер, самое естественное, что можно

сделать с «коллекцией» дяди Татума, — это отгрузить ее в музей Холдена. Д-р Тербифил разработал собственный метод обхождения с такими грузами. Он размещал их (ночью) в необходимом количестве шкафчиков для экспонатов, приклеивал бирки с четко обозначенными именами дарителей, а затем фотографировал плоды своих трудов. Семье, внесшей вклад, — любезное благодарственное письмо. Копию письма — в тамошнюю местную газету. И семье, и в газету — конверт из плотной коричневой бумаги с глянцевыми фотографиями. А затем затхлый хлам дяди Татума, вместе с томагавками и всем прочим, погружался в благословенное забвение подвалов. («Мы пополняем каталог», — объяснял д-р Тербифил немногочисленным любознательным субъектам.)

(Но д-ра Занцманна в подвал не упрячешь, верно?)

Благодарственные письма составлялись из оборотов столь же неизменных, сколь буддистская литания. В них превозносилась деятельность почившего пионера, воздавалась заслуженная хвала наследникам, столь чутким к интересам общественности, и выражалась надежда на то, что и другие люди проявят такое же участие к важной работе Музея Холдена. Как правило, за этим следовал литургический ответный возглас, облеченный в форму чека, каковая сумма не облагалась подходящим налогом, на что с легким сердцем указывал д-р Тербифил. *Om manu padme hum!*^[67]

Ах, славный был денек, когда они открыли Зал Прикладной Науки! Губернатор, представитель верхней палаты сената США, ректора университетов, исполнители народной музыки и прочие общественные деятели в огромном множестве. Там был настоящий нефтяной насос, который качал настоящую нефть, и настоящий волокноотделитель, очищавший настоящий хлопок. Именно машины задавали тон среди экспонатов, но д-р Тербифил больше всего гордился огромными фотомонтажами, установленными так, чтобы создавалось впечатление трехмерного изображения. На одном из них м-р Оупи Слосон (Нефть и Природный Газ Слосона) указывал на нефтяное месторождение в типичной нефтеносной области, вид в разрезе (цвет натуральный). На другом м-р Перви Смит (Хлопок П.С. и Пищевые Продукты П.С.) глядел на своих призовых кастрированных бычков, уткнувшихся носом в хлопковый жмых, в то время как точные копии египетских тощих коров пристальным голодным взглядом смотрели на клочок травы. Были и другие. И сколько стало приходить чеков! И еще продолжало приходить!

(Но доктор философии Людвиг Занцманн тоже скоро придет.)

Месяцы ушли на подготовку того, что в конце концов оказалось просто престижной экспозицией, на выставку о жизни индейцев Буш Персе до прихода белого человека. Огромный полукруглый задник создавал иллюзию перспективы. Удобно в не слишком большом отдалении паслись бизоны, а дикие лошади мчались по гребню холма. Первобытные Буш Персе перемалывали зерно, играли в игры, скоблили шкуры, ткали ткани, наносили боевую раскраску, качали маленьких индейцев, а шаман племени оказывал им помощь, которая не подверглась национализации. В наличии имелись подлинные индейские хижины, поддельные костры и настоящий череп бизона.

Буш Персе («Нефтяные индейцы») съехались на своих паккардах со всей округи, и чувство племенной гордости взлетело до таких высот, что вскоре после этого они предъявили федеральному правительству иск на тридцать миллионов долларов. (В конце концов им присудили четыре миллиона, большую часть которых правительство удержало на покрытие собственных расходов по предоставлению Буш Персе возможности оставаться жертвами мошенничества, обмана и голода во время жизни трех поколений, предшествовавшее обнаружению нефти.) Совет племени проголосовал за то, чтобы музей стал хранителем их обрядовых регалий, а д-р Тербифил получил несколько почетных степеней и стал членом научных сообществ. Противодействие его усилиям во благо культуры американских индейцев оказала лишь старейшая и единственная оставшаяся в живых чистокровная представительница Буш Персе. Ее звали Тетя Сэлли Вынесивсе, она являлась выдающейся деятельницей Вспомогательного Союза Баптисток и ответила решительным отказом на предложение сфотографироваться на фоне всех этих там языческих пережитков и голых теток. Она также добавила, что, случись ее старому дедушке хоть раз застать какую-нибудь Буш Персе за тканием одеял *Навахо*, вроде вот этой шлюхи на картинке, он бы ей горло перерезал.

Вся неприятность состояла в том, что Тетя Сэлли Вынесивсе *не придет*, а д-р Занцманн *придет*. И уже вот-вот.

Д-р Тербифил ждал этого визита много лет. Д-р Занцманн упоминал о нем при каждой встрече. Иногда его голос звучал игриво и оптимистически, иногда как мрачный предвестник беды, а иногда — отрывисто и решительно.

Оба они оказались в Холдене друг вслед за другом с промежутком в несколько месяцев. Д-р Тербифил — после двухгодичного пребывания в Бостонском Музее Естественной Философии, а профессор Занцманн — после жалкого существования в Нью-Йорке в качестве переводчика, куда он приехал, будучи изгнан из своей родной страны. В политическом отношении Занцманн был совершенно чист, без малейшей примеси как крайне правого характера, так и умеренно левого: на самом деле он был специалистом по Гете, а что может быть чище специалиста по Гете? Он занимал должность в университете местного вероисповедания: профессор германских и восточных языков, ловко минуя подозрительных славян. Д-р Тербифил, не лишенный великодушия, вполне спокойно наблюдал, как профессор Занцманн в полной мере наслаждается успехами в области лингвистики.

Но доктор философии Людвиг Занцманн оказался также любителем в области антропологии, палеонтологии и собирателем древностей общего характера, а от этого у любого директора и даже куратора музея кровь стынет в жилах. Такие любители представляют собой профессиональную опасность. Они принесут вам вонючую коровью кость и сделают это с гордым выжидательным видом, уверенно предвкушая провозглашение об открытии новой разновидности мегатерия или бронтозавра. Хотя д-р Занцманн (пока что) *такого* не делал, Тербифилу по его поводу часто приходил на ум стишок:

Поверхностные знания опасны для людей;
Уж либо пей как следует или совсем, не пей.

Ах, ладно, лучше уже разобраться да и покончить с этим. Нужно только проявить твердость, а там уже и все! Конец намекам на бесценные тайны, открытия, которые потрясут мир, тщательно оберегаемые сокровища и все такое прочее.

Когда профессор прибыл, д-р Тербифил быстренько провел левой рукой по волнистым каштановым волосам — по-прежнему густые, слава Богу! — улыбнулся своей знаменитой теплой мальчишеской улыбкой и протянул правую руку для рукопожатия. И с ужасом заметил, что Занцманн привез с собой большую картонную коробку. Хуже некуда! Ох, с чем только не приходится мириться! Если не м-р Годбоди, так теперь профессор...

— Дорогой мой д-р Тербифил! Я так долго ждал этой встречи! Сказать вам не могу... — Но, разумеется, скажет. Он пожал протянутую руку, сел, держа коробку так, как будто в ней — свадебный торт, достал носовой платок, обтер свое румяное лицо и запыхтел. Потом он заговорил.

— Д-р Тербифил! — это имя прозвучало словно обвинительный акт. — Что есть то, что нам всегда говорили раньше? [Urmensch](#)^[68], первобытный человек то есть, он был маленькой недорослой тва-а-рю, словно шимпанзе с молибденовой недостаточностью, и он — что значит сказать мы — становился все больше и больше. И так далее. Пока мы при помощи статистик страховых обществ не достигли нынешних больших размеров и продолжительности жизни. И мы, по всей ви-и-идимости, еще больше вырастем.

— Но! — д-р Тербифил задрожал мелкой дрожью. — Что свершается затем? Антрополог заходит в Apotheke — метикамент-магазин, да? — в Пекине — о, прекра-а-асный город, я там бывал, я люблю его всем сердцем! — он заходит в местную китайскую аптеку, и что же это он находит там? Он находит среди сушеных костей дракона, порошков из летучих мышей, желчных пузырей тигров, носорожьих рогов и змей в маринаде — два гигантских коренных зуба, подобных человеческим. И тогда, глядите, ибо это чудесно. Вся картина меняется!

«Ну и ну! Ну и ну!» — подумал д-р Тербифил.

— Теперь первобытный человек становится огромен, громаден, подобно сыновьям Анака из Первой Мозес-Книги. Теперь мы должны положить ему в основу предков, подобных большим обезьянам вашего Эдгара Берроуз-Райса. И насколько же это мы, его дети, съезжились! Пла-чев-но! Вместо того, чтобы свиньям превратиться в слонов, слоны превратились в свиней! — Д-р Занцманн щелкнул языком.

— Но это ничто. Ничто совсем. Так зачем же я явился к вам сейчас? Дабы поведать вам про нечто куда

более поразительное. Я должен начать прежде наших времен. Карл Пятый!

Д-р Тербифил мелко задрожал: «Простите?»

— Карл Пятый, Габсбург. В 1555 г. император Карл отказывается, нет, уходит в отставку? Отрекается от престола. Его брат Фердинанд сменяет его в качестве монарха всех владений Габсбургов, а Карл уходит в монастырь.

«Заботами, недугами, годами сокрушен,
В покое монастырском забвенья ищет он».

— Ах-х-х, профессор Занцманн, — начал было д-р Тербифил, но замолчал и заморгал.

— Да-да, я отвлекся. Так. Карл и Фердинанд. Выбит медальон, одна сторона — Карл, другая — Фердинанд. И дата: 1555. Вот медальон. — Д-р Занцманн сунул руку во внутренний карман и вытащил маленькую плоскую коробочку, такими пользуются ювелиры. Он открыл ее.

Внутри лежал почерневший диск размером приблизительно с серебряный доллар и кусочек бумаги с двумя оттисками — два мужских профиля, девизы на латыни и дата: 1555. Пребывая в полнейшей растерянности, все сильнее и сильнее ощущая жалость к самому себе, д-р Тербифил поглядел на румяного седовласого посетителя, выразил слабым жестом свое недоумение.

— Скоро, скоро вы все поймете. Тысяча девятьсот тридцатый. Мой отпуск я все еще в Хеер-мании — я провожу в Мальденхаузене, маленькой сельской деревушке в долине. Тогда все спокойно. Ах, эти хеер-манские толины! Такие зеленые, отдаленные, очаровательные, полные тайн! Я пью вино и пиво, курю трубку и совершаю долгие прогулки по окрестностям. И поскольку я — ученый, а собака вечно возвращается к своей плевотине — я также провожу какое-то время в теревенских архивах... Много интересного... Ребенок по имени Саймон... В 1555 году людоед-великан украл ребенка по имени Саймон.

Д-р Тербифил прижал ко лбу кулак и слабо застонал. «Ребенка... что?» — раздраженно спросил он.

— Пожалуйста. Видите дырочку в этом медальоне? Ребенок по имени Саймон носил его на шнурке вокруг шеи. Они были весьма почтительные люди, эти крестьяне. Имперский медальон, их носят на груди. Фотокопия свидетельских показаний. — Профессор Занцманн открыл коробку, вынул бумаги. Среди них и вправду были фотокопии рукописей, записанных, однако, монахами на латыни готическим шрифтом. Д-р Тербифил почувствовал, что у него заболели глаза. Он закрыл их. Профессор Занцманн, ужасный человек, по-прежнему говорил: Там были два свидетеля, старик по имени Сигизмунд и мальчик по имени Лотар. Была зима. Был снег. Ребенок Саймон выбегает со своей собакой в поле. Он кричит. Ему страшно. Из-под снега у него за спиной вылезает людоед. Он такой, какими всегда представляли людоедов-великанов: огромный, волосатый, сгорбленный, одетый в шкуры, с дубиной. Ужасно.

— Лотар бежит за подмогой. Старик не может бежать, поэтому остается. И молится. Людоед-великан хватает ребенка по имени Саймон и бежит вместе с ним через поля к холмам, пока снег не скроет их из виду.

— Люди взволнованы, они напуганы, но не удивлены. Такое случается. Есть волки, есть медведи, есть людоеды-великаны. Этим чревата жизнь на отдаленных фермах.

Д-р Тербифил поежился. По коже у него пробежал мороз. Он растер пальцы, чтобы согреть их. «Фольклор, — ворчливо сказал он. — Бабушкины небылицы».

Д-р Занцманн замахал руками, потом положил их на светокопии. «Это не Братья Гримм, — сказал он. — Это сообщения очевидцев того времени. Я продолжаю. Люди выходят в метель с собаками, с вилами, даже с несколькими мушкетами, и поскольку они жмутся друг к другу в страхе, а снег укрыл все отпечатки ног, неудивительно, что они не находят следов ни ребенка, ни людоеда. Собаку — да, но она совершенно мертва. Раздавлена. Один сокрушительный удар. На следующий день они ищут, и еще на следующий, а потом больше нет. Возможно, весной они найдут какие-нибудь кости для христианского погребения...»

— Ребенка предупреждали: если он уйдет слишком далеко от дома, его утащит людоед. Он ушел

слишком далеко от дома, и людоед его *утацил*. Так. Тысяча пятьсот шестидесятый.

Д-р Тербифил осмелился слегка улыбнуться: «Уже пять лет, как умер ребенок». Теперь, зная, что лежит в коробке, он почувствовал себя лучше. В мозгу его возник четкий образ карточки, которая никогда, уж точно *никогда*, не будет отпечатана! *«Кости ребенка, сожранного людоедом-великаном в 1555 г. Дар проф. Людвиг Занцманна, д-ра фил. наук».*

Специалист по Гете увлеченно продолжал: «В 1560 году обнаруживается ребенок Саймон, который пытается воровать домашнюю птицу со двора фермы в соседней толине. Он голый, грязный, с длинными волосами и вшами. Он рычит и не может связно говорить. Он дерется. Это очень грустно».

Директор музея согласился с тем, что это очень грустно. (Так что же тогда в коробке?)

— Ребенок Саймон связан, он доставлен к своим родителям, которым приходится запира́ть его в комнате на ключ, чтобы он не убежал. Постепенно он снова учится говорить. И тогда прибывают его повидать бургомистер, и нотариус, и священник, и барон, и, как я представляю, половина населения области, и они просят его поведать историю, говоря все время правду.

— Людоед (говорит он) унес его очень отдаленно и высоко, в свою пещеру, а там в его пещере находится его жена людоедиха и маленький людоед, который есть их дитя. Сначала Саймон боится, что они его поглотят, но нет. Его принесли, чтобы он стал товарищем ребенку людоедов, который болен. А дети адаптивны, очень адаптивны. Саймон играет с ребенком людоедов, а людоед приносит овец, оленину и другие еды. Сначала Саймону трудно есть сырое мясо, поэтому людоедиха разжевывает для него мясо, чтобы оно стало мягким...

— Прошу вас! — д-р Тербифил в знак протеста поднял руку, но профессор Занцманн не видел и не слышал его. Он по-прежнему говорил, уставясь сияющим взглядом вдаль.

— Это приходит весна. Семья людоеда резвится в лесу, и Саймон с ними. Затем снова приходит осень и зима, и наконец ребенок людоедов умирает. Это грустно. Родители не могут поверить в это. Они стонут к нему. Они качают его в объятьях. Бесполезно. В конце концов они хоронят его под полом пещеры. *Теперь* вы спросите, — сообщил он Тербифилу, сидевшему с остекленелым взглядом, — мажут ли они тело красной охрой, или символом жизни, крови и плоти, как говорят наши ученые? Нет. А почему нет? Потому что он уже намазан. Все они. Всегда. Им так нравится. Это не ранняя религия, это ранняя косметика, только.

Он вздохнул. Д-р Тербифил отозвался эхом.

— И так, быстро проходят годы, — профессор Занцманн пошлепал рукой по пустому воздуху, обозначая проходящие годы. — Старый людоед убит медведицей, и тогда людоедиха не хочет есть. Она хнычет и прижимает Саймона к себе, и вскоре она холодеет, и она мертва. Он один. Остальное мы знаем. Саймон подрастает, женится, имеет детей, умирает. Но людоедов больше нет.

— Никогда больше.

— Естественно, я обворожен. Я спрашиваю крестьян, где имеется пещера под названием Пещера Людоедов? Они смотрят на меня искоса, но не отвечают. Я терпелив. Я приезжаю снова каждое лето. Тысяча девятьсот тридцать первый. Тысяча девятьсот тридцать второй. Тысяча девятьсот тридцать третий. Все меня знают. Я делаю маленькие подарки детям. В одиночку я брожу по холмам и ищу пещеры. Тысяча девятьсот тридцать четвертый. На горных пастбищах есть ребенок, ухаживающий за коровами. Мы друзья. Я говорю о пещере неподалеку оттуда. Она, говорю я, называется Пещера Людоедов. Ребенок смеется. Нет-нет, говорит он, потому что это другая пещера, она находится там-то и там-то.

— И я нахожу ее там, где он говорит. Но я осторожен. Я жду еще год. Затем я приезжаю и делаю свои частные раскопки. И... я... нахожу... это.

Он рывком открыл коробку и, сняв множество слоев ваты, достал нечто коричневатое и костлявое и положил это перед д-ром Тербифилом.

— Там был совершенно целый скелет, но я взял только череп и челюстную кость. Разумеется, вы его сразу же узнали. И вместе с ним я нашел, как и ожидал, медальон Карла и Фердинанда. Саймон позволил им похоронить его вместе с ребенком людоедов, потому что он его любил. Все это записано в светокопиях бумаг... В 1936 году нацисты...

Д-р Тербифил не сводил глаз с черепа. «Нет, нет, нет, нет», — прошептал он. Череп был не очень большой. «Нет, нет, нет», — шептал он, неотрывно глядя на покатый лоб и массивную челюсть без подбородка, на выпуклые края глазниц.

— Так теперь скажите мне, сэр директор музея: разве это не более замечательная находка, чем большие зубья в пекинской лавке лечебных трав? — Взгляд его казался очень ясным и очень молодым.

Д-р Тербифил спешно размышлял. Не хватало как раз чего-нибудь в таком роде, чтобы воскресные ассигнования и м-р Годбоди пошли прахом, чтобы навеки погубить репутацию Холденского музея и его собственную. Долгие годы работы... семнадцать глав об одной только эпохе Среднего Палеолита в книге «Человек перед рассветом»... посмертный дар старого м-ра Годбоди...

Затем в мозгу его возникла полностью сформировавшаяся мысль. Там, где был *один* скелет, должны быть и другие, не испорченные абсурдными принадлежностями шестнадцатого века, которым там в любом случае не место. Он встал, положил руку на плечо профессора Занцманна.

— Друг мой, — сказал он теплым золотым нежным голосом. — Друг мой, пройдет некоторое время, прежде чем экспедиция Занцманна из Холденского музея сможет отправиться в путь. Пока вы будете заниматься необходимыми личными приготовлениями, чтобы привести нас на место вашего поистине поразительного открытия, пожалуйста, сделайте мне одолжение: ничего не говорите о нем представителям нашей — увы — далекой от науки и зачастую падкой на сенсации прессы.

Тысячи морщинок появились на румянном лице д-ра Занцманна, слезы радости и благодарности покатались по его щекам. Д-р Тербифил великодушно притворился, будто ничего не видит. «Представьте, какой это произведет переворот, — сказал он, как бы размышляя вслух. — Наши бедные кузены дожили до нынешних времен, а вовсе не вымерли начисто пятьдесят тысяч лет назад. Поразительно! Придется заново переписывать все ваши временные таблицы...» Голос его постепенно затих. Его глаза остановились на профессоре Занцманне, который завязывал свой пакет, кивая головой и радостно шмыгая носом.

— Кстати, дорогой мой профессор, — продолжал он, — пока вы не ушли, я должен показать вам любопытные черепки, выкопанные менее, чем в миле отсюда. Вы будете в восторге. Влияние ацтеков! Сюда... осторожно, ступеньки. Боюсь, у нас в подвале в настоящий момент некоторый беспорядок, мы пополняли каталог... эта потрясающая коллекция прежде принадлежала одному из пионеров, покойному м-ру Татуму Томкинсу.

За небольшой горкой упаковочных ящиков д-р Тербифил неожиданно ударил профессора Занцманна в висок томагавком дяди Татума. Злой ученый с континента тихо упал, его розовые губы раскрылись, но не успели произнести придыхательный звук. Д-р Тербифил ухитрился похоронить его в самом дальнем углу подвала и нагромоздил над его могилой пирамиду не внесенных в каталог кошмаров, которую, если будет на то воля Божья и Годбоди, не придется ворошить еще несколько столетий.

Вытирая руки и насвистывая — чуть фальшиво — гимн под названием «Принося охапки», д-р Тербифил вернулся в кабинет над лестницей. Там он открыл атлас и принялся разглядывать крупномасштабные карты Германии. Деревня под названием Мальденхаузен в долине... (Там, где был *один* скелет, должны быть и другие, не испорченные абсурдными принадлежностями шестнадцатого века, которым нечего там делать.) Его пальцы радостно скользили по карте, и умственным взором он уже видел себя в этих долинах с милыми названиями: Фриденталь, Йоханнесталь, Хохсталь, Неандерталь, Вальденталь... прекрасные долины! Зеленые, отдаленные, завораживающие... полные тайн.

Après nous

Машина времени доктора Босуэлла фактически представляла собой четыре машины времени, четыре аппарата, похожих на творение обезумевшего часовщика. Если составить из них прямоугольник (или выражаясь чуть-чуть точнее, ромб) и привести их в действие, они создадут эффект Босуэлла.

Ко времени наших дней тот факт, что лишь три человека во всем мире сумели до конца понять эффект Босуэлла, является трюизмом. Одним из них оказался немногословный профессор Спенсер Пибоди из университета Эл-Си-Эс, чей неожиданный отъезд с разборной лесопилкой на обращенные к Амазонке склоны Анд впоследствии произвел фурор в академических кругах и стал почти девятидневной сенсацией (на восьмой день внимание зоркой прессы переключилось на необычайно смачное убийство).

- Пока что, - еще раз сказал д-р Босуэлл профессору Пибоди как раз перед первым испытанием машин, - я никак не могу узнать, сколь долгий промежуток времени означает каждый промежуток в градуировке циферблата. Я надеюсь, что контрольные подопытные животные вернутся и принесут образчики органических веществ, застрявших либо среди волосков шкуры, либо в процессе глотания, а мы совершенно по-новому применим радиоуглеродный метод датировки и узнаем, насколько далеким оказалось путешествие в будущее каждого из них.

По причинам, о которых можно лишь смутно догадываться, эффект Босуэлла нельзя было использовать для путешествий в прошлое.

- Именно, - сказал профессор Пибоди.

Д-р Босуэлл вынул из клетки морскую свинку и поместил ее в центр ромба. Он поставил стрелку на первую отметку, щелкнул выключателем. Потом они приступили к ленчу. Потом д-р Босуэлл перевел выключатель в изначальное положение. Однако ничего не произошло. Оба они лишь философски пожали плечами, выбрали хомяка и повторили эксперимент, передвинув стрелку циферблата на два деления вперед. И вновь отрицательный результат.

- После ужина мы попробуем взять еще одного хомяка и поставим стрелку на следующее давление, - сказал д-р Босуэлл, - и дадим ему побольше времени.

- Именно, - сказал профессор Пибоди. Они поужинали, а затем отправили в будущее второго хомяка. Спустя несколько часов д-р Босуэлл в третий раз перевел рычаг в исходное положение. Внезапно появился мерцающий подергивающийся хомяк.

Шкурка его, прежде лоснившаяся, стала шершавой, потускневшей и намокла. У него был уже не ясный, а мутный взгляд. Он слабо двигался, глотая воздух. Но... он крепко сжимал в зубах кусочек органического вещества.

- Я не ботаник, - с привычной скромностью сказал д-р Босуэлл, - однако я полагаю... пожалуй, склонен полагать... не оливковый ли это листок?

- Именно, - сказал профессор Пибоди.

* Après nous - после нас (франц.)

Кульминация

Эти двое приехали совсем одни в то местечко среди гор, о котором он рассказывал: магазин, гараж, гостиница - все вместе. Стоял редкий денек, марочный денек, и никто их не беспокоил, пока они ели и распивали бутылочку вина. Говорила в основном одна, говорила, право же, глупости, но ее молодость и миловидность придавали словам такую мерцавшую красоту.

Он пожирал ее глазами: золотой ореол волос, зеленые топазы глаз, изысканно свежая кожа, кремовая шея, словно колонна, грудь (о, сферы-двойники сладчайших наслаждений!)...

- Но это совершенно неважно, - сказала она, прервав свой рассказ. - Я хочу позабыть обо всем этом. Ты, каким ты был в детстве? О чем мечтал?

Он улыбнулся. "О миллионе прекрасных девушек... похожих на тебя, добавил он, стоило ей надуть свои маленькие красные губки, - как я спасаю их от ужасного дракона, пронзив копьем мерзкую его чешую, - сказал он, - а дракон в предсмертной агонии скребет грязными лапами по скалам... Потом мы с девушкой жили счастливо до самой смерти, обмениваясь лишь целомудренными поцелуями, не более того".

Она улыбнулась, дотронулась до него. "Мило, - сказала она. - Но... целомудренные поцелуи? А вот я раньше мечтала... впрочем, неважно. Забавно, как меняются наши мечты, а все-таки не так, чтоб уж очень, правда?" Они быстренько огляделись и увидели лить крохотную, как пылинку, птицу высоко в небе, потом они поцеловались.

Вскоре они доехали до конца боковой дороги, потом взобрались по тропинке наверх. "Ты точно уверен, что нас никто здесь не увидит?" спросила она.

- Уверен точно, - сказал он. Он отошел назад. Послышался шум мощного движения, недолгий крик, затем... другие звуки. Через некоторое время он подошел поближе и нежно провел руками по искристой радужной шее. Прекрасное создание благодарно зашипело и снова принялось чистить великолепные сверкающие лапы черным блестящим раздвоенным языком.

Йо-хо, и вверх !

Было уже больше двух часов, яркие звезды сияли в холодном небе, но Энди не вытерпел до утра. Он увидел свет у Хэнка на заднем дворе и отправился именно туда, как только поставил машину. Хэнк сидел согнувшись и шлифовал шарнир напильником. Он сосредоточенно сдвинул брови.

- Приветствую, землянин, - сказал Энди. Лицо у Хэнка скривилось, но он продолжал работать. Распоследняя фантазия - все ребята от 12 до 16 свехурочно трудились на ней. Но Энди уже вышел из этого возраста. "Эй! нетерпеливо рявкнул он. - Разве ты не хочешь меня _спросить_?"

На лице Хэнка возникло озадаченное выражение. Затем оно переменялось. "Ах, - сказал он, - ну да. Ты и Битси-Ли... ну... как вам удалось переспать?"

Энди рассказал ему во всех подробностях, с торжеством в голосе. "Когда ты станешь чуть-чуть постарше, - наконец сказал он, - я, может, смогу кого-нибудь тебе подыскать. У нее есть эта подружка, знаешь..." Хэнк неспешно кивнул, напильник повис у него в руке, как будто был очень тяжелым. Вдали по небосклону пробрался огонек, скрылся.

- А ее _отец_! - ликовал Энди. - ...Никак не выпускал нас из дому! Я думал, я... - Еще огонек, метеор. - ...Или _позеленею_! "Никогда прежде наша молодежь не созревала так быстро, - балаболил он, - ...и голос раньше ломается, и все такое, - говорил он, - и никогда она не тратила столько времени, чтобы найти себе надлежащее место в обществе". Тыр-пыр-мыр. "Военная служба, колледж, аспирантура, дороговизна жизни, тревоги и беспокойство..." Ой, ладно, ну _его_ к черту. Она...

Хэнк положил напильник в ящик для инструментов. "Нет, продолжай, сказал он. - Что еще он..."

- Полтергейст, вот о чем он говорил! "Где бы ни появлялся полтергейст, там непременно есть ребенок, вступающий в половую зрелость". У-у-у, парень! "Вначале производится сырая грубая сексуальная энергия, затем условия, существующие в нашем обществе, сужают ее действие, направляя ее по определенному руслу..." И так далее. "Как воздухоудная печь!" - сказал старикан. Парень, ну мы с Битси-Ли и сами подули, - пробормотал он. Мы...

Он замолчал. Ящик с инструментами сам собой передвигался по двору. Дикий взгляд Энди встретился со взглядом Хэнка. "Ты это можешь, - сказал мальчишка. - Попробуй. _Попробуй_!" Внутри у Энди что-то шевельнулось, он вдруг понял, что может, что давно уже знает об этом. Это _легко_! Потом он застонал. Бесплезно. Эта ночь и впервые открытые удовольствия навсегда вытянули из него силы. Эта ночь, теперь она полна падающих звезд... но метеоры летели _вниз_, а не _вверх_!

Ящик с инструментами с грохотом рухнул. "Полегче с яйцами, папаша", насмешливо сказал Хэнк. Неподалеку полыхнул свет, оттуда донесся рев. Еще раз... и еще. "Мы отбываем, - сказал Хэнк. - Мальчики и девочки, все вместе". Он сделал широкий взмах рукой. "Это - все тут твое. Но не пытайся за нами гнаться. Там, куда мы отправляемся, нам не нужны..." Последних его слов не удалось расслышать, поскольку он вошел в самодельный "космический корабль" и захлопнул дверь. Спустя мгновение ошарашенный Энди уже лежал на спине. "Он всего лишь мальчишка, - думал он в исступлении, - он даже ни с кем еще не переспал!" Но звезды по-прежнему горели и манили к себе, даже когда другие огни исчезли.

Станция «Шестьдесят третья улица»

Артуру Хьюи хотелось бы лучше поехать на каком-нибудь из этих новых поездов IRT^[69], но глупо было бы дожидаться на станции следующего из-за того, что подошел поезд старого типа. «Пора бы, — подумал он, — управлению по перевозкам проявить некоторое внимание к пассажирам IRT. Все щедроты распространяются на IND и BMT, а третью линию совсем забросили».

Но уже сидя в старом вагоне, он понял, что на самом деле этот нравится ему больше. В действительности он не любил новых вещей, измененных вещей. И он понял, что со временем станет ждать на станциях; ждать, перепуская новые поезда, чтобы сесть в один из старых вагонов, пока еще будут старые вагоны. Конечно, из-за этого придется опаздывать, а он терпеть не мог опаздывать, терпеть не мог любых нарушений привычного режима. «Я — человек привычки», — подумал он с некоторым удовлетворением.

И тут до него дошло. На мгновение он позабыл. В любом случае ему уже недолго осталось ездить по IRT. Он собрался произвести огромные перемены, собрался перевернуть весь свой жизненный уклад. А сестре об этом еще не сказал. Ему стало немного тошно.

Поезд с грохотом мчался вниз под уклон, огибая повороты. Артур машинально потянулся за газетой, которой не было. Сколько лет подряд по дороге домой он читал «Сан»^[70] в метро (шутка, никогда не терявшая для него остроты)? Теперь газеты «Сан» не стало, и он никак не мог с этим свыкнуться. Я — человек привычки.

Именно поэтому он всегда садился в пятый вагон, в крайних вагонах ездить небезопасно. Что, если поезд столкнется с предыдущим? Или следующий столкнется с этим?

— По Артуру можно проверять часы, — говаривала частенько его сестра Фэнни. Что ж, ей придется проверять их по кому-нибудь другому. Он окинул взглядом вагон. Женщина в уродливой шляпке сидела в своем углу, жевала резинку и читала «Ньюз». Кончина «Сан» никак ее не потревожила. Проверяет ли кто-нибудь по ней часы! Ведь она тоже почти каждый вечер оказывается в пятом вагоне, уже долгое время.

— Твоя сестра сильно будет по тебе скучать? — спросила его Анна. Анна. В звучании ее имени было что-то приятное, старомодное. Не Энн Анна. «Где ты, великая Анна, которой повинуются три царства...» — ладно. Будет ли Фэнни по нему скучать? Он просто пожал тогда плечами, а Анна сказала: «Ну ничего, она привыкнет. Она сможет приезжать к нам в гости, а мы будем приходить в гости к ней, очень часто... Артур, когда ты меня с ней познакомишь?»

И вправду, когда? Когда в последний раз Фэнни кого-нибудь навещала? Или кто-нибудь навещал их? Ему не удалось вспомнить, кто оказался их последним гостем, но сами они в последний раз навестили старую миссис Уиттиер в приюте методистов в Ривердейл незадолго до ее смерти. С тех пор все вечера они проводили дома, за чтением, слушая радио (Фэнни не захотела телевизора). «Артур, куда нам его ставить?» — спросила она. «Мы могли бы сдать на хранение сервант», — он не осмелился предложить его продать или отдать. «Артур! Мамин сервант?» — слушая радио, за чтением, он трудился над своей коллекцией марок, а она вышивала или вязала для церкви. Они перестали ходить к воскресной службе, но Фэнни по-прежнему посылала им свою работу. Тихие вечера.

— Да, сорок пять лет — вовсе еще не старость! — Анна и вправду так думает. Ей принадлежит дом в Квинзе. Там они и станут жить. А что будет делать Фэнни? Фэнни умрет. Она настолько отгородилась от жизни, что выпустить из рук оставшееся не составит труда. Ладно, он подумает об этом позже. Теперь от этих мыслей ему стало тошно. Станция «Девяносто Шестая Улица». Потом Семьдесят Вторая Улица. Потом Шестьдесят Третья Улица. Он улыбнулся.

Это была одна из тех маленьких тайных шуток, которыми он делился с Анной. Нет, сорок пять лет — это не старость. А Анне еще и сорока нет. У них могли бы родиться дети, никаких нет причин, чтобы им не иметь детей... Маленькая тайная шутка насчет станции «Шестьдесят Третья Улица». Он не был уверен, что она поверит, если рассказать об этом.

Они поели в полдень в кафе-автомате. Он отдал лифтеру ленч, который Фэнни дала ему с собой. Он не смог его выбросить. «А ты знаешь, что на линии IRT есть станция, не отмеченная на картах метро?» —

спросил он.

— Откуда ты *знаешь*? — И она улыбнулась, и широко раскрыла глаза, и пришла в восторг.

— Я ее *вижу*. Шестьдесят Третья Улица. Наверное, это станция местного значения. Я езжу на экспрессе, так что мы никогда там не останавливаемся, только вроде чуть помедленней едем, поскольку она на вершине подъема. Но на карте метро ее нет.

И теперь она частенько останавливалась возле его стола в конторе, где они работали, и спрашивала: «Что новенького на Шестьдесят Третьей Улице?» Или он говорил: «Вчера вечером у меня было свидание с Мейбел». Такое имя он дал женщине в уродливой шляпке. Он говорил: «Мы с Легз и Шоулдез ходили в зал игровых автоматов», — что-нибудь в таком духе. Их с Анной это очень забавляло.

Ту женщину *наверняка* звали Мейбел... Уж такая она была женщина. А двух мужчин, которые, как он видел, обычно стояли в ожидании на платформе станции «Шестьдесят Третья Улица»... да он просто *знал*, что их зовут Легз и Шоулдез^[71]: этот пиджак с подплечниками, эти длиннющие конечности — их просто не могли звать никак иначе.

Поезд подошел к Семьдесят Второй Улице, и Артуру опять стало тошно. То, что он делает, — правильно. Мужчине положено жениться. Он не виноват, что Фэнни не удалось создать собственную жизнь. Нельзя же ожидать, что он откажется... Но он уже звал эти доводы наперечет. Они с Фэнни прожили вдвоем двадцать пять лет. С тех пор, как умерла мать. Фэнни ему не поверит. Он ее хорошо знает. А когда наконец *поверит*, что будет? Его зазнобило, ему стало плохо. И он понял, что это невозможно. Он не сможет этого сделать. Он с тоской глядел на унылую станцию метро. Среди рекламных вывесок он увидел один из этих самых плакатов Общества Евангелистов. «Итак, выбирайте теперь жизнь, дабы вы могли жить».

Но он не мог. Он просто не мог этого сделать.

Ему придется сойти на следующей остановке, и позвонить Анне, и сказать ей. Больше ничего не остается. Поезд отошел от станции «Семьдесят Вторая Улица». Теперь, придя к решению, Артур уже не чувствовал себя плохо. Он просто слегка оцепенел. Он выйдет на следующей остановке, позвонит Анне. Не откладывая ни на минуту.

Поезд с шумом взобрался вверх по склону, притормозил у Шестьдесят Третьей Улицы, остановился. Артур вскочил на ноги. Раньше он никогда здесь не останавливался. Женщина в уродливой шляпке подняла глаза и перехватила его взгляд.

— Скорей, — сказала она. — Они пробудут тут всего минуту. Скорей!

— Я не могу от нее отказаться, — Артур заметил, что объясняется, умоляет.

— *Ско-рей!* — Бесполезно. Ему придется отказаться от нее.

Он пошел к выходу. Легз и Шоулдез улыбнулись ему, широко улыбнулись.

— Смотри-ка, кто пришел! — сказал Легз.

— Ну наконец-то! — сказал Шоулдез.

Щелкая и грохоча поехал поезд. Женщина в уродливой шляпке разразилась криком, который все не смолкал и не смолкал. Поезд с лязгом остановился. Она перестала кричать. Засунула в рот пластик резинки, перевернула газетную страницу и принялась читать.

— Если бы они поставили на эту штуку руль или что-нибудь такое, сказал Легз, — можно было справиться в одиночку.

— Вечно ты жалуешься. Полегче на повороте, — сказал Шоулдез. Очень ярко светили огни.

— Ну, а мне было подумалось, что нам не набрать нормы, — заметил Легз. — Пятьдесят один, пятьдесят два.

— Мы *всегда* набираем норму. Разве босс не заботится об этом? Иногда, — подчеркнул Шоулдез, — на это уходит чуть побольше времени, вот и все. Пятьдесят восемь... эй. В пятьдесят девятом пиво по-прежнему холодное?

В голосе Легза прозвучала легкая обида. «Пятьдесят девятый всегда отводится под пиво, — сказал он. — *Что* бы ни произошло, теплого пива не будет. Шестьдесят один...»

— Шестьдесят два. Шестьдесят Три. Вот и *приехали*, — бодро сказал Шоулдез. Он до конца вытянул наружу длинный глубокий ящик. — Все современные удобства, — сказал он. — Ты там держишь?

— Держу, — сказал Легз. — Давай *наверх*. Тихонько. Тихонько. Вот так.

Все секции были хорошо спроектированы, носилки помещались точь-в-точь.

— Ну... Пожалуй... — Шоулдез немного помычал. — Купим-ка мы, пожалуй, Мейбел новую шляпу.

— Пожалуй, — ответил Легз. — Славная старушка Мейбел.

Они подтолкнули ящик, и он закрылся, щелкая и грохоча.

Дом, который построили Блейкни

— Четыре человека идут сюда по лесной дороге, ах, эй, — сказала Старая Большая Мэри.

Молодой Рыжий Том сразу ее понял. «Не наши».

В длинной кухнекомнате стало тихо. Старый Белянка Билл заерзал на креслосиделе. «Оно должно Беглого Маленького Боба и той Худой Джинни будут, — сказал он. — Помогите мне встать, кто-нибудь».

— Нет, — сказала Старая Большая Мэри. — Не их.

— Должно быть. — Старый Белянка Билл с шарканьем поднялся на ноги, оперся на свою тростепалку. — Должно быть. Чьих бы им еще быть. Всегда говорил — она за ним вдогонку убежала.

Молодой Белянка Билл положил еще кусок горидерева на горючиво. «Воонна, воонна», — пробормотал он. Тогда все разом заговорили и столпились у окноглядок. Потом все замолчали. Булькали большие пицгоршки. Молодая Большая Мэри взволнованно мямлеговорила. Затем ее слова прозвучали в яспоречии.

— Гляньте сюда... гляньте сюда... говорю, я, они не Блейкни.

Старая Маленькая Мэри крикнула, спускаясь из пряжекомнаты: «Люди! Люди! Трое их и четверо на лесной дороге, а я их не знаю, и, ох, они странноходят!»

— Четыре незнакомых человека!

— Не Блейкни!

— Брось глупомолоть! Должно быть! Чьих еще?

— Но не Блейкни!

— Не из Дома, глянь-ка, глянь-ка! Люди... не из Дома!

— Беглый Боб и та Худая Джинни?

— Нет, не может быть. Стариков нет.

— Дети? Детидети?

Все, кто раньше не смотриглядел, пришли теперь; то есть все, кто оказался в Доме — прибежали из коровокомнаты и лошадекомнаты, и маслосырокомнаты, железокомнаты, юколокомнаты, даже из болелокомнаты.

— Четыре человека! Не Блейкни, кое-кто говорит!

— Блейкни ли, не Блейкни ли, а не из дома!

Роберт Хайакава и его жена Шуламифь вышли из лесу, а с ними Эзра и Микичо. «Ну вот, что я говорил, — как всегда медленно и осторожно сказал Роберт, — у дороги может не оказаться конца в одном направлении, но маловероятно, чтобы она и в другом тоже никуда не привела».

Шуламифь вздохнула. Она была на последнем месяце беременности. «Возделанные поля. Меня это радует. Больше на этой планете их и следа нигде не нашлось. Наверное, это новое поселение. Но мы уже обо всем этом говорили...» Она внезапно остановилась, и все остальные тоже.

Эзра показал пальцем: «Дом...»

— Он скорей похож на, ну, как бы сказать? — Микичо зашевелила губами, ища слово на ощупь. — На... на замок? Роберт?

Роберт сказал очень тихо: «Он не новый, что бы он собой ни представлял. Он совсем не новый, разве ты не видишь, Шуламифь. *Что?*...»

Она чуть вскрикнула, встревожась, а может, просто от удивления. Все четверо обернулись, стремясь увидеть, что ее удивило. Человек бежал к ним по полю. Когда все они повернулись к нему лицом, он споткнулся и остановился. Затем снова пошел, странной неуклюжей походкой. Через некоторое время им стало видно, как у него шевелятся губы. Он показал на четверых пальцем, помахал рукой, помотал головой.

Они услышали, как он говорит: «Ах-эй, ах-эй. Эй. Глянь-ка. Мым. Мым, мым, мым. Ох эй...»

У него было румяное лицо, круглое лицо, выдававшееся над глазами вперед, над выпуклыми синими глазами. Нос у него был как у орла, острый, крючковатый, а отвислые его губы дрожали. «Ох-эй, вы, должно быть, мым, его имя, как? А она за ним вдогонку убежала? Давнодавно. Джинни! Худая Джинни! Детидети, ах-эй?» Позади него в поле двое животных остановились перед плугом, обмахиваясь хвостами.

— Смотри, Мичико, — сказал Эзра. — Наверное, это коровы.

Человек остановился футах в десяти от них. Он был одет в грубое редкое полотно. Он опять помотал головой. «Коровы, нет. Ох, нет, мым, мым, фримартини [72], другех. Не коровы. Ему что-то пришло в голову, удивительное чуть ли не до дрожи. — Ах-эй, вы же меня не знаете! Не знаете меня! — Он рассмеялся. — Ох. Ну и дела. Незнакомые Блейкни. Старый Рыжий Том, говорю я».

Они степенно представились. Он наморщил лоб, его вялый рот задвигался. «Не знаю им имя, — сказал он через минуту. — Нет, э, мым. Сочиняют их такие, как дети, в лесу. Давнодавно. Ох, мне, вот! Беглый Маленький Боб. Да, это имя! Ваш отец-отец. Умер, ах-эй?»

Очень вежливо, очень устало, ощутив — теперь, когда остановился утомление после долгого-долгого пути, Роберт Хайакава сказал: «Боюсь, что я его не знаю. По-моему, мы не те, за кого вы нас, видно, принимаете... вы не знаете, нельзя ли нам пройти к дому?» Его жена что-то пробормотала в знак согласия и прислонила к нему.

Старый Рыжий Том стоял разинув рот, а тут вроде как ухватился вдруг за слово. «Дом! Ах-эй, да. Идите к дому. Хорошо вот. Мым».

Они прошли вперед, медленней чем прежде, а Старый Рыжий Том распряг своих фримартинов и отправился следом, выкрикивая время от времени что-то неразборчивое. «Забавный мужик», — сказал Эзра.

— Он говорит так *странно*, — сказала Микичо. А Шуламифь сказала, что хочет только одного: присесть. Затем...

— Ой, смотрите, — сказала она. — *Смотрите!*

— Они все собрались, чтобы нас встретить, — заметил ее муж.

Так оно и было.

За всю историю Блейкни еще не случалось ничего похожего на это событие. Но они не оплошали. Они привели незнакомцев в дом, дали им самые мягкие креслосиделы, поближе к горючиву, угостили их варимолоком, сыртворогами и раститофелями. Пришельцев тут же захлестнула усталость, они немного поели, попили, а затем молча откинулись на синяки.

Но обитатели дома не молчали, вовсе нет. Большинство из них были до этого на улице, но теперь вернулись. Они толклись вокруг, одни лопали, другие глазели, мало кто мямлеговорил теперь, когда первая волна возбуждения пошла на убыль. Хотя глаза пришельцев то с усилием открывались, то закрывались, им показалось, что обитатели дома походят на фигуры в тех залах с зеркалами, о которых им доводилось читать в социологических хрониках: одинаковые лица и одежды... но, ах, право же, разные размеры. Повсюду румяные лица, выпуклые синие глаза, выступающие вперед лобные кости, тонкие крючковатые носы, дряблые рты.

Блейкни.

Худые Блейкни, большие Блейкни, маленькие Блейкни, старые, молодые, мужского и женского пола. Казалось, имеется одна образцовая модель, из которой путем растяжки или сжатия получены все остальные, только трудно было представить себе этот образец в точности.

— Значит, Старсайд, — сказала Молодая Большая Мэри... и сказала еще и еще раз на ясноречии. — Никаких другех в Блейкнимире не живет. Старсайд, Старсайд, ах-эй, Старсайд. Совсем как капитаны.

Молодой Белянка Билл показал на Шуламифь палкой горидерева. «Малыш растет, — сказал он. — Воонна, воонна. Скоро малыш».

Роберт сделал огромное усилие и встrepенулcя. «Да. У нее совсем скоро родится ребенок. Мы будем рады, если вы поможете».

Старый Белянка Билл приковылял, опираясь на тростепалку, чтобы еще раз глянуть. «Мы приходим, — сказал он, поднеся лицо очень близко к лицу Роберта, — мы приходим от капитанов. Не слышали об них, вы? Других не слышали? Странно. Страннострaнно. Мы приходим, глянь-ка. От капитанов. Капитан Том Блейкни. И его жены. Капитан Билл Блейкни. И его жены. Братья, они. Джинни, Мэри — жены капитана Тома. Другая Мэри — жена капитана Боба. Была еще жена, но мы не помним, это, нам, ее имя. Они жили, глянь-ка. Старсайд. Вы, тоже? Мым, вы? Ах-эй, Старсайд?»

Роберт кивнул. «Когда? — спросил он. — Когда они прибыли из Старсайда? Эти братья».

Спустилась ночь, но света не зажигали. Лишь пляшущие языки, пламени, постоянно кормившегося горючивом из множества кусков сала и жирного горидерева, дрожали, освещая большую комнату. «Ах, когда, — сказал Старый Рыжий Том, протискиваясь к креслосиделу. — Когда мы дети, старые Блейкни говорят, ах, эй, пять сотнелет. Давнодавно».

Внезапно Старая Маленькая Мэри сказала: «Они странноходят. Они странноговорят. Но, ох, они странноглядят, тоже!»

— Малыш. Малыш. Растет малыш, скоро.

И двое или трое из маленьких детишек Блейкни, похожих на уменьшенный вариант старших, захихикали, закулдыкали и попросили показать им малыша Старсайд. Взрослые засмеялись; уже скоро, сказали они им.

— Пятсот... — Хайакава задремал. Рывком проснулся. — Мы все четверо, сказал он, — направлялись на своем суденышке к Лунам Лора. Вы не... нет, понимаю, вы никогда. На самом деле это недолгое путешествие. Но с нами что-то произошло, я не знаю... как это объяснить... мы с чем-то столкнулись... чем-то, чего там не было. Кривизна? Дыра? Я знаю, это глупо, но нам как бы показалось, будто суденышко *падает*, вроде того. А потом, вслед за этим, перестали работать приборы, и мы поняли, что лишились астрономических ориентиров... ни одной знакомой нам звезды. Как это говорится, «Новые Небеса и Новая Земля?» Нам едва удалось до нее добраться. До Блейкнимира, как вы ее называете.

С треском разлетались искры. Кто-то сказал: «Времяспать». И тогда все Блейкни ушли, а затем Хайакава уснул.

Когда все четверо проснулись, уже стояло времямыться, и все Блейкни со всего дома, большие и маленькие, намывали самих себя и одежду. «По-видимому, на столе — еда для нас, — сказал Эзра. — Осмелюсь считать, что для нас. Роберт, прочти молитву. Мне хочется есть».

После еды они вышли из-за стола и огляделись. В дальнем углу большой комнаты было так темно, что даже при свете солнечных лучей, струившихся сквозь окна с открытыми ставнями, им едва-едва удалось разглядеть картину на стене. Как бы там ни было, краска с нее осыпалась и ее рассекала похожая на молнию трещина; поверх нее приляпали штукатурку или что-то в этом роде, но она по большей части отвалилась и в конечном результате только еще сильнее испортила картину.

— Может быть, эти две большие фигуры и есть капитаны, — как по-вашему? — спросила Микичо, ведь Роберт передал им рассказ Старого Белянки Билла.

— Пожалуй, да. Вид у них мрачный и целеустремленный... Когда полигамисты подвергались преследованиям, кто-нибудь знает?

В популярных социальных хрониках мало что говорилось об этом, но в конце концов все сошлись на мнении, что такое происходило во время Эры Повторного Завершения, т. е. около шестисот лет назад. «Неужели этот дом такой старый?» — спросила Шуламифь. «Какие-то части его, думаю, вероятно, да. Вот что я думаю об этом: *по-моему*, два Капитана отправились в путь словно древние патриархи вместе с женами, семьями, стадами и всем прочим в поисках такого места, где их не станут преследовать. И тогда они столкнулись... ну, с тем же, с чем столкнулись *мы*. И в результате оказались здесь. Как и мы».

Тихим-тихим голосом Микичо сказала: «И, может быть, пройдет еще шестьсот лет, прежде чем здесь появится кто-нибудь другой. Ох, сидеть нам тут веки вечные. Это уж точно».

Молча, неуверенно, они все шли по бесконечным коридорам и бесконечным комнатам. В одних было довольно-таки чисто, в других полно мусору и пыли, некоторые совсем развалились, часть помещений использовали как хлева и амбары, а в одном из них оказалась домашняя кузня.

— Ну что ж, — наконец сказал Роберт, — придется нам с этим смириться. Мы не в состоянии изменить очертания вселенной.

Они пошли на звуки, донесшиеся теперь до них, и очутились в мойкокомнате, теплой, скользкой, полной шума и пара. И снова их окружили гротескные лики и формы Блейкни. «Времямыться, времямыться!» — закричали им хозяева дома и показали куда положить одежду, и с любопытством пощупали каждый предмет, и помогли им намылиться, и объяснили, который из водоемов наполняют горячие ключи, какой — теплые, а какой — холодные, и дали им полотенца, и заботливо помогли Шуламифи.

— Дом вашего мира, вы, ах, эй, — заговорил с Эзрой намыленный Блейкни, — больше этого? Нет.

Эзра согласился: «Нет».

— Ваши... Блейкни? Нет. Мым, мым. Эй. Семья? Меньше, ах-эй?

— О, намного меньше.

Блейкни кивнул. Потом предложил потереть Эзру спину, если Эзра потрет спину ему.

Проходили часы и дни. Похоже, здесь не было никакого правления, никаких правил, лишь привычки, обычаи и обиходные дела. Кто находил в себе склонность к работе, работал. Кто не находил... не работал. Никто не предлагал пришельцам чем-нибудь заняться, и никто им ни в чем не препятствовал. Спустя примерно неделю Эзра и Роберт напросились в поездку по берегу залива. Расшатанную повозку тянули две здоровые лошади.

Возницу звали Молодой Маленький Боб. «Надоть починить ходипол, — сказал он. — В ах-эй, в болелокомнате. Нужноть досок. Много в рекиводе».

Пригревало солнце. Дом то скрывался за деревьями или холмами, то вновь становилось видно, как он возвышается надо всем в округе, когда дорога поворачивала, следуя изгибу залива.

— Мы должны найти себе какое-нибудь *занятие*, — сказал Эзра. — Может быть, эти люди и являются большой единой счастливой семьей, хорошо, если так, ведь все это время на всей этой планете существовала лишь одна семья. Но если я еще некоторое время проведу среди них, я, пожалуй, стану таким же чокнутым, как они.

Роберт ответил с осуждением в голосе, что Блейкни не *особенно* чокнутые. «Кроме того, — подчеркнул он, — рано или поздно нашим детям придется вступать в брак с ними, и...»

— Наши дети смогут пожениться между собой...

— Ну, значит, нашим внукам. Боюсь, у нас отсутствуют необходимые пионерам навыки, иначе можно было бы отправиться... да куда угодно. Места, в конце концов, предостаточно. Но через несколько столетий, а может, и раньше, наши потомки станут такими же, скажем, странными и выродившимися. Так хоть какая-то возможность остается. Жизненная сила гибрида и все такое.

Они перешли реку вброд в месте, находившемся как раз напротив дома. Тонкая струйка дыма поднималась над одной из его больших длинных труб. Повозка свернула на заросшую тропу, тянувшуюся вдоль реки вверх по течению. «Много досок, — сказал Молодой Маленький Боб. — Мым, мым, мым».

Как он и говорил, досок нашлось множество, они приобрели серебристо-серый цвет. Доски были сложены под крышей большого навеса. У одного из его краев огромное колесо непрерывно вращалось в воде. Оно, как и крыша, было сделано из какого-то тусклого нержавеющей металла. Но вращалось только колесо. Остальные механизмы покрылись пылью.

— Жернова, — сказал Эзра. — И пилы. Токарные станки. И... всяческие вещи. Почему же они... Боб? То есть. Молодой Маленький Боб... почему вы перемалываете зерно вручную?

Возница пожал плечами. «Надоть муку делать, ах-эй. Хлеб».

Очевидно, все механизмы находились в нерабочем состоянии. Вскоре стало ясно, что никто из ныне живущих Блейкни не умеет их чинить, хотя (сказал Молодой Маленький Боб) есть такие, что помнят времена, когда все было иначе: Старая Большая Мэри, Старая Маленькая Мэри, Старый Белянка Билл...

Хайакава сделал вежливый жест, но слушать это перечисление не стал. «Эзра... я думаю, мы могли бы все это починить. Привести в рабочее состояние. *Это* послужило бы занятием для нас, верно? Вполне стоящим занятием. От этого многое изменилось бы».

Эзра сказал, что от этого изменилось бы вообще все.

На исходе летнего вечера, когда солнце расчертило небо розовыми, малиновыми, красными, лимонными и фиолетовыми полосами, у Шуламифи родился ребенок, девочка. «Мы назовем ее *Надежда*», — сказала она.

«Клещи, чтобы делать клещи», — сказала о ремонтных работах Микичо. В возобновлении использования энергии воды она увидела начало процесса, который со временем позволит им снова подняться в космос. Ни Роберт, ни Эзра не настраивали ее на это. Работа оказалась долгой и трудной. Они облазали и перерыли все углы в доме, от осыпающейся верхушки до огромного бескрайнего подвала с несущими столбами, нашли много вещей, которые имгодились, много предметов, которые хоть и негодились, но оказались интересными и занимательными, а много и таких, которые не только давно уже пережили свой век, но даже о самом их применении оставалось лишь догадываться. Они обнаружили инструменты; металл, из которого их можно было выковать, нашли целую библиотеку с книгами и печатный станок изготовления Блейкни, на котором раньше печатали книги; последняя из них представляла собой трактат о заболеваниях скота, отпечатанный чуть более ста лет назад. Упадок наступил крайне быстро.

Ни от кого из Блейкни особенного толку в починках не было. Они охотно поднимали и переносили вещи с места на место — пока это занятие не утратило новизны — а потом уже только мешали. Большой Толстый Рыжий Боб, кузнец, оказался чуть ли не исключением, но, поскольку привычная ему работа ограничивалась заточкой плужных лемехов, толку даже от него оказалось немного. Роберт и Эзра работали от восхода солнца до вечера. Они работали бы и дольше, но, как только в воздухе появлялся легкий холодок, находившиеся поблизости Блейкни начинали беспокоиться.

— Надоть возвращаться, ах-эй. Надоть отправляться назад.

— Почему? — спрашивал вначале Эзра. — На Блейкнимире нет опасных животных, нет ведь?

Никто из них не мог объяснять этого словами, ни в ясноречии, ни мямлеговорением. Среди них не существовало преданий о существах, которые вылезают по ночам, однако ничто не могло подвигнуть их провести хоть минуту ночью за пределами мощных стен дома. Роберт и Эзра поняли, что проще покориться и возвращаться вместе с ними. Очень часто запуск машин оказывался обманчивым, они начинали было работать, а потом ломались, и поэтому не было праздников, отмечающее какой-либо день как удачный. Чем-то в таком духе послужила лишь партия кексов, которые Старая Большая Мэри испекла из первой муки мельничного помола.

— Как давнодавношние времена, — удовлетворенно сказала она, слизывая крошки с беззубых десен. Она посмотрела на пришельцев, соорудила малышу забавную гримасу. Ей пришла в голову мысль, и через минуту или две ей удалось ее выразить. «Не наши, — сказала она. — Не наши, вы. Другех. Но, по мне, лучше-ть вы тут будете, чем этот Беглый Маленький Боб или та Худая Джинни... Да, по мне, лучше-ть».

Лишь один из топоров годился для работы, поэтому лес не валили, но Эзра отыскал бухточку, где постоянно скапливались ветви и целые деревья, прибитые волнами к берегу, и на лесопилке не ощущалось недостатка в древесине. «Много-ть досок получается, ах-эй», — сказал однажды Молодой Маленький Боб.

— Мы строим дом, — объяснил Роберт.

Возница бросил взгляд поверх залива на мощные башни и башенки, на длинные стены и большие коньки крыши. На расстоянии проломы стали незаметны, было только видно, как покосились две трубы. «Строить много, сказал он. — Ах-эй, вся крыша в конце северного крыла, мым, мым, плохая, плохая она, эй».

— Нет, мы строим свой собственный дом.

Он удивленно посмотрел на них. «Хочется построить еще комнату? Легче, говорю я, расчистить ничейную комнату. Ох-ах-эй, много их!»

Роберт оставил тогда разговор на эту тему, но нельзя же было вечно обходить его стороной, и однажды вечером после кормежки он принялся объяснять: «Мы очень благодарны вам за оказанную помощь, — сказал он, оказанную нам, людям, которые чужды вам и вашим обычаям. Может быть, именно потому, что мы здесь чужие, нам кажется, что нам нужен собственный дом, чтобы жить там».

Блейкни держались спокойно, по меркам Блейкни. И они ничего не поняли.

— Мы просто привыкли к такому образу жизни. Есть много других миров, где люди живут по много семей, а их семьи меньше, чем эта, чем ваша, чем Блейкни я имею в виду, — много семей в одном большом доме. Но не в том мире, где жили мы. Там, видите ли, у каждой семьи свой собственный дом. Мы к этому привыкли. Теперь мы, все пятеро, поселимся для начала в новом доме, который выстроим возле мельницы. Но мы выстроим второй новый дом, сразу, как только сможем. Тогда у каждой семьи будет свой собственный...

Он умолк, беспомощно посмотрел на жену и друзей. Он заговорил снова, вопреки глухому непониманию: «Мы надеемся на вашу помощь. Мы предлагаем свои услуги в обмен на ваши поставки. Вы дадите нам пищу и ткань, а мы станем молоть для вас муку и пилить древесину. Мы можем помочь вам починить мебель, ткацкие станки, провалившиеся пол и крышу. А в дальнейшем...»

Но ему так и не удалось объяснить насчет дальнейшего. Объяснения насчет нового дома оказались ему не под силу. Никто из Блейкни не пришел на строительство дома. Роберт с Эзрой соорудили ворот, подъемник, тали и ухитрились — с помощью женщин — выстроить маленький дом. Но никто из Блейкни больше не приходил молоть зерно, а когда Роберт и Эзра зашли навестить их, они увидели, что недавно распиленные доски и обработанное на токарном станке дерево так и лежат там, где они их оставили.

— Еда, которую мы брали с собой, кончилась, — сказал Роберт. — Нам нужно еще. Мне очень жаль, что вы все так воспринимаете. Пожалуйста, поймите, это вовсе не значит, что вы нам не нравитесь. Просто мы должны жить по собственным обычаям. В своих собственных домах.

Молчание нарушил малыш-Блейкни. «Что такое „домах“?» — спросил он.

На него зашикали. И сказали: «Такого слова нет».

Роберт продолжал: «Мы хотели бы попросить у вас кое-что в долг. Нам нужно вдоволь зерна и раститофелей и всего прочего, чтобы продержаться, пока мы не снимем свой собственный урожай, и достаточное количество молочного и тяглового скота, пока мы не разведем собственных животных. Вы согласитесь сделать это для нас?»

Кроме Молодого Белянки Билла, свернувшегося возле горючива и мямлеговорившего: «Воонна, воонна, воонна», никто по-прежнему не проронил ни слова. Пристально глядели синие навывкате глаза, румянец на лицах казался, пожалуй, ярче обычного, широкие безвольные рты подрагивали под длинными крючковатыми носами.

— Мы понапрасну теряем время, — сказал Эзра.

Роберт вздохнул: «Что ж, иного выбора у нас нет, друзья... Блейкни... Значит, мы возьмем все, что нам нужно. Но мы вам заплатим, сразу, как сможем, в двойном размере. А если вам понадобятся наши услуги или помощь, мы всегда ее вам окажем. Мы снова подружимся. Мы *должны* подружиться. Мы можем помогать друг другу жить лучше во многих, очень многих отношениях... и, право же, мы — единственные люди на всей этой планете. Мы...»

Эзра подтолкнул его, чуть ли не силой потащил его прочь. Они взяли повозку и упряжку лошадей, нагруженную едой телегу и пару фримартинов. Они взяли коров и овец, годовалого бычка и барашка после первой стрижки, несколько рулонов ткани и семена. Никто им не препятствовал, не ставил палок в колеса, когда они поехали прочь. Роберт обернулся и посмотрел на молчащих людей. А потом опустил голову и смотрел только вперед на дорогу вдоль залива и не оглядывался ни на воду, ни на леса.

— Хорошо, что им видно нас оттуда, — сказал он попозже в тот день. Это наверняка заставит их задуматься, и рано или поздно они придут сюда.

Они пришли раньше, чем он ожидал.

— Я так рад видеть вас, друзья! — Роберт побежал их встречать. Они схватили и связали его непривычными к такому делу руками. Затем, не обращая внимания на его истошные крики «Почему? Почему?», они ворвались в новый дом и вытащили Шуламифь, Микичо и малыша наружу. Они выгнали скотину из хлевов, но ничего больше не взяли. Теперь основным объектом внимания оказалась плита. Сначала они перевернули и уронили ее, потом разбросали повсюду кругом горящие уголья, потом подожгли головни горидерева и принялись везде лазать с ними. Вскоре строение загорелось.

Блейкни выглядели как одержимые. Красные лица, глаза чуть ли не повыскочили из орбит, а они мямлеорали и неистовствовали. Когда работавший в сарае Эзра прибежал и начал драться, они сбили его с ног и принялись колотить деревяшками. Он не встал, когда они перестали это делать; было ясно, что он не встанет никогда. Микичо начала долго бесконечно пронзительно кричать.

На мгновение Роберт прекратил борьбу. Державшие его в плену потеряли бдительность и ослабили хватку — он вырвался у них из рук, из пут и с криком «Инструменты! Инструменты!» кинулся в пылающий огонь. Горящая крыша рухнула на него с оглушительным треском. Он не издал ни звука, потеряв сознание Шуламифь тоже. Тонко визгливо заверещал ребенок.

Действуя как можно проворней, охваченные бешенством Блейкни подбросили в сарай вокруг машин деревяшек, лоскутов и обрезков; вскоре он запылал.

Пожар был виден на всем обратном пути.

— Было неправильно, было неправильно, — все твердил Молодой Рыжий Боб.

— Плохое дело, — подтвердила Старая Маленькая Мэри.

Молодая Большая Мэри несла ребенка. Шуламифь и Микичо то вели, то волокли следом. «Маленькая детка, ах-эй, ах-эй», — заворковала она.

Старый Белянка Вилл засомневался. «Будет плохая кровь, — сказал он. Женщины другех еще детей наростют. Э мым, мым, — размышлял он. — Научим их получше. Пусть не странноходят, — и его дряблый рот открылся от удовольствия. — Было неправильно, — сказал он. — Было *неправильно*. Другой дом. Не может быть другой дом, второй, третий. Эй, ах-эй! Никогда другех не было, только дом. Никогда больше не будет. Нет».

Он досмотрел вокруг, обвел взглядом потрескавшееся стены, провалившиеся полы, провисший потолок. В воздухе висел легкий запах дыма. «Дом, — с удовлетворением произнес он. — Дом».

Сила всякого корешка

Карлос Родригес Нуньес, офицер муниципальной полиции Санто Томаса, сидел в частной приемной д-ра Оливеры, раздумывая о своем положении. Может, ему вообще не следует здесь находиться? И не то чтобы именно в частной приемной: она, как правило, пустовала, и лишь в течение недели вслед за большими праздниками ее обычно заполняли младшие сыновья из процветающих семей, которые (младшие сыновья) посещали столицу федерации и обходили ее библиотеки, театры, музеи и прочие здания, где хранится национальное наследие, а вовсе, вовсе не las casitas[73].

— Перегрузка, сэр доктор. Несомненно, просто перегрузка!.. Горе мне, сэр доктор! Какая огромная игла! Право же... всего лишь из-за маленькой, крохотной перегрузки?

Врач мягко улыбался, произносил слова утешения и продолжал набирать в шприц пенициллин.

Все это не имело отношения к офицеру полиции Карлосу. По сути дела это не имело отношения и к младшим сыновьям из непроцветающих семей, которые, во-первых, во время праздников могли себе позволить посетить разве что столицу округа (или, в лучшем случае, штата), а во-вторых, не обращались по поводу вытекающих из этого осложнений к врачу, они ходили за этим к curandero[74]. И тут Карлос подумал: не следует ли и ему поступить так же? Нет... Нет... Социальный статус государственного служащего, должностного лица может оказаться под угрозой из-за посещения местного знахаря и кудесника. Кроме того, общественная приемная врача именно таковой и являлась: общественной. Если его здесь увидят, пойдут слухи. Дон Хуан Антонио станет задавать вопросы. Дон Хуан Антонио был jefe de policía[75], и Карлосу казалось, что в последнее время в отношении начальника к нему не стало сердечности. Впрочем, Карлосу казалось, что сердечности не стало и во всеобщем отношении к нему. Он не мог понять, почему. Он был очень добрый полицейский: брал только традиционные мелкие взятки, сильно не напивался, давал заключенным сигареты. Часто.

Он не мог понять, почему же, глядя на него, люди внезапно — иногда всегда на несколько секунд — менялись, становились дьявольски омерзительными. Лица их распухали, они казались ему страшней, чем маски moros[76] и judases[77] во время праздничных шествий в детстве. Воздух сильно нагревался, голоса принимались хрипеть и бормотать гадости, подчас ему становилось трудно дышать. А голова...

Большая овальная подкрашенная фотография старой доньи Каридад, матери д-ра Оливеры, свирепо поглядела на него со стены. Губы ее изогнулись. Она нахмурилась. Карлос поспешно поднялся на ноги. Непредвиденная и совершенно ничем не обоснованная враждебность доньи Каридад оказалась ему не по силам. Он протянул руку, собираясь открыть дверь на улицу, но тут отворилась дверь, ведущая в глубину дома, и возле нее появился сам врач он на миг удивился, но к нему тут же вернулась обычная учтивость. Он с поклоном пригласил Карлоса в кабинет. Донья Каридад снова выглядела невозмутимо и бесстрастно, как всегда.

Последовал обмен любезностями согласно правилам. Затем молчание. Д-р Оливера указал рукой на лежавшее на столе издание. «Я как раз читал, сказал он, — медицинский журнал. О яйцах. Современная наука так много узнала о яйцах». Карлос кивнул. Д-р Оливера сложил кончики пальцев вместе. Он вздохнул. Затем встал и, всем видом выражая сочувствие, жестом велел Карлосу спустить брюки.

— Ах, нет, сэр медико, — поспешил сказать офицер. — Нет-нет, это совсем другое.

У д-ра Оливеры отвисла челюсть. Казалось, он колеблется между раздражением и замешательством. Карлос шумно вдохнул воздух, затем выпалил залпом: «У меня разламывается голова. У меня случаются боли, головокружения, у меня распухают глаза, у меня жжет в груди и там, где сердце, тоже и... и...» Он остановился. Он не смог рассказать о том, как менялись лица людей. Иди, например, вот только что, у доньи Каридад. Нельзя с уверенностью рассчитывать на то, что д-р Оливера не проговорится. Карлос начал давиться и попытался проглотить слюну.

Выражение лица врача постепенно становилось все более спокойным и уверенным. Он поджал губы и кивнул. «Желудок действует? — осведомился он. — Часто? Достаточно часто?»

Карлосу хотелось ответить, что действует, но горло у него так еще и не пришло в порядок, поэтому раздался лишь неуверенный хрип. К тому времени, когда ему удалось сделать глоток, señor medico[78] уже

снова заговорил.

— Девяносто процентов телесных недомоганий, — сказал он, издавая при этом носом серьезные выразительные звуки, — возникает из-за того, что желудок действует с недостаточной частотой. За счет этого происходит отравление тела и организма. Сэр офицер полиции — отравление! Нас интересуют результаты... Мы обнаруживаем... — он быстро повел головой из стороны в сторону и воздел руки над головой, — что наблюдаются боли. Они наблюдаются не только в области желудка, но и, — он стал перечислять. Загибая пальцы, — головы, груди, глаз, печени и почек, мочеточной системы, верхней части спины, нижней части спины, ног. Сэр, ослабевает целиком все тело. — Он понизил голос, подался вперед, не то прошептал, не то прошипел: «Человеку *недостает сил...*» Он закрыл глаза, сжал губы и откинулся назад, ноздри его затрепетали, а голова мелко затряслась вверх-вниз. Он резко открыл глаза и вскинул брови: «А?»

Карлос сказал: «Доктор, мне тридцать лет, до нынешнего времени я всегда отличался отменным здоровьем и мог, например, поднять железнодорожную шпалу. Моя жена очень довольна. Когда бы я ее ни спросил, она всегда отвечает: „Сомо по?“^[79]. А потом она говорит: „Ну, bueno!^[80] Мне *вполне* хватает...“ В общественной приемной закричал младенец. Д-р Оливера поднялся, достал ручку.

— Я выпишу вам рецепт на отличное лекарство, — сказал он, поставил изящный росчерк и написал в верхней части листка крупным витиеватым почерком «Ср. К. Родригес Н.» Он добавил несколько строк, поставил подпись, промакнул и отдал бумагу Карлосу.

— По одной штуке перед каждым приемом пищи в течение четырех дней или до тех пор, пока желудок не начнет действовать часто... Вы желаете получить лекарство у меня или в *farmacia*?^[81]

Карлос пал духом, но не утратил вежливости; он сказал: «У вас, доктор. А... Ваш гонорар?»

Доктор Оливера небрежно сказал: «Считая лекарство... десять песо. Для вас как должностного лица. Благодарю вас... ах! А также: избегайте яиц. Яйца тяжело перевариваются, в них очень, очень большие молекулы».

Карлос вышел через частную приемную. Донья Каридад с презрением отвернулась. На улице двоюродные братья Эухенио и Онофрио Крус, грубые ребята, лесорубы, подтолкнули друг друга локтями, усмехнулись.

Он пошел через рыночную площадь, смутно ощущая запах жарящихся на решетке свиных *carnifas*^[82], спелых фруктов, дыма горящего дерева. Голова его, глаза и горло опять плохо себя вели. Он вспомнил, что *Forestal*^[83] на месяц запретило рубку леса в качестве меры по сохранению и что он собирался присмотреть за возможными нарушениями. Беззубая индейка с босыми серыми ногами прошлепала мимо, жуя кусочек жареной рыбы. Лицо ее скривилось, стало огромным, омерзительным. Он закрыл глаза, споткнулся. Спустя мгновение ему стало лучше, и он пошел дальше вверх по лестнице крытого рынка в *excusado*^[84]. Как всегда он испытал легкое удовольствие оттого, что не пришлось платить двадцать сентаво за вход. Он закрыл дверь в кабину, бросил таблетки в унитаз, спустил воду. Сэкономил двадцать сентаво, потратил — выбросил десять песо. На стене взошел новый урожай граффити. «Шлюха — мать Карлоса Родригеса Н.» — гласила одна из надписей. В обычных обстоятельствах он прочел бы ее безо всякой злобы и даже восхитился бы искусной сдержанности оскорбления: автор приписал ему две фамилии, хотя и свел одну из них до инициала, и таким образом не стал утверждать, будто он — внебрачный ребенок. Еще он, вероятно, подметил бы результаты введения более раннего возраста обязательного поступления в школу, неприличные надписи на стенах писали все ниже и ниже.

Но теперь... теперь...

Ополоумев от ярости, он с криками кинулся на улицу. И чуть не столкнулся со своим начальником, доном Хуаном Антонио, главой полиции. Который посмотрел на него со странным выражением, ставшим теперь уже привычным, и спросил: «Почему вы кричите?» И принялся к его дыханию.

Смирившись с этим дополнительным оскорблением, Карлос пролепетал что-то насчет попрошайничающих на рынке мальчишек. Дон Хуан Антонио отмахнулся от этих объяснений и указал рукой на противоположный край рыночной площади. «Двадцать автобусов с учащимися средних школ и колледжей государственной столицы остановятся здесь перед тем, как отправиться дальше, на

Национальный Съезд Молодежи. Что же, мне самому регулировать движение, пока вы гоняетесь за попрошайками-мальчишками?»

— Ах, нет, *senor jefe*! [85] — Карлос поспешно отправился к автобусам, медленно въезжавшим друг за другом на площадь, и стал направлять их движение к несколько ограниченному месту для стоянки: остальное пространство уже заняли торговцы черной керамикой с грубо очерченными рыбами; коричневой керамикой с написанными на ней самыми популярными женскими именами, птенцами попугаев, бананами из Табаско, ярко раскрашенными стульями с плетеными сидениями; ананасами с надрезами, чтобы была видна сладкая мякоть, обувью, сандалиями с подошвами из автомобильных покрышек, иконами и свечами, *rebozos* [86], *mantillas* [87], кусками деревенского масла грушевидной формы, длинными узкими кусками жареной говядины, сотнями разновидностей бобовых, тысячами разновидностей стручкового перца, рубашками для работы, яркими юбками, пластиковыми скатертями, патриотическими картинами, вязаными чепцами, *сомбреро* — безграничное разнообразие латиноамериканской рыночной площади; он окликнул шофера и постучал рукой по автобусу, показывая, что ему надо чуть-чуть подать назад... еще чуть-чуть... капельку...

Бум!

Следуя его указаниям, автобус столкнулся как раз с новым автомобилем, принадлежавшим дону Пасифико, *presidente municipal*! [88] Шофер выскочил из автобуса и стал ругаться, мэр выскочил из машины и стал кричать, студенты вышли из автобуса, вокруг собрался народ, с воплями примчался начальник полиции, сеньорита Филомена — пожилая девственница, тетка мэра — заорала, прижимая увядшие руки к увядшей груди; заголосили ее многочисленные внучатые племянники и племянницы... Карлос лепетал, делая неловкие движения руками, а этот бычина, начальник полиции, печально известный как человек, которому недостает образования и который склонен громко публично критиковать полицию, он рассмеялся.

Сборище превратилось в толпу, враждебную толпу, и люди в ней постоянно двоились, чтобы напугать и запутать несчастного офицера полиции своими раздвоенными фигурами и жуткими лицами. Это был чудовищно.

Люди всегда замечали, что тело Лупе существует совершенно независимо от платья Лупе. Оно не нуждалось в его поддержке, не ссорилось с ним и не силилось выскочить из него, — нет, крепкое гладкое приятное тело заявляло о своем присутствии и о своей автономии и, как само платье, всегда оставалось чистым, милым и ярким. Может, другие и сомневались в верности миловидной жены, но только не Карлос.

Лупе оказалась лучше всего, что находилось на *ranchito* [89] Родригес, однако там имелось еще много хорошего; по сути дела оно всем было хорошо. Стены из тщательно изготовленных, тщательно обработанных, тщательно уложенных крупных коричневых кирпичей; крыша из черепицы, которая никогда не трескалась, не соскакивала и не протекала. В деревянных клетках, чирикающая и напевая, прыгали с насеста на насест *rajaritos* [90], уступавшие в яркости красок лишь цветущим растениям, рассаженым по маленьким горшочкам или жестяным банкам. Карлосу и Лупе никогда не приходилось покупать кукурузу, чтобы приготовить *nixtamal* [91], тесто для лепешек и тамалей [92]: они выращивали свою собственную и таким образом обеспечивали себя и листовыми обертками от початков, чтобы заворачивать и варить в них тамали, а когда высыхали кочерыжки початков, из них выходило хорошее топливо. Там стояла яблоня и большая высокая старая *pinole* [93], снабжавшая их серо-голубыми орешками, чьи ядрышки слаще яблок. Козе всегда хватало корма вдосталь, свинья была славная и толстая, а полдюжины кур избавляли их от необходимости как-либо зависеть от рыночных торговки и яиц сомнительного качества. Не последним в перечне прелестей *ranchito* стоял урожай мясистой, агавы *магуэй*, из сока которой получалось *aguamiel* [94], а из ее смеси с более выдержанным и крепким *madre de pulque* [95] выходит восхитительный чистый напиток молочного цвета, а потому ни Карлосу, ни Лупе не было нужды постоянно посещать засиженные мухами захудалые и убогие *pulquerias* [96], где пахло чем-то прокисшим.

Детей у них не было, это правда, но ведь они всего два года, как женаты. Благодаря наблюдениям Карлос знал, что иногда проходит и больше времени, прежде чем начинают появляться дети, зато уж стоит родиться одному, как следом пойдут другие в достаточном количестве.

Ranchito хорошее, очень-очень хорошее, однако существует огромная разница между положением

должностного лица, имеющего сельскую усадьбу, и положением крестьянина. Фигура Лупе с маленькими, но красивыми изгибами постарела бы раньше времени, стала бы жилистой, согбенной. Карлос носил бы мешковатую заплатанную хлопчатобумажную одежду [campesino](#)^[97] вместо своих изящных габардиновых костюмов, т. е. если бы только потерял работу. Он не знал, какую одежду носят эти несчастные из Мизерикордии, больницы для душевнобольных, обнесенной высокими стенами.

Это учреждение, давно уже перешедшее в руки гражданских властей, изначально имело религиозное происхождение, и, вспомнив об этом, Карлос задумался над возможностью обсуждения своих проблем с местным священником. Он недолго над этим раздумывал. Совершенно верно, Карлос был человек верующий и носил на мощной своей груди целых два образа, не меньше. Верно и другое: он никогда не ходил в церковь. Это занятие для женщин и стариков. К тому же служителям отделенного от церкви государства не полагалось ни подвергаться преследованиям, ни оказывать поддержку отправлению религиозных ритуалов. Помимо того, священник, этот добродушный общительный человек, мог случайно сказать что-нибудь не то кому-нибудь не тому. Разумеется, опасаться, что он нарушит тайну исповеди, не приходилось ни на минуту. Но это — кошмар, преследовавший Карлоса в последнее время это не предмет для исповеди. Это не грех, а несчастье. Он уже не мог просить у *cura*^[98] дружеского совета. Этот достойный человек часто проводил время в обществе *saciques*^[99], имевших политическое влияние. Достаточно одного сочувственного замечания в адрес «бедняги Карлоса», и «бедняга Карлос» мог уступить свой служебный пост племяннику, двоюродному брату, зятю *sacique* — точная степень родства вряд ли имеет тут значение.

При этом слова предостережения дона Хуана Антонио до сих пор звучали в его мозгу.

— Еще одна ошибка, молодой человек! Еще хоть одна!..

Карлос моргнул. Он и не заметил, что ушел так далеко от города. Позади него слева возвышалась Священная Гора, высокий холм, на котором во времена язычества стояла пирамида, а теперь оттуда доносился нестройный звон колоколов небольшой церквушки. Позади него справа находился бетонный круг арены для быков. Впереди тропинка, по которой он почему-то пошел, оканчивалась развилкой. Правое ответвление вело к домику его тетки по матери, Марии Пилар, женщины с сильным характером, которая обычно пользовалась его нечастыми визитами и просила починить ей крышу или прочесть молитвы, а иногда и то, и другое. Он не обнаружил в себе желания повидать *Tia*^[100] Марию Пилар. Уж, конечно, не теперь. Так почему же он тут оказался?

Левая тропинка, куда она ведет? Через некоторое время по ней можно дойти до крохотной деревушки Сан Хуан Баутиста. А до того? Она довольно долго тянется вдоль железнодорожных путей. Выходит к роднику. К маленькой речушке, которую часто посещают прачки и залетные художники-гринго. К различным участкам леса. К кукурузным полям. И к уединенному дому Исидро Чаче, *curandero*.

Карлос снял фуражку и вытер лоб. Осторожно огляделся по сторонам. Как ни в чем не бывало, совсем как ни в чем не бывало. Далеко-далеко крохотная фигурка пробиралась через поля, ведя осла с поклажей. Вполне возможно, что на осле везут топливо, древесный уголь из незаконно срубленных деревьев. Или, что куда проще, сами деревья. Что за наглецы эти ребята! Но человек находился слишком далеко, да и к тому же с этим делом можно повременить до следующего раза. На данный момент важно одно: что, по всей вероятности, его, Карлоса, никто не видит.

Он снова надел фуражку. Затем по-прежнему, как ни в чем не бывало, в сущности даже смело, он свернул на дорожку, уходившую влево.

Исидро Чаче был маленький уродливый жилистый человечек с больным глазом, служившим от случая к случаю предметом тихих настороженных пересудов. Зрячий он у него или нет? Некоторые утверждали, будто зрячий, будто на самом деле он может в один и тот же момент смотреть глазами в разные стороны, как мул. Еще все заметили, какой популярностью пользуется Исидро Чаче среди женщин, несмотря на свое уродство. И не только среди уродливых. В действительности люди слышали, как некая Мама Роза, бесстыдница, утверждала: «Дон Исидро — бык, а остальные мужчины — всего лишь бычки! Да он и щедр к тому же...»

Но у остальных мужчин имелись собственные тому объяснения. «Это все его амулеты да любовное зелье», — так шепотом гласило единодушное мнение. Зачастую после таких бесед не один мужчина,

громко похвалявшийся своими мужскими достоинствами в ходе разговора в cantina^[101], потихоньку отправлялся в одинокий домик за городом, где одиноко проживал целитель, чье постоянное общество составляли лишь попутай, по слухам, родившийся еще до завоевания и говоривший на всех языках, да странного вида пес, который не говорил ни на одном. Однажды кто-то уж совсем заговорился и принялся утверждать, будто пес этот из породы нелающих собак. Однако все знали, что отцом этого человека был иностранец (не то турок, не то лютеранин, не то гринго, не то еврей), а потому подобное заявление звучало еще более нелепо.

Вполне очевидным казалось такое объяснение: Исидро Чаче лишил пса способности лаять при помощи своего колдовства, чтобы показать, до какой степени он не нуждается в предупреждениях собственной собаки. Пес даже не отличался свирепостью! Какой нормальный человек на всем белом свете стал бы держать собаку с иной целью? От одного этого задрожись!

Тропа врезалась в выступ покато́го холма и неспешно тянулась мимо еще крепких, но сильно заросших каменных стен, то под лучами солнца, то в тени. Может, тишина и не была там глубже, может, ему просто вдруг так показалось. Ему уже чуть ли не хотелось услышать недозволенный стук топора и его однообразное эхо. Но он его не услышал. Лишь что-то крадучись перемещалось в подлеске. Потом он внезапно очутился возле дома. Древний попугай что-то пробормотал, пес поднял голову и равнодушно опустил ее. Офицер полиции медленно подошел и уверенно оповестил о своем присутствии. Никто не откликнулся. Откуда-то донесся высокий слабый голос, не то говоривший нараспев, не то тихонько напевавший. Попугай нахмурился, внезапно превратился в двух нахмуренных попугаев, но это продлилось всего секунду. Карлос, пожалуй, приободрился, а вовсе не наоборот... казалось, мощного воздействия curandero и его дома достаточно, чтобы умерить его хворобу, какой бы она ни была. Он снова оповестил о своем присутствии и толчком распахнул дверь.

В доме стоял полумрак (естественно, как и положено) и запах (вполне отчетливый) дыма горящих дров, трав, рома и ряда прочих вещей, а среди них — узнаваемый незамедлительно, с первого же раза — самого Исидро Чаче. Он сидел на корточках на полу, напевая свою странную песню, разбрасывая по полу разноцветные семена из крашеной тыквенной бутылки, разглядывая образовавшийся рисунок в свете единственного солнечного луча, затем опять собирая семена, чтобы вновь их рассыпать. Песня его внезапно стихла. «Abuelita^[102] Ана должна умереть», — сказал он прозаичным тоном. Из слабого и высокого голос его превратился в вязкий и мощный.

Карлос весь сжался. Неужели curandero намеревается... Потом он вспомнил, кто такая Abuelita Ана и успокоился. «Сколько лет ее помню, она все умирает», — сказал он. Бабушка Ана под двадцатислойными одеждами, ее поднос с таблетками, целебными мазями, примочками и эликсирами; пальмовые ветви, четки и иконы, ее амулеты на счастье и ее патентованные лекарства с изображениями и подписями серьезных бородатых испанских докторов... и прежде всего, ее длинные, толстые и грязные ногти желто-серого и черного цвета.

Исидро Чаче кивнул. «Я не давал ей умереть, — сказал он. — Но я больше не смогу этого делать. Быть может, сегодня... Быть может, завтра... — Он пожал плечами. — Кто знает?»

— А как вы себя чувствуете, Сэр Целитель?

— Я? Очень хорошо. Господь и святые любят меня, — он усмехнулся.

Карлос вспомнил, что он — полицейский, а к славным обязанностям полицейского никто не относится с презрением, и сказал: «Надеюсь, вас никто не беспокоил».

Знахарь широко раскрыл оба глаза, и больной, и здоровый. «Беспокоил *меня*? Да кто бы посмел? — сказал он, — вот *вас* кто-то беспокоил».

Взгляд Карлоса Родригеса Нуньеса замер. Он вздохнул, и этот вздох перешел в рыдание. Не вполне владея голосом, он поведал целителю о своих бедах... какие жуткие голоса ему слышатся, какие жуткие видятся лица, как болит тело и голова, как она кружится, как двоится у него в глазах, как недружелюбно и враждебно относятся к нему люди и — наконец — как он боится потерять работу.

Если не хуже того.

Выражение лица curandero, слушавшего, кивая головой, не сильно отличалось от выражения на лице доктора Оливеры. «Pues[103]. Не думаю, чтобы в данном случае мы имели дело с последствиями непочтительности, — неторопливо, как бы размышляя, произнес он. — Вы не охотник, не лесоруб, вряд ли вам случалось оскорбить Олений Народ или Маленький Народец... а даже если и так, они, как правило, мстят иным образом. Повторяю: *как правило*. Но — пока что — мы не станем останавливаться на этом».

— Так что же? Сглаз? Много приходится слышать чепухи по этому поводу. В сущности, взрослые люди крайне редко оказываются жертвой Сглаза; кого действительно нужно беречь, это детей...

Он оговорил различные возможности, не обошел и расстройства желудка или его неспособность действовать с необходимой частотой, недомогание, от которого, у него, Исидро Чаче, имеется множество отличных трав. «Но, возразил полицейский, — дело не в этом, уверяю вас».

Чаче пожал плечами: «Ну, а что вы сами предполагаете?»

Тихим-тихим голосом Карлос пролепетал: «Колдовство. Или яд».

Чаче медленно печально закивал. «Восемьдесят процентов телесных недомоганий, — согласился он, — происходит по одной из этих двух причин».

— Но кто?.. Но почему?..

— Вы говорите, как идиот! — рявкнул знахарь. — Вы — офицер полиции, у вас сто тысяч врагов, и у каждого сто тысяч причин. *Почему* не имеет большого значения, а вот *кто*: знание об этом пригодилось бы, тогда мы смогли бы наложить встречное заклятие, но и это не главное. Мы *не* знаем *кто*, нам известно только о *вас*, и именно *вами* мы должны теперь заняться.

Карлос робко промямлил: «Я понимаю. Понимаю».

Он смотрел, как Чаче снова рассыпает зерна, делает ему guardero[104] из ракушек, камешков и клочков ярко-красной шерсти, как он окуривает его удушливыми травами и кадит над ним ароматическими смолами, и совершает прочие знахарские ритуалы; в завершение указаний целитель предупредил его о необходимости соблюдать осторожность во всем, что касается еды и питья.

В отчаянии офицер полиции вскинул вверх голову и руки. «Будь у человека хоть тысяча глаз, все равно его можно отвлечь на необходимое время: стоит мне на секунду отвернуться в cantina, и кто-нибудь подбросит мне щепотку чего-нибудь в еду или в питье...»

— Значит, употребляйте в пищу только еду, приготовленную вашей женой, а что касается питья, я дам вам небольшой амулет, который будет охранять для вас ром или агуардьенте.

На вопрос о размерах гонорара Чаче ответил расплывчато и сказал лишь, что стоимость первого визита составит двадцать песо, включая оплату за оба амулета. Он велел, чтобы Карлос пришел снова через три дня. Тот удалился, унося с собой новую уверенность и старый страх. Запах магических курений все еще стоял у него в ноздрях, но постепенно к исходу дня его сменили другие.

Все кругом окуталось дымкой. Вопреки увещаниям властей от имени науки и патриотизма безграмотные мелкие фермеры и люди с индейских ejidos[105], чьи земли кольцом окружали муниципальные, начали, как и каждый год, жечь поля и густой кустарник, готовясь к сбору кукурузы. Пожалуй, orestal выбрало не лучшее время, чтобы запретить рубку и сжигание леса без разрешения: на любом расстоянии трудно отличить один дым от другого, а ночью разобрать, где какой костер. Наступило время, когда страна как бы возвращалась к эпохе язычества; в любой час повсюду виднелись костры, и зачастую какое-нибудь растерянное напуганное животное обнаруживало, что оно отрезано, окружено со всех сторон, и погибало в огне. Однако Карлос предоставлял заботиться об этих преступлениях против, скажем, оленьего народа, индейцам-преступникам и curandero.

Над городом и ближайшими его окрестностями повисла иная, более легкая дымка. Она возникала дважды в день, ранним утром и в сумерках: дымка сгорания дерева и угля, к которой примешивался слабый, но характерный запах маисовых лепешек, жарящихся на сковородках; он напоминал об их слабом, но характерном привкусе. И о том, как жарящие их женщины делают руками: «шлеп-шлеп-шлеп».

Карлос теперь больше любил темноту. Он не видел в ней враждебных искаженных лиц. Он видел

меньше предметов, и поэтому меньшее их количество зловеще двоилось, тревожа его. Если бы еще эти нерегулярные боли и мучения шли в это время на убыль... Кажется, они притихли, слегка. Но слегка недостаточно. Может, благодаря тому, что проделал curandero Исидро Чаче, они еще сильнее утихнут. Среди сгущавшейся темноты Карлос торопливо, украдкой, опустился на колени и быстро прочел короткую молитву, взывая к La Guadalupeana[106].

Он думал о том, что в конце концов полное имя его жены — Мария де Гуаделупе.

— Tu safe[107], - сказала она и сразу же, как он вошел, стала его наливать, горячий, крепкий, сладкий. — Tu quieres una torta?[108]

Сначала он обращался с ужином осторожно. Однако было похоже, что в этот вечер горло не станет ему никак препятствовать, несмотря на расстроенное у него чувство вкуса, за счет которого ему почудился странноватый привкус в еде. Потом, когда она уже заканчивала мытье посуды, он подошел и обнял ее, одна рука обвилась вокруг талии, другая легла на грудь; он нежно и задумчиво прикусил ей зубами кончик уха. Как обычно, она сказала: «Сомо по?»[109]

Но не сказала вслед за этим: «Ау, bueno!»[110], как делала всегда. А еще вслед за этим, огорчившись из-за неудачи и утомившись от отчаяния, он принялся думать о другом, и в голову ему пришла мысль.

Конечно же, если ему удастся сделать потрясающий ход, например арестовать для разнообразия кого-нибудь помимо бузотера-burracho[111], конечно же, это восстановит столь сильно поколебавшееся доверие департамента полиции, то есть дона Хуана Антонио. По крайней мере, так он рассуждал. У него имелось смутное подозрение, что план этот не является совершенством, и, если внимательно над ним поразмыслить, в нем, пожалуй, вскроются недостатки. Но ему не хотелось так уж внимательно над ним размышлять: слишком это большое усилие, чересчур много голосов, бормочущих гадости, отвлекая и тревожа его, а кроме того, если он откажется от этого плана, зачем тогда вообще вставать? Боли усилились, и он понимал, что не сможет уснуть снова. Значит, надо встать, а раз так, ничего больше не остается, как выйти из дома.

А потому надо все-таки попытаться осуществить этот план.

Он встал, оделся, застегнул ремень с кобурой, проверил, на месте ли фонарик, и вышел на улицу.

Ничто на горизонте не возвещало о приходе зари. Огромные белые звезды сверкали в черном небе. Он принялся искать самую огромную из них, Венеру, припомнив рассказы о ее значительности во времена прежней религии, до завоевания, однако то ли она еще не взошла и не стала утренней звездой, то ли он не там искал, то ли ее загородило какое-нибудь дерево или хлом...

Фонарик ему пока не понадобился, ведь он знал здесь все дорожки так же, как собственный дом или собственную жену. Знаком ему был и пень, который вдруг... но не так, чтобы неожиданно... начал злобно хрипеть: «Carlo el loco. Carlo el loco[112]. Скоро ты окажешься в Мизерикордии. Ja ja! Loco Carlo!»[113]

Офицер вытащил револьвер, потом засунул его обратно. Без сомнения, пуля тут не поможет. «Погоди, — сказал он. — Как только станет светло и я справлюсь с прочими обязанностями, я вернусь, разрублю тебя, оболью petroleo[114] и сожгу. Погоди».

Пень тут же смолк и попытался спрятаться в темноте. Но Карлос прекрасно знал, где именно он находился; он пошел дальше, думая о нем и угрюмо трясая головой. Он напряг слух, но шума, который он рассчитывал услышать, не было. Конечно, злоумышленники занимались своим самобытным делом за много километров отсюда, на лесистых склонах гор. Охотившиеся на оленей браконьеры обычно прочесывали каждый участок вдвоем; один из них держал яркий фонарь, который привлекал и завораживал зверя, а второй стрелял в него, пока тот стоял, выйдя из укрытия. Одному человеку вполне под силу унести половину оленьей туши. Таким браконьерам не нужны ни дороги, ни тропинки на пути туда или обратно; бесполезно пытаться их поймать.

Дело, однако, обстояло иначе с лесорубами, этими расхитителями природных ресурсов и национального наследия, лишавшими холмы покрывающих их лесов и тем самым подвергавшими их эрозии! Чем дальше он о них думал, тем яснее осознавал, какое зло причиняют их преступления. Более того, подумать только, как безобразно они мошенничают даже в городе... Если вспомнить, как эти

двоюродные братья Эухенио и Онофрио Крус (отъявленная парочка!) мололи языком и насмехались над ним всего лишь вчера на рыночной площади. По сути дела, не только вчера, если призадуматься. А почему? Безо всякой причины. Так что прежняя позиция Карло — неправильна, это ясно. Лесорубы — не просто бедолаги, тяжким трудом зарабатывающие себе на пропитание, которым в данный момент [burocratas](#)^[115], преследующие собственные нечестные цели, запретили даже трудиться; вовсе не достаточно противостоять людям с топорами и предупреждать их. Над тьмой лесов протянулись сполохи, красные, малиновые, алые. Нужно хорошенько их проучить, раз и навсегда. *Ladrones. Hijos de putas*^[116].

Но даже двое мужчин не смогут дотащить из леса в город столько дров, чтобы усилия оправдались. Лесорубу необходима лошадь, мул или, на худой конец, осел. А потому ему приходится придерживаться мощных или хотя бы утоптаных дорог. По эту сторону города таковых находилось никак не меньше двадцати, но по мере приближения к нему они все чаще сливались друг с другом, так что на данный момент из практических соображений их число можно свести к пяти. Дорога Сан Бенито вела к главной автострате, пролежавшей чересчур далеко в южной стороне: с наступлением светлого времени они окажутся на виду. Дорога к старому монастырю проходила через контрольный пункт. Третья — излишне длинна и извилиста, четвертая — в последние месяцы совместилась с одним из местных ручьев. Карлос не был особенно силен в арифметике, однако с изрядной уверенностью решил, что остается всего одна дорога. Он обнаружил, к собственному удивлению, что как раз вышел на нее, вероятно, за то время, пока считал. Теперь оставалось решить, где именно или хотя бы примерно, находится лучшее место на этой дороге для *emboscada*^[117]. Окажись он слишком близко к лесу, преступники снова смогут в нем укрыться. А если слишком близко к городу, им удастся спрятаться в каком-нибудь доме или патио. Идеальным было бы такое место, где дорожная колея углублялась бы, а по обе стороны, не слишком далеко и не слишком близко, шли бы стены. Такое место оказалось не только идеальным, но и реальным; более того, там обнаружилась ниша, в которой некогда стояла статуя Ла Гуадалупана, до того как в республике отделили церковь от государства. Карлос захихикал, подумав, как удивятся негодяи, когда он вдруг выскочит из этой ниши с пистолетом в руке!

Он все еще хихикал, но тут что-то вцепилось ему в ногу, и он растянулся.

При падении он ударился спиной и всеми прочими костями. От этого ему стало тошно, а все задремавшие было боли разгорелись с новой силой. Заулюлюкали, затараторили насмешливые голоса, лица показывали ему рожки и плевали в него. Он лежал там, на дороге, борясь с удушьем и с безумием, всхлипывая. Постепенно дыхание возвратилось к нему. Темнота вновь стала просто темнотой. Он принялся ощупывать землю вокруг, пальцы его во что-то уткнулись и с отвращением отдернулись. Он продолжал шарить рукой и нашел фонарик. Желтый луч осветил лежавшую на дороге фигуру, и он разразился долгим пронзительным криком, исполненным ужаса и муки: на спине в луже крови лежало тело мужчины. Рубашка, брюки, руки и ноги, — все, что положено человеку, находилось на месте.

Но у него не оказалось головы там, где положено.

Медленно-медленно светлело небо. Туман смешивался с дымом, заволакивая солнце. Карлос Родригес ходил взад-вперед по дороге, ощущая жгучую резкую боль в глазах. Он ходил так уже час, два часа, три — кто знает, сколько именно? Он не решался заснуть. Что, если кто-нибудь украдет тело? Он не решался вернуться в город и доложить об убийстве по той же причине. При бдении ему служила поддержкой мысль о том, что с наступлением дня на дороге появятся люди и он сможет послать кого-нибудь из них с донесением в город — лучше бы одного из уважаемых *cuidaderos*^[118] в возрасте, чьи свидетельские показания касательно тела сочтут бесспорными. Однако случилось так, что первыми на дороге оказались двое мальчишек, гнавших четырех коров на пастбище.

Или один мальчишка, гнавший двух коров. Карлос уже не мог знать наверняка, двоится у него в глазах или нет. Один мальчик с двумя коровами. Два мальчика с четырьмя коровами. Одно тело без головы. Два тела без головы. Небо было серым и холодным, а вероломное солнце боялось показаться на глаза. Через некоторое время он убедился, что мальчиков все-таки двое, поскольку один из них согласился сбегать обратно и передать сообщение, и Карлос увидел, как он побежал, а в то же самое время заметил, как другой мальчик сгоняет коров с дороги, чтобы они обошли тело. Коровы должны есть, несмотря на смерть или жизнь. Мальчики скрылись из виду, скотина тоже, а кто-то все кричал и кричал, кричал не замолкая. Он с изумлением узнал собственный голос и затих.

На труп и кровь стали садиться мухи. Очень трезво, очень устало Карлос принялся разглядывать тело. Он не узнал его. Оно не казалось ему ни знакомым, ни неизвестным; похоже, оно просто пребывает в покое, все проблемы кончились. Оно даже не казалось больше таким странным: ему доводилось и раньше слышать об убийцах, которые отсекают своим жертвам головы, чтобы воспрепятствовать опознанию или хотя бы задержать их. Покой. И никаких проблем. Сколько времени потребуется мальчику, чтобы добраться до города?.. И через какое время сможет приехать дон Хуан Антонио? А потом? Что будет потом? Похвалит ли он Карлоса? Или обругает его? Уволит? Арестует? Отдаст под суд?

У него затряслись руки и ноги. Он попытался унять дрожь, не смог, сел на камень, привалился спиной к придорожной стене, положил на колени револьвер и вопреки собственному желанию, без каких-либо предчувствий немедленно уснул. Голова его отдернулась назад, а сам он подпрыгнул вперед и вверх с тревожным криком и выставил перед собой руки, чтобы поймать револьвер. Он не поймал его, не увидел, как он падает; он его не нашел. Его движения и крики вспугнули мух, и они взлетели с мерзким бренькающим жужжанием, снявшись с подсыхающей крови. Карлос упал на колени, оперся на руки и тупо уставился на темную лужу с синими отсветами. Кровь осталась на месте.

А тело исчезло.

Все закружилось, завертелось вихрем, и Карлос закружился вместе с ним, и шатаясь пошел по дороге, вытянув вперед руки, чтобы не упасть. Он уснул, он уснул после долгих часов бдения, пока сторожил в темноте тело, он уснул при свете раннего-раннего утра! Теперь его положение хуже некуда, ведь дону Хуану Антонио известно о наличии тела... и как же теперь Карлосу отчитаться о пропаже? Он ковылял по дороге, плача, всхлипывая, ругаясь, понимая, что не сможет этого объяснить, равно как и пропажу револьвера. Конечно же, он обречен.

Если только... Если только он не раздобудет другое тело, чтобы никто не заметил подмены.

Внизу под собой он увидел железнодорожные рельсы. Чуть скользя, он спустился вниз по склону и побежал по шпалам. Он знал, кто с ним так обошелся, *наверное!* Кто же, как не лесорубы, эти воры и шлюхины дети? Зачем еще, как не в отмщение за задуманный им арест?.. И чтобы воспрепятствовать ему в этом! Но он им еще покажет, раз и навсегда. Они восстановили против него все *roblacion*^[119], но он им покажет... Он подбежал к стрелке, и как раз неподалеку от нее оказался сарай с инструментами для путевых обходчиков с полинялой надписью: «Это здание и все его содержимое являются собственностью республики». Он взломал дверь, свернув себе плечо, схватил первое попавшееся на глаза мачете для травы и кинулся снова наружу. Осталось ли у него время? Поспееет ли он вовремя? Проснулся ли уже дон Хуан Антонио? Оказался ли он на месте? Как скоро он отправится в дорогу? Карлос молился о том, чтобы время встало меж доном Хуаном Антонио и жутким заговором лесорубов.

Удача ему сопутствовала. Когда он опять поднялся вверх по склону, завеса тумана разделилась, и внизу появился человек с ослом, нагруженным дровами. Припав коленями к земле, согнувшись, Карлос приближался к нему с такой осторожностью, предусмотрительностью и ловкостью, что ему пришлось про себя улыбнуться, сдерживая смех. Осел подошел ближе, осел прошел мимо, Карлос поднялся на ноги и кинулся вперед на носках. Взмах мачете. Тело упало, хлынула кровь. Карлос пнул ногой отвалившуюся голову, словно футбольный мяч; посмотрел, как она провалилась в подлесок. Он перекинул тело через плечо и бросился бежать, бежать, бежать.

— Карлос, — сказал дон Антонио. — Карлос! Ты слышишь меня? Прекрати и послушай меня! Ты слышишь...

— Бесполезно, *jefe*^[120], — сказал его заместитель, Раймундо Сепеда. — Это шок... шок. Он еще не скоро из него выйдет.

Дон Хуан Антонио вытер лицо безукоризненно отглаженным носовым платком, надушенным одеколоном. «Не он один... Я в таком же состоянии. Чудовищно. Ужасно. Люди не понимают...»

— Бедный молодой человек, — вздохнул дядя Эктор, пожилой тюремщик, и покачал головой. — Подумать только...

Дон Хуан Антонио энергично закивал: «Непременно, давайте, подумаем. И подумаем весь этот случай полностью. Я попытаюсь восстановить картину преступления».

— У нас имеется эта драгоценная парочка, грубовато-привлекательные двоюродные братья, Эухенио и Онофрио Грус. Якобы, а изредка и на самом деле, лесорубы. В придачу к тому — пьяницы, когда у них водятся деньги; воры... и хуже того... когда предоставится случай. Союзники в борьбе со всем миром, которые часто дерутся между собой. Прошлой ночью они отправляются рубить лес, незаконно. А на обратном пути вспыхивает ссора. Кто знает, почему? Может быть, уж коли на то пошло, Эухенио решил убить Онофрио просто под влиянием минуты. Как бы там ни было, он *убивает* его ударом топора. Затем, чтобы скрыть, кому принадлежит тело, он обезглавливает его при помощи того же топора. И возвращается в свою лачугу, унося с собой голову. А также бумажник покойного.

— Там ему приходит в голову, что не стоило бросать тело. До рассвета недолго, его вскоре обнаружат. Поэтому он сооружает погребальный костер, собрав дрова в кучу. Поскольку поля и заросли кустарников горят, вряд ли кто заметит еще один столб дыма. Если кто-нибудь что-нибудь унюхает, все подумают, что это попавший в ловушку олень. И он возвращается, чтобы забрать тело. Но полиция тем временем не сидела сложа руки. Офицер Карлос Родригес Нуньес не только бодрствует, он даже обнаружил останки и стережет их. Эухенио прячется. Через некоторое время встает солнце, появляются братишки Санта Анна, и Карлос отправляет одного из них ко мне с донесением. Но в конце концов ребенок есть ребенок, он не отправляется прямо по адресу, бродит где-то, время уходит. А в это время Карлос, убежденный, что все будет в порядке, присаживается и засыпает. Это неправильно, — добавил он, делая упор на слове, — но... его можно понять. Можно понять.

— Убийца Эухенио Крус крадучись выбирается из своего укрытия. Он похищает служебный револьвер Карлоса, а *также* останки, грузит их на лошадь, которую привел с собой и тоже спрятал в отдалении, и возвращается к себе в лачугу. Потом он решает, что ему не хватит дров для сожжения жертвы. Поэтому он прячет тело в лачуге и уходит, чтобы принести еще дров. В это время отважный неудачливый Карлос просыпается, обнаруживает пропажу. Благодаря мыслительным способностям, столь высоко развитым среди наших полицейских, он выясняет путем дедукции, кто является вероятным убийцей и куда он скрылся. Он выслеживает его, а по дороге обзаводится мачете. Он встречается лицом к лицу с архипреступником. Он убивает его. Я вынужден повторить: это неправильно. И повторю снова: его можно понять. Убийца Крус наверняка попытался бы скрыться.

— Как бы там ни было, свидетелем этого второго убийства оказывается весьма уважаемый гражданин, ветеран революции, Симон Макабео-Лопес... (Весьма уважаемый гражданин, ветеран Революции Симон Макабео-Лопес резким движением единственной оставшейся у него руки отдал честь и важно кивнул.) — ...который рано встал, чтобы пойти возделывать землю, пожалованную ему благодарной Республикой. Тут же вслед за этим ветеран Лопес информирует меня должным образом, прячем приходит ко мне одновременно с мальчиком Санта Анна. Полиция тут же приступает к расследованию, и мы обнаруживаем... то, что обнаружили. Труп, труп, труп там, голова в одном месте, голова в другом, Карлос невменяем, в состоянии шока. Итак. Вот моя реконструкция. Какого вы о ней мнения?

Воцарилось молчание. Через некоторое время заместитель начальника полиции сказал: «Мастерски. Мастерски».

— Благодарю вас.

— Такое точное, яркое, исполненное ясности воссоздание преступления можно обычно встретить лишь на страницах криминальной литературы. Но... *senor jefe*...[\[121\]](#) это ведь неправда. Да, я вынужден сказать: это неправда.

Дон Хуан Антонио рявкнул: «Почему нет?»

Сепеда вздохнул, указал рукой на злосчастного Родригеса: «Потому что, *senor jefe*, вы знаете, и я знаю, и почти все в городе знают, почему. Эта сука, эта проститутка, Лупе де Родригес наставляла рога бедному Карлосу и с двоюродными братьями Эухенио и Онофрио Крус тоже. Одного мужчины ей не хватало. А Карлос был слеп ко всему».

— Правда, — со вздохом сказал тюремщик.

— Правда, — кивая, сказал ветеран.

— Правда, — сказали остальные полицейские, печально качая головой.

Взгляд дон Хуана Антонио стал свирепым. Затем выражение его лица смягчилось, и он опустил голову. «Это правда, — наконец сказал он. — Ай, Карлос! Горе мне!! *Hombre!*^[122] Муж всегда узнает последним. Вот уже сколько недель я с трудом смотрю ему в лицо. Как же, под угрозой оказалась честь самой полиции. Как насмехались над нами железнодорожники. Мама!»

— Значит, бедный мой Карлос... Ты наконец *узнал*, а? *Тем не менее!* Дон Хуан Антонио чуть ли не закричал на остальных. — Мы должны придерживаться именно моей версии, вы согласны? Карлос и так уже пострадал, а вдобавок тут замешана честь полиции.

— О, мы согласны, согласны, *senor jefe*, — поспешно и с душой воскликнули остальные офицеры.

— Я полагаю, мы можем положиться на великодушие ветерана Лопеса?

Старик приложил руку к сердцу и поклонился. «Будьте спокойны, — сказал он. — Может быть, то, что совершил Карлос в каком-то смысле технически противозаконно, я не ученый, не юрист. Но это естественно. Это по-мужски».

— Очень по-мужски, очень, — согласились все остальные.

Дон Хуан Антонио наклонился, притронулся к плечу плачущего Карлоса и попытался его приободрить. Но Карлос, судя по всему, ничего не слышал и уж вовсе ничего не понимал. Он плакал, что-то лепетал, наносил удары по чему-то невидимому, а время от времени издавал приглушенные встревоженные крики и поспешно отскакивал назад. Начальник и все прочие обменялись словами и взглядами, выражая свое беспокойство. «Это начинает походить на нечто большее, чем временный шок, — сказал он. — Если так пойдет и дальше, как бы он, упаси Боже, не оказался в конце концов в Мизерикордии. Херардо, — приказал он самому молодому офицеру, — сходи попроси д-ра Оливеру зайти, когда он найдет удобным. Ему знакома механика современной науки... Не волнуйся, Карлос! — сказал он ободряюще. — Скоро ты у нас совсем выздоровеешь... Так... Я о чем-то думал... Ах, Сепеда».

— Да, сэр начальник?

— Ты говорил... с Эухенио и Онофрио Крусом тоже. *Тоже*. С кем еще? Кто этот человек или люди?.. Назови мне их имена, я настаиваю!

Заместитель сказал с изрядной неохотой: «Ну... сэр... мне известен только один. Исидро Чаче. *Curandero*».

Дон Хуан Антонио сначала изумился, потом пришел в ярость, затем исполнился решительности и выпрямился во весь рост. «*Aha, curandero*. Этот фигляр. Этот сутенер. Этот шарлатан. — Он потянулся за фуражкой. Пойдемте. Мы нанесем визит этому пережитку прошлого. Дадим ему знать, что у полиции имеются зубы. А?»

Старый Эктор, тюремщик, энергично замотал головой. Еще более старый ветеран революции выставил вперед руку. «Нет, нет, *patron*^[123], — умоляюще сказал он. — Не ходите. Он опасен. Он очень опасен. Ему ведомы все лесные духи и демоны. Он может наложить на вас страшное заклятие. Нет, нет, нет...»

— Как! — с презрением вскричал дон Хуан Антонио. — Уж не думаете ли вы, будто я придаю значение подобным суевериям! — Он храбро выпрямился и стоял, не трогаясь с места.

Старый Эктор сказал: «Ах, *patron*. Это еще не все. Ведь я в конце концов, я тоже должностное лицо. Я не... Однако подумайте, сэр. *Curandero* ведомы силы каждого корешка, каждой травки, каждого листка и травинки. Ему известен каждый гриб, каждая поганка. Подумайте, подумайте... всего лишь щепотка в еде или в питье (а у кого из нас тысяча глаз?)... Подумайте о последствиях подобного отравления! Бесплодие, импотенция, выкидыши, нарушения зрения, паралич горла, воображаемые голоса, головокружения, боли, вздутие век, жжение в груди и в области сердца, галлюцинации, истощение, безумие и кто знает, что еще? Нет, *patron*, нет, нет».

— Он знает с дьяволом, — пробормотал Лопес, трясая головой.

— Хм, что ж, — сказал дон Хуан Антонио. — Мне начинает казаться, что это скорей задача священника, что вы скажете?

— Конечно, священника! Если не самого епископа!

Начальник полиции тут же положил фуражку на место. «Очевидно, таким образом, служителю отделенной от церкви республики не пристало вмешиваться в подобные дела. Благодарю, что обратили на это мое внимание. Мы не удостоим старого мошенника своим присутствием».

Взгляд его в это время был устремлен в окно. На лице его появилось ошарашенное выражение: «Стоит помянуть... Кхе-кхе. Разве я не говорил о слуге Божием? Взгляните». Служитель Божий и вправду пересекал в это время рыночную площадь, а его с формальной точки зрения противозаконную рясу почти полностью прикрывало не вызывающее никаких возражений пальто. Впереди него шел ризничий с маленьким ящичком, в котором, как все знали, он носил сосуды для последнего причастия.

— Эктор... сделайте одолжение, сходите узнайте, кто умер... а потом сходите спросите, почему задерживается доктор. Ай, Карлос, hombre!

Эктор рысцой отправился на улицу. Минуту спустя он вернулся и подошел достаточно близко, чтобы сообщить имя, прежде чем отправиться к врачу.

— Что он сказал? — спросил дон Хуан Антонио. — Кто?

— Abuelita Ана, сэр. Вы знаете, та самая...

— Что? — Дон Хуан Антонио удивился. — *Бабушка Ада*? Кто бы мог ожидать? Сколько ее помню, она все умирала. Ладно, ладно, ладно...

Когда он поднял правую руку и медленно перекрестился, лицо его все еще выражало удивление.

Истоки Нила

Боб Розен встретил Питера («Старину Пита»... «Тихарилу Пита»... «Беднягу Пита» — выбирайте на свой вкус) Мартенса в первый (и могло случиться так, что в последний) раз в бюро Резерфорда на Лексингтон авеню. Это было одно из тех самых высоких прохладных зданий на Лексингтоне с высокими прохладными секретаршами, а поскольку Боб чувствовал, что ему ни сейчас, ни позже никак не светит стать таким высоким и прохладным, чтобы вызвать у них хоть какой-нибудь интерес, ему удалось просто посидеть и насладиться общей картиной. Даже журналы на столике оказались прохладными: «Спектейтор», «Боттедже Оскуро» и «Журнал Географического Общества штата Нью-Йорк». Он выбрал последний и принялся перелистывать «Исследования демографии Джексон Уайтов».

Он пытался уловить хоть какой-нибудь смысл в куче статистических данных касательно альбинизма среди этого любопытного племени (предками которого являлись индейцы Тускароры, гессенцы-дезертиры, лондонские уличные женщины и беглые рабы), когда пришла одна из секретарш — восхитительно высокая, изумительно прохладная — и повела его в кабинет Тресслинг. Он положил журнал лицом вниз на низенький столик и последовал за ней. Как раз в этот момент старик с портфелем, единственный кроме него человек, сидевший в ожидании, встал, и Боб заметил у него на глазу кровавое пятно, когда проходил мимо. Это были выпуклые пожелтевшие глаза, покрытые сеткой крохотных красных сосудов, а в уголке одного из них виднелось ярко-красное пятно. На мгновение Розену стало из-за него не по себе, но тогда у него не нашлось времени, чтобы об этом подумать.

— Восхитительный рассказ, — сказал Джо Тресслинг, имея в виду историю, благодаря которой Розен удостоился этой беседы при помощи своего агента. История получила на конкурсе первую премию, и агент подумал, что Тресслинг... если бы Тресслинг... может быть, Тресслинг...

— Разумеется, мы и притронуться к ней не можем из-за темы, — сказал Тресслинг.

— Как, а чем же нехороша так тема гражданской войны? — сказал Розен.

Тресслинг улыбнулся. «В той мере, в какой это касается деревенского сыра тети Кэрри, — сказал он, — южане *победили* в гражданской войне. По крайней мере, нам не стоит говорить им, что это не так. Это может вызвать у них недовольство. Северянам *все равно*. А вы напишите для нас другой рассказ. „Час тети Кэрри“ постоянно ищет новый драматический материал».

— Какой, например? — спросил Боб Розен.

— Что нужно великой американской публике, питающейся сырами, так что история о пришедшем к разрешению конфликте, затрагивающем современные молодые американские пары, которые зарабатывают свыше десяти тысяч долларов в год. Только ничего спорного, грязного, *outré* или *passee* [\[124\]](#).

Розен ощущал удовольствие оттого, что может видеть Джозефа Тресслинга, который отвечал за сценарии «Часа тети Кэрри» в компании Дж. Оскара Резерфорда. Говорили, что в этом году рассказам явилось на стене предначертание *Mene Mene* [\[125\]](#), что журналы мрут как мухи-однодневки, и всякий, кто надеется прожить, занимаясь писательством, поступит разумно (говорил он сам себе), если попробует на телевидение. Но на самом деле он не рассчитывал, что ему удастся совершить этот переход, а мысль о том, что он, ну, никак не знает ни одного современного американца — молодого ли, старого ли, женатого или холостого, — который зарабатывал бы свыше десяти тысяч в год, похоже, предрекала, что и сам он никогда не станет столько зарабатывать.

— И ничего авангардного, — сказал Тресслинг.

Молодая женщина пришла снова и одарила их высокой прохладной улыбкой. Тресслинг встал. Боб тоже. «М-р Мартенс все еще там», — вполголоса сказала она.

— О, боюсь, я не смогу с ним сегодня увидеться, — сказал Джо Тресслинг. — М-р Розен оказался настолько очарователен, что время промелькнуло незаметно, и к тому же немало времени... Замечательный старик, — сказал он, улыбаясь Бобу и пожимая ему руку. — Самый настоящий ветеран рекламного дела, знаете ли. Писал когда-то текст для «Успокоительного сиропа миссис Уинслоу». Рассказывает восхитительные байки. Очень жаль, что мне некогда слушать. Надеюсь вскоре снова увидеть вас здесь, м-р Розен, — сказал он, по-прежнему держа Боба за руку, когда они шли к дверям, — с

каким-нибудь из ваших милых рассказов. С рассказом, который мы бы с радостью приобрели. Никаких исторических драм, никакой иностранной окружающей обстановки, ничего *outré*, *passee*, ничего авангардного и прежде всего: ничего спорного и грязного. Вы же не собираетесь стать одним из этих *голодных* писателей, правда?

Розен даже не успел ответить, но по взгляду Тресслинга понял, что уже свободен, и решил немедленно начать работу над грязной спорной исторической драмой *outré* на фоне иностранной окружающей обстановки и т. д., даже если бы это стоило ему жизни.

Направляясь к лифту, он не туда свернул, а когда возвращался, столкнулся лицом к лицу со стариком. «Демография Джексон Уайтов, — с притворным изумлением сказал старик. — Какое вам дело до этих несчастных простофиль? Они не покупают, не продают, не создают моды, не следуют моде. Они только браконьерствуют, блудят и производят на свет ноль целых четыре десятых альбиносов с гидроцефалией на каждую сотню душ. Или что-то вроде того».

Подъехал лифт, и они вошли в него вместе. Старик упорно глядел на него, а его желто-кровавый глаз напоминал оплодотворенное яйцо. «Но я их совершенно не виню, — продолжал он. — Будь у меня хоть немного ума, я стал бы Джексон Уайтом, а не рекламным работником. Вы можете хотя бы, — сказал он безо всякого перехода, — поставить мне выпивку. Раз уж правдивый Тресслинг говорит, будто не может принять меня из-за вас, педераст лживый. Да Бога ради! — крикнул он. — Тут у меня в стареньком портфельчике лежит штука, которая обладает большей ценностью для этих людей с Мэдисон, Лексингтон и Парк авеню, если бы они только...»

— Позвольте угостить вас выпивкой, — со смирением в голосе сказал Розен. На улице стояла жара, и он понадеялся, что в баре будет прохладно.

— Бушмилл [\[126\]](#) с содовой и льдом, — сказал старый Питер Мартенс.

В баре *было* прохладно. Боб уже перестал прислушиваться к монологу своего спутника насчет вещей, лежавших у него в стареньком портфельчике (что-то по поводу выявления течений в моде заранее), и заговорил о собственных заботах. Со временем старик, чей опыт по части отсутствия интереса к его речам превышал норму, начал прислушиваться к *нему*.

— Это случилось, когда все читали «Аку-Аку», — сказал Боб. — Ну я и подумал, что моя наверняка пойдет прекрасно, ведь она про Рапа Нуи, Остров Пасхи, и про корабли перуанских охотников за невольниками, и намеки на великие предания прошлого, и все такое.

— И?

— И не вышло. Издатель, то есть *тот* единственный из всех издателей, который проявил хоть какой-то интерес, сказал, что ему нравится, как написано, но публика покупать эту книгу не станет. Он посоветовал мне внимательно изучить другие книги в мягких обложках на прилавках. Взгляни, каковы они, ступай и действуй аналогично. Я так и сделал. Ну, вам они знакомы. На четных страницах с героини сдирают бюстгальтер, а она кричит: «Да! Да! Скорей! Ах!»

Он не заметил ни одного жеста, однако время от времени появлялась рука, ставившая перед ними новые стаканы. Старый Мартенс спросил: «Она кричит „радостно“ или „восторженно“?»

— И радостно, и восторженно. В чем дело, вы что, думаете, она фригидна?

Мартенс сказал: «Упаси Боже». Крупная блондинка, сидевшая за столиком неподалеку, мрачно сказала: «Знаешь, Хэролд, мне повезло, что Милосердный Бог не послал мне детей, иначе я извела бы на них всю свою жизнь, так же как я извела ее на своих противных приемных детей». Мартенс спросил, что происходило на нечетных детях.

— Я имею в виду страницы, — спустя мгновение поправился он.

У Боба Розена онемела правая половина лица. По левой половине забегали мурашки. Он оборвал песенку, которую тихонько мурлыкал и сказал: «О, это уравнение неизменно. На нечетных страницах герой либо пускает кровь какому-нибудь ублюдку, дав ему по башке пушкой, либо лягает его в пах, а *потом* его вырубает, либо (без рубашки, и вам не позволено упоминать, что случилось с брюками, хотя это гораздо важнее; вероятно, они растаяли или вроде того) занимается тем, что, сняв рубашку, вздымает свое

стройное мускулистое тело над какой-нибудь бабенкой, не над героиней, потому что это не ее страницы, а над какой-нибудь особой женского пола, на тазовых костях которой он вычитал загадочные тайны...» Он немного помолчал, печально размышляя.

— Так почему же она тогда не пошла? — спросил старик. — Позволь сказать тебе, мой мальчик, я видел, как менялись вкусы публики, перескакивая с «Девушки из Лимберлоста» (настолько непорочной, что даже монахини могли ее читать) на штуки, от которых побледнеет и портовый грузчик, и это побуждает меня спросить: как же книга, которую вы описываете могла не иметь успеха?

Молодой человек пожал плечами: «В моду снова вошли монахини. Кинофильмы о монахинях, книги про монахинь, монахини на телевидении, вестерны... Так что издатель сказал, что вкусы публики переменились, и не напишу ли я ему жизнеописание св. Терезы?»

— Гурр-гурр.

— Поэтому я потратил три месяца, составляя в бешеном темпе жизнеописание св. Терезы, а когда закончил его, оказалось, что я написал не про ту святую. Дурацкий простофиля и понятия не имел, что святых с таким именем несколько, и мне даже в голову не пришло спросить, имел ли он в виду испанскую св. Терезу или французскую. Д'Авила или Маленький Цветок.

— Сохрани нас святые... Скажите, вам известен этот замечательный старинный ирландский тост? «Выпьем за Трентский Совет, который запретил постом есть мясо, но не запретил выпивать?»

Боб подал знак бармену. «Только я не понял, почему одну св. Терезу можно продать, а другую нельзя. Так что я пошел к другому издателю, а он только и сказал, что вкусы публики переменились и не напишу ли я ему что-нибудь с детской преступностью в качестве фона. После этого я некоторое время зарабатывал тем, что торговал замороженной горчицей в зале игровых автоматов, а все мои друзья говорили: БОБ! Как ты МОГ? *Это с твоим-то талантом?*»

Крупная блондинка поставила на стол стакан с зеленым, словно джунгли, напитком и посмотрела на своего спутника. «Что ты имеешь в виду, они меня любят? Если они меня любят, так почему же уезжают в Коннектикут? Когда кого-то любят, в Коннектикут не уезжают», — подчеркнула она.

Старый Мартенс прокашлялся. «Я предложил бы вам объединить все три ваших по таинственным причинам непроданных романа. Герой отплывает на перуанском невольничьем корабле, чтобы совершить набег на остров Пасхи, обитателей которого он лягает в пах, если они принадлежат к мужскому полу, или вздымает над ними свои чресла, если они женского пола, и все это до тех пор, пока в видении ему не являются обе св. Терезы, которые рассказывают ему историю своей жизни, и он обращается в истинную веру, в результате чего начинает зарабатывать на жизнь, торгуя замороженной горчицей в зале игровых автоматов, чтобы помочь несовершеннолетним преступникам, которые часто посещают это место».

Боб проворчал: «Будьте уверены, при моем везении я закончу его как раз к тому времени, когда вкусы публики опять переменятся. Издателям понадобится карманный сборник лучших текстов из Мак Гаффи [\[127\]](#) или мемуары Константина Порфирородного. Я мог бы взобраться на Гималаи и отморозить себе при этом задницу, а спустившись с рукописью в руках, обнаружил бы, что все из Издательского Ряда, во имя чьих-то интересов, надели защитные очки и бьют острой рыбой на дне Эритрейского моря. Только вот, я никогда точно не знал, в какой степени вкусы публики меняются сами по себе и сколь большую роль в их изменении играют издатели...»

Хотя он знал наверняка, что воздух прохладен, в нем вроде бы возникло мерцание, и он увидел сквозь это мерцание, как Питер Мартенс выпрямляется и нагибается к нему, а его старое морщинистое лицо вдруг оживает, и в нем появляется энтузиазм. «А вы хотели бы знать точно? — спросил старик Мартенс. — Вы хотели бы знать, на самом деле *знать?*»

— Что? Как? — Боб изумился. Глаз старика уже походил на один сплошной кровяк.

— Потому что, — проговорил Мартенс, — я могу сказать вам, *что*. Я могу сказать вам, *как*. Больше никто. Только я. И не только про книги, про что угодно. Потому что...

Послышался странный шум, словно отдаленный шелест ветра среди сухой травы. Розен обернулся и увидел смеющегося человека, остановившегося возле них. Этот очень высокий, очень худой человек, с

очень маленькой головой был одет в бледно-коричневый костюм, и цвет лица у него был светло-коричневый; он слегка сутулился. Он походил на богомола, а на широкой синей поверхности его губы проступали усы в форме перевернутой вверх ногами буквы V.

— Все тешитесь сновидениями, Мартенс? — спросил этот человек, и его сухой смешок прозвучал словно шепот с присвистом. — Ворота из рога или ворота из слоновой кости? [\[128\]](#)

— Убирайтесь, к чертям, подальше от меня, Шэдвелл, — сказал Мартенс.

Шэдвелл повернул свою крохотную головенку к Розену и ухмыльнулся. «Он рассказывал вам, как трудился над успокоительным сиропом старой миссис Уинслоу? Как жаль, что наркотики Хэррисона сгубили это дело? Говорил он вам, как трудился на старика Саполио? На старика Стэнли Стимера? („Шэдвелл, вали отсюда“, — распорядился Мартенс, упершись локтями в стол и собираясь снова заговорить с Бобом.) Или он бормотал часами, словно старый проводник с Замбези, утверждая, будто знает, где расположено Слоновье Кладбище? Где мода зарождается, понять я не могу, — проговорил он нараспев, — в бутылке или у Мартенса в мозгу?»

Голова Мартенса, покрытая жидким слоем желтовато-белых волос, дернулась в сторону вновь прибывшего. «Это, мальчик мой, Т.Петтис Шэдвелл, презреннейший из всех людей на свете. Он занимается — на денешки из собственного кармана, потому что никто ему в кредит и шляпы не продаст занимается так называемым исследованием рынка. Только вот чего я никак не возьму в толк: кто, к чертям собачьим, станет его нанимать, раз уж. Полли Эдлер ударились в респектабельность? Шэдвелл, я тебя предупреждаю, сказал он, — канай отсюда. Я тебя вот покуда наелся. Больше ты от меня никакой информации не получишь». Далее последовало красноречивое изображение, чего еще не получил бы от него Т.Петтис Шэдвелл, даже если бы умирал от жажды, а потом он скрестил руки на груди и замолчал.

Презреннейший из всех людей на свете хихикнул, запихал худую костлявую руку в карман, вытащил оттуда пачку белых кусочков картона, скрепленных с одной стороны, оторвал один из них по линии перфорации и вручил его Бобу. «Моя визитка, сэр. Предприятие мое невелико, это верно, но оно постоянно растет. Не воспринимайте м-ра Мартенса чересчур всерьез. И не покупайте ему слишком много выпивки. Здоровье у него уже не то, что прежде... впрочем, хорошим оно никогда и не было». И, рассмеявшись на прощание, словно зашелестела кукурузная шелуха, — он отправился прочь.

Мартенс вздохнул, слизнув последние росистые капельки с подтаявшего ледяного кубика. «Я живу под смертным страхом и боюсь, что однажды у меня найдется достаточно денег, чтобы купить столько бухла, сколько мне хочется, и тогда я пойму, проснувшись, что проговорился этому василиску, который вот только что ушел. Вы можете себе представить, чтобы кто-нибудь заказал себе визитные карточки в виде блокнота с отрывными листами? Так они не выпадают и не мнутся — вот его доводы. По всем природным и гражданским законам такие люди не имеют права на существование».

В гудящей прохладе бара Боб Розен попытался ухватиться за мысль, застенчиво прятавшуюся в уголке сознания. Он чувствовал, что во всех прочих отношениях сознание у него, как никогда, ясное. Но так или иначе он упустил эту мысль и обнаружил, что рассказывает сам себе смешную историю на французском языке, и (хотя во время обучения в средней школе ему никогда не удавалось получить отметку выше 80) подивился чистоте своего произношения и засмеялся, дойдя до сути анекдота.

— Наплюй на черные неглиже, — говорила полная блондинка. — Если хочешь сохранить привязанность своего мужа, — сказала я ей, — послушай лучше меня...

Ускользнувшая было мысль приплелась обратно по своим собственным соображениям и прыгнула прямо в руки Бобу. «Проговориться? — повторил он с вопросительной интонацией. — Проговориться насчет чего? Я имею в виду Шэдвеллу».

— Презреннейшему из всех людей на свете, — машинально добавил старый Мартенс. И тогда на старой его физиономии возникло престранное выражение: гордое, коварное, боязливое...

— Вам хотелось бы найти истоки Нила? — спросил он. — Хотелось бы?

— Пусть себе *едет* в Мейн, — сказала я. — Пусть себе целыми днями раскрашивает скалы, — сказала я. — Только, ради Бога, держи его к чертям подальше от острова Файр [\[129\]](#), — сказала я. — Хэролд, ну

разве я не права? — спросила крупная блондинка.

Боб понял, что Пит Мартенс что-то шепчет. Судя по выражению его лица, что-то важное, и молодой человек попытался разобрать слова среди гула, а при этом в голове его возникла пьяная мысль: надо бы все это застенографировать или вроде того... *хотите узнать, вправду узнать, где это зарождается и как, и как часто?* Но нет, разве я что-нибудь знаю? Много лет я была Кларой, гадкой мачехой, а теперь я — Клара, гадкая теща. *Встречаются ли такие в каждом поколении? Должно быть... известно уже много лет... известно уже много лет... только Кто? и Где? — искал, исследовал, как Ливингстон и все прочие, проводившие исследования, искавшие, переноса лишения, истоки Нила...*

Кто-то, скорее всего Клара, издала долгий, повергающий в дрожь крик, а потом в голове Боба Розена на некоторое время не осталось ничего, только гудение, гудение, гудение, а старик Мартенс откинулся на спинку стула, и его кроваво-красный глаз смотрел на него в сардоническом молчании, и веко медленно-медленно опускалось, закрывая его, но старый Мартенс так и не сказал больше ни единого слова.

Похмелье оказалось настоящим кошмаром, который постепенно оседал, благодаря (а может, вопреки) всем средствам, до которых удалось додуматься больному мозгу Боба: черному кофе, крепкому чаю, шоколаду с молоком; соусу из сырого яйца, красного перца и вустерширского сыра. По крайней мере, с благодарностью подумал он через некоторое время, рвота на пустой желудок мне не грозит. По крайней мере, все необходимые средства есть в квартире и выходить на улицу не нужно. Этот район вращался вокруг определенной точки, и он жил как раз в ней, в квартале, где копченая лососина и бейгели [\[130\]](#) постепенно отступали перед натиском свиного сычуга и требухи, с одной стороны, и Bodegas, comidas criollas [\[131\]](#), с другой; дети носились шумными стаями среди грузовиков и автобусов, а сверла непрерывно терзали улицы.

Прошла минута, прежде чем он понял, что шум, доносящийся теперь до него, вовсе не приглушенное эхо сверления, а стук в дверь. Неверной трясущейся походкой он добрался до нее и открыл. Он ничуть не удивился бы, если бы на пороге оказался ворон, но там стоял высокий, слегка сутулый человек с крошечной головкой и скрещенными на груди, как у богомола, руками.

Последовало несколько тщетных сухих щелчков, а затем из горла Боба вырвалось имя: «Шэдберн?»

— Шэдвелл, — мягко поправили его. — Т.Петтис Шэдвелл... Боюсь, вы плохо себя чувствуете, м-р Розен...

Боб вцепился в дверной косяк, тихо застонал. Руки Шэдвелла расцепились и показался — не маленький человечек, которого он потихоньку обкусывал, а — бумажный пакет, который вскоре открыли.

— ...поэтому я взял на себя смелость и принес вам немного горячего куриного бульона.

Он оказался блаженно теплым, в нем присутствовали и вкус, и консистенция. Боб вылакал его, прохрипел слова благодарности. «Не стоит, не стоит, — махнул рукой Шэдвелл. — Всегда рад оказать небольшую услугу». Воцарилось молчание, его нарушали лишь слабые глотательные звуки. «Старик Мартенс, как жаль. Конечно, он *был* стар. И все же, какое потрясение для вас. Удар, как мне сказали. Я, э-э-э, надеюсь, у вас не было неприятностей с полицией?»

Казалось, от горячего бульона у Боба внутри возник мягкий прилив сил. «Нет, они очень мило себя вели, — сказал он. — Сержант называл меня „сынком“. Они меня и привезли сюда».

— А-а. — Шэдвелл погрузился в задумчивость. — У него не было родственников. Я это точно знаю.

— М-м-м.

— Но... допустим, он оставил пару долларов. Маловероятно, но... И допустим, он завещал пару долларов кому-нибудь или, может, какой-нибудь благотворительной организации. Неважно. Нас это не касается. Он никак не стал бы вносить в завещание свои бумаги... наброски старых материалов, написанных им, и все такое. Это вообще для людей интереса не представляет. Возьмут и выбросят или сожгут. Но для *меня* они представляют интерес. Я хочу сказать, знаете ли, я ведь всю жизнь занимаюсь рекламой. Когда был мальчишкой, разносил рекламные листки. Это факт.

Боб попытался представить себе Т.Петтиса Шэдвелла мальчишкой, не смог и стал пить бульон.

«Хороший бульон, — сказал он. — Спасибо. Очень любезно с вашей стороны».

Шэдвелл упорно твердил, что оно того не стоит. Он хихикнул. «Старина Пит таскал в своем старом портфеле обалденнейшие материалы, — сказал он. По сути дела, часть их имела отношение к одной затее, которую мы когда-то пытались вместе осуществить. Однако из этого ничего не вышло, и старикан по этой причине стал склонен к некоторой запальчивости, но все же... я полагаю, она показалась бы вам интересной. Можно я вам покажу?»

Боб чувствовал себя по-прежнему гадко, но желание умереть прошло. «Конечно», — сказал он. Шэдвелл окинул взглядом комнату, затем выжидательно посмотрел на Боба. Спустя минуту он сказал: «Где он?» — «Что где?» — «Портфель. Старика Мартенса».

Они устали друг на друга. Зазвонил телефон. Боб застонал, поморщился от боли, снял трубку. Звонила Норин, девушка с притязаниями в области драматургии и литературы, с которой он тайком предавался разврату на основе принципа то да, то нет, причем периоды «нет» возвещало присутствие в квартире Норин матери Норин (вязание, нравственные устои средних слоев населения и все прочее), когда приходил весьма сладострастно настроенный Боб.

— У меня жуткое похмелье, — сказал он в ответ на ее первый (сдержанный и общепринятый) вопрос, — и в квартире развал.

— Видишь, что происходит, стоит мне на минутку от тебя отвернуться? радостно закудаhtала Норин. — К счастью, на сегодня у меня нет ни работы, ни общественных обязанностей, так что я сейчас приеду.

Боб сказал: «С ума сойти!», повесил трубку и повернулся лицом к Шэдвеллу, который грыз кончики своих цепких пальцев. «Спасибо за бульон», — сказал он, и в его голосе прозвучала некоторая завершенность.

«А как же портфель?» — «У меня его нет». — «Он стоял около стула старика, когда я видел вас обоих в баре». — «Тогда он, наверное, в баре и остался. Или он в больнице. А может быть, у полицейских. Но...» — «Его там нет. И у них тоже нет». — «Но и у меня его нет. Правда, м-р Шэдвелл, я вам очень благодарен за бульон, но я не знаю, куда, к черту...»

Шэдвелл потерял свои крохотные заостренные усики, похожие на значок Л, обращенные острием к его крохотному остренькому носику. Он встал. «Как жаль, право. Эти бумаги связаны с делом, в котором мы участвовали вместе со стариной Питером... в действительности, я имею на них такое же право, как... Хотя послушайте. Может быть, он вам о нем рассказывал. Он говорил об этом всякий раз, как напивался, а когда не напивался, тоже, как правило, говорил. О том, что ему нравилось называть „Истоками Нила“? М-м-м?» Эта фраза добралась до колокольни, и тогда колокола явно зазвенели, во всяком случае, Шэдвелл это заметил. Он совершил как бы прыжок вперед, и его пальцы легли на плечи Боба.

— Вы же поняли, о чем я говорю. Послушайте! Вы — Писатель. Идеи старика не по вашей части. Я — Рекламный агент. Они по моей части. За содержимое его портфеля — как я уже объяснил, оно по праву принадлежит мне — я заплачу. Тысячу Долларов. Собственно говоря, за возможность просто *просмотреть* бумаги — я заплачу *сотню* долларов.

Когда Боб подумал, что последний полученный им чек оказался выписан на 17 долларов 72 цента (права Монегаск на детектив), когда он услышал, о каких значительных суммах идет речь, глаза у него широко раскрылись, и он изо всех сил попытался вспомнить, что же, к черту, *случилось* с этим портфелем... но безрезультатно.

В сухом пришепетывающем голосе Шэдвелла зазвучали просительные нотки. «Я даже готов заплатить вам за возможность обсудить вашу беседу со старым и... с пожилым джентльменом. Вот...» И он полез в карман. Боб заколебался. А потом вспомнил, что Норин уже едет через город, направляясь к его жилым кварталам, и, несомненно, как всегда везет вместе со своими упругими прелестями памятные подарки из области экзотической провизии, к которой она пристрастилась, отвернувшись от телячьих котлет с горошком из детства, которые сейчас едят в предместьях: например, полуфабрикаты для шашлыка, локуми [\[132\]](#), вина теплого юга, пахлава [\[133\]](#), провалоне [\[134\]](#) и прочие живые свидетели славы, которой была овевяна Греция, и величия, которым обладал Рим.

Разнообразные желания, подогретые такими мыслями, стали набирать силу и роптать, и он заставил себя отвергнуть, вероятно, неэтичные и, безусловно, несвоевременные предложения Шэдвелла.

— Не сейчас, — сказал он. И добавил, напрочь отбросив всякую деликатность: — Ко мне должна прийти девушка. Проваливайте. В другой раз.

Следы разочарования и досады исчезли с личика Шэдвелла, и оно приобрело в высшей степени отвратительное плотоядное выражение. «Ну *разумеется*, сказал он. — В другой раз? Конечно. Моя карточка...» Он извлек отрывной блокнот. «У меня уже есть одна, — сказал Боб. — До свидания».

Он поспешно скинул зловонные одежды, в которых прошел сначала сквозь жару, потом сквозь пьянство, а затем сквозь коматозное состояние, принял душ, расчесал мышиного цвета волосы, сбрил розовую щетину (только ее мерзкий оттенок и помешал ему отпустить бороду) и умастил себя различными патентованными средствами. Более удачливым коллегам Т.Петтиса Шэдвелла по части рекламы удалось убедить его (используя множество различных подходов, действуя то вкрадчиво, а то напролом), что они необходимы, если он хочет быть принят в хорошем обществе; потом он оделся и, не скрывая предвосхищения, стал ожидать прибытия лишенной целомудрия Норин.

Она пришла, поцеловала его и приготовила ему еду: древние женские обязанности, пренебрежение которыми является несомненным безошибочным признаком упадка культуры и регресса. Потом она прочла все, что он написал за время, прошедшее с момента их последнего слияния, и обнаружила некоторые недостатки.

— Ты тратишь слишком много времени на описания вначале, — сказала она с уверенностью, доступной лишь людям, не продавшим ни одной рукописи. — Тебе нужно сделать так, чтобы персонажи были как *живые* с первого же предложения.

— Марли был с самого начала мертв, — пробормотал Боб.

— Что? — рассеянно пролепетала Норин, притворяясь, будто не слышит. Она старалась не смотреть на своего милого любовника, и взгляд ее зажегся, остановившись на чем-то другом. «Что это? — спросила она. — У тебя так много денег, что они валяются где ни попадая? Мне казалось, ты говорил, будто разорен». И Боб посмотрел на бледно-розовый кончик пальца, который указывал на стол возле двери, где лежали две хрустящие двадцатидолларовые бумажки, сложенные в длину.

— Шэдвелл! — тут же сказал он. И в ответ на движение приподнявшихся бровей (которые выглядели бы куда лучше, если их не выщипывать, но разве можно воспрепятствовать чужой воле?) добавил: — Очень мерзкий тип, вшивый грубиян, который явился с каким-то гнилым предложением.

— И у которого к тому же, — сказала Норин, тут же вникнув в суть дела, — есть деньги.

Боб решил никогда их друг с другом не знакомить, если только получится. «Во всяком случае, — снова заговорила она, отложив рукопись Боба в сторону, — теперь мы с тобой сможем куда-нибудь сходить». Он вяло поспорил насчет еды, затем насчет ее приготовления; она выключила газ, тут же засунула кастрюли в морозилку, встала, давая понять, что готова идти. В тот самый момент у него возникли и другие возражения против ухода, упоминать о которых было бы неблагоприятно, ибо, согласно моральной системе Норин, каждый эпизод с проявлением страсти по окончании своем становился инцидентом за семью печатями и не содержал в себе обещаний на повторение в дальнейшем.

Со смирением, которое облетала мысль о том, что четырех Шэдвелловских десятков на всю жизнь не хватит и, как ни растягивай вечер, все равно рано или поздно они опять окажутся у него в квартире, Боб пошел вместе с ней за дверь.

Так и случилось. На следующий день в середине утра после отъезда Норин Боб оказался в прекрасном настроении, но без цента в кармане. Он раздумывал над возможностью получить аванс у своего агента, Стюарта Эммануэля, крохотного подвижного человечка, чьи глаза за двойными линзами походили на большие черные пуговицы на туфлях, и тут зазвонил телефон. ЭСВ [\[135\]](#) это было или не ЭСВ, но звонил Стюарт собственной персоной, он пригласил его на ленч.

— Рад, что хоть *кто-то* из ваших клиентов получает деньги, — сказал Боб в высшей степени нелюбезно.

— О, это не мои деньги, — сказал Стюарт. — Это деньги Дж. Оскара Резерфорда. Один из главных его людей — нет, не Джо Тресслинг, я знаю, что вы позавчера с ним встречались, да, я знаю, что из этого ничего не вышло, это совсем другой человек — Филлипс Энхалт. Я бы хотел, чтоб вы пришли.

Так что Боб оставил вчерашнюю недоваренную жаренку в морозилке и с крайне слабой неохотой отправился на встречу со Стюартом и Филлипсом Энхалтом, о котором прежде никогда не слыхивал. Первое рандеву подразумевало выпивание в баре, чье название ему тоже ни о чем не говорило, но стоило ему зайти внутрь, как он понял, что это тот самый бар, в котором он был позавчера, и тут ему стало не по себе, вдвойне не по себе, ведь он бессердечно позабыл, почти совсем, о том, что там произошло. Сразу стало ясно, что бармен об этом не забыл. Однако, по всей видимости, он убедился, бросив настороженный взгляд на эту троицу, что они не представляют собой большой угрозы в плане страхования, поскольку никаких замечаний он не высказал.

Энхалт оказался мужчиной средних размеров с довольно приятным, немного растерянным, выражением лица и серо-стального цвета стрижкой en brosse [136]. «Мне очень понравился ваш рассказ», — сказал он Бобу и тем самым тут же нарушил неглубокий сон маленького брюзги, обитавшего в писательском сознании Боба. Конечно (завопил он), я прекрасно понимаю, какой именно рассказ вы имеете в виду, ведь, в конце концов, я написал один единственный рассказ за всю свою жизнь, а потому никаких иных определений для «вашего рассказа» не требуется. Мне понравился ваш роман, м-р Хэмингуэй. Мне очень понравилась ваша пьеса, м-р Кауфман.

Стюарт Эммануэль, знавший извилистые пути сознания писателей так же хорошо, как цифры в выписке из своего банковского счета, ловко ввернул: «Полагаю, м-р Энхалт имеет в виду „Нераздосадованных на море“».

С твердой вежливостью м-р Энхалт опроверг это высказывание. «Я знаю, что он получит премию, — сказал он, — и намерен его прочесть, но я имел в виду „Зеленую стену“». Так уж случилось, что этот совсем коротенький рассказик тринадцать раз отсылали обратно, а потом его приобрел за ничтожную сумму журнал, подбиравший обычно остатки крушений, но он принадлежал к числу тех, которые Бобу нравились больше всего. Он улыбнулся Филлипу Энхалту, Филлипс Энхалт улыбнулся ему, Стюарт просиял и заказал выпивку.

Официант, принесший бухалово, передал Бобу Розену сложенный листок бумаги. «Его оставила дама», — сказал он. «Какая дама?» — «Блондинка». Литературный агент и работник по рекламе улыбнулись, обменялись подходящими к случаю замечаниями, а Боб скользнул взглядом по записке, заметил, что почерк — его собственный, не разобрал, что там написано, скомкал ее и запихал в карман.

— М-р Энхалт, — сказал Стюарт, уставившись на своего клиента темными глазами под большими веками, — занимает весьма значительное положение в компании Резерфорда: у него угловой кабинет.

Мягкая, чуть усталая улыбка Энхалта, который сменил тему и заговорил о своем доме в Дариене и о том, как он сам лично над ним трудится. Меж тем они покончили с напитками и пешком отправились в ресторан в нескольких кварталах от бара.

Боб испытал невероятное облегчение, заметив, что Энхалт не стал заказывать яиц-пашот с тертым шпинатом, мелко нарезанной солонины или чего-нибудь в такой же степени простого, полезного, отвратительного и в некотором роде подавляющего склонности самого Боба. Энхалт заказал утку, Стюарт — бараньи котлеты, а Боб выбрал рубец с луком.

— Джо Тресслинг говорит, что вы собираетесь написать что-нибудь для сырной программы, — сказал Энхалт, когда они начали приводить в беспорядок блюдо с соленьями. Боб слегка приподнял брови, улыбнулся. Стюарт с мрачной задумчивостью разглядывал внутренности маринованного помидора, как бы повторяя про себя: «Десять процентов от 17 долларов 72 центов, права Монегаск на детектив».

— В нынешнее время в Соединенных Штатах едят больше сыру, чем двадцать пять лет назад, — продолжал Энхалт. — Гораздо, гораздо больше... Из-за рекламы? Такой, как «Час тети Кэрри»? Повлияла ли она на вкусы публики? Или... вкусы публики переменились, скажем, по иным причинам, а мы просто скользим вместе с волной?

— Человек, который смог бы ответить на этот вопрос, — сказал Боб, позавчера умер.

Энхалт сделал выдох. «Откуда вам известно, что он это мог?»

— Он так сказал.

Энхалт, державший в руке недоеденный маринованный огурчик, осторожно положил его в пепельницу и наклонился вперед. «Что еще он говорил? Старик Мартенс, я хочу сказать. Вы ведь *имеете в виду* старика Мартенса, верно?»

Боб сказал, что так и есть, и добавил, неумышленно солгав, что ему предлагали за подобную информацию тысячу долларов, но он отказался. Не успел он поправиться, как лицо Энхалта, обычно чуть розовое, приобрело чуть ли не красный цвет, а глаза Стюарта Эммануэля стали огромными и засверкали; оба они в один голос сказали: «*Кто предлагал?..*»

— Что выходит из трубы?

Стюарт пришел в себя первым (Энхалт сидел, уставясь в одну точку и ничего не говорил, пока краска отливала от его лица) и сказал: «Боб, это не шутка. По этой причине мы здесь и встретились. Тут замешаны очень большие деньги, для тебя, для меня, для Фила Энхалта, для, ну, для всех. Практически для всех. Так что...»

У него вырвалось. «Для Т.Петтиса Шэдвелла?» — спросил Боб.

Это произвело, как говорили в доатомную эпоху, электрический эффект. Стюарт издал нечто среднее между стоном и шипением, очень похожее на звук, который издает человек, доверчиво спустивший штаны и вдруг совершенно неожиданно севший на льдинку. Он вцепился в руку Боба. «Вы ничего, упаси Боже, не *подписывали?*» — провыл он. Энхалт, который в прошлый раз покраснел, теперь побелел, но по-прежнему сохранил некоторую застенчивость, а потому лишь положил руку на обшлаг пиджака Боба.

— Он — хам! — сказал он дрожащим голосом. — Он — свинья, м-р Розен!

— «Презреннейший из всех людей на свете», — процитировал м-р Розен. («Именно», — сказал Энхалт.)

— Боб, вы, упаси Боже, ничего не *подписывали?*

— Нет. Нет. Нет. Но у меня появилось ощущение, что секретов с меня вполне хватит. И если я не получу информации, что ж, господа, я и пуговицы не расстегну. — Подошел официант с едой и согласно правилам и обычаям союза официантов подал каждому не то блюдо. Когда они с этим разобрались, Стюарт доверительно сказал: «Да, конечно, Боб. Информация. Ну разумеется. Нам нечего скрывать. Скрывать от *вас*, — сказал он со смешком. — Давайте беритесь за еду. Я буду есть и говорить, а вы ешьте и слушайте».

Таким образом, уплетая рубец с луком. Боб слушал, как Стюарт рассказывает в высшей степени удивительное предание сквозь своего рода барьер из пережевываемой бараньей котлеты. В каждом поколении, сказал Стюарт, появлялись вершители моды, третейские судьи стиля. Петроний при дворе Нерона. Франт Брюммель в Англии в эпоху Регентства. Начиная с какого-то момента в прошлом и в настоящее время все знают о парижских дизайнерах и об их влиянии. А в области литературы («Ах-ах!» — пробормотал Боб, мрачно разглядывая собственную вилку с тушеным бычьим рубцом), в области литературы, сказал Стюарт, поспешно глотая для большей четкости, всем нам известно, какое воздействие может оказать на творчество даже совершенно неизвестного писателя рецензия на первой странице «Санди таймз», в литературном разделе, написанная любым из носителей некоторых определенных имен.

— Она вознесет его к высотам славы и богатства со скоростью света, сказал Стюарт.

— Переходите к сути. — Но теперь Стюарт пережевывал кусок зажаренной на решетке баранины, и ему удалось лишь издать какое-то бульканье, махнуть вилкой и вскинуть брови. Энхалт оторвался от унылого процесса низведения утки до массы волокон с апельсиновым привкусом и повернулся, словно затем, чтобы извлечь слова из рта Стюарта, набитого бараниной.

— Суть, м-р Розен, заключается в том, что бедный старик Мартенс за прошедшие годы исходил Мэдисон авеню вдоль и поперек, утверждая, будто открыл способ предугадывания течений и стилей в моде, но никто ему не поверил. Честно говоря, я не поверил. А теперь верю. И вот что заставило меня

изменить свое отношение. Когда я позавчера узнал о его столь неожиданной смерти, у меня возникло ощущение, будто у меня *есть* что-то из его бумаг, он оставил их мне, чтобы я сразу просмотрел, а я их взял просто, чтобы от него отделаться. И, да, пожалуй, я почувствовал за собой некоторую вину и, несомненно, несколько огорчился, и поэтому я попросил секретаршу принести их. Ну, вы же понимаете, у работников Дж. Оскара Резерфорда, как и в Природе, ничто бесследно не исчезает... — Филлипс Энхалт улыбнулся своей несколько застенчивой, довольно милой и слегка растерянной улыбкой. — Так что она принесла мне бумаги, и я на них взглянул... Я... — Он приуменьшил, заколебался в поисках *mot juste* [\[137\]](#).

Стюарт сделал мастерский глоток и кинулся на амбразуру с палахом шотландских горцев в руке. «Он остолбенел!»

Изумился, внес поправку Энхалт. Он изумился.

В конверте, адресованном Питеру Мартенсу, со штампом 10 ноября 1945 года лежала цветная фотография молодого человека в многоцветном жилете.

— Только, знаете ли, м-р Розен, в 1945 году никто не носил многоцветных жилетов. Они появились лишь несколько лет спустя. Откуда же Мартенс *узнал*, что они войдут в моду? Еще там был снимок молодого человека в костюме цвета сажи и в розовой рубашке. В сорок пятом году никто таких ансамблей не носил... Видите ли, я сверился с регистрационным списком: пожилой джентльмен оставил мне эти бумаги в декабре того года. Должен со стыдом признать, что я попросил секретаршу его как-нибудь спровадить, если он опять придет... Но вы только подумайте; многоцветные жилеты, костюмы цвета сажи, розовые рубашки в 1945 году. — Он подавленно размышлял. Боб спросил, не нашлось ли в конверте чего-нибудь насчет серых фланелевых костюмов, и на лице Энхалта возникла слабая мимолетная улыбка.

— Ах, Боб, да Боб же, — Стюарт поджал губы в знак легкого (и жирного) упрека. — Вы, похоже, так и не поняли, что это СЕРЬЕЗНО.

— И вправду серьезно, — сказал Ф.Энхалт. — Стоило мне сообщить об этом Мэку, так знаете, что он сказал, Стю? Он сказал: «Фил, не жалеете лошадей». И они степенно закивали, словно небеса ниспослали им мудрость.

Боб спросил: «Кто такой Мэк?»

Изумленные взгляды. Мэк, сказали ему, причем собеседники излагали это в тандеме и *au pair* [\[138\]](#), это Роберт Р.Мэк Йан, глава счастливой корпорационной семьи Дж. Оскара Резерфорда.

— Разумеется, Фил, — заметил Стюарт, ловко управляясь с печеной картошкой, — я не стану спрашивать, почему вы связались со мной только сегодня утром. Если бы речь шла о какой-нибудь другой компании, я мог бы заподозрить, что они, вероятно, пытаются прикинуть, не удастся ли им самим что-нибудь обнаружить, чтобы не пришлось делиться куском пирога с этим вот нашим юношей, который, во всяком случае, является, так сказать, наперсником и моральным наследником старика. (Услышав такие эпитеты. Боб вытаращил глаза, ничего не сказал. Пусть все идет своим ходом, пока можно, подумал он.) Но не в отношении компании Резерфорда. Она слишком велика, слишком этична для подобного. — Энхалт не ответил.

Помолчав секунду, Стюарт заговорил снова: «Да, Боб, это действительно крупное дело. Если идеи покойного м-ра Мартенса можно успешно разработать — я уверен. Фил не рассчитывает, что вы разгласите тайну прежде, чем мы будем готовы оговорить Условия, — они окажутся поистине бесценными для таких людей, как промышленники-предприниматели, редакторы модных журналов, дизайнеры, торговцы и, последние по порядку, но не по значимости, рекламные агенты. На этом буквально можно сделать или спасти целые состояния. Неудивительно, что этот грязный пес, этот тип, Шэдвелл, попытался сюда пролезть. Да вот послушайте... однако, боюсь, нам придется прервать эту милую беседу. Бобу надо пойти домой и привести в порядок материалы... (Какие материалы? — подумал Боб. Ай, ладно, пока что: 40 долларов от Шэдвелла и бесплатный ленч за счет Энхалта)... а мы с вами, Фил, поговорим о тех лошадях, которых Мэк просил не жалеть».

Энхалт кивнул. Розену показалось, что рекламному агенту явно неловко; неловко из-за того, что он отмахнулся от Питера Мартенса, пока тот был жив; неловко из-за того, что он оказался в числе стервятников теперь, когда старик умер. И, размышляя над этим, Боб понял, испытыв не особенно легкий

приступ стыда, что и сам теперь принадлежит к числу стервятников, и тогда спросил о приготовлениях к похоронам. Однако выяснилось, что этим вроде бы занимается масонский орден: покойный Питер Мартенс уже на пути в свой родной город, Мариетта, штат Огайо, где собраты по ложе проведут прощальную церемонию: фартуки, веточки акации и все, что положено по ритуалу. И Боб подумал, а почему бы и нет? И испытал своего рода сильное облегчение.

Сидя в автобусе, направлявшемся в жилые кварталы, который он выбрал вместо более быстрого, более жаркого, более грязного метро, он попытался собраться с мыслями. Как он мог надеяться, что вспомнит из пьяного разговора нечто осмысленное с точки зрения окружающих, не говоря уже о том, чтобы это могло принести деньги? «Истоки Нила», — говорил старик, свирепо уставясь на него кроваво-красным глазом. Что ж, Шэдвеллу эта фраза тоже известна. Может быть, Шэдвеллу понятно, что она означает. Потому что ему. Бобу Розену, уж точно ни черта не понятно. Но эта фраза действует на воображение. Мартенс провел многие годы — кто знает, сколько именно? — в поисках истоков своего собственного Нила, великой реки Моды, точно так же как Манго Парк, Ливингстон, Спик и другие полузабытые исследователи провели множество лет в своих поисках. Все они терпели лишения, сносили страдания, враждебность людей, получая отпор... и в конце концов одни поиски привели к гибели Манго Парка, Ливингстона, Спика, а другие сгубили старого Питера Мартенса.

Однако что же еще говорил Питер помимо уверений в том, что истоки истоков *существуют* и ему известно, где они? Как же это он, Боб, тогда напился? Вероятно, толстая блондинка из-за соседнего столика, та самая, с ядовито-зеленым напитком и гадкими приемными детьми, вероятно, она запомнила большую часть рассказа старика, усвоенного в осмотическом процессе между столиками, чем сам Боб.

И тут ему послышался голос официанта из того бара, сказавшего в полдень: «*Ее оставила дама... Какая дама?.. Блондинка...*» Боб принялся рыться в кармане и выудил записку. На мятом потном клочке бумаги его собственным почерком или ужасным подобием одного было накалякано: «*Диткс сагс су Бимсох ох...*»

— Что за чертовщина! — пробормотал он, наморщил лоб и принялся разбирать продиктованное скорее Бушмиллом, нежели Эверхардом Фабером. Через некоторое время он решил, что там написано: «*Питер говорит, съезди к Бенсонам на Перчэс Плейс в Бронкс, Питер говорит, если я ему не верю, мне надо все это записать*».

— Это наверняка что-то означает, — сказал он вполголоса, рассеянно переводя взгляд с Пятого Авеню на Центральный Парк, меж тем как автобус ревел и грохотал среди изобилия зеленых насаждений.

— Да, это очень грустно, — сказал м-р Бенсон. — Однако как любезно, что вы пришли и сообщили нам. — Его седые волнистые волосы были ровно подстрижены «под горшок», а поскольку Боб не заметил белой кожи на затылке, значит, он уже довольно давно стриг их таким образом. — Не хотите ли чаю со льдом?

— И все же, он быстро отошел, — сказала миссис Бенсон, являвшаяся по роду деятельности женщиной, и дело у нее было не из маленьких. — Папа, по-моему, у нас нет чаю со льдом. Когда настанет мой черед, мне хотелось бы умереть именно так. Может, лимонаду?

— Если то, что пила Китти, — остатки лимонада, значит лимонада больше нет. Масоны устраивают хорошие похороны. Вправду хорошие похороны. Я подумывал, не вступить ли мне в ложу, да все как-то не могу собраться. По-моему, есть немного джина. Мама, нет ли там джина? Боб, как насчет стаканчика доброго прохладного джина с сидром? Кит нам сейчас приготовит.

Боб тихо сказал, что это звучит очень заманчиво. Он сидел в большой прохладной гостиной, несколько углубившись в парусиновое кресло. Четверть часа назад он с небольшим трудом обнаружил, *который* из домов на Перчэс Плейс занимают Бенсоны, и подошел к нему, ощущая нечто вроде страха и трепета. Конечно, он очень сильно вспотел. Не-так-уж-недавно выстроенный крашеный деревянный дом — просто уловка, сказал он сам себе. Внутри обнаружится множество бесшумных машин, в которые опускают карточки, а из них выползают бесконечные гладкие ленты. И тогда мощный широкоплечий молодой человек с волосами, подстриженными так коротко, что ясно видны шрамы на черепе, преградит Бобу путь и с холодной спокойной уверенностью скажет: «Да?»

— Э-э-э, м-м-м, м-р Мартенс сказал, чтобы я зашел к м-ру Бенсону.

— Среди людей, связанных с нашей организацией, нет м-ра Мартенса, а м-р Бенсон уехал в Вашингтон. Боюсь, вам нельзя сюда входить: тут все секретно.

И Боб, крадучись, отправится восвояси, ощущая согнувшейся потной спиной презрительный взгляд Плечистого.

Но ничего подобного не произошло. Ничего даже похожего на это.

М-р Бенсон помахал конвертом, повернувшись к Бобу. «Вот вам надувательство, если хотите, — сказал он. — На него попало уж не знаю сколько честных коллекционеров и торговцев тоже: принц Абу-Какой-то прилетает сюда из Псевдо-Аравии, не имея расходного счета. Связывается кое с кем из бессовестных дельцов, я мог бы назвать их по имени, но не стану, снимает копии со всего це-ли-ком этого выпуска конвертов авиапочты, предварительно отштемпелеванных. Наживает кучу денег. Летит обратно в Псевдо-Аравию — буме! — ему отрубает голову!», и он от души рассмеялся при мысли о столь скором незамедлительном отмщении. С точки зрения м-ра Бенсона, это свершилось явно во имя филателистической этики, и он ни разу не задумался о династических интригах среди нефтяных пашей.

— Китти, ты не приготовишь нам попить чего-нибудь холодного? — спросила миссис Б. — Бедный старина Пит, он приходил к нам обедать по воскресеньям от времени до времени, и столько лет подряд. Это что, Бентли идет?

Боб просто сидел, впитывая в себя покой и прохладу, и не сводил глаз с Китти. Китти держала крохотный трафарет, вырезанный в форме звездочки, и с его помощью аккуратно покрывала лаком пальцы ног. Ему с трудом удалось поверить, что она существует на самом деле. «Неземная» — вот слово, описывающее ее красоту, и «неземная» — единственное слово, способное описать ее. Длинные-длинные волосы неопишемого золотого цвета падали ей на лицо в форме сердечка всякий раз, как она наклонялась к очередному пальчику безукоризненных очертаний. А платье на ней было как у ребенка в книге Кейт Гринэвэй.

— Ах, Бентли, — сказал Б. старший. — Ты знаешь, что случилось? Дядя Питер Мартенс позавчера совершенно неожиданно скончался, а этот джентльмен, его друг, приехал сообщить нам об этом; какая предупредительность, правда?

Бентли сказал: «А-х-х-х». Бентли был подросток лет пятнадцати в обрезанных у колен джинсах и кедах с вырезами на носках, подъеме и пятках. Одежды выше пояса на нем не имелось, а через загорелую безволосую грудь четким изгибом протянулась надпись «ГАДЮКИ», нанесенная красной краской по трафарету, она начиналась как раз над левым соском и заканчивалась ровно под правым.

— А-х-х-х, — сказал Бентли Бенсон. — Пепси нету?

— Ну я же просила тебя принести, — мягко сказала ему мать. — Бентли, приготовь, пожалуйста, хороший большой кувшин джина с сидром, только себе джина добавь чуть-чуть, возьми отдельный стакан, да не забудь. Бентли сказал: «А-х-х-х» и отбыл, почесывая грудь прямо над ярко-красной буквой «И».

Безмятежный взгляд Боба перемещался с одной фотографии, стоявшей на каминной полке, на другую. Он слегка приподнялся, показал рукой. «Кто это?» — спросил он. Молодой человек чем-то напоминал Бентли, а чем-то отца Бентли.

— Это мой старший сынок, Бартон младший, — сказала мама Б. — Видите, какой славный на нем жилет? Так вот, сразу после войны, Барт служил тогда на флоте, он прикупил в Японии отрез замечательной парчи и послал его домой. Я хотела сшить из него красивую пижамную куртку, но материала не хватило, так что вместо нее я сшила красивый жилет. Бедный старенький дядя Питер, ему этот жилет так понравился, что он сфотографировал Барта в нем. И знаете что? Через несколько лет многоцветные жилеты стали очень популярны, а Барту к тому времени его жилет, конечно же, надоел («Ну конечно», — пробормотал Боб), и он продал его мальчику из колледжа, который на лето нанялся в «Литтл и Харпи». Выручил за него 25 долларов, и в тот вечер мы все вместе ездили в центр города обедать.

Китти изящно нанесла еще одну звездочку на ноготь.

— Понимаю, — сказал Боб. Спустя мгновение он переспросил — «Литтл и Харпи»?

— Да, те самые. Издатели. Барт и его младший брат Элтон работали рецензентами издателя. Элтон сначала работал в «Литтл и Харпи», а потом ушел к «Сыновьям Скриббли», Барт тоже какое-то время проработал в «Скриббли». «Они сотрудничали во всех самых крупных издательствах, — с гордостью сказала мама. — О, *они-то* не на помойке найдены, нет, сэр». — Все это время она теребила пальцами кусок яркой материи, а теперь вдруг поднесла руки с этой материей к голове, пальцы ее мелькнули словно вспышка и — вот она уже в безупречном, безукоризненном, причудливо свернутом тюрбане.

Пришел Бентли с кувшином в одной руке и пятью стаканами — по одному на каждый палец — в другой. «По-моему, я тебя просила смешать себе питье отдельно», — сказала ему мать. Не обращая внимания на «А-х-х-х» своего младшенького, она повернулась к Бобу. «У меня целая корзина таких кусочков Мадраса, — сказала она, — и шелковых, и хлопчатобумажных... и они у меня весь день из головы вон не идут. Ну вот, я как раз вспомнила, как эти старухи с островов Вест-Индии обвязывали их вокруг головы, когда я еще девочкой была... и теперь у меня, конечно, все это само собой получилось! Как смотрится?» — спросила она.

— Очень мило смотрится, мамочка, — сказал Барт старший. И добавил: Знаешь, я готов биться об заклад, они куда лучше прикрывают бигуди, чем эти косынки, которые повязывают женщины.

Боб Розен тоже был готов побиться на этот счет об заклад.

Значит, вот оно что и вот оно где. Истоки Нила. Как старому Питеру Мартенсу удалось их обнаружить, Боб не знал. Он полагал, что со временем узнает. Как же им это *удается*, что это у них такое, художественная индивидуальность или какой-то «непостижимый талант» вроде телепатии, ясновидения, способности предугадать счет и сколько выпадет в кости? Он не знал.

— Барт говорил, что читает очень хорошую рукопись, которую как раз накануне прислали, — задумчиво проговорила миссис Бенсон, склонясь над стаканом. — Про Южную Америку. Он сказал, ему кажется, что Южную Америку совсем забросили и скоро в области научно-популярной литературы возродится интерес к Южной Америке.

— Бушменов больше не будет? — спросил Бартон старший.

— Нет. Бартон говорит, публике бушмены уже поднадоели. Он считает, что бушмены протянут еще месяца три, а там — ух! — книги и *задаром* брать не станут.

Боб спросил, что думает по этому поводу Элтон. «Ну, Элтон сейчас рецензирует беллетристику, знаете ли. Он считает, что публика устала от романов про убийства, секс и странные случаи на войне. Элтон полагает, что она вот-вот созреет для каких-нибудь романов о министрах. Он сказал об этом одному писателю, чьи книги выпускают Скриббли. И тот ответил, что ему эта идея нравится».

Наступило долгое уютное молчание.

Сомнений на этот счет не оставалось. Боб по-прежнему не понимал, как у Бенсонов это получается. Но у них получалось. Абсолютно бессознательно и абсолютно точно им удавалось предугадать, какие течения возникнут в моде в будущем. Это было поразительно. Это было сверхъестественно. Это...

Китти приподняла очаровательную головку и поглядела на Боба сквозь длинные шелковистые нити волос, потом откинула их в сторону. «У вас бывают когда-нибудь деньги?» — спросила она. Он походил на звон маленьких серебряных колокольчиков, ее голос. Разве идет с ним в сравнение вялый лонг-айлендский выговор, скажем, Норин? Никак не идет.

— Ах, Китти Бенсон, что за вопрос, — сказала ей мама, протягивая свой стакан Бентли, чтобы тот снова наполнил его. — Бедный Питер Мартенс, подумать только... чуть побольше, Бентли, не воображайте, что вам достанутся все остатки, молодой человек.

— Потому что, если у вас когда-нибудь бывают деньги, — произнес голос, подобный свирелям страны эльфов, — мы могли бы сходить куда-нибудь вместе. У некоторых мальчиков вообще никогда не бывает денег, — заключила она с безгранично нежной меланхолией.

— Я скоро получу кое-какие деньги, — тут же сказал Боб. — Непременно. Э-э-э... когда бы...

Она улыбнулась абсолютно обворожительной улыбкой. «Не сегодня вечером, — сказала она, —

потому что у меня назначено свидание. И не завтра вечером, потому что у меня назначено свидание. А послезавтра вечером, потому что в тот день у меня нет свидания».

Из закоулков сознания Боба донесся голосок: «У этой девушки мозг размером этак с половину грохотной горошинки, ты ведь это понимаешь, правда?» А из противоположного закоулочка заорал другой голос, вовсе не такой тихий: «Какая *разница*? Какая *разница*?» Более того, у Норина слабо, но вполне определенно наметился дополнительный подбородок, а ее грудь приобрела тенденцию (если ее не подпирать, искусно и искусственно) к обвисанию. Чего никак нельзя было сказать о Китти, ну никак.

— Значит, послезавтра вечером, — сказал он. — Договорились.

Всю ночь напролет он боролся с собственным ангелом. «Не можешь же ты допустить, чтобы на этих людей упал свирепый корыстный взгляд коммерции, сказал ангел и опрокинул его с помощью полунельсона. — Они же завянут и умрут. Подумай о дронгах... подумай о бизонах. *Подумай же!*» — «*Сам подумай*, — прорычал Боб, вырвался из рук ангела и применил захват „ножницы“. — Я вовсе не собираюсь позволять каким-то вонючим работникам рекламных бюро наложить на Бенсонов руки, которыми только цыпляют ощипывать. Все будет идти через меня, понятно? Через *меня!*» И тут он припечатал ангела лопатками к мату. «Кроме того, — сказал он, стиснув зубы, — мне нужны деньги...»

На следующее утро он позвонил своему агенту. «У меня тут несколько образчиков, которые можно подкинуть м-ру Филлипсу Энхалту, — напыщенно сказал он. — Запишите. Для мужчин стрижка „под горшок“. Именно это я и сказал. Они могут пойти в парикмахерскую и позагорать затылками под кварцем. Слушайте. Женщины станут наносить звездочки на пальцы ног, лаком по трафарету. В моду войдут женские платья в стиле Кейт Гринэвэй. А? Да можете поспорить на собственную задницу, уж Энхалт знает, что такое Кейт Гринэвэй. А также: элегантные женщины будут надевать головные платки из Мадраса, повязанные на вест-индский манер. Делать это очень сложно, и я полагаю, их придется заранее складывать и сметывать. Шелк и хлопок... Записываете? О'кей.

— Подростки будут носить, я имею в виду летом, они будут носить шорты из обрезанных синих джинсов. И сандалии из кед с вырезами. Никаких рубашек или маек, голая грудь и... Что? НЕТ, Бога же ради, только *мальчики!*

И он сообщил Стюарту все остальное, про книги и прочее, он потребовал и получил аванс. На следующий день Стюарт доложил, что Энхалт доложил, что Мэк Йан порядком обрадовался. Мэк сказал, — знает ли Боб, что, по словам Фила, сказал Мэк? Так вот, Мэк сказал: «Не станем губить корабль из-за смолы стоимостью в пенни, Фил».

Боб потребовал и получил еще один аванс. Когда позвонила Норин, он вел себя бесцеремонно.

В день свидания на исходе утра он позвонил, чтобы договориться наверняка. То есть попытался. Телефонистка сказала, что весьма сожалеет, но номер отключен. Он добрался до Бронкса на такси. В доме было пусто. Там не осталось не только людей, там не осталось ничего. Остались обои, и только.

Много лет тому назад, примерно в возрасте первой сигареты, Боб поклялся самыми страшными клятвами о неразглашении, и приятель повел его глубокой ночью (скажем, в половине одиннадцатого) по мирной улице в предместье. К стене гаража была приставлена лестница — она не доходила до самой крыши и Боб с приятелем взобрались на нее, совершив усилие, которое в ином контексте заслужило бы полное одобрение учителя физкультуры. Крыша представляла собой отличный пост для наблюдения за приготовлениями *перед-отходом-ко-сну* молодой женщины, по-видимому, не знавшей, что шторы можно опускать. Внезапно в другом доме зажегся свет и упал на крышу гаража, молодая женщина увидела эту парочку и заорала, а Боб, вцепившийся потными руками в парапет и пытавшийся дотянуться потными ногами до лестницы, обнаружил, что лестницы там уже нет...

То же самое чувство он испытал теперь.

Помимо ошеломления, паники и недоверия он почувствовал еще и раздражение. Потому что со всей остротой понял, что повторяет сцену из старой кинокартины. Сцена почти точно воспроизводила бы реальность (кино), окажись на нем потрепанная форма, и ему захотелось не то заплакать, не то захихикать. Исключительно из приверженности к сценарию он довел этот фарс до конца: принялся бродить по пустым комнатам, звать обитателей, спрашивая, нет ли кого в доме.

Никого не было. Не было ни письма, ни записки, ни даже надписи «Кроатан», вырезанной на дверном косяке. Однажды, среди сгустившихся теней, ему послышался какой-то шум, и он стремительно обернулся, смутно надеясь увидеть ослабевшего м-ра Бенсона со светильником на свином жиру в руке или, может быть, престарелого негра, который со слезами в голосе скажет: «Масса Боб, эти янки, они весь хлопок пожгли...» Но там ничего не оказалось.

Он поднялся на крыльцо соседнего дома и обратился с расспросами к пожилой даме, сидевшей в кресле-качалке. «Ну, мне уж точно ничего не известно, — сказала она капризным, тонким, как бумага, голосом. — Я видела, как они садились в машину, все приодетые, и спросила: „А куда это вы все едете, Хэйзел?“ („Хэйзел?“ — „Хэйзел Бенсон. Вы, кажется, говорили, будто знакомы с ними, молодой человек?“ — „Ах да. Да, конечно. Продолжайте, прошу вас“.) Ну, я сказала: „Куда это вы все едете, Хэйзел?“ А она сказала: „Настало время перемен, миссис Мейчен“. И все они рассмеялись, замахали руками и уехали. А потом пришли какие-то люди и все упаковали и увезли на грузовиках. Вот! „Куда же они все уехали?“ спросила я у них. И что вы думаете, хватило у них простой любезности, чтобы сказать мне, ведь я здесь пятьдесят четыре года прожила? Ни словечка. Ох...»

Полагая себя безгранично коварным, Боб небрежно бросил: «Да, я знаю, какую компанию вы имеете в виду. Перевозчики О'Брайена».

— Я не имела в виду «Перевозчиков О'Брайена». С чего вы это взяли? Они были из «Семи Сестер Себастьяна».

Больше Бобу Розену ничего не удалось разузнать. Расспросы в других домах либо заканчивались ничем, либо приносили такие, по-видимому, важные сведения, как: «Китти сказала: „Вот твои бигуди, они ведь мне больше не понадобятся“. „Да, я как раз накануне разговаривал с Бартом старшим, и он сказал: „Знаете, пока не придется взглянуть наверх, чтобы увидеть небо, так и не поймешь, что тебя заела рутина“. Ну, эти Бенсоны всегда несколько странно изъяснялись, и я не обратил внимания, пока...“ и: „Я сказал Бентли: „Гад, не сгонять ли нам завтра в Вильямсбридж, произведем осмотр мочалок?“ А он сказал: „Нет, Гад, мне завтра не до этого пейзажа, мои предки вывесили на доску объявлений совсем другой плакат“. Так что я сказал: „Уй-вы“, и дальше я узнаю...“

— Того самого?

— Приятель, ты же ни бельмеса в этом гадюьем языке не рюхаеть, верно? У его *родственников*, понимаешь, у них были другие планы. Они и в самом деле свалили, верно?

И в самом деле. Поэтому вот он. Боб, аккуратный, приодетый, благоухающий, а пойти некуда и денег полный карман. Он окинул взглядом улицу с рядами деревьев и заметил в двух кварталах неоновую вывеску. «У Хэрри» — сверкало там (зеленые буквы). «Бар и Гриль» (красные).

— А где Хэрри? — спросил он женщину средних лет, стоявшую за стойкой.

— На собрании ложи, — сказала она. — Он скоро вернется. У них на сегодня никакой работы нет, только дела. Что будем пить?

— Бушмилл с содовой и льдом, — сказал Боб. Он попытался вспомнить, где в последний раз слышал эти слова. В баре было прохладно. И тогда он вспомнил и содрогнулся.

— Ох, как плохо, — простонал Стюарт Эммануэль. — Похоже, совсем плохо... И вам не следовало самому обращаться к перевозчикам мебели. Теперь вы, вероятно, замутили воду.

Боб повесил голову. Его попытки извлечь сведения из «Семи Сестер Себастьяна» — все с седыми усами и явно близнецы — закончились полным провалом, это бесспорно. А ему постоянно виделось лицо Китти Бенсон, обрамленное золотыми волосами, словно нимбом из солнечного света, и в ушах его все звучал золотой голосок Китти Бенсон.

— Что ж, — сказал Стюарт. — Я из кожи вон вылезу. — И, несомненно, вылез, но этого оказалось недостаточно. Ему пришлось признаться во всем Энхалту. А Энхалт, совершив несколько бесплодных усилий, сообщил обо всем Мэку с милой и более растерянной, чем обычно, улыбкой. Мэк бросил на поиски все *force majeure* [\[139\]](#) организации Дж. Оскара Резерфорда. И они раскопали пару сведений.

Сведение. У «Семи Сестер Себастьяна» имелся только адрес дома на Перчэс Плейс, а вся мебель

оказалась у них в несгораемом складе, причем за хранение уплачено за два года вперед.

Сведение. Владелец дома на Перчэс Плейс сказал: «Я им сообщил, что мне предложили купить этот дом, но я его не продам, если они согласятся с повышением квартплаты. А потом мне вдруг пришли по почте ключи».

«Литтл и Харпи», равно как и «Сыновья Скриббли» сообщили: Элт и Барт младший сказали, что уезжают, а куда, не сказали, вот и все.

— Может быть, они отправились куда-нибудь в поездку, — предположил Стюарт. — Может быть, они вернутся в непродолжительном времени. У Энхалта во всех издательствах есть свои люди, может, он что-нибудь узнает.

Но прежде чем Энхалту удалось что-нибудь узнать, Мэк решил, что узнавать уже больше нечего. «Я целиком и полностью умываю руки, — заявил он. — Это бессмысленная затея. И вообще, где вы только набрались таких идиотских мыслей?» И улыбка Филлипса Энхалта угасла. Прошли недели, месяцы.

Но Боб Розен так и не оставил надежды. Он побывал в отделе Народного Образования, выясняя, нет ли там анкеты Бентли, ее копии или данных о переводе. Он все время маячил на улице Нассау и больше всех докучал торговцам, которые специализировались по выпускам Псевдо-Арабских авиаконвертов в надежде, что м-р Бенсон, возможно, сообщил им о своем местонахождении. Он снес часы в ломбард, и это позволило ему угощать гамбургерами и пиццами гадюк, а ухоженных молодых людей и барышень только-только из Беннингтона [\[140\]](#), которые идут работать в наши ведущие издательства, бесчисленными порциями шотландского виски с бесконечным льдом. Он...

Короче говоря, он возобновил поиски, которыми занимался когда-то Питер Мартенс (Старина Пит, Тихарила Пит). Он разыскивает истоки Нила. Удалось ли ему хоть *что-нибудь* найти? Ну да, собственно говоря, удалось.

Странную природу цикличности совпадений кто-то подытожил в классическом высказывании о том, что можно жить годами, вовсе не встречая одноногих мужчин в бейсбольной кепке, а потом повстречать троих за один-единственный день. Так случилось и с Бобом Розеном.

Однажды, ощущая в себе уныние и тупость, заметив, что голосок Китти Бенсон, подобный голосам эльфов, звучит в его ушах все тише и тише, Боб зашел к ее старому домовладельцу.

— Нет, — сказал старый домовладелец, — они ко мне так ни разу и не обратились. Я скажу вам, кто еще ко мне так больше ни разу и не обратился. Человек, который предложил купить дом. Он так больше и не пришел, а когда я позвонил к нему в контору, просто посмеялся надо мной. Чудная манера вести дела.

— Как его зовут? — вяло спросил Боб.

— Странное имя, — сказал старый домовладелец. — И.Питерс Шэдвелл? Что-то в этом роде. Пошел он в любом случае к черту.

Боб перевернул вверх дном всю свою квартиру в поисках визитной карточки со следами перфорации на краешке, которую Шэдвелл — казалось, это произошло совсем давно — вырвал из своего блокнота и дал ему. Его поразило, что он не смог нигде обнаружить и тот кусочек бумаги, на котором каракулями записал последнее сообщение старика Мартенса, где значилось имя Бенсон и название улицы. Он принялся было возиться с Желтой Книгой, но ему никак не удалось сообразить, к какой категории относится предприятие человека-богомла. И вскоре махнул рукой на обычный справочник, где значилось Шэд, Шэдд, — вел, — вел, вел и т. д.

Он решил пойти спросить Стюарта Эммануэля. Маленький энергичный агент так тяжело воспринял утрату Бенсонов («Такая была красивая затея», — он чуть не плакал), что, возможно, ссудит его небольшой суммой денег во имя поисков. Боб оказался в районе сороковых улиц на Ист Сайде и проходил мимо бара, где когда-то угощал Норин коктейлями, — ошибка, из-за этого ее и так дорогостоящие вкусы подскочили еще на пункт — и тут он вспомнил, что уже некоторое время от нее ни слуху ни духу. Он попытался сообразить, сколько же прошло времени и не надо ли ему что-нибудь по этому поводу предпринять, как вдруг увидел третьего одноногого человека в бейсбольной кепке.

То есть, если отбросить метафоры, он повернул, намереваясь перейти улицу посреди квартала, и

задержался, так как прямо перед ним оказались две машины, стоявшие вплотную друг к другу (часть автомобильной пробки, возникшей из-за долго не затягивавшегося надреза на поверхности улицы). Если читать справа налево, машины стояли так: грузовик любимого цвета Элеоноры [\[141\]](#) с надписью «Борщ Ням-Ням Бабушки Гольдберг» и неприлично-розовый ягуар, в котором помещались Т.Петтис Шэдвелл и Норин.

Наступило мгновение потрясения и осознания. Он все понял.

Он не издал ни звука, но они дружно обернулись и увидели, как он стоит с разинутым ртом, на лице у него было написано все. И они поняли, что он понял.

— Надо же, Боб, — сказала Норин. «А-а, Розен», — сказал Шэдвелл.

— Жаль, что ты не смог побывать на нашей *свадьбе*, — сказала она. — Но все произошло так *стремительно*. Пет просто вскружил мне голову.

Боб сказал: «Уж пожалуй».

Она сказала: «Не злись», видя, что он злится, и радуясь этому. Гудели машины, ругались люди, но вереница не трогалась с места.

— Это сделала ты, — сказал Боб и подошел вплотную. Руки Шэдвелла оторвались от руля и сошлись на груди пальцами вниз. «Ты увидела оставленные им хрусткие зеленые денежки, ты заметила его визитку и связалась с ним, и ты вошла в квартиру и взяла записку, и... *Где они?* закричал он, вцепившись в маленький автомобиль и сотрясая его. — Мне совершенно плевать на деньги, скажите мне только, где они! Дайте мне просто повидать девушку!»

Но Т.Петтис Шэдвелл лишь смеялся, да смеялся, и его голос звучал подобно шелесту ветра среди сухих листьев. «Что ты, Боб, — сказала Норин, выпучив глаза, выставя напоказ свои большие вульгарные драгоценные камни и являя взгляду все, что у нее имеется, — что ты, Боб, разве была *девушка*? Мне ты ничего не говорил».

Боб смирил свой гнев, заверил в полном отсутствии интереса к коммерческому аспекту Бенсонов с его стороны, предложил письменно оформить обязательства и расписаться кровью, только бы ему позволили увидеть Китти. Шэдвелл пожал плечами, мусоля свои крошечные усы весом в карат. «Напишите девушке письмо, — сказал он, самодовольно ухмыляясь. — Заверяю вас, вся корреспонденция будет доставлена по адресу». И тут пробка рассосалась, и ягуар рванул вперед, а Норин сложила губы для воздушного поцелуя.

«Написать?» Ах, Господи помилуй, конечно же Боб писал. Каждый день, а зачастую и по два письма на дню, и так проходили недели. Но ответа он так и не получил. И тогда он понял, что письма его дальше рук Норин (миссис Т.Петтис), вероятно, никуда не попадают, а она, конечно, тайно злорадствует и насмехается среди окружающей ее роскоши; он отчаялся и писать перестал. Где же Китти с личиком в форме сердечка, Китти со светло-золотистыми волосами, Китти с голосом эльфа? Где же ее папа и мама, и трое братьев? Где же теперь истоки Нила? Ах, где они?

Так что вот. Вряд ли можно предположить, чтобы Шэдвелл силой похитил всю семью Бенсонов, однако факт остается фактом: они исчезли, не оставив почти никаких следов, а единственная оставшаяся ниточка ведет прямо и неуклонно к дверям компании «Т.Петтис Шэдвелл и Компаньоны, советники по исследованиям рынка». Может, он затащил их всех в какое-нибудь прибежище среди лесов в глухих отдаленных местах возле Гор Смоки? А может, они и сейчас вершат свои пророчества среди вечно растущих, постоянно приумножающихся предместий города Ангелов? Или с дьявольской гениальностью поселил их так близко, совсем под носом, что дальнзоркий взгляд наверняка никогда их не обнаружит?

Быть может, в глубинах Бруклина, в уличных лабиринтах, где и армии топографов навряд ли удастся отыскать собственные столбики? Или в бездонном Квинзе, бескрайнем мире красного и желтого кирпича, где сердцами ищущих овладевают болезни и слабость?

Розену это неведомо, но его это по-прежнему волнует. Он пишет, чтобы выжить, но живет поисками, он то продает что-то, то ищет, и периоды голода сменяют промежутки пиршеств, но он так и не теряет надежды.

Вот Филлипс Энхалт теперь живет не столь благополучно. В отличие от Боба у него не осталось надежд. Энхалт по-прежнему числится среди служащих Дж. Оскара Резерфорда, но уголовного кабинета у него больше нет, у него вообще нет отдельного кабинета. Энхалт потерпел поражение: теперь Энхалт сидит за письменным столом в закуске для прочих неудачников и новичков-учеников.

А в то время, как Боб неустанно прочесывает улицы — ведь кто знает, где ему, быть может, удастся обнаружить бьющие ключом, булькающие истоки, — и в то время, как Энхалт пьет горький чай и вкалывает, словно раб на соляных копах, эта свинья, этот хам, презреннейший из всех людей на свете, Т.Петтис Шэдвелл, имеет целых три этажа в новом здании из стали, алюминия и сине-зеленого стекла в квартале от собора; у него есть ложа в Мет [\[142\]](#), дом в округе Бакс, участок в Винограднике [\[143\]](#), квартира на Бикмэн Плейс, кадиллак, бентли, *два* ягуара, яхта, на которой могут разместиться десять человек, и одна из самых изысканных небольших (но постоянно расширяющихся) коллекций картин Ренуара, находящихся в настоящее время у частных лиц...

1

Элевсийские мистерии — ежегодное религиозное празднество, тайные игры в честь Деметры и Персефоны в Аттике. В сентябре, в течение девяти дней, мистерии символически представляли горе Деметры, ее странствия в поисках своей дочери. Мистерии олицетворяли представления древних о связи между миром мертвых и живых, а также физическое и духовное очищение. Участники священнодействий повиновались обету молчания. Впоследствии мистерии послужили одним из источников греческой трагедии как театрального действия.

2

Ка и Ба — символы из древнеегипетской мифологии. Ка — один из элементов, составляющих человеческую сущность; олицетворение жизненной силы; также имеет значение «двойник», «второе Я» и определяет судьбу человека. Ба — также первоэлемент сущности; мыслилось, как воплощение силы и могущества. Обладание Ба приписывалось только богам и фараонам.

3

Миксолидийский лад — буквально: «смешанный с лидийским» (лат.). Также здесь происходит игра понятий. Автор употребляет название страны. Миксолидия — сказочный край из античных легенд. Это название очень часто используют писатели-фантасты, особенно работающие в жанре фэнтези (в частности — Брэдли, Лейбер, Шекли, с которыми, кстати, автор в очень хороших, приятельских отношениях).

4

Ниобея — в греческой мифологии дочь Тантала, гордившаяся тем, что у нее было 14 детей. Она осмелилась бросить вызов богине Лето, имевшей только двоих детей — Аполлона и Артемиду. Богиня пожаловалась своим детям, и те стрелами перебили все семейство Ниобеи. Обратившись в камень, Ниобея обречена вечно проливать слезы. (Подробнее см. Овидий. «Метаморфозы».)

5

Клепсидра — водяные часы.

6

Чандрагупта Викрамадিতья — легендарный герой, основатель древнего царства в Индии. Ашока — город, который заложил Чандрагупта. Здесь автор устроил своеобразную мифологическую «чехарду», где основатель царства именуется как город и наоборот.

7

Апис — в египетской мифологии солнечное божество; священный сокол символ бога Гора; крокодил — символ бога Сепека.

8

Один из основополагающих принципов герметической науки, т. е. науки, названной по имени известного мага Гермеса Трисмегиста. Принцип раскрывается примерно так: человек заключает в себе Вселенную подобно тому, как Вселенная заключает в себе человека. (Подробнее см. Гете. «Фауст».)

9

Автор эклектично использует образ ветхозаветного пророка Даниила и библейский сюжет «когда Бог послал ангела Своего и заградил пасть львам» (Библия. Книга Даниила.). Изображение Даниила во рву среди львов стало символом воскресения из мертвых в средневековом искусстве, когда пророк воспринимался как префигурация воскресения Христа.

10

Ultima Thule (лат.) — дословно «Последняя Тулла», т. е. край обитаемой земли. Тулла — в древних легендах зачарованная страна, где обитают существа, не похожие на людей.

11

Великие Элоимы, — персонажи из мифологии древнешемитских племен, олицетворявшие Четыре Сущности мироздания. С арамейского их имена переводятся так: Миха-Эль — Сила Божья, Хабри-Эль — Стезя Божья, Рафай-Эль — Святость, Чистота Божья, Ури-Эль — Гнев Божий. Из древних легенд Четыре Сущности были перенесены иудеями в свою систему верований. Первые три Сущности стали символизировать архангелов у престола Господня. Ури-Эль же стал мятежным ангелом и вместе с Люцифером был низринут с небес. Само же понятие ЭЛОИМЫ трансформировалось в термин ЭЛОХИМЫ, что означает «боги». Из этой трансформации впоследствии вышло представление о множестве ЕДИНОГО божества (ср. Святая Троица — Бог-Отец, Бог-Сын и Бог-Дух, при этом монотеизм, т. е. единобожие).

12

Silvestres tantum (лат.) — дословно: «лесная дичь».

13

В переводе это звучит дословно так: «Славься дорогая прекрасная Юлия. Да пребудет она в Вечности!» Автор нарочито использует совершенно дикую форму эпитафии. На самом деле античные эпитафии составлялись и писались совершенно по-другому.

14

Лукавая цитата из Илиады, где эти слова вложены в уста жреца по имени Лаокоон. (Подробнее см. Гомер. «Илиада».)

15

Мелькарт — верховный бог в Тире. Почитался как покровитель мореплавания и небесный

предводитель финикийской, особенно Тирской, колонизации. В начале весны в Тире справляли обряд пробуждения Мелькарта, обряд пробуждения и воскресения божества. Автор, очевидно, подчеркивает некую связь между тирскими обрядами и легендами о пробуждении от тысячелетнего сна короля Артура.

16

Горгулья — в средневековой архитектуре скульптурное украшение в виде химерического чудовища. Впоследствии — просто замысловатый завиток на здании или храме.

17

Имеются в виду Луна и Солнце.

18

Мандрил — крупная волосатая обезьяна.

19

Койно (греч.) — диалект.

20

Зевс-Волк (лат.). Автор путает. Легенда о боге в волчьем обличье встречается не у греков, а у римлян. Следовательно, надо было писать «Юпитер-Ликанос».

21

Алеппо — древнеазиатский город на побережье Средиземного моря (арабское название — Халеб).

22

Имеются в виду Луна и Солнце.

23

В средневековой астрологии Венера символизировала Малую удачу и влияла на металлы — медь, латунь и бронзу; Юпитер соответствовал Большой удаче; Сатурн управлял временем и влиял на свинец; Марс покровительствовал плавлению металлов; Луна символизировала перемены, зыбкость этого мира.

24

Марс в соединении с Сатурном в Рыбах — хороший преобразующий аспект. Причем преобразование это тайное, скрытое, поскольку Рыбы, по представлениям астрологов, олицетворяют все тайное.

25

Речь идет либо о Венере в Восьмом Доме (который соответствует знаку Скорпиона), либо о Венере, непосредственно находящейся в знаке Скорпиона.

26

Луна в знаке Рака — у себя Дома, и, следовательно, ее проявления будут гармоничны. Все четыре вышеуказанные в тексте планеты оказываются в водных знаках — Рыбах, Раке и Скорпионе, образуя как бы равносторонний треугольник, замкнутый Тригон. Это очень благоприятная ситуация.

27

Венера в Скорпионе к соединению Марса с Сатурном — хороший аспект для того, чтобы взять НЕЧТО, имеющее форму, и растворить это.

28

Планетные часы: в хорарной астрологии (от hour — час) сутки делятся на временные отрезки, каждым из которых управляет та или иная планета. Дома гороскопа символизируют те или иные виды деятельности. Лунные узлы точки пересечения планетарных орбит и эклиптики, используемые в астрологии как дополнительные факторы при определении судьбы. Асцендент — это тот зодиакальный знак, который в момент исследуемого события восходил над горизонтом.

29

На самом деле такого зверя в астрологическом бестиарии не было. Автор просто выстраивает гиперболу, поскольку в переводе с латыни «терион» означает «звериный». Получается «зверь звериный».

30

Четыре символа Небесной Сферы взяты автором из средневековых легенд и восточной мифологии. Мрачный Рыцарь — символ северных стран. Понятие одновременно и европейское, связанное с походами норманно-скандинавских племен, и восточное, имеющее прямое отношение к столкновению египтян с «воинами в черных шкурах», т. е. с кельто-славянскими кланами, добравшимися по морю до Египта. Пурпурный Феникс — в символике средневековья означал Воскресение, Обновление и Свет. Также является древним символом сказочной страны Аравии. Лазурный Дракон и Белый Тигр — образы из средневосточной (Индия, Тибет, Непал) мифологии. Корни этих образов очень древние. Дракон означает духовное начало, природное естество, волю. Тигр — рассудочное начало, менталитет, система табу и запретов, переполняющих бессознательное в человеке. Дракон и Тигр — извечные враги. Позже образ борьбы Дракона и Тигра трансформировался в символ противостояния рассудочного, закомплексованного Запада и медитативного, природного Востока. (Подробнее см. Ницше. «Так говорил Заратустра».)

31

Противостояние Сатурна и Венеры может означать отдаление, разлуку. При этом Венера, скорее всего, обозначает искомую женщину.

32

То есть Корнелию.

33

Поскольку эти Дома находятся на противоположных точках диаметра. И значит, противостоят друг другу.

34

Пятый Дом — Дом наследия человека. В том числе показывает на его детей. Естественно, что дочь Корнелии поместили именно в Пятый Дом. Тогда ее проблема, действительно, окажется в Одиннадцатом Доме, который противостоит Пятому точно так же, как Седьмой противостоит Первому.

35

Вергилий помещает Солнце Лауры в знак Стрельца, управляемый Юпитером. Эзотерическое значение этого знака — обретение глубинной сути (и в этом прослеживается связь с алхимией). Первый Дом Вергилий помещает в знак Льва. Следовательно, Корнелия — Львица. Вергилию неизвестен час рождения Лауры, поэтому он начинает прикидывать, в каком знаке может находиться Асцендент и в конце концов останавливается на Скорпионе, где обитает также благословенная Венера — видимо, «хозяйка» Лауриного гороскопа.

36

Если Асцендент находится в Скорпионе, то Десцендент соответственно попадает в знак Тельца, управляемый все той же Венерой.

37

Орел и Феникс — высшие проявления Скорпиона, преодолевшего себя и возродившегося вновь в иной, более высокой, чистой и могущественной ипостаси.

38

Имеется в виду начало Седьмого Дома, попадающее в знак Близнецов. Меркурий управляет знаком Девы и соответственно Одиннадцатым Домом и знаком Близнецов. И конечно же, Домом Седьмым.

39

Вергилий реализует метод «первичных дирекций» (один из прогностических методов, требующих больших расчетов).

40

Сатурн у принцессы в Рыбах и в Четвертом Доме. Четвертый Дом связан с надиром.

41

Асцендент в Скорпионе. Имеется в виду прохождение Венеры через этот знак.

42

Игра автора. Вообще-то, среда — день Меркурия, покровителя алхимии.

43

Нарочитая игра автора. Бафомет — один из финикийских и карфагенских богов, впоследствии перешедший в средневековые демонологии. Однако в женском облике нигде не зафиксирован.

44

Имеется в виду карта «Маг» Великих Арканов Таро и, как совпадение, приход мага Вергилия.

45

Видимо, речь идет о лунном затмении.

46

Конец Демуту! (лат.)

47

общее название Южных штатов, также Диксиленд

48

бумажные деньги конца XIX века

49

позднее там возник Центральный Парк

50

американский президент, Резерфорд Б.Хейес (1877–1881)

51

руководитель отделения демократической партии в Нью-Йорке, известен злоупотреблениями властью и хищениями

52

Проныра

53

крупный портовый город в Китае на острове Фуцзянь

54

шанхайствовать (жарг.) — отправлять людей матросами в плавание, опоив их

55

Толпа философствующих.

56

Печь для длительного нагревания, изобретенная алхимиками в средние века.

57

небольшой цитрусовый плод со сладкой ноздреватой кожурой и кислой мякотью; название происходит от китайского кам — золотой, кват — оранжевый

58

Кисмет (араб.) — судьба, рок

59

Керманшах — город на западе Ирака, славится ковроткачеством

60

компания, которой принадлежит широкая сеть продовольственных магазинов

61

славой (франц.)

62

«Глазок» (исп.)

63

немедленно

64

кратком изложении

65

сухой кренделек, посыпанный солью

66

Методистско-Епископальной

67

Слава драгоценности лотоса! (Тибетская Книга Мертвых)

68

первобытный человек (нем.)

69

IRT, IND, BMT — различные линии метро в Нью-Йорке

70

Sun — солнце

71

«Ноги» и «Плечи»

72

неполноценная в сексуальном отношении телка, как правило бесплодная, родившаяся вместе с бычком-близнецом

73

публичные дома (исп.)

74

знахарь (исп.)

75

начальник полиции (исп.)

76

мавров (исп.)

77

соломенных чучел, сжигаемых в конце Великого Поста (исп.)

78

господин врач (исп.)

79

Да, конечно (исп)

80

Ай, славно! (исп.)

81

аптека (исп.)

82

котлеты (исп.)

	83
Лесное управление (исп.)	
	84
туалет (исп.)	
	85
господин начальник (исп.)	
	86
шалями (исп.)	
	87
кружевными накидками (исп.)	
	88
мэру города (исп.)	
	89
маленькое ранчо (исп.)	
	90
птички (исп.)	
	91
отварную кукурузу (исп.)	
	92
пирог из кукурузной муки с мясом и специями (исп.)	
	93
пиния (исп.)	
	94
гуапаро, тростниковая водка (исп.)	
	95
неочищенным пульке (исп.)	

	96
таверны, торгующие пульты (исп.)	
	97
крестьянин (исп.)	
	98
приходской священник (исп.)	
	99
касики, крупный землевладелец, местный заправил (исп.)	
	100
тетю (исп.)	
	101
таверна (ам. — исп.)	
	102
бабуля (исп.)	
	103
так (исп.)	
	104
амулет	
	105
общинные поля и выгоны (исп.)	
	106
Божья Матерь Гуаделупе (исп.)	
	107
твой кофе (исп.)	
	108
Хочешь лепешку? (исп.)	

	109
Да, конечно (исп.)	
	110
Ай, славно (исп.)	
	111
пьяницы (исп.)	
	112
Карло — сумасшедший (исп.)	
	113
Ха-ха! Сумасшедший Карло (исп.)	
	114
бензином (исп.)	
	115
бюрократы (исп.)	
	116
Воры. Шлюхины дети (исп.)	
	117
засады (исп.)	
	118
горожан (исп.)	
	119
население (исп.)	
	120
начальник (исп.)	
	121
господин начальник (исп.)	

122

Парень! (исп.)

123

господин (исп.)

124

эксцентричного или устаревшего (франц.)

125

«Исчислил Бог царство твое и положил конец ему»; Книга Пророка Даниила 5: 6–8, 13, 16, 17, 25-30

126

сорт виски

127

одна из самых известных хрестоматий для школьников

128

по древнегреческому поверью, сны, которым суждено было сбыться, проходили через ворота, сделанные из рога, а сны, которым сбыться не суждено, — через ворота из слоновой кости

129

маленький островок в Нью-Йорке, рядом с Лонг-Айлендом, место для отдыха, известное тем, что там собираются гомосексуалисты

130

твердые глазированные булочки в форме пончика

131

винными погребками, креольскими харчевнями (исп.)

132

блюдо греческой кухни из баклажанов

133

слоеный пирог с грецкими орехами

134

сорт сыра

135

экстрасенсорное восприятие

136

под бобрик (франц.)

137

подходящего слова (франц.)

138

на пару, на равных (франц.)

139

неодолимые силы (франц.)

140

колледж в штате Вермонт, один из самых дорогих в США

141

Элеоноры Рузвельт: насыщенный синий цвет

142

Метрополитен Опера

143

Мартин Виноградник, место в Новой Англии, где расположены загородные дома очень богатых людей